

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА

О. Р. Т. З.

Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА,
В. И. ПИЧЕТА.

1812 - 1912

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ.

Томъ III.

Издание Т-ва И. Д. Сытина.

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

В. П. Алексѣевъ, С. Ан—скій (Рапопортъ), ген. А. Н. Апухтинъ, проф. полк. А. К. Баіовъ, П. А. Берлинъ, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, И. Н. Бороздинъ, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, прив.-доц. В. А. Бутенко, прив.-доц. Н. П. Василенко, А. М. Васютинскій, полк. Н. П. Вишняковъ, К. А. Военскій, В. П. Волгинъ, Л. И. Гальберштадтъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. И. М. Громогласовъ, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ - Запольскій, Е. А. Ефимова, Д. А. Жариновъ, проф. И. И. Замотинъ, И. Н. Игнатовъ, А. К. Кабановъ, В. В. Каллашъ, проф. Н. И. Карѣевъ, И. М. Катаевъ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, полк. А. А. Кожевниковъ, Л. С. Козловскій, П. Н. Колокольниковъ, проф. ген. Б. М. Колюбакинъ, проф. бар. С. А. Корфъ, К. С. Кузьминскій, прив.-доц. І. М. Кулишеръ, С. Г. Лозинскій, проф. И. В. Луцицкій, проф. полк. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, С. П. Мельгуновъ, Н. М. Мендельсонъ, проф. ген. Н. П. Михневичъ, В. Н. Перцовъ, прив.-доц. В. И. Пичета, проф. А. Л. Погодинъ, К. В. Покровскій, проф. М. А. Рейснеръ, проф. М. Н. Розановъ, кап. А. А. Рябининъ, И. С. Рябининъ, проф. В. И. Семевскій, К. В. Сивковъ, Н. П. Сидоровъ, полк. Д. П. Струковъ, проф. Е. В. Тарле, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В. В. Филатовъ, И. М. Херасковъ, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, П. Е. Щеголевъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, подполк. В. П. Ое-
доровъ и др.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1912.

О Г Л А В Л Е Н І Е І І І Т О М А .

Стр.

Наполеонъ и его сподвижники.

I.	Наполеонъ. А. К. Дживелеговъ.	1
II.	Наполеонъ, какъ полководецъ. А. А. Рябининъ.	17
III.	Военныя силы Наполеона.	40
	1. Составъ „великой арміи“. В. А. Бутенко.	—
	2. „Наполеоновскій солдатъ“ А. М. Васютинскій.	50
IV.	Военачальники Наполеона. А. М. Васютинскій.	55

Русская армія и ея вожди.

I.	Армія въ 1805—1814 гг. А. А. Кожевниковъ.	64
II.	Вожди арміи.	84
	1. Барклай-де-Толли и Багратионъ. С. П. Мельгуновъ.	90
	2. Дохтуровъ, Ермоловъ, Чичаговъ, Милорадовичъ, Раевскій, Коновницынъ, Витгенштейнъ, Платовъ, Тормасовъ и Винцингероде. В. П. Оеодоровъ.	99
	3. Беннигсенъ. В. П. Оеодоровъ.	112
III.	Отношеніе Имп. Александра I къ Отечественной войнѣ и его роль въ ней. М. В. Довнаръ-Запольскій.	115

Первый періодъ войны.

I.	Подготовка Россіи къ войнѣ и разрывъ. В. П. Оеодоровъ.	130
II.	Расположеніе русскихъ военныхъ силъ. Н. П. Мухомевъ.	138
III.	Вторженіе. Планъ Наполеона. А. К. Дживелеговъ.	142
IV.	Наполеонъ и Польша.	148
	1. Занятіе Польши. А. Л. Погодинъ.	—
	2. Польская конфедерація въ 1812 г. В. П. Пичета.	154
V.	Наполеонъ и Литва. А. Л. Погодинъ.	162
VI.	Первыя впечатлѣнія войны. Манифесты. Д. А. Жарниковъ.	170
VII.	Отъ Вильны до Смоленска. Взятіе Смоленска. Е. Н. Щепкинъ.	180
VIII.	Дѣйствія на флангахъ. К. А. Са-сскій.	194
IX.	Ходъ войны на главномъ театрѣ дѣйствій въ періодъ съ 8 по 17 августа. Б. М. Колюбакинъ.	198

Рисунки, помѣщенные въ III томѣ на отдѣльныхъ листахъ.

1. Наполеонъ-консулъ (И в о н ѣ).
 2. Наполеонъ (В е р е щ а г и н ѣ).
 3. Первый консулъ посѣщаетъ монастырь на С.-Бернарѣ (Л е б е л ь).
 4. Наполеонъ посѣщаетъ раненыхъ.
 5. Наполеонъ и гвардія (Е. К р о ф т с ѣ).
 6. Французскія войска при Наполеонѣ.
 7. Смерть ген. Морсо (Б у т н ы н ѣ).
 8. Мюратъ при Эйлау (Б р и с с е).
 9. Послѣ битвы (О р л о в с к і й).
 10. П. П. Коновницынъ (С.-О б е н ѣ).—Д. С. Дохтуровъ (Д а у).
 11. А. П. Тормасовъ, Ф. Ф. Випцингероде (Д а у).
 12. Барклай-де-Толли (Д а у).
 13. А. П. Ермоловъ (Д а у).
 14. Ген. Милорадовичъ, П. И. Багратионъ (Т р о п и н н ы ѣ).
 15. М. И. Платовъ (Р о м б а у е р ѣ), Н. Н. Раевскій (Р о с с и).
 16. Л. Л. Бенингсенъ (Д а у), П. X. Витгенштейнъ.
 17. Вожди русской арміи
 18. Планъ распредѣленія продовольственныхъ пунктовъ къ началу войны 1812 г.
и Планъ расположенія русскихъ военныхъ силъ въ мартѣ 1812 г.
 19. Переходъ черезъ Нѣманъ 12 іюня 1812 г.
 20. Даву и Удино (изъ собр. въ Версалѣ).
 21. Мюратъ и Ней (изъ собр. въ Версалѣ).
 22. Военачальники Наполеона.
 23. Манифестъ 6 іюля 1812 г.
 24. Объявленіе „Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ“ 6 іюля 1812 г.
 25. Планъ похода Наполеона въ Россію въ 1812 г. Карта дѣйствій на Волынѣ и гр.
Витгенштейна.
 26. Наполеонъ подѣ Смоленскомъ 5 авг. 1812 г. (Гессе).
 27. Подѣ Смоленскомъ 5 авг. (Лонглюа).
 28. Маршалы Наполеона.
 29. „Брань подѣ Краснымъ“. „Брань подѣ Смоленскомъ“. Два рисунка изъ лагер-
ной жизни (П. А. Ѳедотовъ).
 30. М. П. Голенищевъ-Кутузовъ (Д а у).
-

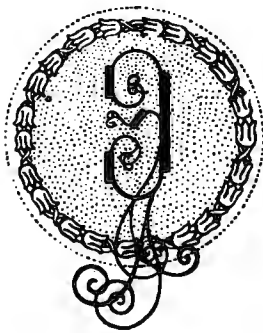

(Карикатура Неваховича. 1855 г.).

НАПОЛЕОНЪ И ЕГО СПОДВИЖНИКИ.

І. Наполеонъ.

А. К. Дживелегова.

то было при Лоди, 10 мая 1796 года. Генералу Бонапарту необходимо было перейти Адду въ тотъ же день, чтобы отрѣзать большой непріятельскій отрядъ. Мостъ черезъ рѣку защищали австрійцы, подъ начальствомъ ген. Себотендорфа. Переходъ былъ почти невозможенъ. Себотендорфъ выставилъ противъ моста батарею въ три десятка орудій, которая грозила засыпать картечью всякую атакующую колонну. Сейчас же за артиллеріей стояла пѣхота. Бонапартъ, тѣмъ не меньше, рѣшилъ завладѣть переправою. Онъ приказалъ начальнику кавалеріи ген. Бомону перебраться на другой берегъ двумя верстами выше съ батареей легкой артиллеріи и напасть на правый флангъ непріятеля. Самъ онъ собралъ всѣ пушки, которыя у него были, и велѣлъ открыть огонь по непріятельской артиллеріи. Въ то же время за городскимъ валомъ, который окаймлялъ рѣку, онъ построилъ гренадеръ Ожеро въ атакующую колонну. Такъ какъ австрійская пѣхота, укрываясь отъ огня французской артиллеріи, отошла довольно далеко отъ батареи, обстрѣливавшей мостъ, то гре-

надеры оказались ближе къ непріятельскимъ пушкамъ, чѣмъ ихъ собственная пѣхота. Канонада гремѣла безъ перерыва. Выждавъ, пока австрійскія пушки, осыпаемыя французскими ядрами, ослабили огонь, а Бомонъ нападеніемъ справа отвлекъ вниманіе Себотендорфа, Бонапартъ приказалъ бить атаку. Голова гренадерской колонны простымъ поворотомъ налѣво очутилась на мосту, пронеслась черезъ него почти безъ потерь, мигомъ овладѣла пушками непріятеля, обрушилась на пѣхоту, опрокинула ее и обратила въ бѣгство. Себотендорфъ потерялъ, кромѣ артиллеріи, около 2.500 чел. плѣнными и нѣсколько тысячъ убитыми. Потери французовъ составляли едва 200 чел. Ломбардія была открыта для Бонапарта. Сокрушительный ударъ былъ задуманъ и нанесенъ съ такой геніальной простотой, всѣ окружающіе такъ горячо поздравляли Бонапарта съ этой побѣдой, что двадцатисемилѣтній генераль задумался самымъ серьезнымъ образомъ. Въ «*Mémorial de St. Hélène*» (I, 193) мы читаемъ слѣдующую фразу: «Вандемьеръ и даже Монтенотте¹⁾ еще не давали мнѣ мысль считать себя человѣкомъ высшаго порядка (*un homme supérieur*). Только послѣ Лоди у меня явилась идея, что и я, въ концѣ-концовъ, могу быть дѣйствующимъ лицомъ на нашей политической сценѣ. Тогда-то зародилась первая искра высокаго честолюбія». То же, въ нѣсколько иныхъ словахъ, повторяется въ «*Récits de la captivité*» (II, 424): «Только въ вечеръ сраженія при Лоди я сталъ считать себя человѣкомъ высшаго порядка и во мнѣ загорѣлась честолюбивая мысль—свершить дѣла, о которыхъ до тѣхъ поръ я думалъ только въ минуты фантастическихъ мечтаній».

Для человѣка, одареннаго большой волей и дѣйствительно неистребимымъ честолюбіемъ, прійти къ такому заключенію значило очень много. Время было такое, что ни одна возможность не представлялась несбыточной. Революція разрушила всѣ преграды къ быстрому движенію впередъ. Дарованіямъ всякаго рода открылась широкая дорога. Особенно легко выдвигала армія, ибо армія была главнымъ жизненнымъ нервомъ и республики и революціи. И кто не предсказывалъ въ 1790—96 годахъ, что революція кончится «саблей», т.-е. военной диктатурой? Бонапарту, который понималъ очень хорошо родной ему духъ революціи и великопльно зналъ о предсказаніяхъ насчетъ диктатуры, нужно было только увѣрять въ себя и въ свои силы, чтобы начать линію своей личной политики, эгоистической, направленной къ опредѣленной цѣли, превращающей и войну, и побѣду, и республику, и революцію въ простыя средства для достиженія этой цѣли.

Лоди дало ему эту вѣру, и въ день Лоди въ молодомъ генералѣ зачатъ былъ будущій императоръ французовъ²⁾. Много, конечно, было

¹⁾ О 13 вандемьера см. т. I, въ статьѣ „Революція и Бонапартъ“. Монтенотте—мѣстечко въ Пьемонтѣ, гдѣ Бонапартъ одержалъ первую рѣшительную побѣду надъ соединенной австро-сардинской арміей Болие. Союзная армія, какъ гигантской бритвой, была разрѣзана на двѣ части: австрійцы отброшены въ Ломбардію, сардинцы—къ Турину. Потомъ онъ билъ ихъ отдѣльно.

²⁾ Немного больше году прошло между Лоди и Леобеномъ, а Наполеонъ уже обнаруживаетъ очень большую предусмотрительность. Французскіе республиканцы громко аплодировали ему, когда онъ отвѣтилъ австрійскимъ уполномоченнымъ на ихъ предложеніе признать республику: „Республика, какъ солнце! Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто ея не видитъ“. Именно, республиканцамъ нужно было радоваться этой фразѣ меньше, чѣмъ кому-нибудь, ибо она была сплошь лицемеріе. Потомъ Наполеонъ объяснилъ, почему онъ не хотѣлъ формальнаго признанія. Онъ боялся, какъ бы не вышло затрудненій со стороны Австріи въ тотъ моментъ, когда республика должна была перестать существовать.

необходимо для того, чтобы генераль сдѣлался императоромъ. И прежде всего нужно было, чтобы арена для его дерзаній оказалась свободной отъ соперниковъ. Въ этомъ отношеніи Бонапартъ былъ необыкновенно счастливъ. Изъ крупныхъ военныхъ вождей революціи къ рѣшительному для него моменту остался, можно сказать, одинъ—Массена. Дюмурье ликвидировалъ себя раньше всѣхъ, Пишегрю пошелъ такой дорогой, которой можно было прійти на гильотину, а не на престолъ. Гошъ—самый крупный, не уступавшій ни умомъ, ни характеромъ, ни военными дарованіями Бонапарту, умеръ въ 1797 г. Журданъ скомпрометировалъ себя слишкомъ тѣсными связями съ якобинцами. Моро, такой хладнокровно-расчетливый передъ лицомъ врага, совсѣмъ потерялъ голову послѣ брюмерскаго переворота и не сумѣлъ изъ блеска Гогенлинденской побѣды соткать себѣ ореолъ національнаго героя. Тѣ, съ которыми Бонапарту,

Бонапартъ въ Бріенской школѣ (1782).

несомнѣнно, пришлось бы считаться: Марсо, Жуберъ, Клеберъ, Дезе, были убиты или до брюмера, какъ двое первыхъ, или очень скоро послѣ него, какъ оба героя египетской экспедиціи: точно честолюбивая мечта Бонапарта направляла и австрійскія пули и кинжалъ каирскаго фанатика ¹⁾. Массена, оставшійся въ живыхъ, при колоссальномъ военномъ дарованіи, былъ совершенно лишенъ той культуры ума и характера, которая могла бы сдѣлать изъ него опаснаго соперника для Бонапарта. Другіе—Ланнъ, Даву, Ожеро, Бернадотъ, Бертъе, Ней, Мюратъ, не говоря уже объ остальныхъ, никогда и не могли претендовать на самостоятельную политическую роль. Изъ перечисленныхъ генераловъ многіе могли равняться съ Бонапартомъ военнымъ гениемъ: Клеберъ, Моро,

¹⁾ Соучастіе Бонапарта въ убійствѣ Клебера, конечно, басня, измышленная его врагами.

Массена, особенно Гошъ. Многіе превосходили его красотою характера, республиканской искренностью, прямою. Но ни у кого изъ нихъ не соединялось такъ много талантовъ, необходимыхъ для правителя, никто изъ нихъ, исключая опять-таки, быть-можетъ, только Гоша, на мѣстѣ Бонапарта, не сумѣлъ бы сдѣлать большаго. Гошъ былъ честнѣе; въ немъ совсѣмъ не было эгоизма. Но зато онъ былъ лишень спартанскаго безстрастія Бонапарта и его стоической выдержки: онъ былъ эпикуреецъ. поэтъ и рабъ наслажденій. Въ цѣломъ Наполеонъ былъ крупнѣе. На великой стѣнѣ исторіи, гдѣ запечатлѣваются тѣни титановъ въ чело-вѣчествѣ, та, которую отбрасываетъ маленькая фигурка его, во всякомъ случаѣ одна изъ самыхъ грандіозныхъ.

Нужно ли, какъ это дѣлаетъ Тэнъ, производить антропологическія изысканія, чтобы объяснить появленіе Наполеона? Нужно ли вызывать тѣни Сфорцы, Пиччинино, Карманьолы, Гаттамелаты и другихъ итальянскихъ кондотьеры, чтобы понять титаническую мощь Наполеона? Нужно ли выдвигать предположеніе, что одряхлѣвшая въ Италіи порода людей, на Корсикѣ, какъ въ питомникѣ, окрѣпла вновь и дала свой новѣйшій гигантскій отпрыскъ въ лицѣ Наполеона? Параллель съ кондотьеры, конечно, интересна и законна, но въ ней нѣтъ элементовъ научнаго анализа. Она хороша, какъ интуитивное подспорье къ научному анализу,— не больше. Да едва ли и есть необходимость выдвигать эту своеобразную теорію аватара. Революція сама по себѣ объясняетъ два главныхъ момента, создавшихъ Наполеона: и то, что онъ получилъ возможность развернуть свои сверхъестественныя дарованія, и то, что сдѣлалъ такую волшебную карьеру. Ибо и то и другое имѣло параллели. Многіе изъ перечисленныхъ выше генераловъ умерли бы въ нижнихъ чинахъ, если бы не революція. Благодаря революціи, они вытянулись во весь ростъ. Да не только генералы. Развѣ аббатъ Сійесъ могъ при старомъ порядкѣ мечтать сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь? Развѣ превращеніе епископа Отенскаго въ герцога Дино и князя Беневентскаго не было тоже чудомъ, возможнымъ лишь благодаря революціи? А если говорить о карьерѣ, то вѣдь революція вознесла не только Наполеона. Сульть едва не сдѣлался королемъ португальскимъ, Бернадотъ основалъ династію въ Швеціи, Евгенийъ Богарне сталъ родоначальникомъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ. Психологически и политически Наполеонъ созданъ революціей, и нѣтъ нужды тревожить память кондотьеры для объясненія его.

Бываютъ геніальные люди, лишеныя характера, воли, работоспособности. Бонапарту все это было дано щедрою рукою. Поэтому мысли, зарождавшіяся въ его головѣ, сейчасъ же начинали претворяться въ дѣйствительность, и не было того препятствія, котораго онъ не могъ бы одолѣть. Именно эта печать дѣйствительнаго генія, несокрушимой воли, направленной огромнымъ умомъ, которую окружающіе видѣли на его челѣ, создавала ему его власть надъ людьми. Въ немъ не было того произвольнаго, не зависящаго отъ чело-вѣка обаянія, которое какъ-то само собою покоряетъ всѣхъ, безъ того, чтобы приходилось дѣлать усилія. Но когда онъ хотѣлъ, онъ становился неотразимъ, и не было чело-вѣка, который устоялъ бы противъ него. Когда его назначили главнокомандующимъ итальянской арміей въ 1796 году, генералы, которые были

старше его, рѣшили между собою проучить «выскачку» при первой же встрѣчѣ. Ожеро, головорѣзъ и забіяка, не знавшій, что значить оробѣть при какихъ бы то ни было условіяхъ; Массена, человѣкъ огромнаго самообладанія и безумной смѣлости; Серрюрье, Лагарпъ, герои, видѣвшіе не разъ смерть лицомъ къ лицу, составили своего рода заговоръ противъ «молоко-соса». Когда они выходили послѣ первой аудіенціи, они были сконфужены. Ожеро, удивленный тѣмъ, что произошло, говорилъ Массенѣ, разводя своими длинными руками: «Не могу понять, что со мною сдѣлалось: только и никогда ни передъ кѣмъ не приходилъ въ такое смущеніе, какъ передъ этимъ маленькимъ генераломъ». Массена молчалъ, ибо ощущалъ то же. Зато позднѣе и Ожеро, и Массена, и всѣ, кто былъ подъ его командою, по одному его слову дѣлали чудеса. Подъ Арколе, когда въ первый день боя Бонапарту необходимо было форсировать переправу, чтобы напасть съ тылу на Альвинци, когда онъ самъ, схвативъ знамя, бросился на мостъ, осыпaeмый австрійскими пулями,—кто только не поспѣшилъ выручать его. Несчастный Мюиронъ, который тутъ же былъ пронизанъ пулями, прикрывавая его; Ланнъ, раненый передъ тѣмъ, трижды раненъ снова въ то время, какъ бросился къ нему на помощь. Генералъ Робертъ убитъ, Виньольтъ, Беліаръ ранены. И это неотразимое обаяніе дѣйствовало на подчиненныхъ еще долго потомъ. Стоило Наполеону въ разгаръ боя кинуть фразу Мюрату, и тотъ, бросивъ на руки адъютанту свою шляпу съ чудовищными страусовыми перьями, весь сверкая золотомъ, съ однимъ хлыстомъ въ рукѣ, летѣлъ на врага во главѣ своихъ кирасиръ, опрокидывалъ кавалерію, врѣзывался въ карре, сметалъ все на своемъ пути, словно застрахованный отъ пуль и картечи. И Мюратъ вовсе не былъ исключеніемъ. Не только храбрецы, какъ Ланнъ или Ней, не только спокойно-мужественный Даву, но и Мармонъ, не любившій рисковать собою, и Бернадотъ, который передъ каждой атакой соображалъ, что она можетъ ему принести,—дѣлали то же. Мутонъ чуть не въ пять минутъ бралъ приступомъ городъ, Марбо въ темную, бурную ночь переправлялся черезъ Дунай, чтобы привезти «языка», «ворчуны» старой гвардіи умирали, но не сдавались. И всѣ безъ исключенія бывали на верху блаженства, получивъ въ награду ласковый щипокъ за ухо. Наполеонъ былъ такъ увѣренъ, что для него его маршалы и генералы сдѣлаютъ невозможное, что полагался на самое смѣлое ихъ заявленіе. Подъ Аустерлицемъ онъ спрашиваетъ Сульта, сколько времени ему нужно, чтобы занять Праденскую возвышенность, т.-е. пунктъ, отъ обладанія которымъ зависитъ успѣхъ

Карло Бонапартѣ, отецъ Наполеона.

его плана. «Двадцать минут самое большее», отвѣчаетъ тотъ. «Тогда подождемъ еще четверть часа», спокойно говоритъ императоръ, хотя онъ знаетъ, что Даву изнемогаетъ на правомъ флангѣ. И Сультъ сдержалъ свое обѣщаніе. Когда ему нужно было покорить человѣка, онъ пускалъ въ ходъ все свои чары, и никто, за рѣдкими исключеніями, не умѣлъ устоять противъ нихъ, даже холодно-расчетливый Меттернихъ, даже «византіецъ» — Александръ. Сила обаянія стала падать, когда самъ Наполеонъ отяжелѣлъ и началъ надѣяться, что богатства и почести могутъ дѣлать то, что дѣлали прежде любовь и преданность. Между тѣмъ новая метода, наполняя сознаніемъ личнаго благополучія, вселяла опасеніе, что это благополучіе не будетъ использовано до конца, порождала эгоистическія чувства, вытравляла порывъ, отнимала энергію и очень часто, особенно въ періодъ упадка, когда переставалъ дѣйствовать еще одинъ стимулъ — страхъ, отдаляла отъ Наполеона самыхъ близкихъ людей, безумно любившихъ его раньше. Стоитъ вспомнить безобразную сцену въ Фонтенебло въ дни отреченія, когда маршалы, утратившіе страхъ и не рассчитывающіе больше ни на новыя богатства ни на новыя почести, толкали императора на путь безславія.

Обаяніе Наполеона тѣмъ и было непохоже на обаяніе другихъ людей, что въ немъ причудливо и капризно преломлялись лучи генія. Ихъ было много, этихъ лучей, и трудно сказать, какой изъ нихъ былъ ярче, какое дарованіе господствовало. Мы не можемъ долго останавливаться на Наполеонѣ, какъ полководцѣ: этотъ вопросъ составляетъ содержаніе особой статьи. Только для того, чтобы полнѣе освѣтить весь его обликъ, приходится въ нѣсколькихъ словахъ коснуться и его военного генія. Здѣсь, какъ и во всемъ, поражало соединеніе двухъ трудно-соединяющихся вещей: творческой, если только можно воспользоваться этимъ словомъ, силы и самой кропотливой черной работы. Чтобы сдѣлать итальянскую армію способной быть орудіемъ своей молніеносной тактики, онъ прежде всего одѣлъ, обулъ, накормилъ ее и снабдилъ всемъ необходимымъ. Чтобы добиться этого, онъ во все входилъ самъ: пробовалъ хлѣбъ, мясо; смотрѣлъ кожу для сапогъ, сукно для шинелей, сѣдла; вымѣривъ размѣръ груди и длину въ рубахахъ; безошибочно опредѣлялъ, сколько сна воруетъ подрядчикъ; всѣхъ приструнивалъ, всѣхъ подтягивалъ. И когда все было готово, грянули одинъ за другимъ: Монтенотте, Миллезимо, Мондови, Лоди, Кастильоне, Арколе, Риволи, Тальяменто... Одно обусловливалось другимъ. Въ этомъ была его система. Для него не существовало скучныхъ вещей въ военномъ дѣлѣ. «Ваши донесенія о штабахъ читаются, какъ прекрасная поэма», пишетъ онъ генералу Лакюэ. И нѣтъ ни одного уголка въ сложномъ военномъ механизмѣ, который представлялъ бы для него какіе-нибудь секреты. «На войнѣ нѣтъ ничего, — говоритъ онъ, — чего я не могъ бы сдѣлать самъ. Если нѣтъ никого, кто могъ бы приготовить порохъ, я приготовлю его; лафеты для пушекъ, я ихъ смастерю; если нужно отлить пушки, я велю ихъ отлить»... ¹⁾ Онъ былъ и собственнымъ начальникомъ штаба и собственнымъ главнымъ интендантомъ. А въ стратегическомъ маневрированіи и тактическомъ ударѣ

¹⁾ A. Levy, „Napoléon intime“, éd. Nelson, стр. 481 слѣд.

онъ творилъ, какъ художникъ. Мы видѣли, какъ была выиграна битва при Лоди. Кастильоне, гдѣ рѣшилась судьба первой кампаніи Вурмзера, явилось результатомъ гениальнаго маневрированія, которое дало Бонапарту возможность уничтожить втрое сильнѣйшаго врага. То же было и при второй кампаніи Альвинци, завершившейся Риволи. Французской кампаніи 1814 года, гдѣ Наполеонъ былъ въ десять разъ слабѣе союзниковъ, наступавшихъ на него (60 тыс. противъ 600 тыс.), и гдѣ онъ все-таки одерживалъ надъ ними такія блистательныя побѣды, какъ при Монтеро и Шампоберъ, гдѣ каждое его пораженіе было все-таки шедевромъ,—этой кампаніи одной было бы достаточно, чтобы покрыть неувядаемой славой любого полководца. А наполеоновская тактика? Арколе, которое дѣйствительно было чѣмъ-то въ родѣ пѣсни Иліады, Риволи, Тальяменто, Пирамиды, Оаворъ, Абукиръ, потомъ Маренго, Ульмъ, Аустерлицъ, Іена, Фридландъ, Ваграмъ. Міръ весь затихалъ въ страхъ, когда онъ, какъ буря, проносился по Европѣ во главѣ своихъ желѣзныхъ легіоновъ, спѣрымъ пятномъ выдѣляясь на фонѣ золотыхъ и красныхъ мундировъ своего штаба, не зная, что такое неудача. Словно богиня побѣды была прикована къ колесу пушечнаго лафета и не могла отлетѣть отъ великой арміи, словно сама Фортуна была маркитанткою у гренадеръ Удино. Такимъ древніе скандинавы представляли себѣ Одина во главѣ «неистоваго воинства», когда онъ, верхомъ на своемъ восьминогомъ бѣломъ конѣ, леталъ по воздуху, сокрушая все на своемъ пути.

Бонапартъ (Давида).

Изъ всѣхъ наполеоновскихъ сраженій едва ли не наиболее типичнымъ былъ Аустерлицъ, ибо въ немъ сказывается лучше всего настоящая наполеоновская манера. 30 ноября 1805 года, когда онъ уже отступилъ отъ Праденскихъ высотъ и разгадалъ обходное движеніе непріятеля противъ его праваго фланга, онъ выпхалъ обозрѣть мѣстность и сказалъ окружающимъ, глядя на Праденскую возвышенность: «Если бы я хотѣлъ

помпшати непріятелю обойти мой правый флангъ, я занялъ бы позицію на этихъ превосходныхъ высотахъ. Тогда у меня получилось бы самое обыкновенное сраженіе. Правда, у меня было бы преимущество въ позиціи. Но, не говоря уже о томъ, что я рисковалъ бы начать дѣло уже 1 декабря (т.-е. пока не подошли ожидаемыя въ ночь на 2-е подкрѣпленія), непріятель, видя нашу позицію передъ собою, сдѣлалъ бы только мелкія ошибки. А когда имѣешь дѣло съ генералами, мало опытными въ большой войнѣ, нужно стараться пользоваться ошибками капитальными». И вмѣсто того, чтобы оставаться на отличныхъ позиціяхъ Праценской возвышенности и вызвать союзниковъ на фронтальную атаку, которая, несомнѣнно, кончилась бы для атакующихъ неудачей, онъ очистилъ Праценъ, внушилъ этимъ непріятелю мысль о своей слабости и толкнулъ его на обходъ своего праваго фланга. Это была ловушка, которая подвергала риску его самого, но она дала въ результатъ не «обыкновенное сраженіе», а блистательную побѣду. Полк. Йоркъ фонъ-Вартенбургъ («Napoleon als Feldherr», I, 230) говоритъ, что если бы такая диспозиція была принята на маневрахъ, она вызвала бы противъ себя рѣзкую критику, что противъ нея говорятъ вообще всѣ основанія раціональнаго военнаго искусства. Наполеонъ рѣшилъ ослабить свой правый флангъ и, ослабленный, подвести его подъ ударъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ только въ сознаніи того, что непріятель надѣлаетъ достаточно «капитальныхъ ошибокъ». Такъ и было. Наоборотъ, при Ваграмѣ, когда Аспернъ и Эслингъ научили его уважать эрцг. Карла, онъ умышленно сдѣлалъ «самое обыкновенное сраженіе», гдѣ онъ не рисковалъ почти совсѣмъ, гдѣ все было результатомъ точнаго подсчета. Этихъ вещей онъ старался избѣгать. Какъ поэтъ войны, онъ любилъ дать волю своей фантазіи и нимало не смущался тѣмъ, что полетъ его фантазіи покрывалъ трупами безбрежныя поля.

Такова была особенность его генія вообще. Онъ подготовлялъ все путемъ систематичной, кропотливой черной работы, а потомъ гдѣ-то въ таинственныхъ глубинахъ вспыхивала мысль, и при свѣтѣ ея все сдѣланное раньше получало душу и художественно-законченный обликъ.

Работоспособность у него была совершенно нечеловѣческая. Онъ одинъ дѣлалъ то, что было едва ли подъ силу сотнѣ людей, и на войнѣ и въ мирное время. Онъ могъ довольствоваться двумя-тремя часами сна въ сутки и могъ не спать совсѣмъ трое сутокъ, какъ при Арколе. «Нужно было,—говорилъ адъютантъ Наполеона, генераль Раппъ,—быть изъ желѣза, чтобы выдерживать все это. Мы выходили изъ кареты только для того, чтобы сѣсть верхомъ, и оставались на лошади иной разъ десять-двѣнадцать часовъ подъ рядъ». Это относится къ походу 1800 г. Въ 1806 г. самъ Наполеонъ писалъ Жозефинѣ: «Мнѣ приходится дѣлать двадцать-двадцать пять лье (т.-е. до 100 верстъ) въ день верхомъ, въ каретѣ и вообще повсякому». Для того, чтобы заниматься внутренними дѣлами государства,—онъ никогда не забывалъ о нихъ во время походовъ—ему оставались ночные часы и часы, проводимые въ каретѣ. И все-таки успѣвалъ послать инструкціи въ Парижъ обо всемъ, кончая театральными мелочами. То же происходило и въ мирное время. Достаточно просмотрѣть два-три его письма министрамъ изъ эпохи консульства, чтобы убѣдиться, какъ мало от-

дыхала эта необыкновенная голова. Вотъ, напимърь, одно изъ посланій къ военному министру: «Я желаю немедленно знать, гражданинъ министръ: 1) какими средствами вы пользуетесь для ремонта кавалеріи? 2) Получили ли генераль Гарданъ и другіе офицеры изъ англійской арміи приказъ быть на мѣстахъ 24 тек. мѣсяца? 3) Когда я получу свѣдѣнія насчетъ нашего законодательства о производствѣ въ различныхъ родахъ войскъ? 4) Когда я получу докладъ о современномъ положеніи артиллерійской и инженерной школъ? 5) Когда я получу докладъ о состояніи нашей военной юстиціи? 6) Докладъ объ организаціи артиллерійскихъ экипажей? 7) Докладъ о законахъ, регламентахъ и обычаяхъ, установленныхъ для отчетности различныхъ частей общественной службы? 8) Докладъ о законахъ, регулирующихъ уплату жалованія войскамъ? 9) Докладъ о воинской повинности? 10) Докладъ о военныхъ наградахъ за 26 нивоза?». Такія же письма получали министръ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и проч. Имъ предписывалось ежедневно къ 10 ч. вечера присылать первому консулу доклады о текущихъ дѣлахъ по ихъ вѣдомствамъ. Ибо, проведя день въ пріемахъ и аудіенціяхъ, смотрахъ и выпздахъ, засѣданіяхъ и работахъ съ секретарями, уставъ отъ безконечной дѣловой переписки, Наполеонъ поздно вечеромъ собиралъ совѣтъ министровъ и держалъ ихъ часто до свѣту. А когда они приходили въ изнеможеніе и опускали свои головы на столъ, онъ весело подбадривалъ ихъ: «Ну, ну, граждане-министры, давайте просыпаться: всего 2 часа утра; нужно честно зарабатывать деньги, которыя платитъ намъ французскій народъ». И однажды, когда мать его, беспокоясь за его здоровье, прибыгла къ содѣйствію Корвизара, его постояннаго врача, Наполеонъ, узнавшій объ этомъ, говорилъ брату: «Бѣдный Корвизаръ? Онъ только этимъ теперь и занятъ. Но я ему доказалъ, какъ дважды два четыре, что мнѣ необходимо занять ночь,

Автографъ Бонапарта.

чтобы пустить какъ слѣдуетъ мою лавочку, потому что дня не хватаетъ. Я бы предпочелъ отдыхъ, но разъ воля запряжена, нужно, чтобы онъ работалъ по-настоящему». А на робкія просьбы окружающихъ—беречь себя, Наполеонъ неизмѣнно отвѣчалъ: «Это мое ремесло, дѣти! Ничего не подѣлаешь» ¹⁾).

Разумѣется, не будъ у него еще и другихъ качествъ, эта титаническая работоспособность, можетъ-быть, и не приводила бы къ такимъ результатамъ. Но неисчерпаемость рабочей энергіи была дана ему не одна. У него была, кромѣ того, колоссальная память и, что еще важнѣе, умѣніе быстро разбираться въ каждомъ вопросѣ, даже совсѣмъ незнакомомъ, и сейчасъ же схватывать его практическую суть.

Профили Наполеона, римскаго короля и Маріи-Луизы.

То, что онъ однажды узналъ, онъ уже не забывалъ никогда. Мельчайшія детали войсковыхъ штатовъ запечатлѣны у него въ головѣ, какъ молитва. Однажды онъ читаетъ въ докладѣ, что корпусной командиръ требуетъ для одного изъ своихъ полковъ 1.500 паръ сапогъ. Онъ пишетъ: «Это смѣшно: въ полку подъ ружьемъ всего 1.200 чловѣкъ». Другой разъ, просматривая отчетъ о количествѣ орудій въ разныхъ корпусахъ, онъ дѣлаетъ попытку, что забыли упомянуть двѣ пушки, находящіяся въ Остенде (Levy, тамъ же). Шапталъ («Souv.», 336) рассказываетъ, что въ одной вѣдомости о продовольствованіи войскъ на пути его вниманіе привлекла статья, гдѣ говорилось о какомъ-то полкѣ, стоявшемъ въ Фонтене. «Здѣсь ошибка, — сказалъ онъ генералу, представившему вѣдомость. — Этотъ полкъ въ Фонтене не былъ; изъ Рошфора онъ прошелъ въ Испанію, минуя Фонтене». Нечего и говорить, что онъ отлично помнилъ расположеніе всѣхъ частей не только во время войны, но и въ мирное время. Такая же щепкая память была у него на финансовые вопросы, на лица, на мѣстности, особенно на мѣстности, и было очень трудно ввести его въ заблужденіе, положившись на то, что онъ что-нибудь забылъ. Наполеонъ не забывалъ.

Даже въ такихъ вопросахъ, которые были новы ²⁾ для него, онъ не терялся никогда. Если что-нибудь было для него не вполнѣ ясно, онъ спрашивалъ; спрашивалъ до тѣхъ поръ, пока все укладывалось въ его головѣ. На эти вещи онъ не жалѣлъ ни времени ни силъ. «Наполеонъ, — рассказываетъ Моллиенъ, — работалъ ежедневно десять-двѣнадцать часовъ, то въ разныхъ административныхъ совѣщаніяхъ, то въ Государственномъ Совѣтѣ. Онъ требовалъ у каждого министра разъясненій по малѣйшимъ деталямъ; если министры не устраняли всѣхъ его сомнѣній, онъ обра-

¹⁾ Levy, „Napoléon intime“, кн. VII, passim.

²⁾ Образованіе, полученное имъ, было недостаточно для того положенія, которое онъ занялъ, а читалъ онъ, хотя и много, но очень безпорядочно.

щался къ младшимъ чиновникамъ... Нерпѣдко можно было видѣть, какъ министры выходили изъ засѣданія, доведенные до изнеможенія этими безконечными допросами... И случалось, что, возвращаясь къ себѣ, эти же министры находили десятокъ писемъ отъ перваго консула, на которыя тотъ требовалъ немедленнаго отвѣта. Цѣлой ночи едва хватало, чтобы составить эти отвѣты».

И по мѣрѣ того, какъ онъ овладѣвалъ предметомъ, въ его головѣ начинали происходить какія-то вспышки. Онъ весь отдавался полубессознательному творчеству. Онъ блѣднѣлъ, руки его, державшія перочинный ножикъ, машинальными, судорожными движеніями безжалостно уродовали ручки кресла, на которомъ онъ сидѣлъ, и рождаемая въ страшномъ нервномъ подъемѣ гениальная, но простая мысль, вдругъ освѣщала тотъ или другой вопросъ совершенно новымъ свѣтомъ. Ученые спеціалисты, свидѣтели этого дѣлового вдохновенія, поневоль склонялись передъ силою ума «дилетанта», къ которому раньше они относились свысока. Ибо, конечно, всегда, безъ исключенія эта простая мысль именно спеціалистамъ не приходила въ голову. Вотъ что рассказываетъ Тибодо о работахъ надъ Code civil въ Государственномъ Совѣтѣ. «Онъ говорилъ безъ малѣйшаго затрудненія, но и безъ претенціозности. Онъ не уступалъ ни одному изъ членовъ совѣта; онъ былъ равенъ самому даровитому изъ нихъ ¹⁾ по той легкости, съ какой онъ схватывалъ самую суть вопроса, по вѣрности своихъ мыслей, по силѣ доказательствъ; онъ часто превосходилъ ихъ по умѣнію формулировать свою идею и по оригинальности своихъ выраже-

Бонапартъ у госпожи Богарне (Кильонъ).

¹⁾ А тамъ сидѣли такіе свѣтила, какъ Порталисъ, Тронше, Реаль и самъ Тибодо.

ній». Юристовъ больше всего поражало въ немъ какое-то необыкновенное соединеніе здраваго смысла съ полетомъ воображенія. А происходило это потому, что онъ не мыслилъ юридическими формулами, какъ они, а представлялъ себѣ практическій казусъ. И потомъ онъ всегда умѣлъ представить себѣ общее дѣйствіе закона, его государственное значеніе. «Вы дѣйствуете, какъ кропатели законовъ, а не какъ политики», сказалъ онъ однажды своимъ ученымъ сотрудникамъ. Именно то, что онъ не упускалъ изъ виду политическихъ задачъ во всякомъ дѣлѣ и именно потому, что на политическія задачи у него были взгляды опредѣленные разъ навсегда, онъ такъ легко находилъ оріентирующіе пункты повсюду. Когда Сійесъ выбралъ Бонапарта исполнителемъ своихъ замысловъ насчетъ переворота, онъ былъ все-таки очень далекъ отъ мысли, что молодой генералъ такъ скоро сдѣлаетъ ненужнымъ его самого. Онъ просто не предполагалъ у него готовыхъ политическихъ плановъ. Но когда Сійесъ принесть въ консульскую комиссію свой проектъ конституціи, и началось его обсужденіе, онъ сразу увидѣлъ, что ему не совладать съ такимъ противникомъ. Конституція была принята въ редакціи не Сійеса, а Бонапарта. Обсужденіе ея представляло шедевръ, своего рода безкровный Аустерлицъ, за зеленымъ столомъ. Не прошелъ ни одинъ параграфъ изъ тѣхъ, которые казались неудобными Бонапарту. Сійесъ былъ такъ сбитъ съ толку замѣчаніями своего молодого коллеги, мѣткими и неожиданными, что не умѣлъ отстоять самыхъ дорогихъ для себя институтовъ. А Сійесъ ли не былъ опытнымъ бойцомъ? Сійесъ ли не умѣлъ защищать своей карьеры? Ибо тутъ онъ зналъ, что карьера его рушится вмѣстѣ съ параграфами его конституціи.

Таковъ былъ Бонапартъ вездѣ и всегда: чуткій и внимательный ко всему, неутомимый и изобрѣтательный, съ гибкимъ и изворотливымъ умомъ, съ волею, покоряющей все, съ памятью, въ которой все запечатлѣвается и изъ которой ничего не пропадаетъ, съ воображеніемъ, бьющимъ черезъ край, съ инстинктивнымъ дарованіемъ все приспособлять къ занимающей его въ данный моментъ цѣли, съ той способностью, «которая творитъ великихъ художниковъ, великихъ изобрѣтателей, великихъ воиновъ, великихъ политиковъ: умѣніемъ разглядѣть и выдѣлить въ живомъ хаосѣ общественной жизни, въ смутномъ рельефѣ мѣстности, въ запутанной интригѣ дипломатическихъ переговоровъ, въ шумѣ сраженія—господствующій пунктъ, вершину и узелъ дѣла, умѣніемъ ухватить убѣгающія линіи, непрерывныя сдѣянія, неподвижные факты, понять ихъ основное устремленіе и слѣдовать ему неуклонно» (Сорель). Если бы величіе людей измѣрялось только умственной мощью и силою характера, едва ли нашли бы мы въ исторіи гиганта, которому не былъ бы равенъ Наполеонъ, едва ли было бы способно человѣчество воздвигнуть такую триумфальную арку, подъ которой тѣнь его могла бы пройти не согнувшись.

И этотъ колоссъ потерпѣлъ крушеніе. Разбиты были его самыя дорогія мечтанія. Франція, отдавшаяся ему, осталась послѣ него истекающей кровью. Всѣ завоеванія, сдѣланныя имъ, были отняты. Г-жа Сталь («*Consid. sur la Rév. franç.*») сопровождаетъ такими словами рассказъ о паденіи Наполеона: «Не было ли бы это великимъ урокомъ для человѣ-

Полина Бонапартъ (Сапова).

чества, если бы пять директоровъ, люди мало воинственные, возстали изъ праха и потребовали у Наполеона отвѣта за рейнскую и альпійскую границу, завоеванную республикой, за иностранцевъ, дважды приходившихъ въ Парижъ, за три милліона французовъ, которые погибли отъ Кадикса до Москвы, особенно за ту симпатію, которую питали народы къ дѣлу свободы во Франціи и которая превратилась теперь въ укоренившуюся ненависть». Г-жа Сталь не любила Наполеона, который ее преслѣдовалъ съ недостойной крупнаго человѣка мелочностью. Но въ этомъ отрывкѣ каждое слово—правда. И еще не вся правда.

Въ чемъ же причина этого? Поскольку ее можно свести къ личности Наполеона, эту причину въ самыхъ общихъ выраженіяхъ можно формулировать такимъ образомъ: въ томъ, что величіе ума и характера не сопровождалось у него нравственнымъ величіемъ. «Онъ былъ,—сказалъ Токвиль,—великъ настолько, насколько это возможно безъ добродѣтели». И такъ какъ этотъ человѣкъ—легенда невольно пробуждаетъ воспоминанія о легендахъ, при попыткахъ объяснить его судьбу, тѣснятся сказочные образы. На праздникъ его рожденія, гдѣ пировали феи, забыли пригласить одну—фею нравственнаго начала. Въ отместку обиженная,—въ то время какъ другія расточали надъ колыбелью дары ума и характера, могущества и славы,—изрекла проклятіе и поразила бесплодіемъ нравственную природу новорожденнаго. Такіе властители съ атрофированною совѣстью и съ затвердѣлымъ сердцемъ никогда не бываютъ благодѣяніемъ для народовъ и часто бываютъ бичомъ для нихъ. Когда человѣку не хватаетъ для оцѣнки своихъ и чужихъ дѣйствій моральнаго критерія, онъ беретъ критеріемъ что-нибудь другое, чаще всего свою собственную выгоду. Тогда изъ сферы заботъ и попеченій носителя власти исчезаетъ все, что не есть онъ

самъ, что не есть его династія и опора этой династіи—высшій слой привилегированныхъ; онъ забываетъ о безконечномъ большинствѣ населенія, о томъ, у котораго нѣтъ никакихъ привилегій и которое больше всѣхъ нуждается въ заботахъ и попеченіяхъ.

Когда Наполеонъ попалъ на Св. Елену и убѣдился, что онъ не выйдетъ оттуда живымъ, онъ посвятилъ остатокъ своихъ дней собственной апологіи. Онъ стремился доказать, что деспотическіе замыслы ни разу не коснулись его ума, что онъ всегда жилъ для Франціи, а не для самого себя. 16 мая 1816 г., бесѣдуя съ Ласказомъ о Бурбонахъ, онъ прибавилъ: «Они могутъ уничтожать и уродовать сколько имъ угодно. Имъ все-таки будетъ трудно заставить исчезнуть меня безъ остатка. Историкъ Франціи будетъ обязанъ коснуться имперіи, и если онъ честный человѣкъ, онъ укажетъ мою долю, кое-что отнесетъ на мой счетъ. Это будетъ нетрудно, потому что факты говорятъ; они сіяютъ какъ солнце. Я засыпалъ бездну анархіи и распуталъ хаосъ. Я обуздалъ революцію, облагородилъ народъ и укрѣпилъ королей. Я возбудилъ соревнованіе во всѣхъ областяхъ, вознаградилъ всѣ заслуги и ближе придвинулъ границы славы. Вѣдь все это стоитъ же чего-нибудь! И потомъ, въ чемъ можно меня обвинить, чтобы историкъ не сумѣлъ за меня заступиться? Мой деспотизмъ? Но историкъ покажетъ, что диктатура была настоятельно нужна! Будутъ говорить, что я стѣснялъ свободу! Онъ покажетъ, что распушенность, анархія, огромные безпорядки были у порога! Будутъ обвинять меня въ томъ, что я слишкомъ любилъ войну? Онъ покажетъ, что на меня всегда нападали! Что я стремлюсь къ всемірной монархіи? Онъ покажетъ, что она была случайнымъ созданіемъ обстоятельствъ, что наши враги сами толкали меня къ ней шагъ за шагомъ. Наконецъ станутъ упрекать меня въ честолюбіи? О, конечно, онъ согласится, что я былъ честолюбивъ, и очень, но онъ скажетъ, что мое честолюбіе было самое высокое, какое когда-либо существовало, и заключалось оно въ томъ, чтобы установить и освятить, въ концѣ-концовъ, имперію разума и полное, безпрепятственное пользованіе всѣми человѣческими способностями. И, быть-можетъ, историкъ еще будетъ сожалѣть, что эти честолюбивыя мечты не осуществились... Такова, — заключилъ Наполеонъ, — вся моя исторія въ немногихъ словахъ». А вотъ что говорилъ онъ доктору О'Мэра 18 февраля 1818 г.: «Система управленія должна быть приспособлена къ духу націи и къ обстоятельствамъ. Прежде всего Франціи нужно было правительство сильное. Когда я сталъ во главѣ Франціи, она находилась въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ Римъ, когда понадобился диктаторъ для спасенія республики. Англійское золото создавало противъ Франціи коалицію за коалиціей. Для успешнаго сопротивленія имъ нужно было, чтобы глава государства могъ располагать всѣми силами, всѣми ресурсами націи. Я завоевывалъ, только защищаясь. Европа не переставала нападать на Францію и на ея принципы, и намъ нужно было бить, чтобы не быть побитыми. Среди партій, которыя волновали Францію съ давнихъ поръ, я былъ какъ всадникъ на горячей лошади, бросающейся то въ одну сторону, то въ другую: чтобы заставить ее идти прямо, я былъ вынужденъ отъ времени до времени давать ей почувствовать узду. Въ странѣ, которая только что вышла изъ революціи, которой угрожаютъ враги извнѣ,

которую мутятъ измѣнническія интриги внутри, правительство должно быть твердымъ. Если бы наступило успокоеніе, прекратилась бы и моя диктатура, и я бы началъ свое конституціонное правленіе. Даже въ томъ состояніи, въ какомъ была Франція, въ ней было больше равенства, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы».

Заявленія этого рода разсыпаны по всему «*Mémorial*», по «*Récits de la captivité*», по мемуарамъ, записаннымъ генералами. Приведенные два длинныхъ отрывка резюмируютъ ихъ довольно хорошо, и ими можно поэтому ограничиться. Потерявъ надежду на возвращеніе власти, опрокинутый господинъ Европы пытается примирить съ собою современниковъ и потомство, отчасти съ чисто практической цѣлью: чтобы облегчить для сына путь къ французскому трону, отчасти повинуюсь идеалистическимъ побужденіямъ: создать вокругъ своего имени ореолъ, блескъ котораго переживетъ вѣка. Къ этой двойной цѣли онъ идетъ, какъ нетрудно видѣть и изъ приведенныхъ отрывковъ, двумя путями: онъ старается или оправдать то, что онъ дѣлалъ, или убѣдить міръ, что, если бы его не свалили, онъ излилъ бы на человѣчество и въ частности на Францію рѣчки благополучія. Къ обѣщаніямъ заднимъ числомъ приходится прибѣгать тогда, когда нѣтъ возможности скрыть, замолчать неудобный фактъ или дать ему сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе.

Разберемъ же главныя обвиненія, которыя, по мнѣнію Наполеона, будутъ какъ нельзя легче опровергнуть будущему историку. Ихъ четыре: страсть къ войнамъ и завоеваніямъ; стремленіе основать всемірную монархію; деспотизмъ; стѣсненіе свободы. Можно было бы подобрать еще сто четыре, но ихъ Наполеонъ не вводитъ въ свою «краткую исторію». Опустимъ и мы ихъ пока. Есть историки, которые по всѣмъ этимъ пунктамъ выносятъ Наполеону оправдательный приговоръ, но это достигается цѣною цѣлой системы прокрустовыхъ ложъ. Безпристрастная наука судитъ иначе.

Сложнѣе всего вопросъ о войнахъ. Наполеонъ увѣряетъ, что онъ воевалъ только тогда, когда на него нападали. Это невѣрно. Испанія не нападала на него, Россія въ 1812 г. не нападала. Но не въ этомъ дѣло. Внѣшняя политика Наполеона опредѣлялась въ значительной мѣрѣ факторами, лежащими внѣ его воли. На нее давили національные интересы, тѣ самыя, которые давили на внѣшнюю политику и Людовика XIV, и революціи, и давили въ томъ же направленіи. И эти интересы властно

Летиція Рамолино, мать Наполеона.

требовали войны съ Англіей и Австріей, чтобы заставить ихъ устранишься съ пути политическаго и экономическаго развитія Франціи. Но былъ элементъ, который привходилъ во внѣшнюю политику Франціи отъ Наполеона, какъ таковаго: его честолюбіе. Оно увлекало его далеко за рамки, необходимыя съ точки зрѣнія французскихъ національных интересовъ. Наибольше рѣшительными моментами въ этомъ отношеніи были переговоры съ союзниками въ Франкфуртъ осенью 1813 г. и въ Шатильонъ въ началѣ 1814 г. Наполеонъ отвергъ такія условія мира, которыя удовлетворяли вполне всѣмъ условіямъ мирнаго развитія Франціи. Почему онъ сдѣлалъ это?

Вопросъ о всемірной монархіи едва ли имѣетъ большое значеніе. Въ словахъ, сказанныхъ Ласкаву, Наполеонъ какъ будто не отрицаетъ, что у него была эта гордая мечта. Для Гюго она только дополняла титаническій образъ:

... C'est lui qui, pareil à l'antique Encelade
Du trône universel essaya l'escalade,
Qui vingt ans entassa,
Remuant terre et cieux avec une parole,
Wagram sur Marengo, Champaubert sur Arcole,
Pelion sur Ossa...

Но въ другой разъ, 28 января 1817 г., на вопросъ доктора О'Мэара. Наполеонъ отрицалъ это. «Моимъ намѣреніемъ было сдѣлать Францію болѣе обширной, чѣмъ всякая другая страна, но я никогда не притязалъ на всемірную державу. Я, напр., никогда не перенесъ бы Францію за Альпы». Но если у него и не было твердо поставленной цѣли, если онъ и понималъ невозможность сколько-нибудь прочныхъ успѣховъ на этомъ пути, то, какъ «случайное созданіе обстоятельствъ», онъ, несомнѣнно, признавалъ всемірную монархію и былъ далекъ отъ мысли считать мечту объ имперіи Карла Великаго «бредомъ безумца», какъ называетъ ее Тьеръ. Что толкало его къ этой химерической цѣли?

Вопросъ о деспотизмѣ тоже не разрѣшается такъ просто, какъ казалось Наполеону на Св. Еленѣ. Кое въ чемъ, конечно, онъ былъ правъ. Республика при директоріи показала, что она совершенно неспособна справиться съ затрудненіями, которыя терзали страну внутри и снаружи. И борьба партій, и анархическая пропаганда, и противообщественныя тенденціи,—все это было, и все это нужно было устранить, чтобы спасти Францію. Больше того, быть-можетъ, была нужна и диктатура. Но Наполеонъ опять сдѣлалъ болѣе, чѣмъ это требовалось для страны. Ему было мало, что онъ задушилъ революцію, свою кормилицу, революцію, которая воздвигла ему пьедесталъ для его карьеры, которая вспахала и засѣяла поле славы, на которомъ онъ такъ легко собралъ всю жатву. Ему было мало, что онъ конфисковалъ безъ остатка все ея наслѣдіе въ свою пользу. Онъ захотѣлъ прежде всего титула, какъ будто титулъ могъ прибавить что-нибудь къ славы побѣдителя Риволи и Маренго, создателя Гражданскаго Кодекса, умиротворителя страны. «Зачѣмъ ему нужно,—говорилъ Поль Луи Курье (*Oeuvres compl.*, 1849 г., стр. 242—243),—ему, солдату, военачальнику, первому полководцу міра, чтобы его называли *величествомъ*? Быть Бонапартомъ и сдѣлать себя *государемъ*! Онъ хочетъ

низойти? Нѣтъ, онъ думаетъ стать выше, сравнившись съ королями. Титулъ онъ предпочитаетъ имени. Бѣдняга! У него больше счастья, чѣмъ ума! Я подозрѣвалъ это, когда узналъ, что онъ отдалъ свою сестру за Боргезе и считалъ, что Боргезе оказываетъ ему слишкомъ большую честь! Цезарь гораздо лучше понималъ эти вещи, и онъ былъ другимъ человекомъ. Онъ не взялъ запыженнаго титула: изъ своего имени онъ сдѣлалъ титулъ болѣе высокій, чѣмъ титулъ царей». Но и титула одного ему оказалось мало. Онъ захотѣлъ стать основателемъ династіи, захотѣлъ, чтобы въ жилахъ его потомства кровь поручика артиллеріи смѣшалась съ кровью самой древней и самой благородной династіи Европы. Гдѣ источникъ этихъ фантазій, превратившихся въ дѣйствительность?

Вотъ, наконецъ, пунктъ о свободѣ, тотъ, о которомъ историки-панегристы обыкновенно предпочитаютъ молчать. «Стѣсненіе свободы» бываетъ всякое. Обуздать анархію было нужно; не лишнимъ было унять якобинцевъ, ставшихъ обыкновенными клубными крикунами, давно потерявшихъ связь съ соціальной почвой; наложить узду на роялистовъ, которые, пользуясь безсиліемъ власти, вносили дезорганизацію въ общественную жизнь, было необходимо. Но развѣ только въ этомъ были стѣсненія свободы при консульствѣ и особенно при имперіи? Свобода французскаго народа, плохо ли, хорошо ли, охранялась конституціей. Наполеонъ никогда не считался съ этой конституціей, когда она ему мѣшала. Нужны были ему налоги внѣ рамокъ, разбрасываемыхъ конституціей, онъ ихъ взималъ. Боялся онъ, что война не будетъ одобрена парламентомъ, онъ его не спрашивалъ о войнѣ. Мѣшали ему вообще палаты, онъ ихъ отсрочивалъ. Гласность становилась для него стѣснительной, онъ дѣлалъ знакъ Фуше, и тотъ обращался съ гласностью, какъ съ герцогомъ Энгиенскимъ. Въ актѣ сената, низлагающемъ Наполеона, имѣется на этотъ счетъ такой пунктъ: «Принимая во вниманіе, что свобода печати, установленная и освященная въ качествѣ одного изъ неотъемлемыхъ правъ народа, постоянно была подчинена произвольной цензурѣ его полиціи; что въ то же время онъ постоянно пользовался печатью, чтобы наполнять Францію и Европу искаженными фактами, ложными принципами, доктринами, благопріятными деспотизму, оскорбленіями иностранныхъ правительствъ; что акты и доклады, слушавшіеся сенатомъ, подвергались при опубликованіи измѣненіямъ»... Тутъ уже не объ анархіи дѣло идетъ, а о вещахъ совсѣмъ иного порядка. И Наполеонъ, конечно, очень хорошо это понималъ и на Св. Еленѣ. Ибо иначе ему не зачѣмъ было бы отводить взоры современ-

Жеромъ Бонапартъ.

никовъ и потомства отъ кровавыхъ слѣдовъ деспотизма, отъ застѣнковъ Фуше и Савари, отъ келейныхъ судовъ, отъ лабораторій насилія, и прикрывать незажившія еще раны на тѣлѣ свободной Франціи заявленіями, что онъ уже совсѣмъ собирался стать конституціоннымъ правителемъ и ждалъ только «успокоенія». Развѣ не поучительны эти завѣдомо лживыя увѣренія, которымъ авторы ихъ, будь то великій Наполеонъ или пигмей деспотизма, вѣрятъ меньше, чѣмъ кто бы то ни было? И мы отлично знаемъ, какъ Наполеонъ ждалъ успокоенія. Предъ походомъ въ Россію весною 1812 г. онъ бесѣдовалъ въ Дрезденѣ съ Меттернихомъ (*Memoirs*, т. I, 120), и вотъ какія мысли сообщалъ ему о наилучшей формѣ правленія для Франціи. «Франція меньше приспособлена для формъ представительства, чѣмъ многія другія страны. Въ Трибунатѣ только и занимались, что революціей; поэтому я навелъ порядокъ: я распустилъ его. Я надѣлъ намордникъ (*un baillon*) на Законодательный корпусъ. Заставьте замолчать собраніе, которое, чтобы играть какую-нибудь роль, должно заниматься обсужденіемъ дѣлъ, и вы его дискредитируете. Мнѣ только и остается, что положить въ карманъ ключъ отъ залы засѣданій, и съ Законодательнымъ корпусомъ будетъ кончено. Никто не вспомнитъ о немъ, потому что о немъ уже забыли при его существованіи. Но я все-таки не хочу абсолютной власти. Я дамъ новую организацію сенату и государственному совѣту. Первый замѣнитъ верхнюю палату, второй—палату депутатовъ. Сенаторовъ попрежнему я буду назначать всѣхъ. Третъ членовъ государственнаго совѣта будетъ выбираться трехстепенными выборами, двѣ трети будутъ назначаться мною. Это будетъ настоящее представительство, потому что оно все будетъ состоять изъ людей опытныхъ. Не будетъ ни болтуновъ, ни идеологовъ, ни подпильной мишуры. Тогда Франція станетъ страной, которая управляется хорошо даже при лѣнливомъ государѣ; а такіе у нея будутъ; для этого достаточно одного способа ихъ воспитанія». Если Наполеонъ говорилъ О'Мэаръ о такомъ «конституціонномъ правленіи», то, пожалуй, Франція потеряла мало, промѣнявъ наполеоновскихъ пчелъ на бурбонскія лиліи. Что касается ссылки на то, будто во Франціи было больше равенства, чѣмъ гдѣ бы то ни было, то она, можетъ-быть, и справедлива, но при Наполеонѣ это равенство потеряло всякій смыслъ, ибо стало равенствомъ порабощенія. Самъ Беранже, бардъ Имперіи, долженъ былъ признать это. Онъ говоритъ: «Мое полное энтузіазма, постоянное преклоненіе передъ геніемъ императора, мое идолопоклонство никогда не ослѣпляли меня насчетъ все возрастающаго деспотизма имперіи». Должно же быть какое-нибудь объясненіе всему этому.

Причины, конечно, были, и ихъ нужно искать въ нравственной организаціи Наполеона. Шатобріанъ (*Mem. d'outre tombe*, IV, 54) въ двухъ словахъ даетъ ключъ къ объясненію непонятныхъ на первый взглядъ дѣйствій Наполеона. «Чудовищная гордыня и безпрестанная аффектація,—говоритъ онъ,—портили характеръ Наполеона». И это глубокая правда. Чтобы тѣшить эту непомерную гордыню, онъ наступаетъ своимъ тяжелымъ сапогомъ, который тоже несетъ въ себѣ частицу отъ революціи, на шею легитимнѣйшихъ монарховъ Европы. Онъ срываетъ съ ихъ головъ короны и бросаетъ своимъ маршаламъ въ награду за удачную кавалерійскую атаку, за хорошо выполненную диспозицію. Онъ заставляетъ королей дожидаться у

себя въ приѣмной, толпиться у подножія своего трона, цѣловать свою шпору; обращается съ ними грубѣе, чѣмъ со своими гренадерами. Ему сладко сознавать, что король прусскій и императоръ австрійскій дрожатъ передъ нимъ, боятся, чтобы онъ не отнялъ остатки ихъ владѣній, не выбросилъ ихъ самихъ за окно, какъ какого-нибудь неаполитанскаго короля. Онъ чувствуетъ, что его дерзаніямъ въ Европѣ нѣтъ предѣловъ: онъ разстрѣливаетъ французскаго принца безъ всякаго повода, безъ всякой необходимости, только для того, чтобы показать, что это ему ничего не стоитъ, что онъ безнаказанно можетъ совершить самое вопіющее преступленіе. Онъ дѣлаетъ главу католическаго міра чѣмъ-то въ родѣ своего капеллана. Онъ требуетъ въ жены австрійскую эрцгерцогиню, и ему не смѣютъ отказать въ ея руки; будь онъ настойчивѣе, онъ получилъ бы руку русской великой княжны. Онъ даритъ сестрамъ по герцогству на булавки, бездарныхъ братьевъ сажаетъ на королевскіе троны. Словомъ, разыгрываетъ изъ себя Провидѣніе на всѣ лады. И сокрушается, что не можетъ заставить народы по-настоящему почитать себя, какъ Бога. «Я явился слишкомъ поздно, — жалуется онъ адмиралу Декре. — Нельзя свершить ничего великаго. Согласенъ: карьера моя хороша. Я прошелъ прекрасный путь. Но какое различіе съ древностью! Вспомните Александра: когда онъ завоевалъ Азію и объявилъ себя сыномъ Юпитера, вѣдь за исключеніемъ Олимпія, который зналъ, какъ къ этому относиться, да еще Аристотеля и нѣсколькихъ аѳинскихъ педантовъ, ему повѣрилъ весь Востокъ! Ну, а если бы мнѣ пришло въ голову объявить себя сыномъ Предвѣчнаго и воздать ему преклоненіе въ качествѣ такового? Вѣдь послѣдняя торговка захочетъ мнѣ въ глаза. Нѣтъ! Народы теперь слишкомъ просвѣщены! Ничего не сдѣлаешь!» Гордынь и аффектаціи некуда было итти дальше, и онъ дѣйствительно отравлялъ все, что было благороднаго въ Наполеонѣ. Альберъ Сорель, набросавъ его характеристику въ расцвѣтъ его силъ, въ 1795 г. прибавляетъ: «Ни сердечныя волненія, ни угрызенія совѣсти не стѣсняють въ немъ государственной точки зрѣнія, единственной руководительницы его дѣйствій. Однѣ страсти, доведенныя до экстаза, затемняютъ ее со временемъ. Эгоизмъ, равный генію—такого же размаха и такой же необъятности, ненасытное опьяненіе боевымъ хмелемъ, потребность поглотить все, чтобы надъ всѣмъ господствовать, колоссальное «я»—неудержимое, деспотичное, безпощадное,—не пронизываютъ его и не владѣютъ имъ еще». Все это явилось очень скоро: вмѣстѣ съ императорскою мантией и титуломъ «величество», послѣ

Люсьенъ Бонапартъ.

Аустерлица и Тильзита. Быть-можетъ, самымъ существеннымъ выводомъ такого настроенія было то, что Наполеонъ, выкормокъ революціи, отлично понимавшій ея соціальный смыслъ ¹⁾, самъ поднятый волною національнаго подъема, совершенно исключилъ народъ изъ своихъ политическихъ расчетовъ. Онъ былъ такъ увѣренъ, что время народныхъ движеній прошло, разъ онъ сталъ во главѣ Франціи, что совершенно забылъ о существованіи народа въ другихъ странахъ. И еще на Св. Еленѣ онъ называетъ народъ не иначе, какъ *sapaille*; и хотя Ласказъ тщательно отмѣчаетъ, что это только способъ выраженія, а не взглядъ, но это характерно. И еще больше характерно то, что онъ такъ до конца и не понялъ вполне, что его блистательная карьера потерпѣла кораблекрушеніе именно благодаря этой *sapaille*, которую его деспотизмъ и его гордыня сдѣлали гражданами, по крайней мѣрѣ, на время: въ Испаніи, въ Пруссіи, въ Тиролѣ, въ Россіи. Когда монархи выводили арміи стараго порядка противъ его маршаловъ и его солдатъ, онъ ихъ билъ одну за другой. Когда же онъ началъ вторгаться въ сердце непріятельской страны и попираетъ самыя дорогія чувства народовъ, народы возстали, арміи стали вооруженными народами, какъ во Франціи при Конвентѣ и Директоріи. И противъ этой могучей національной волны не устоялъ Наполеонъ, потому что въ его арміи уже не было прежняго національнаго духа. Онъ полагался только на свой геній, а геній не устоялъ передъ «дланью народной Немезиды».

Добившись власти, онъ весь свой геній положилъ на то, чтобы караулить ее. Не беречь, не охранять, а именно караулить: чтобы ее не отняли у него такъ же внезапно и неожиданно, какъ онъ самъ отнялъ ее у республики. Геній вянетъ, когда изъ него дѣлаютъ такое употребленіе. И разумеется, изъ души его очень быстро улетучились лучшія человѣческія чувства. Они плохо уживаются подъ порфирую, особенно подъ такую, которая непрочно держится на спинѣ ея обладателя. Бурьенъ рассказываетъ: «Однимъ изъ самыхъ большихъ несчастій Бонапарта было то, что онъ не вѣрилъ въ дружбу и не испытывалъ потребности любить. Сколько разъ говорилъ онъ мнѣ: «Дружба—это звукъ пустой; я никого не люблю, даже моихъ братьевъ. И я знаю, что у меня нѣтъ настоящихъ друзей. Пока я—то, чѣмъ я теперь, друзей по виду у меня будетъ сколько угодно». При такомъ взглядѣ трудно уважать людей. Наполеонъ презиралъ ихъ. Тотъ же Бурьенъ записалъ его изреченіе: «Два рычага двигаютъ людьми: страхъ и выгоды». Поэтому онъ осыпалъ золотомъ тѣхъ, кто былъ ему нуженъ, особенно своихъ маршаловъ, и не жалѣлъ бичей и скорпіоновъ, если считалъ кого-нибудь опаснымъ. И мы знаемъ, къ чему это приводило. Купавшійся въ богатствѣ и почестяхъ Бертье, сдѣланный королемъ Мюратъ, осыпанный всѣми благодѣяніями Мармонъ, Ожеро, Макдональдъ, Викторъ все-таки измѣнили ему. А какъ они были ему нужны! Сколько разъ на Св. Еленѣ онъ говорилъ: «Будь у меня при Ватерлоо начальникомъ штаба Бертье, я не проигралъ бы сраженія!»

¹⁾ „Французская революція была всеобщимъ движеніемъ массы народа противъ привилегированныхъ. Главной цѣлью революціи было разрушеніе привилегій и злоупотребленій. Она хотѣла уничтожить вотчинныя суды, упразднить остатки крѣпостничества, подчинить всѣхъ одинаково государственному тяглу... Половина земельной территоріи перемѣнила собственниковъ“. (O'Meara, *Napoléon dans l'exil*, 135).

«Будь у меня при Ватерлоо Мюратъ, чтобы вести каваллерію, я не былъ бы побѣжденъ!» Что же побуждало этихъ людей быть неблагодарными? То, что они уже не любили его. То, что онъ считалъ себя въ правѣ, облагодѣтельствовавъ ихъ всячески, быть съ ними грубымъ и рѣзкимъ, третировать ихъ, своихъ братьевъ по оружію, своихъ товарищей, со многими изъ которыхъ онъ былъ прежде на «ты», какъ прислугу. Онъ умѣлъ оскорблять ихъ какъ-то особенно больно, задѣвая самыя чувствительныя струны. Когда Даву совѣтовалъ ему подѣ Бородиномъ обойти русскую армію, онъ грубо оборвалъ его: «Вѣчно вы со своими обходами! Ничего другого не умѣете посовѣтовать!» А обстоятельства показали, что герой Ауэришета подавалъ ему яблоко съ древа познанія. Судьба подѣ Ватерлоо предостерегала его, говоря, что Велингтонъ—несуточный противникъ. «Ну, конечно, — перебилъ его Наполеонъ. — Онъ побилъ васъ раза два, вотъ вы и боитесь его!» Съ Ланномъ онъ устроилъ самую настоящую гадость: подбилъ его на растрату, обѣщавъ, въ качествѣ перваго консула, дать ордеръ на нужную сумму. И обманулъ: ему нужно было добиться, чтобы Ланнъ пересталъ говорить ему «ты». А чего только не терпѣлъ бѣдный Дюрокъ! Это все друзья, люди, безъ которыхъ онъ не могъ обходиться. Съ обыкновенными смертными, мужчинами, женщинами, даже дѣтьми, онъ совсѣмъ не стѣснялся. Дѣтей онъ ласкалъ тѣмъ, что размазывалъ имъ во время обѣда соусъ отъ кушаньевъ по фizioноміямъ. Онъ могъ говорить дамамъ: «А мнѣ рассказывали, что вы хорошенькая! Какой вздоръ!» Тутъ «гордыня» соединялась съ отсутствіемъ воспитанія и природной, истинно-корсиканской грубостью.

Когда же сюда примѣшивались эгоистическія опасенія за собственную судьбу или хотя бы только за свою славу перваго полководца, получались факты нѣсколько иного характера. Ревнивая подозрительность Наполеона отняла у Франціи шпагу Моро, побудила въ 1812 г. оставить дома Массену, гениальнѣйшаго изъ маршаловъ имперіи. И Моро въ 1813 году училъ союзниковъ, какъ бить непобѣдимаго, а Массена командовалъ гдѣ-то жалкимъ гарнизономъ вмѣсто того, чтобы вести войска къ побѣдамъ, какъ при Риволи, при Цюрихѣ, при Ваграмѣ¹⁾. И даже, когда

Пій VII и Наполеонъ въ Фонтенебло (Франка).

¹⁾ На Св. Еленѣ Наполеонъ оправдывается тѣмъ, что Массена былъ боленъ и ослабѣлъ. Какъ будто при Ваграмѣ, раненый, не выходившій изъ коляски, герой не творилъ чудеса!

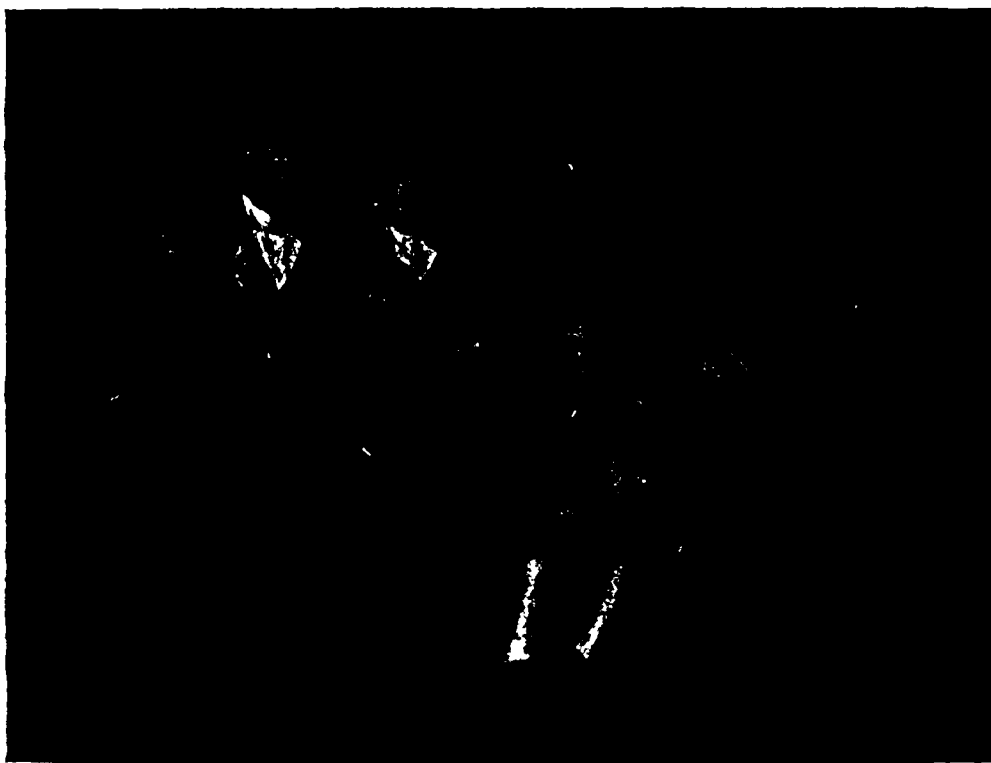
уже все было кончено для него, на Св. Еленѣ, Наполеонъ старается умалить таланты своихъ маршаловъ, представить ихъ посредственностями, слава которыхъ тонула бы безъ остатка въ лучахъ его собственной славы.

Такъ, «гордыня» и «эгоизмъ, равный гению», порождали мизантропію и пессимизмъ, порождали политику подозрительности и недовѣрія. Эта политика, конечно, никогда не достигала тѣхъ цѣлей, какихъ хотѣлъ Наполеонъ. Она только умаляла его фигуру, накладывала на нее какую-то мрачную, зловѣщую тѣнь и, въ концѣ-концовъ, не уберегла его отъ Св. Елены.

Наполеонъ, разумѣется, не всегда былъ одинъ и тотъ же, какъ правитель. Въ первые годы, въ эпоху консульства, когда онъ пробивается, когда онъ укрѣпляетъ свое положеніе,—онъ обнаруживаетъ больше интереса къ государственнымъ дѣламъ, большее пониманіе государственной и національной пользы. Въ десять лѣтъ имперіи, когда онъ укрѣпился и когда ему нужно оберегать и упрочивать свое положеніе, династическая точка зрѣнія все больше и больше заслоняетъ государственную, пока не поглощаетъ ее совсѣмъ. Душевный переворотъ начинается послѣ того, какъ ему такъ цинично измѣнила Жозефина,—женщина, которую онъ, дѣйствительно, любилъ; послѣ того, какъ въ брюмерскіе дни онъ видѣлъ вокругъ себя такую вакханалію безпринципности и готовности продать идеалы за чечевичную похлебку; послѣ того, какъ онъ убѣдился, что моральный подъемъ медовыхъ дней революціи смѣнился въ обществѣ страстью другого рода: страстью къ наслажденіямъ жизни. Если бы судьба не отрѣзала нить его возрастающаго могущества, если бы Наполеонъ остался на престолѣ еще нѣсколько лѣтъ, тиранства второй имперіи, быть-можетъ, были бы изобрѣтены значительно раньше. Эту постепенную эволюцію нужно все-таки помнить. Наполеонъ-консулъ не то, что Наполеонъ-императоръ. Если бы Наполеонъ палъ подъ Ульмомъ или Аустерлицемъ, когда на чель его горѣла слава Италіи и Египта, Гражданскаго кодекса и финансовой реформы, образъ его остался бы на скрижаляхъ исторіи чистый и прекрасный, какъ образъ Гоша, Марсо, Дезе. Но между Аустерлицемъ и Св. Еленой протекло десять лѣтъ. Въ исторію прошелъ не тотъ чудесный юноша съ картины Гро, стройный, съ блѣднымъ лицомъ и горящими глазами, который со знаменемъ въ рукахъ, весь—порывъ, весь—вѣра въ побѣду, стремится на врага, а другой: тучный, съ тяжелыми вѣками, съ усталымъ взоромъ исподлобья и нездоровой желтизной одутлаго лица, такой утомленный, что ему трудно подняться съ кресла,—Наполеонъ Делароша. Бонапартъ эпохи Лоди и Арколе думалъ о Франціи, обнажая шпагу. Наполеонъ Ваграма и Смоленска, Лейпцига и Монмираля думаетъ только о себѣ. Въ душѣ его распустился махровый цвѣтокъ эгоизма и задавилъ собою все: и любовь къ Франціи и «государственную точку зрѣнія». Оттого онъ никогда, ни въ чемъ: ни въ войнахъ, ни въ законодательствѣ, ни въ управленіи, не можетъ остановиться тамъ, гдѣ этого требуютъ интересы Франціи и «государственной точки зрѣнія». Онъ идетъ дальше, ибо это нужно, или кажется, что нужно, въ его личныхъ интересахъ,—интересахъ Наполеона Бонапарта и его дома.

Можно сколько угодно рыться въ мемуарахъ, выкапывать оттуда по крушинкѣ мелкіе факты, нанизывать ихъ на нить собственного увлеченія

и пробовать создать изъ этой операціи апологію нравственнаго образа Наполеона, т.-е. дѣлать то, чѣмъ занимаются Масонъ, Леви и другіе біографы-панегиристы. Изъ этого ничего не выйдетъ. Потому что, когда дѣло идетъ о такомъ человѣкѣ, какъ Наполеонъ, слишкомъ мало убѣдить людей, что онъ обладалъ цѣлымъ рядомъ мелкихъ буржуазныхъ добродѣтелей, что онъ любилъ мать, жену, сестеръ, не всегда былъ неблагодаренъ и проч. Это годится для какого-нибудь Луи-Филиппа. Защищая Наполеона, мы должны доказать одно: что его геній служилъ только «Франціи милой», только ея процвѣтанію, только ея могуществу, а не собственному его честолюбію; что въ немъ, какъ въ Гошпъ, въ Дезе, въ Гарибальди, воинъ неотдѣлимъ отъ патріота. Именно эти положенія недоказуемы.

Наполеонъ, Гёте и Виландъ въ Эрфуртѣ.

Тогда — этотъ вопросъ задается обыкновенно панегиристами — чѣмъ объяснить, что до сихъ поръ во Франціи существуетъ цѣлый культъ Наполеона, складываются наполеоновскія легенды, появляются драмы, романы и поэмы о Наполеонѣ, пишутся картины... Въдѣ, если Наполеонъ душилъ Францію своимъ деспотизмомъ и ежегодно бросалъ на жертвенникъ своего честолюбія сотни тысячъ ея сыновъ, она должна была бы ненавидѣть его въ тысячу разъ больше, чѣмъ его преемниковъ. А она его обожаетъ. Значить, онъ искупилъ свои преступленія?

Тутъ передъ нами общественно-психологическая загадка. Приходится сказать: да, онъ искупилъ. Но необходимо прибавить: преступленія, ко-

торыя искупаются, не перестаютъ быть преступленіями. Чѣмъ же онъ искупилъ ихъ?

Прежде всего той славой, которой онъ окуталъ Францію, какъ сверкающимъ золотымъ облакомъ. Наполеоновская легенда начала складываться при реставраціи, т.-е. въ эпоху, когда страна испила до конца горечь униженія. Вторая имперія, когда именемъ Наполеона творились послѣднія гнусности, когда наполеоновская треуголка очутилась на головѣ проходимца,—явилось нѣкоторое отрезвленіе. Но съ тѣмъ большею силой расцвѣла легенда при третьей республикѣ, послѣ новаго удара, отбросившаго восточную границу еще дальше отъ Рейна. Франція, баловень славы, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, не выходила изъ полосы безславія. Что удивительнаго, если ее потянуло къ тѣмъ временамъ, когда именемъ ея были полны оба полушарія, когда ея орлы летали изъ Мадрида въ Москву и въ Гамбургъ изъ Каира? Что удивительнаго, если страна, склонившись передъ Вандомской колонной, простирая руки къ бронзовой фигурѣ императора, кричала ему въ экстазѣ: «Возьми нашу свободу, верни намъ славу!»

И потомъ, когда люди подъ вліяніемъ воскресшихъ восторговъ, начинали осматриваться кругомъ и подводить итоги тому, что осталось у Франціи отъ Наполеона, они съ удивленіемъ и съ радостью видѣли, что Франція живетъ еще твореніями императора. Видитъ это и наука. Административныя учрежденія имперіи, въ которыхъ духъ революціи пропиталъ насквозь и обновилъ организацію стараго порядка, въ которыхъ сохранилось все цѣнное изъ прежняго, а новое, внесенное революціей дало гарантію прочности—были дѣломъ Наполеона. Они до сихъ поръ въ общемъ сохранились въ государственномъ обиходѣ страны. Конечно, и въ управленіи, и въ полиціи, и въ школь многое преобразовано, но духъ Наполеона еще живетъ въ нихъ. Нечего говорить, что одного Гражданскаго Кодекса, *Code Napoléon*, было бы достаточно, чтобы составить славу для законодателя. Потомъ финансы. Наполеонъ засталъ финансовое управленіе въ такомъ состояніи, что правительство посылало занять денегъ въ кассу оперы, чтобы послать курьера въ армію. Наполеонъ при помощи Герена все привелъ въ порядокъ. Ни разу при немъ, несмотря на огромные военные расходы, не было заключено ни одного займа, никогда бюджетъ не сводился съ дефицитомъ вплоть до послѣдняго, на 1813 г., который былъ исполненъ безъ помъхи. И когда англійскій фрегатъ *Northumberland* везъ императора на Св. Елену, Франція, изнуренная столькими передрыгами, была все-таки самой богатой страной міра. Новый общественный строй, новое распредѣленіе собственности, созданное революціей, онъ укрѣпилъ такъ, что Бурбоны, при всей ярости эмигрантовъ, были не въ состояніи предпринять социальную реставрацію. Милліардъ, который правительство выкололо изъ народа и роздало дворянамъ, ярче, чѣмъ что-нибудь, свидѣтельствуетъ о безсильной злобѣ людей стараго режима. И никто иной, какъ Наполеонъ воздвигъ вокругъ новаго социального порядка ту желѣзную рѣшетку, о которую поломали себѣ зубы Людовикъ XVIII, графъ Артуа, Полиньяки, Виллели и какъ они еще тамъ называются.

А если бросить взглядъ на Европу? И тамъ слѣды дѣятельности Наполеона. Италія, объединенная впервые, узнавшая, что можно отдѣлы-

ваться и отъ папы и отъ чужеземцевъ, мѣшающихъ ей слиться въ одно. Германія, сомкнувшаяся, освободившаяся отъ безконечно малыхъ имперскихъ территорій, камнемъ выпсѣвшихъ на объединительныхъ стремленіяхъ буржуазіи. Пруссія, развязавшаяся съ самыми тяжелыми сторонами феодализма. Юго-славянскія племена, потянувшіяся одно къ другому подъ знаменемъ иллиризма. Испанія, сбросившая съ себя ярмо инквизиціи и нашедшая путь къ конституціонному порядку. Южно-американскія республики, стряхнувшія ненавистное испанское иго. Наконецъ введеніе Гражданскаго Кодекса, разрушеніе феодальныхъ цѣпей повсюду, гдѣ было можно; произведенный континентальной блокадой промышленный подъемъ. Все это—хорошіе титулы на славу и на признательность.

Due secoli,
L'un contro l'altro armato
Sommessi a lui si volsero,
Come aspettando il fato
E fè silenzio ed arbitro
S'assise in mezzo a lor ¹⁾.

(Манцони).

Разумѣется, ни во Франціи ни въ Европѣ Наполеонъ не могъ сдѣлать больше того, что подсказывалось духомъ времени, что намѣчалось социальнымъ развитіемъ, что прокладывалось революціей. Его дѣятельность пошла на пользу буржуазіи, тому классу, героемъ котораго онъ былъ. Какъ сынъ революціи, онъ разрушалъ всюду феодальный укладъ, и расчищалъ дорогу для побѣднаго шествія третьяго сословія. И если европейская буржуазія культивируетъ наполеоновскую легенду всюду безъ различія національностей, она воздастъ этимъ безсознательную дань признательности человѣку, такъ много сдѣлавшему для нея. Этимъ отчасти и объясняется, что такъ легко забыто все остальное. Но тутъ есть еще одна причина.

Если люди охотно прощаютъ все зло, которое Наполеонъ-императоръ сдѣлалъ Франціи, то это потому еще, что въ катастрофѣ, къ которой онъ привелъ страну, одинъ изъ самыхъ тяжкихъ ударовъ достался ему самому. У него была своя Голгофа—Св. Елена; у него были свои Іуды безъ числа, начиная отъ Талейрана и Бернадота и кончая Мармономъ и Ожеро; у него былъ свой палачъ, лютый и свирѣпый, какъ сорокъ тысячъ палачей испанской инквизиціи: Гудсонъ Лоу. Когда трагическая эпопея послѣднихъ шести лѣтъ жизни Наполеона дошла до Франціи въ простыхъ, безыскусственныхъ повѣствованіяхъ Ласказа, О'Мэары и генераловъ, взрывъ негодованія, состраданія, самой простой, по человѣчеству, жалости былъ таковъ, что послѣ него не осталось никакихъ укоровъ, разсыпались всѣ обвиненія, смолкла сама справедливость.

Поэты, глашатаи народныхъ чувствъ, принесли ему отпущеніе. Пушкинъ сказалъ:

Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почилъ
И лучъ безсмертія горитъ...

¹⁾ Два вѣка, стоя въ полномъ вооруженіи одинъ противъ другого, обратились къ нему. Воцарилось молчаніе, и онъ судьею сѣлъ между ними.

Гюго повторилъ:

Les peuples alors, de l'un à l'autre pôle,
Oubliant le tyran, s'éprirent du héros...

Притомъ, не просто героемъ, а героемъ, котораго замучили и заплевали пигмеи. Ему Европа была мала для размаха, а онъ былъ брошенъ на крошечную скалу, заблудившуюся въ океанъ, да и на ней еще ему начертили предѣлы движенія; когда онъ подходилъ къ этимъ предѣламъ, онъ видѣлъ передъ собою вызывающую улыбку англійскаго часового, и не было съ нимъ Дюрока и взвода старой гвардіи, чтобы разогнать мѣлководные всюду назойливые красные мундиры. Онъ потрясалъ міромъ, игралъ судьбами народовъ, изъ королевскихъ троновъ дѣлалъ какія-то бирюльки, и это утешало порою его титаническую энергію. Теперь ему предупреди-

тельно предлагали для наполненія досуговъ заняться мемуарами и садоводствомъ. Онъ любилъ считать свои дивизіи, колеса той живой колесницы, на которой онъ въѣзжалъ триумфаторомъ въ столицы Европы; здѣсь онъ считалъ бѣлыхъ чаекъ, рѣзавшихъ надъ океаномъ. Онъ, кому императоръ Австріи не посмѣлъ отказать въ рукѣ своей дочери, терпѣлъ недостатокъ во всемъ и перелицовывалъ свой старый зеленый мундиръ. Его, великана, на - смерть пронзеннаго мечомъ, безпрестанно донимали мелкими булавочными уколами. «Мнѣ нужно было умереть подъ Ватерлоо», жаловался онъ близкимъ. «Вы думаете, что англійское правительство рѣшило держать меня здѣсь до смерти?» тревожно спрашивалъ онъ у одного англичанина, навѣстившаго его: «Боюсь, что да». —

Наполеонъ (Ф. Штука).

«Тогда я умру скоро». И было грустное спокойствіе въ отвѣтъ... Онъ ходилъ въ своей гранитной клѣткѣ, живой только воспоминаніями, и «пролетавшіе орлы его не узнавали». Смерть приближалась...

Un jour enfin il mit sur son lit son épée,
Et se coucha près d'elle et dit: c'est aujourd'hui.
On jeta le manteau de Marengo sur lui.

(Гюго).

Св. Елена для славы Наполеона была какъ чистилище. Все тяжелое, мрачное, въроломное, все неискреннее и неправое было сброшено тамъ, прилипло къ Гудсону Лоу, какъ замогильное проклятіе императора. При Наполеонѣ остался одинъ его геній, одно величіе.

Это—для общества, главнымъ образомъ, буржуазнаго. Наука, которая никогда не увлекается и никогда не поддается опьяннiю, твердо помнитъ факты. Наука не можетъ забыть нѣкоторыхъ вещей: гнусностей Фуше, виртуозностей деспотизма, «намордниковъ» всякаго рода, постоянныхъ нарушенiй закона, застрѣленнаго герцога Энгьенскаго, изгнаннаго Моро, отодвинутаго Массену, ненужныхъ войнъ и тысячъ тысячъ загубленныхъ жизней. Наука отмѣчаетъ, какъ важнѣйшiй выводъ исторiи Наполеона, что даже онъ, «мужъ рока», который осаждалъ своими фантазiями Провидѣнiе, и изъ своихъ капризовъ дѣлалъ законы для человѣчества,—даже онъ при всемъ своемъ колоссальномъ генiи, потерпѣлъ крушенiе только потому, что свои личные интересы поставилъ выше интересовъ страны, довѣрившей ему свою судьбу. Ибо власть подточила генiй. Наука признаетъ то, въ чемъ онъ былъ великъ. Но она должна сказать, что тронъ этого человѣка съ желѣзной поступью, выкованный на пороховомъ огнѣ, былъ сложенъ изъ человѣческихъ костей, и что среди этой груды были не только кости погибшихъ на войнѣ...

А. Дживелеговъ.

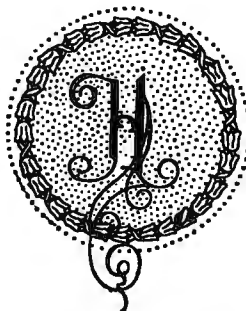

Обѣдъ въ походѣ (Гардѣтъ).

II. Наполеонъ, какъ полководецъ.

Нап. А. А. Рябинина.

I.

«Бѣтъ великаго человѣка безъ великаго событiя», говоритъ Сегюръ о Наполеонѣ. Такимъ великимъ событiемъ, выдвинувшимъ на сцену исторiи новаго великаго полководца, Наполеона, была французская революцiя.

Для того, чтобы новой Францiи выйти побѣдительницей изъ борьбы съ коалицiей старой Европы, отъ нацiи потребовалось напряженiе всѣхъ силъ, понадобилось поставить въ ряды армiи все, что было живо, молодо, весь цвѣтъ ея. Открылась «каръ-

ера талантамъ». Справедлива была поговорка, что французскій солдатъ носилъ въ ранцѣ маршальскій жезлъ. Изъ рядовъ простыхъ солдатъ вышли маршалы Даву и Массена и цѣлый рядъ талантливыхъ офицеровъ. Одухотворенная идеей борьбы за родину, «амальгама» вылилась въ первую армію въ міръ.

Командный составъ, офицеры и генералы, сливался съ низшимъ во внутренней, идейной сторонѣ жизни арміи, сохраняя свое достоинство и авторитетъ. Полковникъ Мишель рассказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ стрѣлокъ, раненый подъ Бородиномъ, на глазахъ своего начальника дивизіи Фріана, обратился къ нему: «Генераль, четырнадцать лѣтъ я былъ подъ вашимъ начальствомъ—дайте вашу руку, и я умру спокойно».

Противъ такой арміи въ коалиціи выступали, за исключеніемъ русской, арміи, вербованныя, наемныя или только начавшія переходъ къ новой системѣ народа во оружіи,—арміи, воспитанныя на принципъ, что солдатъ долженъ бояться больше палки капрала, чѣмъ пули непріятеля. Онѣ, можетъ-быть, первое время превосходили внѣшней дисциплиной и установившейся организаціей, но морально французы стояли неизмѣримо выше. Прусскій офицеръ 1805—6 гг. даетъ такой отзывъ: «Въ бою, въ огонь французы дѣлаются какими-то сверхъестественными существами. Они воодушевлены такимъ необыкновеннымъ пыломъ, котораго и слѣда нѣтъ среди нашихъ прусскихъ солдатъ. Прусскій солдатъ не раздѣляетъ ни чувствъ, ни наградъ своихъ офицеровъ». Многіе говорятъ, что Наполеонъ умѣлъ выбирать людей. Вѣрнѣе было бы сказать, что Наполеонъ сумѣлъ удержать систему и людей для руководства арміей. Наполеонъ не только не имѣлъ намѣренія ломать установившійся порядокъ, но и противился этому, цѣняя достоинство этого команднаго состава, не нарушая естественнаго хода развитія и образованія его. Революціонные генералы и солдаты стали наполеоновскими, сохранивъ весь свои военныя добродѣтели.

Войны 1792—1796 гг. выдвинули изъ рядовъ арміи на верхи талантливыхъ генераловъ и укрѣпили систему комплектованія, организаціи и довольствія войскъ. Эти войны были школой для будущей завоевательной наполеоновской арміи.

За 1792—1796 гг. Франція выставила для защиты своихъ границъ рядъ армій, которыя были разбросаны по всемъ ея границамъ самостоятельными отрядами. Эти отряды дѣйствовали, двигались и сражались врозь. Храбрость, умъ и общее уваженіе выдвинули въ голову отрядовъ способныхъ командировъ. Тотъ могъ удержаться на постахъ начальниковъ высшихъ соединеній войскъ, дивизій, кто умѣлъ побуждать. Не имѣя средствъ питать арміи подвозомъ и сложной магазинной системой, французы перешли къ питанію ихъ мѣстными средствами и отъ этого только выиграли въ подвижности. Войны 1792—1796 гг. воспитали въ начальникахъ дивизій инициативу дѣйствовать сообразно обстановкѣ, не боясь ответственности, быстро, рѣшительно, и не полагаясь ни на что другое, кромѣ своихъ силъ.

Франція отбила удары и почувствовала силу перейти въ наступленіе.

Для борьбы съ объединенной Европой пужны были объединенныя силы. Въ періодъ 1792—1796 гг. на границахъ дѣйствовали отдѣльные

Императоръ (Raffet).

самостоятельныя дивизіи. Это свойственно было этому времени крайняго внутренняго броженія, отрицанія авторитетовъ и оборонительной задачъ арміи. Операціи дивизій, конечно, являются разрозненными усиліями борьбы на всемъ огромномъ протяженіи границъ. Внутреннее броженіе изъ анархіи скрѣпляется въ болѣе стройный государственный порядокъ, и дивизіи сводятся въ арміи въ силу общихъ политическихъ обстоятельствъ. Этого требовалъ духъ времени. Франція окрѣпла, перешла въ наступленіе. Послѣ благопріятныхъ результатовъ кампаніи 1795 года, Карно предложилъ грандіозный проектъ—тремя арміями двинуться на Вѣну, столицу главнаго врага новой Франціи. Эти три арміи: первая—Самбро-Маасская, генерала Журдана, вторая—рейнская, генерала Моро, и третья—итальянская, генерала Бонапарта. Журданъ долженъ былъ двинуться черезъ долину Майна, Моро—черезъ Верхній Дунай и Бонапартъ—отъ Генуи черезъ Альпы, на соединеніе съ Моро.

Штурмъ Тулона и усмиреніе заговора 13 вандемьера изъ капитана Бонапарта сдѣлали генерала и главнокомандующаго арміи на итальянскомъ театрѣ. Предстоящая война должна была рѣшиться, кому изъ трехъ главнокомандующихъ отдать предпочтеніе на случай, если силы Франціи будутъ нуждаться въ объединеніи. Побѣдоносная кампанія такъ называемой итальянской арміи Бонапарта показала, что главнокомандующій ея не случайный выскочка Тулона и 13 вандемьера, а полководецъ Божіей милостію. Итальянская кампанія была для Наполеона экзаменомъ на санъ

полководца. 4 дивизіи, предводимыя отличными генералами, какъ Лагарпъ, Массена, Ожеро, Серрюрье, соединяются въ армію, и эта армія, подъ начальствомъ Бонапарта, была тѣмъ тараномъ, которымъ Франція пробила брешь въ охватывающемъ ее желѣзномъ кольцѣ враждебной ей коалиціи. Послѣ итальянской кампаніи страна и армія ясно увидѣли пользу концентраціи силъ, и естественно закрѣпилась идея Карно, что Франція можетъ поддержать свое величіе, собравъ разрозненныя силы въ массы и поставивъ во главѣ ихъ талантливѣйшаго изъ своихъ генераловъ, а таковымъ, и помимо политическихъ переворотовъ, въ силу чисто военныхъ способностей, являлся Бонапартъ. Къ 1800 году, когда совершилось объединеніе начальствованія надъ всѣми вооруженными силами Франціи, было живо воспоминаніе о побѣдахъ Бонапарта въ Италіи въ 1796—97 гг., и на ряду съ этимъ неудача и потеря Италіи въ 1799 году, въ кампанію противъ Суворова лучшими генералами, какъ Макдональдъ и Жуберъ. Объединеніе совершилось, и рядъ блестящихъ по замыслу и исполненію кампаній 1800, 1805, 1806—7 и 1809 гг. показали, что превосходный боевой составъ французской арміи, имѣя къ тому же твердую идейную почву для войнъ, руководился величайшимъ полководцемъ новаго времени.

II.

Лучшимъ качествомъ полководца Наполеонъ считаетъ равновѣсіе ума и характера. Это равновѣсіе у самого Наполеона сказывалось какъ при подготовительной работѣ операцій, въ тиши кабинета, такъ и въ самыя критическія минуты его полководческой дѣятельности, на полѣ сраженія, Идеи, жизнеспособныя и смѣлыя, зарождались въ головѣ полководца. а энергичное проведеніе ихъ въ реальной дѣйствительности вело къ побѣдѣ.

Біографы Наполеона отмѣчаютъ умъ его положительнымъ, привычнымъ къ строгому расчету и чуждымъ увлеченій. Мы припомнимъ, что еще въ Бріенской школѣ онъ отличался прилежаніемъ къ математическимъ наукамъ. Получивъ широкое развитіе, въ особенности отъ чтенія въ школѣ и молодымъ офицеромъ, Наполеонъ, какъ южанинъ, къ тому же обладалъ большой дозой воображенія. Такое сочетаніе холоднаго расчета съ крылатой мыслью дало ту быстроту стратегическихъ комбинацій, неожиданностью которыхъ онъ поражалъ своихъ противниковъ и вызывалъ удивленіе современниковъ. И всѣ расчеты были близки къ дѣйствительности. За нѣсколько дней до отъѣзда въ 1800 году въ армію, по свѣдѣтельству секретаря, Наполеонъ изучаетъ карту театра войны, съ инженеромъ Мореско проектируетъ переходъ черезъ Сень-Бернаръ, дѣлаетъ отмѣтки на картѣ: «Здѣсь отойдетъ Меласъ отъ Генуи, а здѣсь произойдетъ сраженіе, которое рѣшитъ участь кампаніи». Такъ и произошло въ дѣйствительности то, что казалось невѣроятнымъ для посредственныхъ австрійскихъ генераловъ.

Чтобы проводить свои идеи въ жизнь, налицо у Наполеона было развитіе характера, главной чертой котораго являлась несокрушимая воля. Невозможное для посредственностей становилось возможнымъ у Наполеона, какъ, напримѣръ, походъ къ пирамидамъ, переходъ съ арміей Сень-

Бернара, переходъ съ боемъ Дуная у Лобау. Упорное проведеніе разъ принятаго рѣшенія приводило къ достиженію того, что казалось уже потеряннымъ (Арколе, Ваграмъ). Умъ Наполеона, до самаго заката его полководческой дѣятельности, поражаетъ свѣжестью творчества, въ характеръ же произошелъ замѣтный переломъ, который относится приблизительно ко времени, слѣдующему за окончаніемъ войны 1809 года.

1796—1809 годы—расцвѣтъ физическихъ и духовныхъ силъ Наполеона, и этотъ періодъ характеризуется удивительной физической энергіей и силой творчества въ созданіи плановъ кампаній и сраженій. Въ самыя критическія минуты операций, когда счастье, казалось, отвернулось, новая идея, энергично выполненная, приводила дѣло къ счастливой развязкѣ. 40 верстъ на конѣ въ день, бивачная суровая жизнь перваго солдата арміи, короткій подкрѣпляющій сонъ и неутомимая энергія въ руководствѣ на полѣ сраженія были обычной картиной дѣятельности полководца. Послѣ Аустерлица самъ Наполеонъ говорилъ: «Выигрышъ и успѣхъ ограниченъ. Для успѣха въ военномъ дѣлѣ есть свое время; я буду пригоденъ еще лѣтъ шесть, послѣ чего я самъ долженъ остановиться». Послѣ отступленія отъ Москвы во французской арміи вспоминали эти слова Наполеона. И фатально для себя и Франціи онъ не «остановился». Во вторую половину дѣятельности, какъ, напримѣръ, въ 1812—1813 гг., онъ часто совѣщается съ окружающими. Самъ Наполеонъ впоследствии, на островѣ Св. Елены, сознается: «Станнымъ, пожалуй, покажется обстоятельство, но, тѣмъ не менѣе, оно совершенно вѣрно, что всѣ мои ошибки сдѣланы подъ вліяніемъ утомленія, вызваннаго надоедливыми требованіями окружающихъ меня лицъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе уступки совѣтамъ маршаловъ, я потерялъ армію во время отступленія изъ Россіи. Я хотѣлъ двинуться изъ Москвы въ Петербургъ, или же вернуться по юго-западному пути; я никогда не думалъ выбирать для этой цѣли дороги на Смоленскъ и Вильну».

Наполеонъ (Вериз).

Въ 1813 году, по словамъ мемуаровъ маршала Мармона, Наполеонъ сидитъ въ своей комнатѣ, куда вносятъ его кровать и карты. Только Дрезденская операція проводится съ былой энергіей. Въ 1815 году подъ Ватерлоо мы видимъ апатичнаго полководца, совсѣмъ не похожаго на Бонапарта кампаній 1796—1800 и Наполеона 1805—1809 гг.

III.

Была ли, какъ иногда выражаются, «наполеоновская» стратегія и тактика? Вѣрнѣе, называть «стратегія и тактика въ эпоху Наполеона», потому что было примѣненіе общихъ неизмѣнныхъ принциповъ вожденія войскъ, приуроченное къ обстановкѣ времени и мѣста. Самъ Наполеонъ говоритъ: «Должно вести войну такъ, какъ вели ее Александръ, Аннибаль, Цезарь, Густавъ-Адольфъ, Тюрень, принцъ Евгений Савойскій и Фридрихъ Великій. Читайте, изучайте ихъ походы и старайтесь образовывать себя по этимъ высокимъ примѣрамъ—вотъ единственное средство сдѣлаться великимъ полководцемъ и проникнуть въ тайны военного искусства».

Разсматривая походы семи великихъ полководцевъ, Наполеонъ дѣлаетъ выводы, указываетъ общіе неизмѣнные принципы военного искусства:

- 1) полководцы дѣйствовали, имѣя силы сосредоточенными;
- 2) устремлялись на важнѣйшіе пункты;
- 3) пользовались всѣми моральными и политическими средствами;
- 4) вели войну методически, т.-е. сообразно со средствами и обстоятельствами.

Эти черты свойственны стратегіи на театрѣ войны и тактикѣ на полѣ сраженія полководчества самого Наполеона. Онъ слѣдовалъ правилу римлянъ, говорившихъ, что нельзя вести двѣ войны за разъ. И при необходимости вести войну на нѣсколькихъ театрахъ одновременно, на одномъ изъ нихъ онъ стремился сосредоточить превосходныя силы. Побѣда на этомъ театрѣ, главномъ по значенію, рѣшала участь всей кампаніи.

Въ 1800 году мы видимъ перваго консула Бонапарта во главѣ всѣхъ силъ въ первый разъ. Къ началу кампаніи армія Моро находилась на германскомъ театрѣ, а Массены—у Генуи на итальянскомъ. Наполеонъ перебрасываетъ въ Италію третью, резервную, армію и однимъ большимъ сраженіемъ у Маренго рѣшаетъ участь войны. Въ 1805 году на второстепенномъ по значенію, итальянскомъ театрѣ войны противъ 100-тысячной арміи эрцъ-герцога Карла Наполеонъ оставляетъ Массену съ 50 тысячами, а самъ съ превосходными силами наноситъ пораженіе коалиціи на германскомъ театрѣ.

Основная идея всякаго плана кампаніи у Наполеона выражалась въ его словахъ: «*Je ne désire rien tant qu'une grande bataille*». Онъ желалъ только одного большого сраженія, которое бы рѣшило сразу участь войны. Объектомъ дѣйствія своей арміи онъ всегда ставилъ живую силу противника, армію, не придавая значенія крѣпостямъ, укрѣпленнымъ линіямъ и географическимъ рубежамъ. Господствовавшая въ Западной Европѣ въ XVIII вѣкѣ система позиціонной войны была чужда его смѣлой по размаху стратегіи. 16 сраженій отдали въ его руки 153 крѣпости. А въ

итальянскую кампанію онъ прямо бросаетъ осаду Мантуи и даже свой осадный паркъ и устремляется на полевую армію австрійцевъ. Но въ 1813 году, во вторую половину своей дѣятельности, онъ какъ будто забываетъ иногда свои правила стратегіи полевой войны и разсыпаетъ значительную часть силъ по германскимъ крѣпостямъ: теряетъ ихъ тамъ для главныхъ операцій въ полѣ.

Планъ кампаніи у него былъ только до перваго большаго сраженія, а если война затягивалась, то новое рѣшеніе принималось Наполеономъ согласно новой обстановкѣ. Обезопасивъ свою операціонную линію, онъ часто неожиданнымъ смѣлымъ маневромъ появлялся на сообщеніяхъ противника и наносилъ ударъ въ наивыгоднѣйшемъ направленіи (Маренго, Ульмъ). Быстрое наступленіе заканчивалось развертываніемъ превосходящихъ силъ на рѣшительномъ пунктѣ. Часто будучи слабѣе на театрѣ войны, Наполеонъ оказывался сильнѣе на полѣ сраженія. Вся кампанія 1796—97 гг. подтверждаетъ это умѣнье съ меньшими силами на театрѣ войны быть сильнымъ въ пунктѣ удара. Начинаящій полководецъ, генералъ Бонапартъ съ 30-тыс. арміей противопоставленъ въ началѣ войны 80 тысячамъ союзниковъ (австрійцевъ и пьемонтцевъ). Ловкимъ маневромъ онъ разъединяетъ ихъ при Монтенотте, бьетъ по очереди при Дего и Миллезимо и въ 4 дня переходитъ Альпы. При Мондови оканчивается разгромъ, а у Лоди пробивается черезъ Адду и выходитъ въ долину По. Формируется новая австрійская армія въ 80 тыс., и, вмѣсто Болье, становится во главѣ ея Вурмзеръ, который двумя корпусами готовъ раздавить 45 тысячъ

Наполеонъ на бивуакѣ при Аустерлицѣ.

Бонапарта. Послѣдній бросаетъ осаду Мантуи, выдѣляетъ противъ австрійскихъ корпусовъ дивизіи Массены и Ожеро. Самъ съ резервомъ бросается на помощь сначала къ Массенѣ, потомъ къ Ожеро и окончательно разбиваетъ Вурмзера, собравъ свои силы у Кастильоне. Послѣ этого погрома австрійцы снова выставляютъ 80 тыс. подъ начальствомъ Альвинци. Подъ Вероной эта масса должна была разбить Бонапарта. Онъ отступаетъ черезъ западныя ворота, но неожиданно поворачиваетъ назадъ къ Ронко, переходитъ Адду и атакуетъ непріятеля въ такомъ мѣстѣ, гдѣ движеніе возможно лишь по дорогамъ среди болотъ, гдѣ численность войскъ равно ничего не значитъ, потому что негдѣ развернуться, гдѣ моральныя качества войскъ все — и у деревни Арколе, при этихъ условіяхъ, разбиваетъ Альвинци, послѣ чего возвращается въ Верону побѣдителемъ, только уже въ восточныя ворота. Снова собирается разбитая австрійская армія, усиливается до 90 тыс. человекъ и переходитъ черезъ горы шестью колоннами, но прежде, чѣмъ эти колонны успѣли соединиться по выходѣ изъ горъ, онѣ были разбиты у Риволи Бонапартомъ. Не даромъ самъ Наполеонъ признавалъ итальянскую кампанію лучшей по исполненію изъ веденныхъ имъ, но эти черты свойственны были и другимъ его кампаніямъ, въ особенности 1800—1809 годовъ, т.-е. первой, лучшей половины его полководческой дѣятельности и отчасти кампаніи 1814 года. «На полѣ сраженія нѣтъ лишняго батальона и эскадрона», говорилъ онъ и находилъ удачное примѣненіе каждому батальону и эскадрону. По словамъ Наполеона, генералы, сберегающіе свои войска ко дню, слѣдующему за сраженіемъ, обыкновенно бываютъ биты. Но самъ онъ, на закатѣ своей дѣятельности, невольно слѣдуетъ этому: подъ Бородиномъ въ критическую минуту онъ не рѣшается бросить въ дѣло гвардію и тѣмъ приводитъ сраженіе къ сомнительному успѣху, при Линьѣ въ 1815 году неразбитый, благодаря этому, окончательно Блюхеръ потомъ можетъ двинуться къ Ватерлоо на помощь Веллингтону. Въ войны 1796—1809 гг. большія сраженія, подъ руководствомъ Наполеона, заключались сначала въ одновременномъ развертываніи корпусовъ и затѣмъ рѣшительной атакѣ всѣми силами (*le coup de collier*), завершавшейся энергичнымъ преслѣдованіемъ.

Разбитые въ итальянскую кампанію, австрійскіе генералы оправдывались тѣмъ, что Бонапартъ игнорируетъ самые элементарные принципы военнаго искусства. Въ дѣйствительности, подъ «принципами» они подразумѣвали тяжелый балластъ изъ шаблона и рутины одряхлѣвшей системы вербованныхъ армій XVIII столѣтія съ линейной тактикой, малоподвижной магазинной системой, позиціонной войной на географическихъ рубежахъ, подавленной инициативой и палкой капрала. Конечно, Бонапартъ былъ чуждъ такого «искусства», какъ чужды были его и другіе французскіе генералы и сами войска. Въ стратегіи и тактикѣ, подъ энергичнымъ руководствомъ Наполеона, французская армія попираетъ устарѣвшіе шаблоны и является побѣдительницей на поляхъ сраженій.

Въ революціонныя войны 1792—1797 гг. французскія отдѣльныя арміи жили на средства страны: при Наполеонѣ, когда отдѣльныя арміи для нанесенія удара массой собиравлись вмѣстѣ, сохранился прежній принципъ «врозь двигаться» (чтобы жить) и прибавился новый «вмѣстѣ бить» (чтобы побѣдить концентраціей силъ). Вмѣсто дивизій высшимъ такти-

Наполеонъ передъ битвой (де-Буалекогда).

ческимъ соединеніемъ стали корпуса, каждый изъ 2 до 5 дивизій. Кавалерія, кромѣ корпусной, собирается въ большія массы, корпуса и дивизіи, и получаетъ вполне самостоятельное значеніе. Она не только производитъ широкую развѣдку на театръ войны, освѣщаетъ театръ войны и ориентировать полководца въ обстановкѣ, прикрываетъ и скрываетъ отъ глазъ противника непроницаемой завѣсой маневрированіе своей арміи, въ минуты кризиса боя она лихой атакой довершаетъ ударъ пѣхоты и послѣ боя преслѣдуетъ противника до полного изнеможенія его. Во главѣ этихъ конныхъ массъ становятся генералы съ искрой предпріимчивости и отчаянной храбрости, необходимыхъ хорошему кавалерійскому начальнику; такими были Мюратъ, Лассаль, Бессьеръ, Нансути, Монбренъ.

Корпуса арміи получаютъ большую самостоятельность. Тактика маневра играетъ большую роль. Полководецъ не можетъ непосредственно руководить каждымъ движеніемъ ихъ. Наполеонъ давалъ общую идею операціи, указывалъ цѣль дѣйствій. Корпусный командиръ имѣлъ большую самостоятельность выбирать средства для исполненія и рѣшать частныя задачи въ развитіе общей идеи. Вся операція пріобрѣтаетъ при этихъ условіяхъ большую подвижность, стройность и гармоничность. Для командованія такими самостоятельными корпусами Наполеонъ, съ самаго начала своей полководческой дѣятельности, получилъ готовый контингентъ генераловъ, какъ Массена, Даву, Макдональдъ, Бернадотъ, Ланнъ, Сультъ, Ней, Викторъ, Сень-Сиръ, Вандамъ. Достаточно изучить любую изъ кампаній Наполеона, чтобы убѣдиться, что успѣхъ могъ быть достигнутъ именно съ такимъ команднымъ составомъ, полнымъ инициативы и другихъ военныхъ добродѣтелей, даже при наличности нѣкоторыхъ недостатковъ иного свойства. При жалобѣ на Вандама Наполеонъ отвѣтилъ: «Если бы у меня

былъ другой Вандамъ, то я повѣсилъ бы перваго за это». У Наполеона въ 1813 году вырвалась при неудачѣ фраза, что маршалы могутъ воевать только на большихъ дорогахъ, т.-е. будучи достаточно ориентированы свыше. Но при безпристрастномъ изученіи всего цикла войнъ можно усомниться въ справедливости этой фразы.

При этихъ условіяхъ управленіе арміей сводилось къ отдачѣ приказаній, указывающихъ цѣль дѣйствій, не вдаваясь въ опредѣленія средствъ исполненія. Позднѣе, императоръ писалъ письма-наставленія маршаламъ, командовавшимъ большими массами. Это—та же система, которая получила позднѣе наименованіе управленія посредствомъ директивъ. Судьба дала Наполеону идеальнаго начальника штаба въ лицѣ Бертье. Сынъ ученаго географа, Бертье, еще въ кабинетѣ отца привыкъ къ работѣ съ картой. Послѣ Ватерлоо не даромъ императоръ говорилъ: «Если бы у меня былъ Бертье, я не былъ бы разбитъ». Да и среди болѣе молодого состава были образованные офицеры, какъ Жomini (начальникъ штаба Нея), Воданкуръ и другіе. Въ кампанію 1805 года союзники разбросали свои арміи по Германіи и Италіи. Наполеонъ съ 7 корпусами переходитъ Рейнъ. Корпуса Бернадота, Мармона и Даву, обходя правый флангъ арміи Мака подѣ Ульмомъ, отрѣзали ее отъ Вьны. Корпуса Сульта, Ланна и Мюрата, идя на Донаувертъ, разъединяютъ Мака отъ другихъ австрійскихъ армій. Макъ растерялся, повернувъ фронтъ къ Вьнѣ, имѣя за собой Дунай. Попытка отступить парализуется дивизіей Дюпона, отрѣзавшей ему послѣдній путь. И Макъ сдается на капитуляцію. Мармонъ у Граца разбиваетъ эрцгерцога Іоанна, Ожеро въ Тиролѣ разбиваетъ Іелачича, а Даву у Пресбурга отрѣзываетъ одну отъ другой двѣ австрійскія арміи, итальянскую и моравскую. Подѣ Аустерлицемъ сосредоточились арміи союзниковъ. Наполеоновская армія вся стремится къ полю сраженія. Наполеонъ даетъ новую задачу корпусамъ, и армія союзниковъ расколота на три части атакой Сульта, Ланна и Бернадота, а Даву, до тѣхъ поръ защищавшійся на правомъ флангѣ, перейдя въ наступленіе, довершаетъ разгромъ. Отъ Ульма до Аустерлица кампанія разыграна въ полной гармоніи идейнаго творчества полководца съ частными задачами подчиненныхъ генераловъ. То же мы видимъ въ началѣ кампаніи 1809 года. Французскіе корпуса на верхнемъ Дунаѣ застигнуты почти врасплохъ наступающей австрійской арміей, врѣзавшейся всей громадой въ ихъ расположеніе между Регенсбургомъ и Донаувертомъ. Но еще австрійскіе генералы не успѣли ориентироваться въ создавшейся благопріятно для нихъ обстановкѣ, какъ разбросанные на 120 верстъ французскіе корпуса, еще до прибытія Наполеона, стали сжимать свои желѣзные клещи, и черезъ 5 дней, расколота на куски, разбитая австрійская армія, не привыкшая къ маневру на такомъ огромномъ полѣ сраженія, отступила къ Вьнѣ.

Войны 1792—1796 гг., съ самостоятельными небольшими арміями на границахъ, приучили французскихъ маршаловъ водить войско, а гений великаго полководца связывалъ въ стройную массу отдѣльные корпуса. Способъ управленія войскъ Наполеономъ явился прототипомъ для нынѣшнихъ новѣйшихъ войнъ.

Признавая огромное значеніе моральнаго начала, Наполеонъ широко пользовался политическими обстоятельствами, чтобы придать войнѣ идей-

ный характеръ. Совмѣщая въ своемъ лицѣ императора и полководца, онъ стремился вести политику рука объ руку со стратегіей, чѣмъ всегда превосходилъ своихъ противниковъ, имѣвшихъ гофкригсраты и т. п. мертвящія начала стратегіи. Вліяніе Наполеона на массы было огромно. Онъ былъ кумиромъ своихъ войскъ, которыя онъ водилъ къ непрерывнымъ побѣдамъ. Его появленіе передъ войсками поднимало духъ. Достаточно вспомнить вечеръ передъ Аустерлицемъ, когда Наполеонъ вышелъ изъ своей палатки въ лагерь и семь корпусовъ его арміи разразились неудержимой оваціей своему полководцу. Союзники съ удивленіемъ увидѣли море факеловъ и услышали восторженный крикъ десятковъ тысячъ солдатъ, — а на утро удивленные зрители уже были разбиты. Или даже въ минуту своего паденія, когда на прощаньи въ Фонтенебло всѣ солдаты старой гвардіи, совершавшіе 20 лѣтъ походы съ Наполеономъ, выразили желаніе слѣдовать за нимъ въ изгнаніе!

Наполеонъ дѣйствовалъ на воображеніе противника неожиданностью своихъ дѣйствій, захватомъ инициативы въ свои руки, господствомъ надъ волей противника. Не считаясь съ тѣмъ, что хочетъ противникъ, онъ отдавалъ ясно отчетъ, что онъ самъ хочетъ.

Съ поразительной быстротой создавались планы кампаніи и такъ же приводились въ исполненіе. Въ 1800 году весной первый консулъ принимаетъ рѣшеніе съ резервной арміей итти на помощь Массенъ, выйдя сразу на сообщенія Меласа черезъ Альпы. Черезъ нѣсколько дней все уже готово къ походу. 6 мая Бонапартъ оставляетъ Парижъ, 22 мая его авангардъ (Ланнъ) уже въ Италіи, 2 іюня первый консулъ уже вступаетъ въ Туринъ, 16 іюня разбиваетъ при Маренго смущеннаго, совершенно потерявшагося Меласа.

Въ 1805 году Наполеонъ, считая Англію главнымъ противникомъ, создалъ планъ десанта на нее и у Булони для посадки собралъ 147 тыс. На 13 августа онъ получаетъ извѣстіе, что французская эскадра заперта Нельсономъ въ Кадиксъ. Наполеонъ понялъ, что планъ десанта рушился, и черезъ часъ онъ уже диктуетъ главному интенданту арміи, Дарю, новый планъ: армія изъ Булони перебрасывается на Рейнъ, мѣняетъ фронтъ къ Дунаю, имѣя первою цѣлью разгромъ австрійской арміи, расположенной подъ Ульмомъ. 27 августа корпуса получили приказаніе, 29-го двинулись. Союзники считали французовъ за 500 верстъ, когда послѣдніе были уже на Рейнѣ, и сдача Мака явилась естественнымъ слѣдствіемъ этой стратегіи глазомѣра, быстроты и натиска.

Въ 1806 году Наполеонъ говоритъ про пруссаковъ:

Наполеонъ при Маренго.

«Пока они совѣщаются, французская армія двигается». Прусскій главнокомандующій, герцогъ Брауншвейгскій, двигается съ арміей съ цѣлью отрѣзать французскіе корпуса отъ Франціи и не замѣчаетъ, что онъ самъ уже отрѣзанъ отъ Берлина. Его двѣ арміи гибнутъ одновременно: одна разбита у Иены самимъ Наполеономъ, другая уничтожена Даву подъ Ауэрштедтомъ. Наполеонъ не создавалъ «своей» тактики. Новая французская армія выработала ко времени выступленія его во главѣ арміи свои приемы, вытекающіе изъ свойствъ самой арміи и духа времени.

Сегюръ объ арміи 1796 года писалъ: «Манера сражаться у нихъ была особенная. При встрѣчѣ съ непріятелемъ стрѣлки отдѣлялись отъ батальоновъ, разсыпались и завязывали бой. Батальоны съ крикомъ стремились впередъ, бросались на непріятеля и опрокидывали его неожиданной яростной

Конецъ міра: «для основанія великой имперіи, уничтожимъ всѣхъ людей» (совр. карик.).

атакой. Если случалось, что непріятель оставался твердымъ и отбивалъ первый приступъ, тогда кто-нибудь изъ офицеровъ или генераловъ схватывалъ знамя и велъ на приступъ солдаты¹⁾. Тогда снова начиналась атака и успѣхъ былъ полный». Даву подъ Ауэрштедтомъ обратился къ своимъ полкамъ: «Великій Фридрихъ говорилъ, что только «большіе» батальоны рѣшали побѣду; онъ говорилъ неправду—это могутъ сдѣлать самыя упрямые и стойкіе». Эти настойчивыя атаки воодушевленныхъ массъ были характерной чертой французской пѣхоты. Кавалерія соперничала въ отвагѣ. Артиллерія всегда была съ ними и, въ случаѣ надобности, на полѣ сраженія массировалась въ большія батареи (Ваграмъ, Фридландъ, Бородино). Наполеонъ, какъ артиллеристъ по началу карьеры,

¹⁾ Какъ самъ Наполеонъ при Арколс, Лангъ подъ Регенсбургомъ.

умѣлъ примѣнять ее капитаномъ подъ Тулономъ и императоромъ - полководцемъ подъ Ваграмомъ и Бородиномъ.

IV.

Кампанія 1812 года, съ послѣдующимъ отступленіемъ отъ Москвы до Парижа, отличается отъ кампаніи первой половины полководческой дѣятельности Наполеона 1796—1809 годовъ. Честолюбіе императора не шло въ руку съ холоднымъ расчетомъ полководца. Въ 1805 г. Наполеонъ говорилъ, что въ Европѣ возможны теперь лишь войны гражданскія, войны народовъ, а не правительствъ. Война 1812 года для французской арміи являлась далеко не такой, съ идейной стороны, какъ войны 1796—1809 гг.

Испанія должна была служить для Наполеона достаточнымъ предостереженіемъ. Въ узко-военномъ смыслѣ это не была война навѣрняка, а война *à banque*.

Египетская экспедиція 1799 г. и кампанія 1812 г. имѣютъ общія черты: Средиземное море, въ случаѣ побѣды британскаго флота, отрѣзало французскую армію отъ отечества, своей естественной базы дѣйствій; въ 1812 году въ тылу была глухо волнующаяся Германія и каждое собственное пораженіе ставило французскую армію въ такое же, если не хуже, критическое положеніе. Между Парижемъ и Москвой было море земли. Въ Египтъ и въ Россіи предстояла борьба съ природой. Замѣтимъ, что нынѣшнія условія состоянія техники, пожирающей пространство, не были еще къ услугамъ Наполеона. А въ далекомъ тылу 100 тысячъ превосходныхъ войскъ, съ хорошими генералами, какъ Сульть, Сюше, Мармонъ, были оторваны на бесплодную борьбу въ Испаніи за престолъ брата, Іосифа.

Послѣ Аустерлица Наполеонъ говорилъ императору Францу: «Одна только Россія въ Европѣ можетъ вести войны, когда ей это вздумается. Побѣжденная, она удалится въ свои степи, а вы поплатитесь своими провинціями». Для Наполеона ясно было, что природа страны позволяетъ примѣнять Россіи, при нуждѣ, «скиѣскую» стратегію, и французской арміи не избѣжать длительной борьбы съ неуловимой на огромномъ пространствѣ сильной арміей и суровой природой.

Изъ прежнихъ войнъ видно, что планъ Наполеона могъ быть одинъ: одно большое сраженіе и почетный миръ. Но, начавъ войну, Наполеонъ самъ дѣлаетъ рядъ ошибокъ, не свойственныхъ его прежней системѣ вожденія войскъ—съ быстротой и натискомъ: не дойдя до Москвы, останавливается подъ Витебскомъ, не рѣшается пустить въ дѣло гвардію подъ Бородиномъ и задерживается до морозовъ въ Москвѣ. А вѣдь противъ него, онъ зналъ это, была армія, которая въ 1799 году прошла побѣдоносной по Италіи, стерева слѣды его побѣдъ, въ 1805 году оказалась такой стойкой подъ Шенграбеномъ и Аустерлицемъ, въ 1807 году, только

Наполеонъ. Лицо составлено изъ труповъ жертвъ «безумія и честолюбія» Наполеона. Нѣмецкая карикатура. О ней упоминаетъ въ своихъ запискахъ Шишковъ.

благодаря бездарности Беннигсена, не использовала успеха при Прейсиш-Эйлау, армия не вербованная, а национальная, пополняемая рекрутскими наборами от одного народа, с хорошим командным составом.

Но уже и сам Наполеон был не тот, каким знает его история за первую половину деятельности, как полководца...

А. Рябининъ.

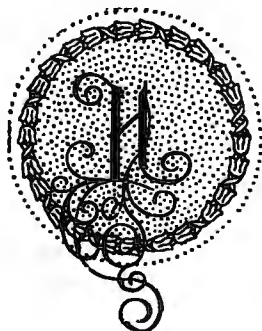

Наполеонъ, окруженный подчиненными владѣтельными князьями (соврем. литографія).

III. Военныя силы Наполеона.

Прив. - доц. В. А. Бутенко.

1. Составъ „великой арміи“.

Смотря на дружественный союзъ, заключенный Наполеономъ и Александромъ I въ Тильзитъ, непрочность франко-русской дружбы проявилась очень скоро. Уже при свиданіи обоихъ императоровъ въ Эрфуртъ (1808 г.) обнаружались очень серьезныя тренія, а двусмысленное поведеніе Россіи во время войны 1809 г. съ Австріей, пожелавшей энергично помогать своему настоящему союзнику противъ союзника будущаго, окончательно убѣдило Наполеона въ неизбежности новой войны съ Россіей. И уже съ начала 1810 года онъ

принимается съ ему одному свойственной энергіей за подготовку будущей кампаніи. Для завоеванія Испаніи и Португаліи въ 1808—1809 гг. Наполеонъ долженъ былъ туда двинуть большую половину своей «великой арміи», съ которой онъ совершалъ знаменитые походы 1805—1807 гг. Кампанію 1809 г. противъ Австріи совершала осталъная часть великой арміи, остававшаяся въ Германіи и дополненная новыми наборами и контингентами союзниковъ. Эта-то армія, сражавшаяся при Эсслингъ и Ваграмъ, и послужила зерномъ, изъ котораго Наполеонъ сталъ сооружать для похода въ Россію новую «великую» армію, еще больше многочисленную, чѣмъ всѣ прежнія. Въ Испаніи въ 1810—1812 гг. находилось больше 300.000 французскихъ солдатъ. Но затянувшаяся война на Пиренейскомъ полуостровѣ лишала его возможности отозвать хотя бы часть этого войска въ Германію, и ему для увеличенія своихъ военныхъ силъ пришлось прибѣгнуть къ новымъ наборамъ.

Сначала къ оружію были призваны одинъ за другимъ классы новобранцевъ 1810 и 1811 годовъ. Затѣмъ суровыми мѣрами, принятыми противъ уклоняющихся отъ службы, удалось набрать еще до 50.000 рекрутовъ. Въ самомъ концѣ 1811 года былъ призванъ къ оружію классъ 1812 года, давшій около 120.000 человѣкъ, немедленно почти цѣликомъ посланныхъ въ Германію для укомплектованія рядовъ стоявшей тамъ арміи. Наконецъ, уже передъ самымъ отъѣздомъ изъ Парижа къ арміи, Наполеонъ зару-

Наполеонъ организуетъ баварскіе и вюртембергскіе полки въ Абенсбергъ 20 апрѣля 1809 г. (рис. Debret).

чился, на случай крайней необходимости, согласием Сената на призывъ къ оружію національной гвардіи, который обѣщалъ ему поставить подъ ружье еще 180.000 человекъ.

Но мало было произвести эти наборы. Надо было распределить новобранцевъ по существующимъ корпусамъ арміи, вооружить ихъ, снабдить всѣмъ необходимымъ, приготовить соответственное количество военныхъ запасовъ и провіанта и т. д. Главная роль въ исполненіи этой гигантской работы естественно падала на два министерства, специально для этого существовавшія,—военное (*ministère de la guerre*), заведовавшее личнымъ составомъ арміи и ея военными операціями (генералъ Кларкъ), и министерство военного управленія (*ministère de l'administration de la guerre*), заведовавшее рекрутскими наборами и интендантской частью (генералъ Лакюзэ). Но оба министра, какъ и всѣ высшіе чиновники, работали подъ непосредственнымъ руководствомъ самого императора, который являлся душой всего дѣла, все помнилъ, всѣхъ поражалъ своей неутомимостью и вниманіемъ. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ одну изъ сценъ этой подготовительной работы, главный интендантъ великой арміи, генералъ Дюма: «Однажды я принесъ императору по его требованію общую таблицу состава арміи. Онъ быстро ее пробѣжалъ и затѣмъ сталъ диктовать мнѣ распределеніе новобранцевъ по всѣмъ корпусамъ арміи, обозначеннымъ на моей таблицѣ, называя при этомъ численность каждаго корпуса и его мѣстоположеніе и ни разу даже не заикнувшись. Онъ ходилъ большими шагами или стоялъ у одного изъ оконъ своего кабинета. Диктовалъ онъ съ такой быстротой, что у меня едва хватало времени ставить разборчивыя цифры и обозначать сокращенно примѣчанія, которыя онъ дѣлалъ. Въ теченіе получаса я не могъ поднять глазъ надъ листками, на которыхъ я торопливо писалъ. Я былъ увѣренъ, что онъ держитъ предъ собой принесенную мной таблицу. Когда онъ, наконецъ, остановился на мгновеніе, и я получилъ возможность взглянуть на него, онъ засмѣялся надъ моимъ удивленіемъ. «Вы думали,—сказалъ онъ мнѣ,—что я читалъ вашу таблицу. Мнѣ она не нужна. Я и такъ знаю все это. Ну, будемъ продолжать!»

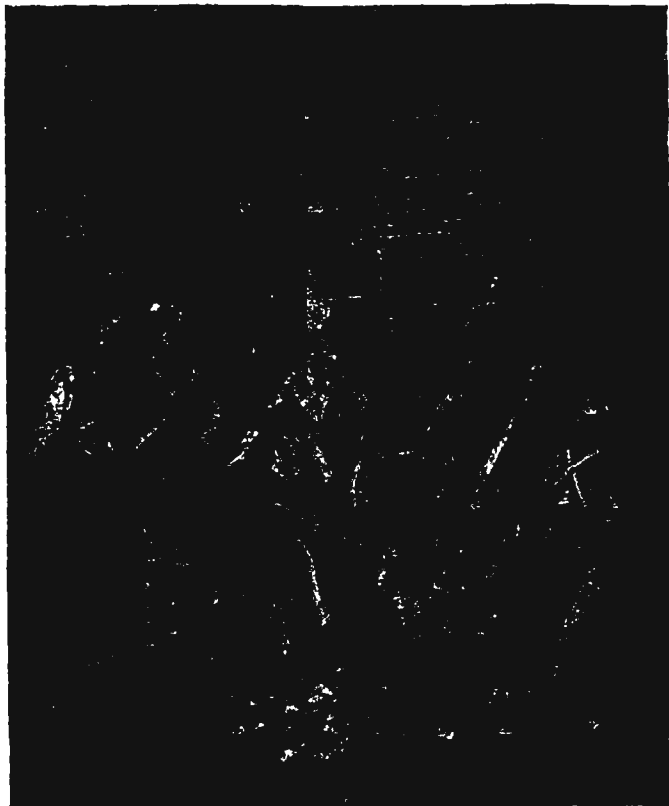
Къ началу 1812 г. отношенія съ Россіей сдѣлались крайне натянутыми, и чувствовалась близость войны. Къ этому времени въ основныхъ чертахъ была закончена организація великой арміи и отданы послѣдніе приказы, чтобы, какъ личный составъ, такъ и матеріальная часть были готовы къ 1 марта 1812 года. Сформированныя войска временно дѣлились на 4 корпуса. Первые три корпуса были расположены въ Германіи. Наибольше силенъ былъ 1-й корпусъ, находившійся подъ командой маршала Даву, имѣвшаго своей главной квартирой Гамбургъ. Его численность достигала 120.000 человекъ. Это было войско, прекрасно дисциплинированное и обученное. Въ немъ было много старыхъ солдатъ, и не было ни одного унтеръ-офицера, который бы не побывалъ хотя въ одной кампаніи. Новобранцы при распределеніи были такъ искусно перемѣшаны съ ветеранами, что ни въ одной ротѣ не составляли больше ея половины. Всѣ солдаты были отлично вооружены, одѣты и обуты и несли съ собой съестныхъ припасовъ на 25 дней. Сдѣланы были необходимые запасы одежды и обуви. Въ каждой ротѣ были свои каменщики, пекари, портные, сапожники, оружейники и т. д. Предусмотрительность Даву доходила до того,

что полкамъ были розданы даже ручныя мельницы, такъ какъ въ Польшѣ и Россіи мельницъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, было слишкомъ мало. 2-й корпусъ, расположенный въ Вестфалии и Голландіи и достигавшій 35.000 человекъ, былъ подъ командой маршала Удино. 3-й корпусъ, почти такой же численности (40.000 ч.), подъ командой маршала Нея, стоялъ на среднемъ Рейнѣ. Оба эти корпуса сильно уступали по своимъ качествамъ корпусу Даву. Сформированные преимущественно изъ новобранцевъ, они были гораздо меньше дисциплинированы и снабжены всѣмъ необходимымъ далеко не въ достаточной степени. Наконецъ 4-й корпусъ (45.000 чел.), подъ командой вице - короля Италіи принца Евгенія Богарнэ, стоялъ въ верхней части Италіи, готовый по первому знаку перейти Тирольскія Альпы и двинуться черезъ долину Дуная по направленію къ русской границѣ.

Всѣ государства, союзныя съ Франціей или находившіяся отъ нея въ вассальной зависимости, призваны были Наполеономъ выставить съ своей стороны контингенты, которые они обязаны были предоставлять въ его распоряженіе согласно союзнымъ договорамъ. Такимъ образомъ, къ французской арміи должны были присоединиться польская армія великаго герцогства Варшавскаго (около 35.000 человекъ), арміи, которыя обязаны были выставить своему «протектору» нѣмецкіе государи Рейнскаго союза (до 100.000 человекъ), отдѣльные отряды изъ тѣхъ частей

Италіи, которыя не входили прямо въ составъ французской имперіи, и, наконецъ, небольшіе отряды изъ Испаніи и Португаліи.

Пруссія, очутившаяся между двухъ огней послѣ того, какъ близкое столкновеніе Россіи и Франціи сдѣлалось неминуемымъ, охотнѣе стала бы на сторону Россіи. Къ этому ее влекла и общая ненависть нѣмцевъ къ французскому игу и личная дружба обоихъ монарховъ—Александра I и Фридриха-Вильгельма III. Но воспоминанія о страшномъ разгромѣ 1806—1807 годовъ были слишкомъ свѣжи для того, чтобы нерышительный Фридрихъ-Вильгельмъ III взялъ на себя смѣлость новой войны съ непобѣдимой Франціей. Поэтому прусское правительство, послѣ недолгихъ коле-

Портретъ сержанта (Мейссонье).

баній, рѣшило примкнуть къ Франціи и предложило Наполеону выставить 100.000-ную армію, если онъ согласится освободить хоть одну изъ прусскихъ крѣпостей на Одерѣ отъ французскаго гарнизона и уменьшить военную контрибуцію 1807 года. Но Наполеонъ отнюдь не желалъ увеличивать военную силу Пруссіи и заявилъ, что ему совершенно достаточно 20.000 человекъ. Соотвѣтственный договоръ былъ подписанъ 24 февраля 1812 года.

Во главѣ прусскаго отряда былъ поставленъ генераль Йоркъ, поступившій подъ верховное начальство французскаго маршала Макдональда. 16 марта Наполеонъ заключилъ аналогичный договоръ съ Австріей, которая дважды въ 1811 г. отклонила русскія предложенія. По этому договору Австрія выставяла отрядъ въ 30.000 человекъ, которые должны были составить отдѣльный корпусъ въ арміи Наполеона подъ начальствомъ бывшаго австрійскаго посланника въ Парижѣ князя Шварценберга.

Наполеонъ рассчитывалъ начать войну въ апрѣль 1812 года, но голодъ во Франціи и вспыхнувшіе по этому поводу кое-гдѣ волненія и безпорядки заставили его отсрочить начало кампаніи на 2 мѣсяца. Онъ утѣшался тѣмъ, что за это время въ Россіи взойдутъ посѣвы на поляхъ, и что, слѣдовательно, лошадямъ его кавалеріи будетъ обезпеченъ кормъ. 9 мая онъ, наконецъ, покинулъ Парижъ. Остановившись на нѣсколько дней въ Дрезденѣ, куда съѣхались все государи Западной Европы привѣтствовать своего повелителя, и гдѣ повторились сцены эрфуртскихъ торжествъ и празднествъ, онъ отсюда двинулся въ Польшу и въ концѣ мая сталъ во главѣ тѣхъ громаднхъ силъ, которыя онъ собралъ у русской границы для вторженія въ Россію. Такой многочисленной арміи до сихъ поръ мѣръ не видывалъ. Къ 1 іюня 1812 г. она была окончательно сформирована и представляла слѣдующую организацію.

Главнoкомандующимъ, конечно, былъ самъ Наполеонъ, имѣя при себѣ въ качествѣ начальника главнаго штаба обычнаго своего сотрудника—маршала Бертье. Самую блестящую часть всей арміи составляла императорская гвардія (46.000 чел.), находившаяся подъ командой маршаловъ Мортье, Лефевра и Бессьера. Собственно армія была раздѣлена на 11 корпусовъ. 1-й корпусъ (72.000 чел.), подъ начальствомъ маршала Даву, состоялъ почти исключительно изъ французовъ. 2-й корпусъ (маршалъ Удино) на 37.000 солдатъ имѣлъ около $\frac{2}{3}$ французовъ, остальную часть составляли швейцарцы, кроаты и поляки. Въ 3-мъ корпусѣ (39.000 чел.), подъ командой маршала Нея, почти половину составляли вюртембергцы, иллирійцы и португальцы. 4-й корпусъ (принцъ Евгений Богарнэ) на 46.000 человекъ имѣлъ больше трети иностранцевъ: итальянцевъ, испанцевъ, далматинцевъ и кроатовъ. 5-й корпусъ (князь Понятовскій) составила польская армія великаго герцогства Варшавскаго (37.000 чел.). 6-й, подъ командой генерала Гувіонъ-Сенъ-Сира, состоялъ изъ вспомогательнаго баварскаго отряда (25.000 чел.). 7-й подъ командой генерала Ренье—изъ саксонскаго отряда (17.000 чел.). 8-й (генераль Вандамъ)—изъ отряда королевства Вестфаліи (17.500 чел.). 9-й корпусъ (маршалъ Викторъ) составилъ изъ французовъ (около трети) и отрядовъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ (33.500 чел.). 10-й корпусъ (маршалъ Макдональдъ) образовался изъ прусскаго вспомогательнаго отряда и нѣсколькихъ польскихъ, баварскихъ и вестфальскихъ полковъ (32.500 чел.). 11-й корпусъ (маршалъ

Ожеро) вмѣщалъ въ себѣ, главнымъ образомъ, французскіе полки ($\frac{3}{4}$); остальное составляли нѣмцы и итальянцы (60.000 чел.). Наконецъ австрійскій вспомогательный отрядъ (34.000 чел.), согласно договору съ Австріей, составлялъ еще одинъ отдѣльный самостоятельный корпусъ. Кромѣ кавалерійскихъ отрядовъ, составлявшихъ часть каждаго корпуса, былъ образованъ большой кавалерійскій резервъ въ 40.000 человекъ, подъ командой короля неаполитанскаго Іоахима Мюрата. Французы составляли въ немъ около $\frac{2}{3}$ его общаго состава. 9-й и 11-й корпуса должны были составить запасную армію и съ этой цѣлью были оставлены въ Пруссіи и Польшѣ. Такой резервъ, несомнѣнно, былъ слишкомъ ничтоженъ для громадной арміи, но Наполеонъ не могъ оставить большихъ силъ. Остальная масса должна была перейти границу и начать наступленіе. Въ моментъ перехода черезъ Нѣманъ ея численность достигала: 368.000 человекъ пѣхоты, 80.600 кавалеріи, въ общемъ 449.000 чел. и 1.146 орудій. Но несмотря на эту громадную цифру, скоро послѣ вступленія въ Россію обнаруживалась недостаточность этихъ силъ, и Наполеонъ потребовалъ рядъ подкрѣпленій изъ запасныхъ отрядовъ. Въ теченіе похода поэтому къ арміи присоединилось еще 123.500 человекъ пѣхоты, 17.700 кавалеріи и 96 орудій, а также отрядъ, посланный для осады Риги въ 21.500 чел. при 130 осадныхъ орудіяхъ. Такимъ образомъ боевая сила «великой арміи» достигала неслыханныхъ прежде размѣровъ: 612.000 человекъ и 1.372 орудія. При этомъ за арміей шло около 25.000 человекъ чиновниковъ, прислуги и т. д. По національностямъ войско распределялось такъ. Около половины его (300.000 человекъ) составляли французы и жители вновь присоединенныхъ къ Франціи странъ, нѣмцевъ изъ Австріи, Пруссіи и государствъ Рейнскаго союза было 190.000 человекъ, поляковъ и литовцевъ—90.000 человекъ и, наконецъ, 32.000 итальянцевъ, иллирійцевъ, испанцевъ и португальцевъ.

Наполеонъ старался все предусмотрѣть и предвидѣть. Для нуждъ арміи необходимо было громадное количество лошадей. Поэтому съ са-

Депеша (Мейссонье).

мого начала 1812 г. велась дѣятельная закупка. Такъ какъ запасъ лошадей во Франціи былъ въ значительной степени истощенъ, то главнымъ центромъ покупки сдѣлалась Германія, гдѣ въ Ганноверѣ для этой цѣли была открыта даже особая канцелярія. Къ моменту начала похода въ арміи оказалось поэтому до 200.000 лошадей. Такъ какъ въ сѣверной Германіи чувствовалось замѣтное броженіе, то, опасаясь возстанія, Наполеонъ особенно заботился объ укрѣпленіи важнѣйшихъ крѣпостей. Главное вниманіе его привлекалъ прежде всего Данцигъ, эта «защита Рейпскаго союза и оплотъ великаго герцогства Варшавскаго», какъ онъ самъ его называлъ. Его укрѣпленія были улучшены, гарнизонъ доведенъ до 20.000 человѣкъ. Крѣпость располагала 475 орудіями, громаднымъ количествомъ военныхъ запасовъ и количествомъ провіанта, рассчитаннымъ на 15.000 человѣкъ и 1.000 лошадей въ теченіе года. Кромѣ того, въ немъ были устроены литейные и пороховые заводы и всевозможныхъ родовъ мастерскія, какія только могли понадобиться для нуждъ арміи. Сзади Данцига на линіи рѣки Одера наиболѣе важными крѣпостями являлись Штеттинъ, Кюстринъ и Глогау. Были сдѣланы распоряженія объ улучшеніи ихъ укрѣпленій и о свозѣ въ нихъ достаточнаго количества сѣстныхъ припасовъ. Наконецъ такія же мѣры были приняты относительно польскихъ крѣпостей—Модлина и Замостья.

Особенно трудно было снабдить шестисоттысячную армію достаточнымъ количествомъ сѣстныхъ припасовъ. Наполеоновскія арміи никогда не покупали себѣ сѣстныхъ припасовъ въ непріятельской странѣ. Въ правительственной практикѣ этого времени слишкомъ сильна была традиція меркантилизма, противившаяся вывозу денегъ изъ страны. Поэтому арміи содержались реквизиціями съ населенія той страны, по которой онѣ проходили. Но Наполеонъ прекрасно сознавалъ различіе географическихъ и экономическихъ условій между Россіей и Западной Европой. Тогдашняя Россія съ ея чрезвычайно рѣдкимъ населеніемъ и громадными безлюдными пространствами, очевидно, не могла вовсе прокормить великую армію, какъ раньше ее прокармливали Германія и Италія. «Моя задача,—писалъ Наполеонъ Даву,—сосредоточить въ одномъ пунктѣ 400.000 человѣкъ, и такъ какъ на страну вовсе нельзя надѣяться, то все нужно имѣть съ собой». Поэтому французская армія должна была съ собой вести достаточное количество провіанта, закупленнаго во Франціи и Германіи, и Наполеонъ обратилъ особое вниманіе на организацію доставки сѣстныхъ припасовъ. Согласно общему правилу, каждый солдатъ долженъ былъ имѣть съ собой запасъ пищи на 4 дня. Въ походѣ до Нѣмана около 1.500 тельгъ должны были подвозить регулярно порціи на каждые новые 4 дня. Для обслуживания арміи по ту сторону Нѣмана было образовано 17 спеціальныхъ батальоновъ съ тремя родами повозокъ: 1) тяжелыхъ, запряженныхъ лошадьми и вмѣщавшихъ 30 квинталовъ ¹⁾, 2) легкихъ (такъ называемыхъ à la comtoise), двигавшихся болѣе быстро, но вмѣщавшихъ только 12 квинталовъ, и 3) повозокъ, запряженныхъ быками и рассчитанныхъ на 20 квинталовъ. Эти 6.000 слишкомъ тельгъ въ состояніи были подвезти до 120.000 квинталовъ муки, т.-е. количество, достаточное, чтобы прокормить

¹⁾ Квинталь=100 килограммамъ, т.-е. 6 пудамъ приблизительно.

Кавалерія наполеоновской армії послѣ атаки при Ганау (Шартъ).

армію въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Этого запаса, по мнѣнію Наполеона, было достаточно для начала похода, а для дальнѣйшаго времени доставка провіанта должна была производиться при помощи спеціально оборудованныхъ магазиновъ. Главнымъ магазиномъ на театрѣ военныхъ дѣйствій должна была сдѣлаться Вильна, соединенная непрерывнымъ воднымъ путемъ съ Данцигомъ (Вилія, Нѣманъ, Куришъ-Гафъ, Прегель, Фришъ-Гафъ и Висла). Въ Кенигсбергъ, Данцигъ, Торнъ и другихъ городахъ по Вислѣ съ этой цѣлью было собрано громадное количество съѣстныхъ припасовъ, котораго должно было хватить на 500.000 человѣкъ въ теченіе года. Спеціальный договоръ съ Пруссіей предоставлялъ въ распоряженіе Наполеона 200.000 квинталовъ ржи, 400.000 пшеницы, громадное количество сѣна и овса, 44.000 быковъ и значительное число лошадей. Не забыли даже заказать «28 милліоновъ бутылокъ вина и 2 милліона бутылокъ водки, въ совокупности 30 милліоновъ бутылокъ жидкости, достаточныхъ для того, чтобы утолять жажду арміи въ теченіе цѣлаго года».

Таковы въ общихъ чертахъ были обширныя приготовленія Наполеона къ этой кампаніи. Ни одинъ еще изъ своихъ походовъ онъ не приготовлялъ съ такой тщательностью, никогда еще не проявлялъ онъ такой удивительной предусмотрительности даже по отношенію къ незначущимъ мелочамъ. И тѣмъ не менѣе, все это гигантское предпріятіе кончилось самой жалкой неудачей. Въ громадномъ количествѣ мемуаровъ и воспоминаній, посвященныхъ этой замѣчательной эпохѣ, часто встрѣчается мысль, что главная причина неудачи заключалась въ перемѣнившемся духѣ арміи, утомленной непрерывными войнами и лишенной того воодушевленія, которымъ она отличалась при Аустерлицѣ и Іенѣ. Эта мысль вѣрна только отчасти. Въ самомъ дѣлѣ, если основывать свои заключенія на свидѣтельствахъ союзныхъ государей, братьевъ Наполеона, большинства маршаловъ и сановниковъ имперіи, то трудно найти что-нибудь, кромѣ жалобъ и печальныхъ

предчувствій. Они идутъ за Наполеономъ неохотно, «съ утомленнымъ послушаніемъ». Но эта усталость далеко не затрогиваетъ широкихъ круговъ арміи. Молодое дворянство, изъ котораго комплектуется большая часть офицеровъ, полно воинственнаго пыла и завоевательнаго духа. Оно требуетъ своей доли славы и съ восторгомъ привѣтствуетъ новую войну. «Кто изъ насъ,—пишетъ графъ Сегюръ,—въ своей юности не приходилъ въ воодушевленіе при чтеніи описанія подвиговъ нашихъ предковъ? Не хотѣли ли тогда мы сами всѣ сдѣлаться этими героями, дѣйствительную или фантастическую исторію которыхъ мы читали? И когда, въ этомъ состояніи экстаза, эти мечты о подвигахъ могли вдругъ осуществиться... кто бы изъ насъ сталъ колебаться и не бросился бы въ бой, полный восторга и надежды, презирая ненавистный и позорный покой? Таково было настроеніе новыхъ поколѣній. Тогда легко было быть честолюбивымъ! Эпоха опьянѣнія и счастья, когда французскій солдатъ, господинъ всего міра при помощи своихъ побѣдъ, цѣнилъ себя выше, чѣмъ любого сенъера, даже монарха, черезъ земли котораго онъ проходилъ! Ему казалось, что государи всей Европы царствуютъ только съ соизволенія его вождя и его арміи». То же самое можно сказать и про большинство солдатъ. Правда, число уклоняющихся отъ воинской повинности все возрастаетъ, но они все же составляютъ пока меньшинство среди призываемыхъ новобранцевъ. Большинство солдатъ попрежнему рвется въ бой и предано Наполеону душой и тѣломъ. Оно убѣждено, что черезъ неизвѣстную Россію Наполеонъ поведетъ свою армію дальше, въ страны сказочныхъ богатствъ и очарованій. Вотъ любопытный отрывокъ изъ письма одного молодого солдата къ своимъ роднымъ: «Мы вступимъ сначала въ Россію, гдѣ мы должны посражаться немного, чтобы открыть себѣ проходъ дальше. Императоръ долженъ же прибыть въ Россію, чтобы объявить войну этому ничтожному (*petit*) императору. О! мы скоро расколотимъ его въ пухъ и прахъ (*nous l'aurons arrangé á la sauce blanche*). Ахъ, отецъ, идутъ удивительныя приготовленія къ войнѣ. Старые солдаты говорятъ, что они никогда не видали ничего подобнаго. Это правда, ибо собираютъ громадныя силы. Мы не знаемъ только, противъ одной ли Россіи это. Одинъ говоритъ, что это для похода въ Великую Индію, другой, что для похода въ Египетъ (въ подлинникъ *Egipre*), не знаешь, кому и вѣрить. Мнѣ это все равно. Я хотѣлъ бы, чтобы мы дошли до самаго конца свѣта».

Такимъ образомъ, французская армія отнюдь не страдала отсутствіемъ воинственнаго духа съ начала похода. И тѣмъ не менѣе, она уже тогда носила въ себѣ сѣмена разложенія. Прежде всего всѣ планы Наполеона обезпечить армію достаточно быстрымъ подвозомъ съѣстныхъ припасовъ въ большинствѣ случаевъ очень мало осуществлялись. Большая часть тѣлѣтъ съ провіантомъ не успѣла во-время добраться до Вислы или вслѣдствіе плохой организаціи дѣла или вслѣдствіе дурнаго состоянія дорогъ. Когда армія дошла до Нѣмана, то обозъ съ провіантомъ оказался на нѣсколько этаповъ сзади. Волей-неволей приходилось прибѣгать къ обычному приему прокормленія Наполеоновскихъ армій—къ реквизиціямъ съ населенія восточной Пруссіи и Польши. «Армія запасалась провіантомъ на ходу,—пишетъ графъ Сегюръ.—Страна была обильна. Захватывали лошадей, по-

возки, рогатый скотъ, съѣстные припасы всякаго рода. За собой тащили все, даже жителей, чтобы править тельгами обоза». Наполеонъ и его маршалы вообще сквозь пальцы смотрѣли на грабежи населенія своими солдатами. Но никогда еще раньше дисциплина не доходила до такого упадка и грабежи не достигали такого размѣра. Только въ корпусъ Даву держалась еще дисциплина, и самыя реквизиціи производились въ извѣстномъ порядкѣ. Въ другихъ корпусахъ реквизиціи превращались въ открытій грабежъ и мародерство. Солдаты массами покидали ряды, чтобы запастись провіантомъ. Еще до вступленія въ предѣлы Россіи число отсталыхъ и мародеровъ превышало 30.000, и Наполеону пришлось образовать спеціальныя летучія колонны для преслѣдованія ихъ. Такой быстрый упадокъ дисциплины былъ самъ по себѣ грознымъ предвѣстникомъ будущихъ несчастій. Мы видѣли, что Наполеонъ, считаясь съ скудостью естественныхъ богатствъ Россіи и съ бѣдностью ея жителей, старался взять съ собой все, что только могло понадобиться арміи во время похода. Но результатомъ этого было то, что армію сопровождалъ громадный обозъ, страшно затруднявшій ея движеніе и лишавшій ее той специфической легкости и подвижности, которая всегда отличала арміи Наполеона и позволяла ему рѣшать судьбу кампаніи однимъ ударомъ. Военственный пылъ французскихъ полковъ не могъ замѣнить опытности. Большая часть тѣхъ ветерановъ, героевъ войнъ эпохи революціи, давно погибла въ непрерывныхъ походахъ, особенно во время испанской экспедиціи, стоившей французамъ громадныхъ потерь. Только корпусъ Даву имѣлъ въ своемъ составѣ достаточное количество старыхъ солдатъ. Остальные корпуса почти сплошь состояли изъ новобранцевъ. И какъ бы ни рвалась въ бой вновь призванная къ оружію молодежь, она, конечно, не могла собой замѣнить знаменитыхъ «ворчуновъ». Одной изъ главныхъ движущихъ силъ французскихъ армій этого времени было личное вліяніе Наполеона на солдатъ. Но исключительная величина арміи и обширность театра военныхъ дѣйствій заставила раздѣлить всю «великую армію» на отдѣльные корпуса, и чѣмъ дальше находился тотъ или иной корпусъ отъ центральной арміи, тѣмъ слабѣе чувствовалось обаяніе самого императора. Стоявшіе во главѣ отдѣльныхъ корпусовъ маршалы и генералы въ силу дальности разстояній не могли получать обычныхъ детальныхъ руководящихъ указаній отъ самого Наполеона и должны были часто дѣйствовать за свой страхъ и рискъ. Недостаточно приученные къ самостоятельности и привыкшіе только исполнять приказы своего императора, они невольно терялись и дѣлали ошибки. Но едва ли не главный, основной порокъ въ устройствѣ великой арміи былъ ея интернаціональный, разноплеменный составъ. Мы видѣли, что на 600.000 слишкомъ жителей французской имперіи было меньше половины,

Швейцарскій саперъ (грав. Вилля).

а надо помнить, что въ этотъ моментъ французская имперія была почти вдвое больше прежняго французскаго королевства и включала въ свой составъ Бельгію, Голландію, и значительныя части Германіи и Италіи. Слѣдовательно, настоящихъ французовъ въ арміи было много меньше 300.000 чел. Въ то же время въ ея составъ входило до 200.000 нѣмцевъ, націи, особенно угнетенной Наполеономъ и его ненавидѣвшей,—націи, съ нетерпѣніемъ ждавшей момента, когда можно будетъ свергнуть французское иго, и охотно посылавшей волонтеровъ въ русскую армію, чтобы сражаться съ французами. Если баварцы и южные нѣмцы вообще и не относились къ французамъ съ такой острой ненавистью, то зато вестфальцы, австрійцы и пруссаки далеки были отъ желанія искренно желать Наполеону побѣды. Они ждали только первыхъ серьезныхъ неудачъ, чтобы покинуть его знамена, и первый примѣръ отложенія подалъ прусскій корпусъ генерала Гюка уже въ концѣ 1812 года.

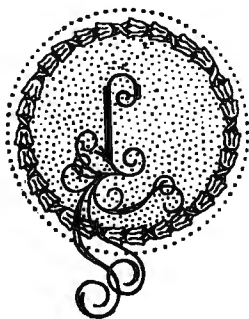
В. А. Бутенко.

Наполеонъ! (Гезбрухъ).

2. „Наполеоновскій солдатъ“.

А. М. Васютинскаго.

вятая любовь къ отечеству!» Подъ звуки этого воинственнаго гимна стекались на границу своей родины и молодые и пожилые люди всѣхъ сословій въ то время, когда, казалось, вся Европа вооружилась противъ Франціи, всколыхнутой революціонной бурей.

«Побѣда или смерть»—былъ сперва кликомъ республиканскихъ войскъ. При такомъ страшномъ напряженіи человѣческой энергіи быстро выдвигаются изъ общей массы крѣпкіе волеи, сильные духомъ, ловкіе, закаленные въ житейской борьбѣ—отчаянная борьба за существованіе молодого государства стираетъ всѣ чины, всѣ различія по родовитости и знатности: остается одно мѣрило пригодность къ военному дѣлу.

«Гражданинъ» закрываетъ «солдата» и послѣдній рядовой свободно обращается къ генералу, не забывая въ то же время своего мѣста. Армія едва можетъ прокормиться, лишена правильныхъ раціоновъ, обозное дѣло въ полномъ разстройствѣ. Каждый батальонъ, каждая войсковая часть должны заботиться о своемъ пропитаніи; внутри ротъ и батальоновъ, подчиняясь интересамъ желудка, создаются особыя «компанейства» — *la clique* (клика) — изъ людей, отчаянныхъ какъ въ бою, такъ и въ добываніи себѣ пищи всякаго рода мародерствомъ. Молодой солдатъ рано — чуть не съ шестнадцати лѣтъ — знакомится со всеми горестями или радостями похода. Среди полной тревоги и ежедневной опасности жизни создаются рѣзкіе опредѣленные типы: одинъ — забіяка, дуэлистъ, шумливый буйанъ, хвастливый задира и безпощадный мародеръ, игрокъ и кутила; другой — идеально любящій свою родину герой, который быстро изъ простаго крестьянина возвышается до чина главнокомандующаго для того, чтобы рано, въ расцвѣтъ своей жизни сгорѣть въ огнѣ непосильной работы, не достигнувъ и тридцатилѣтняго возраста. Личная храбрость, быстрая смѣлка, ловкость — да и удача въ придачу ко всему этому — создаютъ блестящую военную карьеру, и не одному простому солдату приходится убѣдиться, что въ своемъ ранцѣ онъ носитъ жезлъ главнокомандующаго. Любая страница воспоминаній участниковъ этой кровавой эпохи пестритъ образчиками неподдѣльнаго мужества, удивительнаго умильня пользоваться обстоятельствами, не дожидаясь приказанія сверху.

Молодой унтеръ — офицеръ быстро схватываетъ важное значеніе занимаемой позиціи и умудряется быстрымъ кавалерійскимъ натискомъ овладѣть четырьмя пушками — самъ гибнетъ, гибнутъ три четверти людей — остальныхъ семерыхъ ожидаетъ унтеръ-офицерство и первый офицерскій чинъ. Въ 17—20 лѣтъ счастливецъ за личную доблесть и сообразительность дѣлается офицеромъ — предъ нимъ открывается необозримая дорога къ почестямъ... Маршалъ Макдональдъ остроумно опредѣлилъ настроеніе своихъ современниковъ: «да, я ненавижу преступленія революціи, но армія не замѣшана въ нихъ; она всегда смотрѣла врагу прямо въ лицо. Какъ же мнѣ не обожать революціи! Она меня возвысила и возвеличила; безъ нея я сегодня не имѣлъ бы чести обѣдать за столомъ короля рядомъ съ Его Высочествомъ». Революціонныя войны, такимъ образомъ, создавали солдата, создали и своеобразнаго офицера.

Старый гренадеръ.

Подвергнутый во всех своих действиях беспощадной критикой солдата, постоянно принужденный основывать свой авторитет на личной храбрости, офицер ко времени Наполеоновской империи прошел уже громадную школу личной выносливости и опытной выдержки: молодой 24—27-летний юноша, сперва рисковавший своей жизнью из-за одного молодечества, приучился уже хладнокровно учитывать результаты своих подвигов.

«Время предразсудков прошло навсегда, — говорил счастливый соперник Суворова в горах Швейцарии, маршал Массена, умирая своими детьми: — человек отныне сам будет создавать себе знатные титулы. Если я вам оставляю славное имя, помните, что я его прославил собственной доблестью, стараясь каждый день оправдать полученные уже отличия».

Громадная личность Наполеона сразу подвела итоги бурно кипевшей толчеи маленьких и великих войн, рассортировала их и, может быть, беспощадно сузила пределы их размаха. «Спаситель отечества» отныне мог рассчитывать лишь на большой чин, большое поместье и крупный денежный подарок.

Армия получила главу, умевшего довести до крайнего напряжения стремление к славе, проникавшее французского солдата, раздражить личное самолюбие, насытить тщеславие, возбудить гордость и утолить алчность. Солдаты отныне были убеждены, что о нем заботятся, лично его помнить, не забудут, всегда его отличать от другого. «Император» сделался кумиром своего войска; за его одну улыбку, ласковое слово, добродушную шутку солдат, офицер, генерал готовы жертвовать жизнью.

Император, благодаря кирасиров, обнял и расцеловал перед фронтом их генерала Отпуля; этот последний кричит: «Чтобы показать себя достойным такой чести, мне следует умереть за ваше величество!» — и сдерживает свое слово на другой день во время сражения при Эйлау. Адьютант маршала Мармона Фавье прибыл из Испании верхом с известием о поражении французских войск. После сурового приема у императора он добровольцем на другой день дерется в первом ряду под Бородином и падает раненым при взятии редута: он, невзирая на усталость, желал показать императору, что храбрость испанской армии не измывилась.

Прежняя погоня за добычей эпохи революционных войн сменилась жаждой почета, оказанного главнокомандующим перед всеми товарищами. жаждой ласкового трепка за ухо от императора — как высшей награды.

Старый гренадер, участвовавший в египетских и итальянских походах, является во время раздачи крестов Почетного легиона и требует себя креста. «Но что же ты сделал, — говорит император, — чтобы заслужить подобную награду?» — «Я? В Яфской пустыне, ваше величество, в страшную жару подаль вам арбуз». — «Еще раз спасибо! но этот арбуз не стоит креста Почетного легиона». Тогда солдат кричит во-всю: «А! Так вы считаете за ничто семь ран, полученных на Аркольском мосту, при Лоди, Кастильоне, при пирамидах, Сен-Жан-д'Акри, Аустерлице, Фридланде, 11 компаний в Италии, в Египте, Австрии, Пруссии, Польше, в...» Но император прерывает старого солдата: «Та-та-та! Как ты разсердился, дойдя до самого главного — с этого-то и следовало начать:

На важномъ посту (Мейссонье).

это лучше твоего арбуза! Я дѣлаю тебя имперскимъ кавалеромъ съ 1.200 фр. ренты въ придачу... Доволенъ ли ты?»—«Но, ваше величество, я предпочитаю крестикъ».—«Да у тебя и то и другое, разъ ты имперскій кавалеръ!»—«Нѣтъ, я предпочелъ бы крестикъ». Бравый гренадеръ никакъ не могъ понять, въ чемъ дѣло. Онъ успокоился лишь тогда, когда императоръ самъ прикрѣпилъ ему къ груди орденъ, и, казалось, больше былъ доволенъ имъ, чѣмъ 1.200 франковъ ежегоднаго дохода.

Ѣдетъ императоръ по краю громаднаго Зачанскаго пруда послѣ Аустерлицкой битвы—на большой льдинѣ посреди пруда лежитъ раненый русскій унтеръ-офицеръ и молить о помощи. Нѣсколько словъ—и два молодыхъ адъютанта добровольно, несмотря на жестоку стужу, раздѣваются догола, бросаются въ ледяную воду и послѣ нечеловѣческихъ усилій грудью подталкиваютъ льдину съ несчастнымъ раненымъ къ берегу. Награда—ласковая шутка императора и жестокое воспаленіе легкихъ для одного изъ спасителей.

Генералъ Мутонъ возвращается къ Наполеону съ донесеніемъ. «А! Кстати вернулись! Берите эту колонну и возьмите городъ Ландсгутъ». Генералъ спокойно слѣзаетъ съ лошади и первымъ бросается по мосту во главѣ гренадеровъ—послѣ упорной схватки овладѣваетъ городомъ и невозмутимо возвращается назадъ доканчивать императору прерванный рапортъ. Во время разговора ни одного слова о взятіи города, а послѣ похода генералъ получаетъ въ подарокъ картину, на которой онъ представленъ идущимъ на штурмъ во главѣ своей колонны.

Но никто и не умѣлъ такъ приласкать добрымъ мѣткимъ словомъ своихъ «ворчуновъ», добродушно подтрунить надъ ихъ пороками, подчеркнуть ихъ достоинства...

Проходятъ предъ императоромъ солдаты 44-го линейнаго полка (передъ сраженіемъ при Іенѣ)—онъ говоритъ: «Въ вашемъ полку больше шевре-новъ, чѣмъ во всякомъ другомъ, поэтому я считаю вашихъ три батальона за шесть!» Обрадованные солдаты кричатъ: «Мы вамъ это докажемъ предъ непріателемъ». Проходитъ 7-й почти цѣликомъ составленный изъ жителей нижняго Лангедока и Пиренеевъ... «Вотъ лучшіе ходоки во всей арміи—никогда ни одинъ не отстанетъ, особенно когда нужно догнать непріателя». Потомъ смѣясь: «Но сказать ужъ вамъ правду-матку—по-моему, вы первые крикуны и мародеры во всей арміи».—«Правда, правда», смѣются солдаты, почти каждый изъ которыхъ несъ курицу, утку или гуся въ ранецъ.

Въ этой большой военной семьѣ естественно выработалось безгранич-ное уваженіе къ своему собственному достоинству, къ чести своего полка, къ чести самой арміи.

Отступаетъ ли молодой офицеръ предъ превосходными силами враговъ—достаточно непріятельскому офицеру обругать его трусомъ, адъютантомъ такого-то маршала—и пылкій французъ, невзирая на опасность, немедленно вступаетъ въ неравный поединокъ—возвращается къ своему начальнику раненый, и маршалъ, пожуривши слегка своего адъютанта за неосторож-ность, сознается, что и самъ въ его годы поступилъ бы такъ же.

Курьеръ къ прусскому королю случайно по дорогѣ къ дворцу замѣ-чаетъ въ Берлинѣ, какъ тащатъ плыннаго французскаго солдата наказы-вать палками (наказаніе, незнакомое французской арміи!), немедленно вступается, силой освобождаетъ соотечественника и объявляетъ его въ своей коляскѣ подъ прикрытіемъ самого императора, затѣмъ энергично отстаиваетъ его предъ прусскимъ королемъ и добивается полного освобо-жденія. Тотъ же курьеръ съ негодованіемъ доноситъ Наполеону, что прус-скіе гвардейскіе офицеры осмѣливаются точить свои сабли о стѣны дома,

Наполеонъ съ маршалами въ Булони.

занимаемаго французскимъ посольствомъ, и встрѣчаетъ полный откликъ со стороны своего императора.

Такова была та «великая армія», которая тяжелой стѣной шествовала по Европѣ до 1812 г...

А. Васютинскій.

Ожеро.

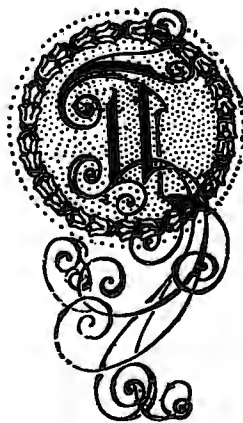
«Les illustres français». Paris. 1832.

Дюрокъ.

IV. Военачальники Наполеона.

А. М. Васютинскаго.

И маршалы зова не слышать
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою...

Принявши императорскій титулъ, Наполеонъ немедленно возвелъ въ санъ маршаловъ 18 генераловъ, а затѣмъ съ теченіемъ времени назначилъ еще нѣсколькихъ, на мѣсто выбывшихъ изъ строя, погибшихъ въ бою. Эти ближайшіе помощники императора представляли пеструю смѣсь всѣхъ сословій. Здѣсь и командиръ старой гвардіи Лефевръ, выслужившійся изъ простыхъ армейскихъ солдатъ, эльзасскій крестьянинъ, до конца своей жизни обильно уснащавшій свои разговоры крѣпкими непереводимыми солдатскими оборотами и грубыми армейскими остротами. Здѣсь и Ожеро отчаянный бреттеръ, сынъ лакея и торговли фруктами. храбрый солдатъ и добрый товарищъ. Здѣсь сыновья мелкихъ

торговцевъ, адвокатовъ, простыхъ ремесленниковъ и сынъ кавалера ордена св. Людовика—Мармонъ.

Среди новоиспеченныхъ маршаловъ уже въ 1804 году не было многихъ изъ лучшихъ солдатъ Франціи, героевъ, которые положили начало военной мощи республики. Не было, во-первыхъ, тѣхъ, кто былъ казненъ въ суровые дни Конвента, несмотря на яркій ореолъ побѣды: Гушара, Вестермана, Кюстина. Не было Дюмурье, побѣдителя при Вальми, измѣнившаго республику. Онъ жилъ въ Англіи, не стѣсняясь принимать пенсію изъ той казны, которая субсидировала всѣхъ враговъ Франціи. Не было Пишегрю, завоевателя Голландіи,

Д е з а е (Аппіани).

отправленнаго въ ссылку. Не было Моро, который одинъ стоилъ цѣлаго корпуса и который скитался по Америкѣ, жертва ревнивой подозрительности императора. Не было, наконецъ, тѣхъ, кто палъ раньше: четырехъ геніальнѣйшихъ воиновъ республики: Дезе, Клебера, Марсо, Гоша, особенно Гоша, который не уступалъ Наполеону въ военныхъ дарованіяхъ.

Но изъ среды тѣхъ, которые еще удостоились маршальскаго жезла въ 1804 году и позже, во главѣ великой арміи въ 1812 году не видно было двухъ лучшихъ полководцевъ наполеоновской арміи: Массены и Ланна. Ланна подъ Эслингомъ въ 1809 году унесло австрійское ядро. А Массена?.. Тотъ Массена, швейцарская кампанія котораго въ 1799 году оказалась бы ничуть не хуже итальянской кампаніи Бонапарта, если бы она такъ же хорошо была описана въ донесеніяхъ и въ стихахъ. Тотъ

Массена, который парализовалъ въ 1805 году вдвое сильнѣйшую армію эрцгерцога Карла. Тотъ Массена, который былъ героемъ Ваграма въ 1809 г. и не могъ ничего сдѣлать въ Португаліи только потому, что былъ оставленъ безъ подкрѣпленій лицомъ къ лицу съ превосходными силами Веллингтона и окруженъ завистливыми товарищами. Этотъ Массена, самый геніальный изъ маршаловъ Наполеона, былъ оставленъ дома подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ уже не можетъ водить войска. Дома остался и Серрюрье, которому когда-то досталась честь принять шпагу Вурмзера, сдавшаго Мантую и который теперь командовалъ... домомъ Инвалидовъ.

Не перепли Ньманъ и четверо маршаловъ, оставленныхъ въ Испаніи: ветеранъ революціонныхъ войнъ Журданъ, герой Флерюса, приставленный дядькой къ королю Испаніи, бездарному изъ бездарныхъ, Жозефу: даровитый Сультъ, герой Аустерлица, и Мармонъ—последній уже съ іудиной печатью на лбу,—которые отбивались отъ Веллингтона и въ промежуткахъ между двумя сраженіями грызли другъ друга; Сюше, который, какъ левъ, дрался съ горстью храбрецовъ въ Каталоніи, не уступая ни на шагъ.

По ту сторону русской границы остался и Ожеро, старый соратникъ Наполеона по Италіи: во главѣ своего корпуса онъ охранялъ Пруссію, и лишь въ 1813 году вышелъ въ поле. Наконецъ не во главѣ француз-

Развѣдки ген. Дезе на Рейнъ (Мейссонье).

ской арміи, а уже наполовину во вражьемъ станѣ, былъ Бернадотъ, бывший такъ долго и такъ незаслуженно любимцемъ императора, хитрый и своекорыстный. Теперь онъ уже два года, какъ назывался наследнымъ принцемъ шведскимъ и велъ дружескую переписку съ Александромъ. Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, и этотъ ярый якобинецъ 1799 года поведетъ противъ Франціи полчища европейской реакціи.

Можно безъ преувеличенія сказать, что во главѣ великой арміи въ 1812 г. стояли военачальники второго ранга, «тѣни Ланна», какъ называлъ ихъ самъ Наполеонъ. Но среди нихъ были все-таки крупные таланты: Мюратъ, Ней и Даву.

Въ блестящей толпѣ расшитыхъ и раззолоченныхъ мундировъ бросаются въ глаза Ней и Мюратъ, своимъ отчаяннымъ мужествомъ затмѣвающие своихъ товарищей. Іоакимъ Мюратъ родился въ 1767 г. въ бѣдной семьѣ на югѣ Франціи въ Бастидѣ - Фортюньерѣ и былъ сперва «мальчикомъ» въ лавочкѣ мелкаго торговца. Со своимъ другомъ Бессьеромъ, впоследствии тоже маршаломъ, онъ поступилъ въ національную гвардію и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже сталъ подпоручикомъ. При подавленіи вандемьерскаго возстанія 1795 г. Мюратъ оказываетъ важную услугу Наполеону и дѣлается его адъютантомъ. Вскорѣ онъ бригадный генералъ. Съ этого времени развѣтывается вся та блестящая храбрость, вся отвага, вся проницательность, которая дѣлаетъ изъ него несравненнаго кавалериста.

Судьба Мюрата неразрывно связывается съ судьбой Наполеона: онъ сопровождаетъ его въ Египетъ, откуда Наполеонъ неоднократно доноситъ: «Кавалеристъ Мюратъ совершилъ невозможное». По возвращеніи изъ Египта Мюратъ женится на меньшей сестрѣ Наполеона, Каролинѣ. Вскорѣ онъ—маршалъ, великій адмиралъ.

Наступаютъ дни Аустерлица, Іены... Кавалерія Мюрата всюду выделяется своей стремительностью, неудержимымъ преслѣдованіемъ отступающаго непріятеля. Теперь бывший бѣдный приказчикъ—уже владѣтельный великій герцогъ Бергскій.

Высокій, гибкій, съ открытымъ сіяющимъ смуглымъ лицомъ, прекрасными голубыми глазами, орлинымъ носомъ, съ длинными шелковистыми кудрявыми волосами, ниспадающими на плечи—онъ невольно притягивалъ къ себѣ взоры. Издали бросается въ глаза его причудливый роскошный костюмъ: сверхъ затканной золотомъ туники мѣховой доломанъ, на большой шапкѣ вздымается кверху огромный бѣлый султанъ, прикрѣпленный большимъ алмазомъ.

Отвага его остается прежней. При Эйлау корпусъ Ожеро былъ почти раздавленъ русской арміей. Наполеонъ, повернувшись къ Мюрату, спрашиваетъ его, указывая на неудержимую атаку русскихъ войскъ: «Неужели ты дашь имъ насъ сломать?»

Мюратъ стремительно бросается съ кавалеріей въ атаку, прорываетъ двѣ линіи, и только передъ третьей понадобилась ему помощь конной гвардіи въ виду упорнаго сопротивленія непріятеля.

Но онъ не только отваженъ. Онъ лукавъ и говорливъ, какъ истый гасконецъ. Известно, какъ передъ сраженіемъ при Аустерлицѣ Мюратъ и Ланнъ убѣдили австрійскихъ офицеровъ, охранявшихъ мостъ черезъ Дунай, въ томъ, что заключено перемиріе, и успѣли благополучно занять мостъ, не потерявъ ни одного солдата, въ то время какъ генералъ Ауершпергъ, который долженъ былъ взорвать мостъ при приближеніи непріятеля, одураченный болтливими гасконцами, боясь безполезнаго кровопролитія, поспѣшно уводилъ свои войска. Послѣ Тильзитскаго мира Мюратъ дѣлается королемъ Неаполитанскимъ. 1812 годъ. Мюратъ бѣетъ подъ Бородиномъ, то пышій со шпагой въ рукѣ, то становится во главѣ кавалеріи, чтобы взять Большой редутъ.

Только отступленіе бросаетъ тѣнь на его прошлую военную славу: поставленный Наполеономъ, послѣ отъѣзда, во главѣ отступавшей

арміи, онъ въ первый разъ теряется, подавленный огромной задачей спасти непоправимое. Каждый пробивается теперь на свой страхъ, и слава отступления достается другому.

Послѣ 1813 года онъ постепенно удаляется отъ Наполеона, посвящаетъ себя своему королевству, думая спасти для себя королевскій титулъ частными соглашеніями съ врагами бывшаго покровителя. 1815 годъ приводитъ его къ роковому концу—послѣ возвращенія Наполеона онъ поднимается съ оружіемъ въ рукахъ противъ австрійцевъ, попадаетъ въ плѣнь и разстрѣливается. Но Италия не забыла въ немъ борца противъ австрійскаго ига—и по сейчасъ рядомъ со статуей освободителя Италіи Виктора-Эммануила высится въ Неаполь статуя короля Іоахима Мюрата.

Рядомъ съ героемъ нати-ска—если не выше—справедливо стоитъ «храбрѣйшій изъ храбрыхъ»—маршалъ Ней, князь Московскій.

Ней родился въ бѣдной семьѣ ремесленника въ Лотарингіи (Саарлуи) въ 1769 г. Рано онъ поступилъ солдатомъ въ гусарскій полкъ и былъ всего унтеръ-офицеромъ при началѣ революціи. Съ этихъ поръ онъ подвигается быстро. Въ 27 лѣтъ онъ уже бригадный генералъ. Прямой, честный, добродушный, но пылкій, съ неукротимой храбростью, всегда въ первомъ ряду бойцовъ, готовый ринуться на врага въ ближайшій удобный моментъ—онъ выросъ въ школѣ волонтеровъ первыхъ лѣтъ республики, добывавшихъ побѣду цѣной суровыхъ испытаній.

Всегда увѣренный въ себя, хладнокровный, онъ однимъ своимъ присутствіемъ воодушевляетъ солдатъ. Съ 1805 года онъ всегда въ первыхъ рядахъ храбрецовъ. При Фридландѣ, подкрѣпляемый маршаломъ Викторомъ, Ней рываешь побѣду отчаянной атакой лѣваго крыла русской арміи. «Это левъ!» восклицаетъ Наполеонъ.

Подъ Бородиномъ онъ соперничаетъ неустрашимостью съ Мюратомъ, заслуживая именно въ этотъ моментъ прозвище «храбрѣйшаго изъ храбрыхъ». Но лишь съ момента отступления начинается его достопамятная въ военныхъ лѣтописяхъ оборона въ арьергардѣ отъ превосходныхъ силъ непріятеля. 40 сутокъ онъ неуспынно защищаетъ отступающую армію—

Маршалъ Журдавъ.

ночью совершает переходы, днем отбивается съ упорствомъ отчаянія, чтобы дать время арміи уйти. За нимъ тянутся густыя толпы отсталыхъ. Когда истомленные солдаты, не въ силахъ удержать оледянное оружіе, падаютъ духомъ, Ней самъ беретъ ружье въ руки и ведетъ ихъ на непріятеля. Съ стѣсненнымъ сердцемъ нахмурившись, Наполеонъ продолжалъ путь отъ Смоленска пышкомъ, опираясь на трость, думая о гибели Ней, пожертвовавшего собой для спасенія арміи. Со всѣхъ сторонъ преслѣдуемый Ней, однако, послѣ невѣроятныхъ усилій успѣлъ обойти русскія войска и

Ожеро, герцогъ Кастильонскій.

переправиться окольнымъ путемъ чрезъ Днѣпръ. Несмотря на крайнюю опасность, онъ послѣднимъ перешелъ рѣку, послѣ трехчасового сна въ своемъ плащѣ на холодномъ берегу Днѣпра. На Березинѣ онъ отбиваетъ атаку Чичагова и тѣмъ способствуетъ при поддержкѣ маршаловъ Виктора и Удино переправѣ арміи. Послѣ отъѣзда императора Ней снова во главѣ арьергарда: у него въ распоряженіи лишь нѣсколько сотенъ баварцевъ и французовъ. Въ Ковно онъ съ тридцатью солдатами успѣваетъ отвлечь вниманіе непріятеля отъ жалкихъ остатковъ «Великой арміи» и выходитъ послѣднимъ, обернувшись лицомъ къ врагу съ ружьемъ въ руки, чтобы добраться до арміи чрезъ лѣсъ окружнымъ путемъ. Очевидецъ рассказываетъ, какъ на зимній бивакъ корпуса, расположеннаго въ Пруссіи, неожиданно явился высокій, рослый человѣкъ въ лохмотьяхъ съ блестящими глазами, съ отросшей бородой... «Кто вы?» — «Я арьергардъ великой арміи — маршалъ Ней»... Вотъ

все, что осталось отъ арьергарда послѣ героической защиты.

Наступаютъ дни отреченія Наполеона: и маршалъ Ней рѣзко требуетъ отъ императора отречься отъ императорскаго престола.

Но едва Наполеонъ вернулся съ Эльбы, какъ посланный противъ него Ней не въ силахъ былъ сражаться съ прежнимъ своимъ императоромъ. При Ватерлоо закатывается звѣзда Наполеона. Слово предчувствуя свою близкую гибель, Ней яростно дерется съ англичанами, трое лошадей убито подъ нимъ во время кавалерійской атаки; напрасно съ почернѣвшимъ отъ пороха лицомъ, съ порваннымъ въ клочья мундиромъ, съ обломкомъ сабли въ руки, онъ старается во главѣ послѣднихъ батальоновъ

задержать стремительное бѣгство разбитой арміи, напрасно самъ ищетъ смерти, бросаясь на врага съ крикомъ: «смотрите, какъ умираетъ французскій маршалъ!» Смерть пришла къ нему—но отъ французской пули. По приговору чрезвычайнаго высшаго суда онъ былъ разстрѣлянъ въ Парижѣ 6 декабря 1815 года.

Лучшей похоронной рѣчью надъ его могилой было письмо къ королю Людовику XVIII маршала Монсе, отказавшагося участвовать въ судѣ надъ Неемъ, своимъ старымъ товарищемъ. «Ваше величество! Принужденный либо ослушаться вашего величества, либо погрѣшнить предъ своей совѣстью; я долженъ объяснить: я не вхожу въ разборъ вопроса о томъ, виновенъ ли маршалъ Ней, или нѣтъ. Ахъ, ваше величество! если бы тѣ, кто руководитъ вашими совѣтами, желали бы лишь блага вашему величеству, они сказали бы вамъ, что никогда эшафотъ не создаетъ друзей... Неужели они думаютъ, что смерть страшна для того, кто такъ часто рисковалъ своей жизнью? При переходѣ чрезъ Березину Ней спасъ остатки арміи, а я пошлю на смерть того, кому столько французовъ обязано жизнью? Нѣтъ, ваше величество, если мнѣ нельзя спасти своей страны и своей жизни, я, по крайней мѣрѣ, спасу честь»...

Извѣстный своей суровостью маршалъ Даву, безспорно крупнѣйшій воинъ великой арміи, родился въ 1771 г. въ старой бургундской семьѣ. Онъ былъ молодымъ кавалерійскимъ офицеромъ, когда вспыхнула революція. Даву былъ самъ захваченъ движеніемъ и этотъ впоследствии суровый ревнитель дисциплины, неумолимый судья дезертировъ и мародеровъ, организовалъ возмущеніе въ своемъ полку противъ товарищей. Принужденный выйти въ отставку, онъ только чрезъ 2 года поступаетъ снова въ ряды арміи. Храбрость и точность скоро выдвигаютъ его изъ ряда товарищей. Въ 1804 году онъ — маршалъ и въ 1806 г. наноситъ пруссакамъ страшное пораженіе подъ Ауэрштедтомъ. Съ 25.000 онъ побилъ 70.000, потерявъ 10.000 изъ состава своего корпуса. При Эйлау, Фридландѣ это все тотъ же неустра-

Мюратъ (Шаперонъ).

шимый, выдержанный полководецъ. Но чѣмъ болѣе идетъ время, тѣмъ болѣе растетъ его надменное, непримиримое отношеніе къ товарищамъ, его раздражительная взыскательность: онъ ссорится съ Мюратомъ, съ Неемъ, съ братомъ Наполеона, королемъ Жеромомъ. Подъ Бородиномъ ядро опрокидываетъ его лошадь, но онъ встаетъ съ земли раненый въ животъ, весь въ крови и грязи и спѣшитъ на помощь къ Нею. При отступленіи Наполеонъ сперва назначаетъ его начальникомъ арьергарда, но его неумолимо жестокия кары за нарушенія дисциплины раздражаютъ армію, и Наполеонъ поручаетъ арьергардъ Нею. Послѣ Ватерлоо онъ скоро устраняется отъ всякой дѣятельности до самой своей смерти въ 1823 г.

За этими тремя тянется длинный рядъ маршаловъ, усердныхъ исполнителей воли и предначертаній императора: Викторъ, раздѣляющій съ Неемъ и Удино славу обороны при Березинѣ; Мортъ, знаменитый своимъ отступленіемъ подъ Дирренштейномъ въ 1805 г.; острый на языкъ, не щадящій ни себя, ни другихъ Макдональдъ, послѣднимъ покинувшій Наполеона въ тяжелые дни отреченія; «Баярдъ французской арміи» Удино, получившій до 30 ранъ въ теченіе своей карьеры и отличившійся при Березинѣ; выдвигаемые императоромъ на мѣсто старыхъ героев Вандаммъ и Гувіонъ Сенъ-Сиръ; три превосходныхъ кавалерійскихъ генерала: Монбрень, Нансути и маршалъ Бессьеръ. Для всѣхъ троихъ Бородино было роковымъ. Монбрень остался на полѣ битвы, Нансути былъ раненъ такъ, что прожилъ едва три года, а Бессьеръ, посовѣтовавшій Наполеону не пускать въ дѣло гвардіи, потерялъ свою популярность среди солдатъ, какъ моральный виновникъ неудачи всей кампаніи; неудачливый Жюно. Наконецъ, тѣнь императора, вѣрный исполнитель его приказаній, Бертъе.

Бертъе родился въ Версали въ 1753 г. и поступилъ въ армію инженеръ-топографомъ. Уже опытнымъ штабнымъ офицеромъ онъ примкнулъ къ Наполеону въ 1796 г. Съ этихъ поръ то какъ главный начальникъ генеральнаго штаба, то какъ военный министръ, онъ несетъ на себѣ тяжелую задачу внутренней организаціи. Окруженный громаднымъ штабомъ, вѣрный и неутомимый исполнитель приказаній императора, даже послѣ Эйлау, когда силы Великой арміи напряглись до послѣдняго, Бертъе продолжаетъ сохранять скромное положеніе тѣни императора. Точный исполнитель приказаній вскорѣ совершенно убиваетъ въ себѣ инициативу и оказывается негоднымъ главнокомандующимъ дунайской арміи 1809 г., но возвращенный на свой постъ главнаго начальника генеральнаго штаба, онъ снова обрѣтаетъ самого себя. Вынесшій на своихъ плечахъ штабную работу всѣхъ почти кампаній, онъ въ 1812 г. принужденъ бороться съ огромными затрудненіями,—армія разноплеменная, громаднхъ размѣровъ, раздражительный до нельзя вслѣдствіе неудачъ въ Испаніи императоръ,—все это ложится на начальника генеральнаго штаба, которому въ то время было уже 59 лѣтъ. Постоянный спутникъ императора, онъ не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью — иногда въ теченіе одной ночи его вызываютъ разъ семнадцать къ Наполеону, при чемъ въ силу строгаго придворнаго этикета Бертъе принужденъ являться всегда въ парадной формѣ при шпагѣ. И онъ нисколько не измѣняетъ своей преданности императору, своей исполнительности. Подобно Макдональду, онъ послѣд-

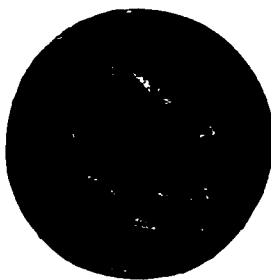
нимъ изъ маршаловъ призналъ Бурбоновъ, которымъ и остался вѣренъ до своей трагической смерти (паденія изъ окна своего замка) въ 1815 г.

Наполеонъ осыпалъ его наградами: Бертъ первымъ былъ занесенъ въ списокъ маршаловъ; чрезъ два года онъ уже князь Невшательскій, еще чрезъ три — князь Ваграмскій; доходы его достигли отъ непрерывныхъ подарковъ до 1.200.000 франковъ ренты.

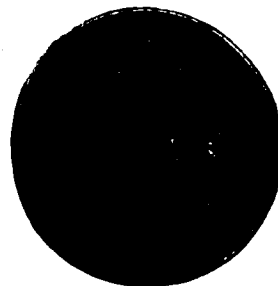
Особнякомъ стоитъ вице-король итальянскій, принцъ Евгений Богарне, сынъ Жозефины, самый даровитый, если не единственно даровитый, изъ всей клики родныхъ человѣчковъ Наполеона, во всякомъ случаѣ, несравненно болѣе привлекательный, чѣмъ всѣ четыре брата императора. Ученикъ Наполеона на боевомъ поприщѣ, онъ скоро сталъ обнаруживать крупныя способности. Въ 1809 году Наполеонъ не побоялся довѣрить ему самостоятельный корпусъ, и Евгений блистательно оправдалъ ожиданія отчима, разбивъ австрійцевъ подъ Раабомъ и пробившись на соединеніе съ главной арміей. Подъ Ваграмомъ онъ много способствовалъ побѣдѣ, а въ русскомъ походѣ онъ покрылъ себя славою въ послѣдній, самый критическій моментъ отступленія. Когда армію покинули и императоръ и Мюратъ, Евгений сталъ во главѣ ея и спасъ все, что еще можно было спасти. Изъ катаклизма 1814—1815 годовъ, Евгений, зять короля Баваріи, вышелъ сравнительно благополучно. Онъ сдѣлался родоначальникомъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ.

Таковы крупныя дѣятели кровавыхъ войнъ: лично храбрые, одаренные сперва большимъ запасомъ инициативы, они подъ конецъ дѣлаются исполнителями воли знаменитаго полководца и лишь въ рѣшительную минуту у нѣкоторыхъ изъ нихъ просыпается прежняя инициатива. Выросшіе среди безграничнаго служенія честолюбію, которому императоръ ставитъ опредѣленныя границы, они мало-по-малу, за немногими исключеніями, дѣлаются эгоистично равнодушными къ вождю, ссорятся другъ съ другомъ, не торопятся на помощь товарищу, злорадствуютъ его несчастію, жадно стремятся къ почестямъ, не чужды мѣстничества и алчны до денегъ. Сыновья простыхъ крестьянъ, мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ, они часто невѣроятной личной доблестью создали себѣ блестящую судьбу, породнились съ древними царствующими домами Европы и облеклись въ мантию князей, герцоговъ и королей. Выросшіе среди бурь военной непогоды, поднятые изъ народной массы на самый верхъ волной бурнаго патріотизма, они сами принуждены были отступить послѣ героическихъ усилій предъ исполненной вспышкой оскорбленнаго народнаго чувства.

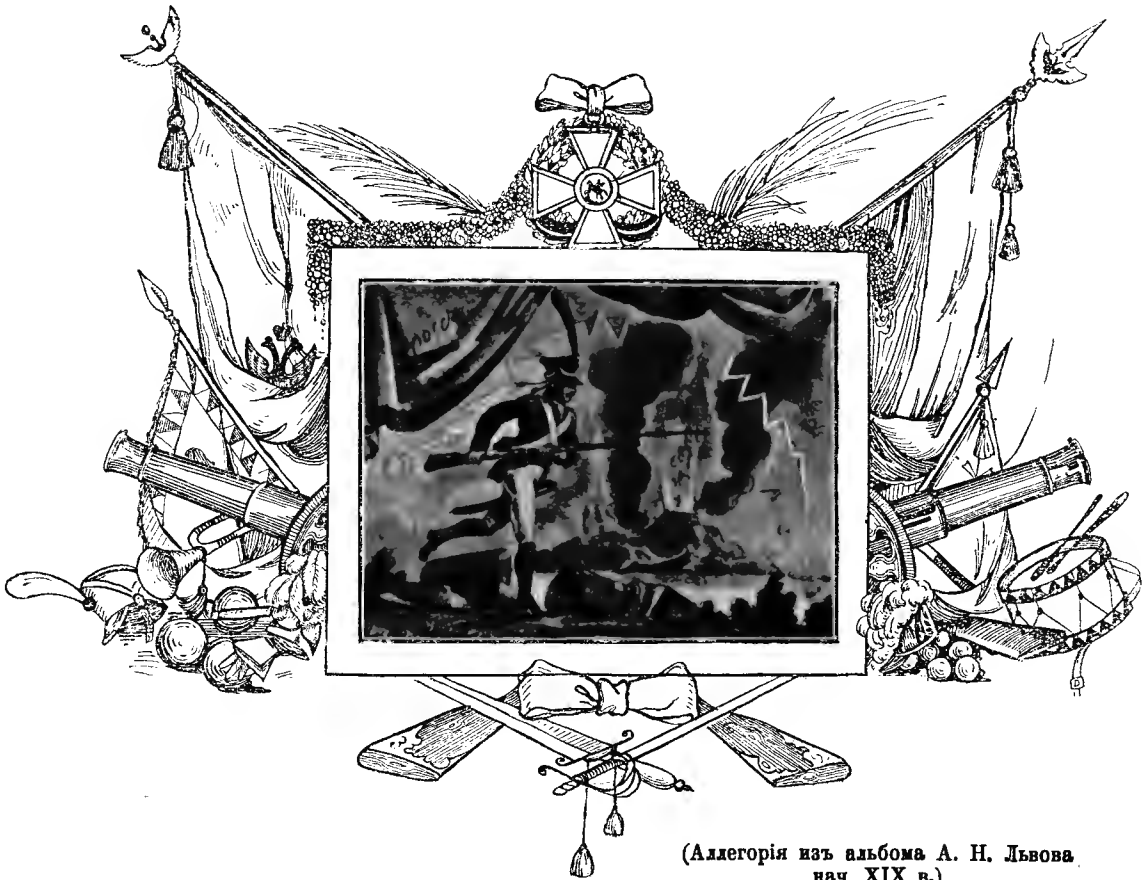
А. Васютинскій.

Наполеонъ-консулъ (Изабе).

Бонапартъ (Данжера).

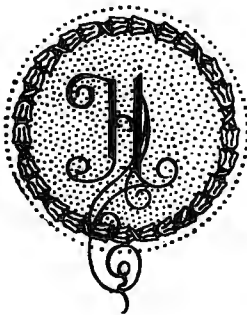

(Аллегорія изъ альбома А. Н. Львова
нач. XIX в.).

== РУССКАЯ АРМІЯ И ЕЯ ВОЖДИ. ==

I. Армія въ 1805—1814 гг.

Подп. А. А. Кожевникова.

а складъ внѣшней фізіономіи и на характеръ войска александровской эпохи очень рельефно сказались три главныхъ и очень разнородныхъ вліянія. Эти вліянія вкратцѣ могутъ быть охарактеризованы такимъ образомъ: первое вліяніе національное, заимствованное изъ эпохи Екатерины II и ея великихъ полководцевъ Румянцева, Потемкина и Суворова, второе—французское, которое, въ виду военныхъ успѣховъ Наполеона и общаго подъема духа французской націи и ея войска, должно было привлечь на свою сторону наиболѣе передовые элементы русской арміи и, наконецъ, третье, прусское, представители котораго находились подъ обаяніемъ давно пере-

житой, по блистательной эпохи Фридриха Великого и его побѣдъ. Каждое изъ этихъ трехъ вліяній и соответствующихъ имъ направленій дѣятельности и жизни войска имѣло въ арміи Александра I своихъ типичныхъ и яркихъ представителей. Ко времени воцаренія императора Александра I изъ выдающихся военныхъ дѣятелей екатерининскихъ временъ былъ въ живыхъ только фельдмаршалъ Каменскій, но онъ по крайне преклонному своему возрасту не могъ уже пользоваться большимъ значеніемъ. Яркими представителями національнаго направленія были ученики великихъ екатерининскихъ полководцевъ Кутузовъ и Багратионъ. Носителями французскихъ идей были начальникъ свиты его величества по квартирмейстерской части, а впоследствии начальникъ главнаго штаба князь П. М. Волконскій и декабристы; въ смыслъ чисто тактическомъ—Барклай-де-Толли и Ермоловъ. Последнее же направленіе, прусское, было представлено самимъ державнымъ шефомъ арміи Александромъ I и неизмѣнно пользовавшимся его довѣріемъ и любовью Аракчеевымъ. Имѣя такихъ авторитетныхъ представителей, направленіе это, конечно, должно было имѣть если не преобладающее, то во всякомъ случаѣ очень серьезное значеніе. Несмотря на то, что оно являлось пережиткомъ старины, неоднократно на дѣлѣ доказало свою нежизнеспособность, оно, тѣмъ не менѣе, красной нитью прошло черезъ всю исторію царствованія Александра I. Само по себѣ оно всецѣло было перенесено въ александровскую эпоху изъ эпохи Павла I. Последний же самъ совершенно искусственно пересадилъ его изъ чужеземной почвы, гдѣ оно уже само себя пережило, и привилъ къ русской жизни. Въ духъ этого направленія былъ воспитанъ въ военномъ отношеніи Александръ I. Аракчеевъ же, какъ убѣжденный и ярый поклонникъ его и проистекающей изъ него системы, превзошелъ, въ послѣдовательности ея проведенія, кажется, самого императора Павла I. И въ первое время царствованія Александра гатчинская муштра, плацпарадная тренировка, жестокій педантизмъ и давнымъ-давно осужденная жизнью линейная тактика Фридриха Великого опредѣляли собою весь укладъ арміи. Нужны были кровавые уроки Аустерлица и Фридланда, чтобы вліяніе Аракчеева, главнаго апостола павловскихъ традицій, на нѣкоторое, по крайней мѣрѣ, время уступило мѣсто болѣе свѣжимъ, болѣе жизненнымъ, болѣе современнымъ.

При вступленіи на престолъ Александра I вооруженныя силы Россіи не считая въ то число частей войскъ, имѣвшихъ совершенно спеціальныя назначенія, какъ, напримѣръ, поселенныя казачьи войска, охранявшія границы, горно-заводскіе батальоны, несшіе военно-полицейскую службу, и т. п., состояли: пѣхота—изъ 3 гвардейскихъ, 13 гренадерскихъ, 69 мушкетерскихъ и 19 егерскихъ—всего 104 полковъ; конница—изъ 4 гвардейскихъ, 13 кирасирскихъ, 11 драгунскихъ, 8 гусарскихъ, 2 конныхъ, 3 регулярныхъ казачьихъ—всего 41 полкъ; артиллерія—изъ 7 пѣшихъ, 1 коннаго и 1 піонернаго полка и 8 понтонныхъ депо. Всего подъ знаменами было около 270 тысячъ регулярнаго войска и 70.000 казачьяго, не включая въ это число регулярные казачьи полки.

Первые годы царствованія Александра I ознаменовались крупными реформами въ арміи, клонившимися къ тому, чтобы придать стройность административной машинѣ управленія и увеличить войско въ количественномъ

отношеніи. Увеличеніе силы арміи происходило въ связи съ политическими событіями Европы и войнами, въ которыхъ принимала участіе Россія, такъ что уже къ началу войны 1805 г. подъ знаменами находилось 340.000 человекъ, не считая нерегулярнаго войска. Интенсивный количественный ростъ арміи шелъ до самой Отечественной войны. Въ то время не было вовсе того, что въ настоящее время понимается подъ словомъ «запаса арміи», при существованіи котораго войско, содержимое въ мирное время въ гораздо меньшемъ численномъ составѣ, чѣмъ въ военное, при наступленіи мобилизаціи остается въ томъ же количествѣ отдѣльныхъ воинскихъ единицъ, полковъ и т. п., но увеличивается въ нѣсколько разъ пополненіемъ этихъ единицъ лицами, призванными изъ запаса. Въ виду

Рядовой, унтеръ-офицеръ и трубачъ Кавалергардскаго корпуса (1799 г.).

этого увеличеніе численности войскъ достигалось все новыми и новыми формированіями отдѣльныхъ воинскихъ частей.

Общую идею, которой бы руководствовались при формированіи новыхъ пѣхотныхъ частей, указать трудно; было сформировано за это время новыхъ 66 полковъ: гренадерскихъ, егерскихъ и мушкетерскихъ. Гренадерскія части вообще по тогдашнимъ понятіямъ были отборнымъ войскомъ. Въ гренадерскіе полки попадали послѣ гвардіи наиболѣе видные высокіе рекруты. Кромѣ спеціально гренадерскихъ полковъ, въ каждомъ полку егерскомъ и мушкетерскомъ были гренадерскіе роты и взводы, въ которые назначались наиболѣе высокіе и въ нравственномъ отношеніи вполне надежные люди. Эти роты и взводы ставились на флангахъ частей, охрана и устойчивость которыхъ при боевомъ порядкѣ въ развернутомъ строю была особенно важной. Мушкетерскіе полки были, такъ сказать, заурядной пѣхотой, они составляли главную массу.

Егерскіе же полки отличались особымъ обученіемъ: въ нихъ былъ введенъ разсыпной строй и они предназначались, главнымъ образомъ, для дѣйствія на пересѣченной естественными препятствіями мѣстности, но этому роду войска при новомъ формированіи не было дано преимущества. При сводкѣ полковъ въ дивизіи для общей гармоніи нѣкоторые мушкетерные полки были названы егерскими, каковыми они были только по названію.

Пѣхота была вооружена ружьями гладкоствольными пѣхотнаго образца 1798 г. Дѣйствительность огня считалась не далѣе 120 сажень, на человека полагалось 60 патроновъ. Егеря были вооружены штуцерами. Въ

началь царствованія Александра I при обученіи введена стрѣльба въ цѣль, до тѣхъ поръ не практиковавшаяся.

При учрежденіи новыхъ въ числѣ 25 полковъ конницы рѣшительное преимущество было дано легкой кавалеріи передъ полками кирасирскими. Большинство новыхъ полковъ были драгунскими или гусарскими, вновь вводились уланы и конные егеря. Кирасирскіе полки были, главнымъ образомъ, предназначены для атаки въ сомкнутомъ строю. Согласно этому назначенію они были посажены на тяжелыхъ коней, долженствовавшихъ своей массой производить болѣе сильное нравственное впечатлѣніе на атакуемыхъ и развивать большую силу удара при столкновеніи. При этомъ соображеніи упускался изъ виду одинъ изъ основныхъ законовъ механики, по которому живая сила тѣла и, слѣдовательно, сила удара зависитъ отъ массы и скорости движущагося тѣла, но возведенной въ квадратъ, по каковому закону въ кавалерійской атакѣ во всѣхъ случаяхъ надо отдавать преобладающее значеніе быстротѣ, а не массѣ. Грузные же кирасирскіе кони, конечно, не могли равняться по быстротѣ карьера съ легкими лошадьми обыкновеннаго верхового типа. Драгуны, кромѣ коннаго строя, были обучены дѣйствію въ пѣшемъ строю наравнѣ съ пѣхотой. Соотвѣтственно этому боевому назначенію, были вооружены, какъ и прочая конница, пистолетами и саблями, но имѣли ружья пѣхотнаго образца съ примыкающими штыками. Боевая подготовка конныхъ егерей въ существеннѣйшихъ частяхъ была та же, что и драгунъ. Гусары и уланы составляли собственно легкую кавалерію, назначеніе которой было развѣдывательная и сторожевая служба и быстрая атака. Гусары, кромѣ пистолетовъ и сабель, были вооружены карабинами для стрѣльбы съ коня, передняя шеренга уланъ — пиками; карабинами они были вооружены не всѣ, а только часть задней шеренги, лучшіе стрѣлки.

Что касается до артиллеріи, то въ ея увеличеніи былъ сдѣланъ огромный шагъ впередъ. По числу 27 пѣхотныхъ дивизій были сформированы изъ бывшей налицо артиллеріи и новой — 27 полевыхъ бригадъ, по три роты въ каждой. Полевые орудія были трехъ образцовъ: единороги, батарейныя (тяжелыя) орудія и легкія. Легкія орудія должны были во время боя находиться при пѣхотныхъ полкахъ. Тяжелыя же орудія предназначались для открытія огня на батареяхъ, т.-е. дѣйствію артиллеріи придавалось самостоятельное значеніе. Но все-таки точнаго опредѣленнаго устава для артиллеріи не было, и она дѣйствовала по инструкціямъ и правиламъ, изданнымъ въ то время, когда Аракчеевъ былъ военнымъ министромъ (1808 г.), изданіе же полнаго артиллерійскаго устава относится къ 1824 г.

По сформированіи новыхъ частей, армія состояла къ началу Отечественной войны изъ 514 батальоновъ пѣхоты, 410 эскадроновъ кавалеріи. 133½ ротъ артиллеріи и 6 піонерныхъ батальоновъ. Армейскій батальонъ былъ силою въ 738 штыковъ, эскадронъ въ 150 коней. Всего подъ знаменами было, не считая гарнизонныхъ батальоновъ, вновь сформированныхъ въ 1812 г., 12 рекрутскихъ полковъ, нерегулярныхъ войскъ, инвалидовъ и прочихъ не имѣющихъ военнаго значенія командъ, около 480 тысячъ человѣкъ при 1.600 орудіяхъ.

Въ первую половину царствованія Александра I армія, такимъ образомъ, была увеличена почти вдвое. Многое было сдѣлано и въ административномъ отношеніи въ смыслъ приведенія управленія арміи къ одной общей стройной системѣ. Изъ распоряженій въ этой области надо указать прежде всего на учрежденіе Военнаго Министерства, потомъ на введеніе въ дивизіи, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ (по 6 въ каждой) полковъ, изданіе инструкціи для инспекторскихъ смотровъ, урегулированіе службы казаковъ и ихъ офицеровъ — новой организаціей значительно двигалась впередъ боевая готовность казаковъ, мало уступающая послѣ этого полкамъ регулярной кавалеріи,—реформу и расширеніе дѣйствій аудиторіата и друг.

Въ общемъ же духъ въ самомъ принципѣ военной службы до войны

Гренад. унтеръ-офицеръ Бѣлевскаго
Мушкетерскаго полка (1797—1801 гг.).

1805 года, за исключеніемъ развѣ отмыны буклей и косъ, наименованія полковъ по-старому, а не по фамиліямъ шефовъ, введенія обученія въ мирное время стрѣльбы въ цѣль и въ запрещеніи Высочайшимъ приказомъ военнымъ судамъ приговаривать къ «нещадному», т.-е. безъ опредѣленія количества ударовъ, битію плетью и шпирутенами, перемѣнъ незамѣтно, и пресловутая павловская прусская система продолжала процвѣтать. Послѣ же 1805 г. до начала Отечественной войны замѣтны лишь робкіе нерѣшительные шаги въ сторону оживленія военнаго дѣла. Причину такого положенія нужно приписать въ значительной степени личнымъ свойствамъ первыхъ военныхъ министровъ. Первымъ министромъ былъ Вязьмитиновъ, человѣкъ съ недостаточно выработанной собственной фizioноміей и слишкомъ привыкшій подчиняться волѣ начальства, второй Аракчеевъ.

Послѣдній разъ въ своемъ полномъ объемѣ строевой уставъ Павла I имѣлъ свое примѣненіе въ Аустерлицкомъ сраженіи. Какъ извѣстно, императоръ Александръ I подчинилъ свои войска австрійскому генеральному штабу съ Вейротеромъ во главѣ. Вейротеръ былъ убѣжденнымъ стратегомъ въ духъ прусской системы, такимъ же, какимъ былъ и Макъ; послѣдній, какъ извѣстно, только что передъ этимъ, подѣ Ульмомъ, выработалъ нѣсколько прекрасныхъ диспозицій для пораженія Наполеона, но ни на одной изъ нихъ не могъ окончательно остановиться, такъ какъ онѣ всѣ были одинаково хороши, и не привелъ ни одну изъ нихъ въ исполненіе, до тѣхъ поръ, пока не былъ окруженъ тѣснымъ кольцомъ войсками Наполеона и вынужденъ къ сдачѣ. Въ ночь передъ сраженіемъ при Аустерлицѣ Вейротеръ прочелъ диспозицію, чтеніе которой продолжалось нѣсколько часовъ и которая была наполнена безконечнымъ количе-

ствомъ распоряженій о маршахъ колоннъ, цѣль которыхъ была, произведя диверсію на лѣвомъ флангѣ противника, обойти его главными силами съ праваго. При этомъ, конечно, не принималось во вниманіе возможность того, что марширующія колонны на самомъ дѣлѣ въслѣдствіе препятствій мѣстности могли перепутаться или выйти на мѣсто дѣйствій съ опозданіемъ, ни то, что противникъ за ночь или рано утромъ могъ перемѣнить позицію. Воля противника при прусской стратегіи не принималась въ расчетъ: онъ предполагался неподвижнымъ, какъ пень. Это такой-то противникъ, какъ Наполеонъ! На то обстоятельство, что Наполеонъ можетъ самъ предпринять какое-нибудь движеніе, Вейротеру указывали русскіе офицеры, но такое замѣчаніе во вниманіе принято не было. На слѣдующее утро, едва союзники успѣли спуститься съ Праценскихъ высотъ, какъ послѣднія были заняты Наполеономъ, и войска союзниковъ были разорваны на двѣ части. Несмотря на геройскую атаку русскихъ войскъ, направленную самимъ императоромъ Александромъ I, высотъ взять не удалось, и русскіе были отброшены съ большимъ урономъ. Только благодаря тому, что среди русскихъ военачальниковъ нашлись такіе, которые не придерживались прусской тактики, какъ Дохтуровъ, русской арміи удалось спастись отъ полнаго уничтоженія.

Примѣръ пораженія подъ Аустерлицемъ былъ слишкомъ разительнымъ и даже самыхъ убѣжденныхъ поклонниковъ прусской тактики заставилъ задуматься о ея пригодности. Такъ же слишкомъ ясно выяснилась невозможность вступать въ сраженіе безъ достаточной развѣдки противника и мѣстности поля битвы. Последнее обстоятельство было толчкомъ къ тому, чтобы обратить вниманіе на службу офицеровъ свиты Его Величества по квартирмейстерской части, на которыхъ возложены были обязанности офицеровъ генеральнаго штаба.

Въ самомъ началѣ царствованія Александра I квартирмейстерская часть была ввѣрена голландскому инженеру Сухтелену. Онъ былъ призванъ на русскую службу въ предшествовавшее царствованіе для веденія крѣпостныхъ работъ и награжденъ чиномъ подполковника, но въ послѣдствіи впалъ въ немилость и былъ не у дѣлъ до воцаренія Александра I. Задачи, возложенныя на квартирмейстерскую часть, были довольно обширны: помимо прямыхъ своихъ обязанностей, соответствующихъ службѣ генеральнаго штаба, какъ развѣдка мѣстности, составленіе плановъ, дизлокація войска и т. п., на нее были возложены тѣ обязанности, которыя въ послѣдствіи выдѣлены и возложены на картографическое депо Главнаго штаба и корпусъ топографовъ: составленіе картъ Россіи. Неудивительно поэтому, что генеральный штабъ съ такими обширными и разнородными функціями не могъ, во-первыхъ, вполнѣ удовлетворять своему прямому назначенію и обслуживать нужды арміи, что повлекло за собой то обстоятельство, что служба квартирмейстерской части въ войнахъ, предшествующихъ Отечественной, мало замѣтна; во-вторыхъ, то, что Сухтелену приходилось набирать составъ квартирмейстерской части изъ мало-мальски пригодныхъ къ этой службѣ людей отовсюду. На службу въ квартирмейстерской части можно было встрѣтить ученыхъ, составившихъ уже себѣ имя, строевыхъ офицеровъ, иностранцевъ, наконецъ, юношей—почти дѣтей, подготовляющихся къ занятію офицерскихъ должно-

стей. При квартирмейстерской части въ Петербургъ была основана школа такъ называемыхъ колонновожатыхъ, для подготовки офицеровъ къ специальной службѣ при войскахъ въ качествѣ проводниковъ, развѣдчиковъ, руководителей на мѣстности боя. Въ эту школу принимались, кромѣ строевыхъ офицеровъ, и молодые люди со стороны. По прохожденіи соответствующаго курса и выдержаніи экзамена они производились въ офицеры и назначались въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части.

Къ исходу перваго десятилѣтія прошлаго столѣтія въ Москвѣ образовалось общество математиковъ. Душой его былъ Н. Н. Муравьевъ, въ домъ котораго оно собиралось. Въ это время занятіе математикой было

Офицеры-кирасиры (1797—1800 гг.).
(Изъ изданія Висковатого).

увлеченіемъ высшаго общества и офицерства. Увлеченіе это было вызвано частью обаяніемъ личности Наполеона, который началъ свою службу въ артиллеріи. Сыновья Муравьева офицеры и ихъ товарищи были тоже дѣятельными членами общества, и при ихъ содѣйствіи была образована частная школа, подготовлявшая колонновожатыхъ. Впослѣдствіи (въ 1816 г.) школа эта была сдѣлана государственной. Крупные недостатки квартирмейстерской части,—которые, впрочемъ, никоимъ образомъ не могутъ быть поставлены въ упрекъ Сухтелену и ея личному составу, а должны быть объяснены неправильностью ея организаціи, — заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, что этотъ генеральный штабъ былъ очень далекъ отъ арміи. Очень многіе офицеры квартирмейстерской части, какъ, напримѣръ, иностранцы, молодые люди, произведенные прямо по прохожденіи курса колонновожатыхъ въ офицеры, совсѣмъ не проходили службы въ строю. Не было также орга-

нической связи войска съ офицерами свиты. Въ силу этого старшіе военачальники сплошь и рядомъ пренебрегали ихъ совѣтами и руководствомъ; строевому офицерству, не понимавшему въ своемъ большинствѣ необходимости генеральнаго штаба, они были чужды.

Къ устраненію этихъ недостатковъ были приняты мѣры при слѣдующемъ генераль-квартирмейстерѣ, князь Петръ Михайловичъ Волконскомъ. Послѣдній былъ лицомъ, очень близкимъ государю, и сопровождалъ его неизмѣнно въ его безчисленныхъ путешествіяхъ и поѣздкахъ. Въ Тильзитѣ Волконскій императоромъ былъ представленъ Наполеону, а затѣмъ предпринялъ путешествіе во Францію, во время котораго изучилъ

організацію штабовъ наполеоновской арміи. По возвращеніи въ Россію и вступленіи въ должность генераль-квартирмейстера, Волконскій реформировалъ штабы по образцу французскихъ. Начальниками штабовъ дивизій и частей высшихъ, какъ корпусовъ армій, должны были назначаться преимущественно генералы и офицеры изъ свиты Его Величества по квартирмейстерской части и получавшіе въ послѣдней образованіе. Этимъ устанавливалась органическая связь генеральнаго штаба съ арміей и возвышалось положеніе въ войскахъ перваго. По существующему и существовавшему и тогда положенію въ случаѣ наступившей внезапной невозможности начальнику части исполнить свои обязанности, въ его должность вступаетъ начальникъ штаба, хотя бы въ составъ части были начальники, старшіе его по службѣ, впредь до назначенія новаго начальника. Изъ этихъ начальниковъ штабовъ, бывшихъ офицеровъ квартирмейстерской части вышли многіе выдающіеся военачальники, какъ Толь, Дибичъ и другіе. Ермоловъ, совершая свой подвигъ подъ Бородиномъ, при обратномъ взятіи батареи Раевского, былъ начальникомъ штаба 1-й арміи. 27 января 1812 года было издано учрежденіе для управленія большою дѣйствующею арміей, въ составленіи котораго дѣятельное участіе принимали тогдашній военный министръ Барклай-де-Толли и Волконскій. Это «Учрежденіе» было настолько удачно составлено, что почти безъ измѣненій просуществовало полстолѣтія и въ существеннѣйшихъ частяхъ очень близко къ дѣйствующимъ въ настоящее время положеніямъ объ арміяхъ. Согласно «Учрежденію» главнокомандующій «представляетъ лицо императора и облачается властью Его Величества». При главнокомандующемъ состоитъ штабъ, во главѣ котораго начальникъ штаба. Управление начальника штаба дѣлилось на 5 главныхъ отдѣловъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи генераль-квартирмейстера, дежурнаго генерала, начальника инженеровъ, генераль-интенданта и начальника артиллеріи. Вѣдѣніе трехъ послѣднихъ отдѣловъ ясно изъ ихъ названій. Сферы же дѣятельности генераль-квартирмейстера и дежурнаго генерала были разграничены такимъ образомъ (мы говоримъ объ общемъ направленіи и о существеннѣйшемъ), что дѣла, касающіяся собственной боевой дѣятельности войскъ, какъ передвиженія, назначенія и т. д., были въ вѣдѣніи генераль-квартирмейстера. У него въ подчиненіи находилось такое отвѣтственное лицо, какъ «капитанъ надъ колонновожатыми». Дѣла же, касающіяся внутренняго порядка въ арміи, какъ караульная служба, части судная и медицинская и т. п., находились

Мушкетеръ и оберъ-офицеръ француз.
Дворянскаго Принца Конде полка.

въ вѣдѣніи дежурнаго генерала. Вмѣстѣ съ изданіемъ «Учрежденія» были изданы «Полевое уложеніе» и уставъ полевого судопроизводства, замѣнявшіе устарѣлый воинскій артикулъ Петра Великаго.

По окончаніи европейскихъ войнъ по образцу «Учрежденія» для управленія арміи былъ созданъ главный штабъ Его Императорскаго Величества. Онъ распадался на четыре отдѣла, находившіеся въ завѣдываніи начальника главнаго штаба, военнаго министра, инспектора артиллеріи и инспектора инженеровъ. Подъ вѣдѣніе начальника главнаго штаба была отнесена вся строевая часть арміи, какъ обученіе войскъ, списочный составъ, назначенія, повышенія и т. п. Въ вѣдѣніи же министра осталась часть экономическая, хозяйственная. Первымъ начальникомъ главнаго штаба былъ Волконскій.

Гренадерскій унтеръ-офицеръ.
(1797 — 1806 г.).

Во время происходившаго усиленнаго роста арміи въ первую половину царствованія Александра I она продолжала, главнымъ образомъ, комплектоваться посредствомъ рекрутскихъ наборовъ. Въ началѣ царствованія было исчислено, что для пополненія нормальной ежегодной убыли въ войскахъ требуется около 32 тысячъ рекрутовъ. Соотвѣтственно этому населеніе, обязанное рекрутской повинностью, котораго было около 16 милліоновъ душъ мужского пола, должно было ежегодно выставять по одному рекруту отъ 500 душъ. Въ составъ населенія обязаннаго повинностью входили мѣщане и крестьяне, такъ какъ дворянство и духовенство были свободны отъ рекрутской повинности; купечество же, взаменъ поставки рекрутовъ, вносило деньги по стоимости рекрутской зачетной квитанціи и по числу падавшихъ на него рекрутовъ. Но по такой нормѣ

рекрутскихъ наборовъ было очень мало и они почти все время производились по повышенной. Всего за царствованіе Александра I было произведено 17 наборовъ; до 1805 г.—3, первые два по 2 человека отъ 500 душъ, третій по одному. Въ 1808 и 1809 гг. по одному набору по 5 человекъ отъ 500 душъ. Въ 1810 г. по 3 человека, 1811 г.—по 4 человека. Въ 1812 г. было три набора: два по 2 человека, одинъ по 8; въ 1813 г. два набора: первый по 8 человекъ, второй отъ 2 до 12. Затѣмъ наборы были въ 1818, 1819 и 1824 годахъ—всѣ три по 2 человека отъ 500 душъ. Всего населеніе дало слишкомъ 2 милліона рекрутовъ. За время великихъ войнъ съ 1812 г. по 1815 г. поставлено 1.237.000 рекрутовъ. Если принять въ соображеніе, что въ возрастъ (отъ 17—35 лѣтъ) была всего треть населенія, обязаннаго рекрутской повинностью, то выйдетъ, что во время Отечественной войны и послѣдовавшихъ за ней евро-

пейскихъ войскъ подъ знаменами было больше четверти всего населенія, способнаго носить оружіе. Изъ этихъ цифръ мы видимъ, какихъ страшныхъ напряженій стоила народу борьба, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ. Передъ началомъ войскъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ не набиралось даже слѣдующаго съ нихъ числа рекрутовъ, и населенію разрѣшено было сдавать вмѣсто рекрутовъ 12-лѣтнихъ мальчиковъ, которые отдавались въ военно-сиротскія отдѣленія.

Въ 1806 году былъ изданъ манифестъ о созывѣ милиціи. Учрежденіемъ послѣдней Александръ I надѣялся, безъ отягченія казны, облегчить населенію несеніе рекрутской повинности и имѣть готовый кадръ, изъ котораго можно было бы комплектовать дѣйствующія войска въ предстоявшихъ войнахъ, и не уменьшать количества дѣйствующаго войска, освободивъ его отъ несенія внутренней службы во время войны. Въ виду полнаго отсутствія запаса въ то время происходило то, что въ походъ выступали части не въ полномъ своемъ составѣ. Каждый второй изъ трехъ батальоновъ полка, при выступленіи въ походъ, оставался на мѣстѣ и, пополняясь рекрутами, служилъ запаснымъ кадромъ для своего полка. Въ кавалеріи для этого служили 5-е эскадроны, впослѣдствіи спеціально сформированные для этой цѣли шестые. Согласно манифесту о милиціи, населеніе должно было отъ каждыхъ 100 душъ, обязанныхъ воинской повинностью, выставить по одному ратнику. Онъ оставался дома и подчинялся помѣщику или вообще тѣмъ властямъ, въ вѣдѣніи которыхъ состоялъ до того, за исключеніемъ того времени, когда призывался на учебные сборы (на нѣсколько недѣль ежегодно). Отъ бритья бороды онъ былъ освобожденъ. Обмундированіе, снаряженіе и даже вооруженіе ратники должны были получать отъ помѣщиковъ или отъ своихъ обществъ, при чемъ въ манифестѣ на губернаторовъ была возложена обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы помѣщики снабдили ружьями, по крайней мѣрѣ, пятую часть ратниковъ. Въ зависимости отъ вооруженія милиціи былъ выработанъ и ея учебный строй. Она выстраивалась въ 5 шеренгъ, при чемъ первая шеренга была вооружена ружьями, а остальные пиками и... косами. Боевого значенія такая милиція не могла имѣть никакого. Самая идея о ней сначала была воспринята обществомъ и народомъ съ воодушевленіемъ. Въ пользу милиціи шли пожертвованія деньгами и предметами обмундированія и продовольствія, лица, обязанные вступленіемъ въ нее, шли охотно, такъ что наборъ милиціи въ 600.000 человекъ не представилъ серьезныхъ затрудненій. Но такое настроеніе въ пользу милиціи продолжалось недолго: скоро стали раздаваться голоса о полной непригодности милиціи въ военномъ отношеніи, и «благоразумные» люди стали предупреждать правительство объ опасностяхъ для государства, связанныхъ съ «вооруженіемъ подверженнаго случайнымъ настроеніямъ, буйнаго, грубаго деревенскаго населенія», хотя въ сущности эти страшные для государственнаго порядка элементы вовсе и не вооружались, такъ какъ ружья и пикн. пріобрѣтенныя на средства населенія, ратникамъ на руки по окончаніи учебныхъ сборовъ не выдавались, а складывались въ депо до слѣдующаго сбора.

Въ виду этихъ соображеній правительство оставило мысль о милиціи, которая была реформирована, и провело идеи о рекрутскомъ запасѣ.

Были сформированы такъ называемыя рекрутскія депо, въ связи съ которыми находятся усиленные рекрутскіе наборы 1808 и 1809 гг. Въ основу учрежденія депо была положена мысль, чтобы части войскъ не отягощались поступленіемъ въ нихъ людей необученныхъ, взятыхъ только что отъ сохи, и чтобы въ части поступали молодые солдаты, прошедшіе уже известную школу дисциплины и военнаго обученія. Учрежденіемъ депо, по мысли императора, достигалась и гуманная цѣль. Рекрутъ оставался въ той мѣстности, откуда былъ взятъ, не страдалъ, такимъ образомъ, отъ перемѣны климата, связанной съ поступленіемъ въ ряды войскъ, могъ при болѣе приближающейся къ его прежней жизненной обстановкѣ испод-

Уральскій казакъ и офицеръ (1798—1801 гг.).

воль подготовиться ко всемъ тягостямъ солдатской службы. Рекрутскія депо просуществовали до Отечественной войны, когда, въ виду требовавшегося полного напряженія силъ народа и арміи, всѣ рекрута поступали въ ряды дѣйствующихъ войскъ.

Занятый мыслью объ облегченіи населенію тяжести воинской повинности, Александръ I не могъ оставить безъ вниманія и тотъ безконечно-длинный срокъ службы, на которую былъ обреченъ солдатъ. Срокъ службы для безпорочно служащихъ былъ определенъ въ 25 лѣтъ. Если же за этотъ долгій промежутокъ времени солдатъ былъ осужденъ по приговору суда, не соединенному съ ссылкой, то онъ въ отставку вовсе не увольнялся и служба дѣлалась пожизненной. Этими штрафованными солдатами, одряхлѣвшими стариками, неспособными болѣе оставаться въ рядахъ дѣйствующихъ войскъ, пополняли гарнизонные, конвойные, инвалидные и прочіе батальоны и команды, которые, принявъ во вниманіе, что туда же

переводились за поступки, несовмѣстные съ воинской и всякой другой честью, офицеры, были по своему нравственному уровню настоящими клоаками арміи. Безпорочно же служащій солдатъ, утратившій за 25 лѣтъ всецѣло связь съ родиной, ослабленный нравственно и физически тяжестью долгой службы, потерявшій способность къ какому-либо производительному труду, обрекался на голодную бездомную старость.

Правительствомъ не было принято никакихъ мѣръ къ призрѣнію отслужившихъ срокъ солдатъ, и обезпеченіе ихъ было возложено на помещиковъ, общества и на нихъ самихъ, т.-е. въ большинствѣ случаевъ имъ подѣ старость было обезпечено хожденіе по міру. Въ 1810 году въ Государственномъ Совѣтѣ вырабатывался проектъ закона о сокращеніи

срока солдатской службы, при чемъ предполагалось сократить срокъ до 12 лѣтъ, чтобы дать возможность солдату возвратиться въ общество въ томъ возрастѣ, когда еще онъ способенъ къ труду. Въ виду сгущенности въ это время политической атмосферы, вслѣдствіе ожидаемой борьбы съ Наполеономъ, проектъ этотъ не получилъ силы закона. Послѣ же окончанія борьбы повѣяли другія вѣянія, и срокъ службы остался 25-лѣтнимъ во все царствованіе Александра I. Только для гвардіи въ 1818 г. срокъ службы былъ сокращенъ до 22 лѣтъ. Унтеръ-офицерскіе кадры арміи Александра I пополнялись въ огромномъ своемъ большинствѣ рядовыми, производимыми въ унтеръ-офицеры за знаніе службы и хорошее поведеніе. Частью же пополнялись кантонистами, воспитанниками военно-сиротскихъ отдѣленій.

Съ давнишнихъ поръ, съ введеніемъ рекрутской повинности, были учреждены гарнизонныя школы, куда сдавались солдатскія дѣти. Это учрежденіе было вызвано отчасти прямою необходимостью обезпечить существованіе солдатскихъ дѣтей, которыя за невозможностью ихъ отцовъ прокармливать ихъ оставались сиротами при живыхъ родителяхъ, съ другой стороны, преслѣдовалась и государственная утилитарная цѣль. Воспитанники этихъ школъ должны были поступать по достиженіи ими извѣстнаго возраста въ войска на должности унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ и мастеровыхъ. Составъ гарнизонныхъ школъ былъ очень разнообразный и часто туда попадали дѣти не солдатъ, нуждавшіяся въ пріютѣ. Окончившіе же курсъ находили возможность уклониться отъ поступленія на военную службу. Павломъ I были приняты мѣры къ урегулированію вопроса о солдатскихъ дѣтяхъ, и имъ были учреждены военно-сиротскій домъ и военно-сиротскія отдѣленія взамѣнъ гарнизонныхъ школъ и приняты мѣры къ правильной регистраціи солдатскихъ дѣтей. Сиротскій домъ и отдѣленія были рассчитаны на 16.200 дѣтей. Сиротскій домъ былъ раздѣленъ на два отдѣленія, первое для дѣтей дворянъ и офицеровъ, гдѣ дѣти готовлялись въ корпуса и институты, второе для дѣтей солдатскихъ, гдѣ они обучались фронту и мастерствамъ и откуда вступали въ ряды войскъ. Въ сиротскія отдѣленія дѣти поступали съ 7-лѣтняго возраста и оставались тамъ до 18 лѣтъ. Въ случаѣ же невозможности матери содержать дѣтей они могли приниматься въ вѣдѣніе сиротскихъ отдѣленій, даже моложе 5-лѣтняго возраста, и тогда отдавались на попеченіе въ семьи женатыхъ нижнихъ чиновъ гарнизона. Родители не обязаны были непременно содержать дѣтей въ отдѣленіяхъ, а могли, если имъ было къ тому возможно, воспитывать ихъ дома, съ обязательствомъ, по достиженіи ими 15-лѣтняго возраста, сдать въ отдѣленія или прямо въ войска.

Законодательство Александра I совершенно оставило благотворительную сторону военно-сиротскихъ отдѣленій и стало на чисто-государственную утилитарную точку зрѣнія. Въ немъ совершенно послѣдовательно проведено то воззрѣніе, что личность солдата составляетъ собственность государства, а потому и дѣти его тоже принадлежатъ государству. Родители были лишены права брать своихъ дѣтей на воспитаніе изъ отдѣленій; дѣвочекъ перестали принимать въ военно-сиротскій домъ, а бывшія тамъ были розданы или родителямъ, или въ другія учебныя заведенія. Наконецъ законодательство совершенно точно опредѣлило, кого нужно

считать кантонистомъ, и установило, что не только всякій солдатскій сынъ считается таковымъ, но также и всякій вѣнчаемый мальчикъ «солдатской вдовы или дѣвки». Было обращено вниманіе на то, чтобы родители не уклонялись отъ сдачи дѣтей въ отдѣленія. Этими мѣрами было достигнуто то, что къ концу второго десятилѣтія царствованія Александра I число кантонистовъ въ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ было свыше 80 тысячъ. Затѣмъ, когда къ концу царствованія военно-сиротскія отдѣленія были изъ вѣдѣнія главнаго штаба переведены въ вѣдѣніе начальника военныхъ поселеній—Аракчеева и въ число кантонистовъ были зачислены сыновья всѣхъ военныхъ поселенцевъ, число ихъ достигало слишкомъ 150 тысячъ. Въ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ дѣти пріучались къ дисциплинѣ и строю, учились грамотѣ и ремесламъ.

Офицеръ и рядовой Лейбъ-гусарскаго полка
(1800 г.).

О системѣ воспитанія и преподаванія большинство официальныхъ источниковъ хранитъ скромное молчаніе. И если въ корпусахъ, этихъ привилегированныхъ дворянскихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ, розгъ было придано самое серьезное педагогическое значеніе, что кадеты, если не имѣли карманныхъ денегъ, были обречены на хроническое недоѣданіе и болѣли чесоткой и другими заразными болѣзнями, принимавшими повальный характеръ, то можно себя представить, что творилось въ сиротскихъ отдѣленіяхъ надъ безответными солдатскими дѣтьми. Аракчеевъ въ первый же годъ своего заведыванія обратилъ вниманіе на переполненіе сиротскихъ отдѣленій, и около 1.000 человекъ попавшихъ туда случайно дѣтей привилегированныхъ сословій были возвращены родителямъ или определены въ дворянскій полкъ. Въ томъ же году, пораженный колоссальной смертностью дѣтей въ отдѣленіяхъ, онъ въ докладѣ своему государю указалъ на то, что большая смертность происходитъ отъ того, что дѣти поступаютъ въ отдѣленія въ слишкомъ нѣжномъ возрастѣ, когда требуютъ еще женскаго попеченія, отчего тоскуютъ и болѣютъ, и потому предлагалъ принимать дѣтей только начиная съ 10-лѣтняго возраста. Это предложеніе получило санкцію государя. Если крошечные 7-лѣтніе русскіе подданные, отбывающіе уже государственную повинность, могли тронуть «чувствительное» сердце Аракчеева, то мы съ спокойной совѣстью можемъ сказать, что учрежденіе кантонистовъ было однимъ изъ самыхъ жестокихъ государственныхъ учреждений, изъ когда-либо существовавшихъ. Но пусть дѣти тосковали, болѣли, умирали, военно-сиротскія отдѣленія давали арміи свыше 10 тысячъ бравыхъ унтеръ-офицеровъ, писарей, му-

зыкантовъ, мастеровъ, вообще больше интеллигентныхъ нижнихъ чиновъ, которые ей были такъ необходимы.

Офицерскіе кадры пополнялись преимущественно молодыми людьми, окончившими курсъ въ кадетскихъ корпусахъ. Въ царствованіе Александра I было три корпуса: 1, 2 и Гродненскій, затѣмъ въ 1802 г. Пажескій корпусъ былъ также переформированъ въ военное учебное заведеніе. Но уже съ самаго начала царствованія выяснилось, что эти корпуса не могутъ дать достаточнаго количества офицеровъ, требуемыхъ въ армію, и тогда же заступала комиссія, въ занятіяхъ которой государь принималъ самое живое участіе. Было проектировано образовывать въ губернскихъ городахъ нѣсколько подготовительныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ молодые люди могли бы обучаться общеобразовательнымъ предметамъ и фронту, а затѣмъ поступали бы въ высшіе классы корпусовъ для полученія военнаго образованія. На томъ, чтобы образованіе будущихъ офицеровъ оканчивалось непременно въ корпусахъ, императоръ особенно настаивалъ, такъ какъ, по его мнѣнію, только въ корпусѣ, находящемся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ государя, могло вестись правильное военное образованіе. Проектъ объ учрежденіи такихъ школъ остался проектомъ, за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ. Но все-таки онъ имѣлъ тотъ хорошій результатъ, что дворянству отъ лица государя было предложено на свои средства и добровольныя пожертвованія основать училища, на что дворянство нѣкоторыхъ губерній, напримѣръ, тульское, и частныя лица отозвались, и было основано нѣсколько училищъ, соответствующихъ теперешнимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Для пополненія же офицерскаго состава арміи было постановлено, что дворяне не моложе 16 лѣтъ могутъ прикомандироваться къ корпусамъ, откуда они, по прохожденіи сокращеннаго курса общеобразовательнаго и военнаго, производились въ офицеры. Кроме того, дворяне и лица другихъ сословій, окончившіе университетъ или соответствующее ему учебное заведеніе, могли поступать въ части войскъ юнкерами, и по прослуженіи полгода производились въ офицеры. Въ 1807 г., въ виду нахождения многихъ частей войскъ за границей, для облегченія дворянству поступленія на военную службу былъ въ Петербургѣ сформированъ «дворянскій полкъ», съ состоящимъ при немъ эскадрономъ. Въ него принимались дворяне, и по прохожденіи курса общихъ наукъ и фронтовыхъ занятій они производились въ офицеры. На самомъ же дѣлѣ общія науки въ дворянскомъ полку не преподавались, и онъ былъ какъ бы привилегированной воинской строевой частью. Больше серьезное вниманіе на образованіе будущихъ офицеровъ въ учебныхъ заведеніяхъ было обращено въ концѣ царствованія Александра I, когда были учреждены инженерное и артиллерійское училища, школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ Оренбургѣ Неплюевское училище съ преподаваніемъ восточныхъ языковъ, куда принимались и инородцы, и институтъ инженеровъ путей сообщенія. Послѣднему была придана вполне военная организація, и обучавшіеся молодые люди числились на первыхъ двухъ курсахъ подпрапорщиками, а на старшихъ—офицерами. Въ старшіе классы артиллерійскаго и инженернаго училища могли поступать и офицеры дѣйствительной службы не старше чина подпоручика для подготовки себя къ службѣ въ специальныхъ родахъ оружія. Изъ программы всту-

пительнаго экзамена въ школу подпрапорщиковъ, гдѣ общіе предметы преподавались въ самомъ минимальномъ количествѣ и образованіе будущаго офицера весьма мало пополнялось, мы можемъ видѣть, какъ мало было обращено вниманія на образовательный цензъ офицерскаго корпуса. При поступленіи въ школу требовались «знаніе русскаго, одного изъ иностранныхъ языковъ и знаніе правилъ ихъ грамматики», по математикѣ: «рѣшеніе предложеній и основательное доказательство оныхъ», по исторіи: «общее познаніе чиселъ и именъ историческихъ, пересказъ и изложеніе главныхъ происшествій», по географіи: «общія свѣдѣнія о раздѣленіи частей свѣта, положеніе земель, главные города, рѣки, горы и прочее».

Офицеры Лейбъ-гренадерскаго полка
(1802—1805 гг.).

Этимъ требуемая познанія ограничивались. При этомъ программа заранее обещала, что на экзаменъ по русскому языку къ молодымъ людямъ, происходящимъ изъ прибалтійскихъ и западныхъ губерній, не будутъ слишкомъ требовательны.

Кромѣ пополненія офицерскаго состава категоріями вышеупомянутыхъ лицъ, онъ пополнялся производствомъ нижнихъ чиновъ, поступившихъ на службу по набору. Наполеоновское положеніе, что «всякій солдатъ носить въ своемъ ранцѣ фельдмаршальскій жезлъ», всегда существовало въ русской арміи, несмотря на колоссальное преобладаніе дворянскаго элемента въ рядахъ офицерства. За военные подвиги всякій рядовой могъ быть произведенъ въ офицеры, въ мирное время въ особенности унтеръ-офицеры могли добиться производства въ офицеры за особо выдающіяся заслуги. Послѣдніе случаи были, конечно, явленіемъ рѣдкимъ. Послѣ же великихъ александровскихъ войнъ было значительное

число офицеровъ, произведенныхъ изъ нижнихъ чиновъ за отличіе.

Итакъ, мы видимъ, что офицерскій составъ, главнымъ образомъ, пополнялся изъ дворянскаго сословія. Преобладаніе дворянскаго элемента клало яркій отпечатокъ на духъ, нравственныя качества и весь обликъ офицерства. Вліяніе это не смягчалось въ большинствѣ случаевъ и воспитаніемъ, такъ какъ очень многіе офицеры военнаго образованія въ спеціальныхъ училищахъ не получали. За исключеніемъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ, офицера поступали подъ знамена прямо изъ той среды, изъ которой они вышли, и были такими, какими было все дворянство со всѣми его дурными и хорошими сторонами. Первый огромный недостатокъ заключался въ ихъ малообразованности. Уваженія къ подчинен-

нымъ, къ личности солдата, воззрѣнія на него, какъ на боевого товарища, необходимыхъ въ правильно организованной арміи, у нихъ, какъ вышедшихъ изъ среды, развращенной произволомъ и безправіемъ крѣпостничества, не могло быть; не было у нихъ и склонности къ интенсивному труду. Изъ своей же среды они выносили духъ преданности императору, солидарность членовъ одного сословія, значительную дозу добродушія, фатализма и склонности къ нравственной порядочности, т.-е. такія качества, при наличности которыхъ изъ нихъ можно было, при умѣній взяться за дѣло, выработать прекрасный офицерскій составъ. Нѣтъ, кажется, ни одной общественной среды, духъ, настроеніе общей массы которой были бы такъ подвержены измѣненіямъ и колебаніямъ въ зависимости отъ внѣшнихъ событій и воли лицъ, стоящихъ во главѣ ея. Духъ нижнихъ чиновъ войска въ силу косности представляетъ изъ себя величину, гораздо больше определенную и устойчивую. Поэтому обаяніе личности великаго полководца, внѣшнихъ блестящихъ событій очень быстро отражается подъемомъ духа, нравственнымъ возвышеніемъ офицерскаго состава; вліяніе дурного высшаго военачальника очень быстро дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на офицерскую массу. Такъ какъ въ теченіе царствованія Александра I въ высшихъ и военныхъ сферахъ нѣсколько разъ мѣнялись вѣянія, то въ зависимости отъ этого общаго средняго офицерскаго типа установить нельзя. Преобладающими являются три главныхъ типа. Первый, преобладавшій въ началѣ царствованія Александра I—«гатчинецъ», существо тупое, раболѣзное передъ высшими, грубое и жестокое съ подчиненными, заколачивающее въ прямомъ и переносномъ смыслѣ солдата въ прусскую систему. Въ служебномъ отношеніи «трынчикъ»—весь ушедшій въ ремешки, пряжки, прическу, обмундированіе и дальше этого ничего не видящій. Но счастію, для арміи царствованіе Павла I продолжалось недолго, и типъ гатчинца не успѣлъ пустить слишкомъ широкихъ и глубокихъ корней и мало-по-малу начинаетъ уступать болѣе привлекательному типу. Въ ряды офицерства вступаютъ прошедшія черезъ кадетскіе корпуса дѣти екатерининскихъ офицеровъ, слышавшія отъ своихъ отцовъ о лучшихъ традиціяхъ арміи, чѣмъ гатчинская. Офицерами дѣлаются дѣти дворянъ, которые при всей своей косности и сословномъ эгоизмѣ не всегда оставались чуждыми либеральнымъ вѣяніямъ начала царствованія. Эта молодежь получаетъ боевое крещеніе въ войнахъ 1805—1807 годовъ и представляетъ изъ себя тотъ матеріалъ, изъ котораго выработались витязи чести, порядочности и воинской доблести, какими мы привыкли считать офицеровъ Отечественной войны. Подъ вліяніемъ же не объяснимой никакимъ здравымъ смысломъ наступившей послѣ 1815 г. въ высшихъ военныхъ сферахъ реакціи, типъ этотъ быстро исчезаетъ, какъ преобладающій, и на его мѣсто вступаютъ, по выраженію великаго князя Константина Павловича, «танцмейстры и экзерсисмейстры» и бурбоны, т.-е. тотъ же типъ «гатчинца», развѣ, можетъ-быть, въ болѣе смягченной формѣ, увѣковѣченный Грибоѣдовымъ въ его Скалозубѣ. Упльзлившіе же въ войскахъ представители эпохи Отечественной войны, какъ Ермоловъ, Паскевичъ, Витгенштейнъ, М. О. Орловъ, Сабаньевъ и пр., блещутъ отдѣльными яркими пестрами среди мрака: духъ той эпохи сохраняется лишь на

далекой окраины, гдѣ поддерживается непрерывными битвами и опасностями, и гдѣ вырабатывается типъ офицера-«кавказца». Но наступившая послѣ 1815 г. реакція вызываетъ и другое, совершенно новое явленіе, не бывшее никогда прежде въ арміи: массовый протестъ въ офицерской сферѣ. Создается типъ офицера, можетъ-быть, и мечтательнаго, но исполненнаго высшими идеалами, безкорыстнымъ и самоотверженнымъ стремленіемъ къ общественному благу, проникнутаго ненавистью ко всему тупому, жестокому и несправедливому — типъ декабриста.

Выше было упомянуто, что въ началѣ царствованія дѣлались лишь очень нерѣшительные и робкіе шаги противъ прусской системы. Изда-

Офицеры Польскаго коннаго полка.
(1801—1802 гг.).

нный Александромъ приказъ 1804 г., касающійся этого предмета, допускалъ примѣненіе тѣлеснаго наказанія, кромѣ случаевъ совершенія нижними чинами серьезныхъ общихъ и воинскихъ проступковъ, также и за такія незначительныя нарушенія порядка службы, какъ оплошность въ караулѣ, небрежность храненія амуниціи и т. п. Къ отмѣнѣ или смягченію, по крайней мѣрѣ, прусской системы дѣлаются болѣе рѣшительные шаги по вступленіи въ должность военнаго министра Барклая-де-Толли. Въ 1810 г. имъ изданъ циркуляръ, разосланный всѣмъ генераламъ, въ которомъ онъ указываетъ на увеличившуюся бользненность и смертность въ войскахъ, объясняетъ ее закоренѣлой привычкой «всю науку, дисциплину и воинскій порядокъ основывать на тѣлесномъ наказаніи»; были даже примѣры, что офицеры обращались съ солдатами «безчеловѣчно». Въ 1811 г. вышелъ новый уставъ ротнаго ученія, отмѣнявшій многіе безполезные ружейные приемы и вообще облегчавшій

муштру солдата. До 1812 г. издавались циркуляры и разъясненія о большемъ приспособленіи пѣхоты въ бою къ мѣстности и о разсыпномъ строѣ. Въ этомъ же году было издано и «Наставленіе гг. пѣхотнымъ офицерамъ въ день боя», въ которомъ совершенно категорически предписывается примѣнять стрѣлковую цѣпь въ бою, пользоваться при дѣйствіи этой цѣпи всякимъ мѣстнымъ прикрытіемъ, но отнюдь не разыскивая его отступленіемъ назадъ; офицеру, распоряжающемуся въ цѣпи, въ виду опасности, ее не смыкать и не отводить къ сомкнутой части, а дожидаться поддержки отъ послѣдней. Вообще же отъ «наставленія» вѣетъ новымъ духомъ, или же въ немъ слышна старина Суворовская. Въ дополненіе къ ротному ученію и составляя его продолженіе въ его духъ и духъ «наста-

вленія» были изданы въ 1816 г. уставъ батальоннаго ученія и въ 1818 г. уставъ линейнаго ученія частей, большихъ батальона. Этими уставами была введена стрѣлковая разсыпная цѣпь, въ составъ которой входили гренадеры и «стрѣлки», лучшіе по нравственнымъ качествамъ люди части, и застрѣльщики, выбранные изъ всего батальона за способность къ мѣткой стрѣльбѣ и расторопность.

Рѣшительный же поворотъ противъ прусской системы наступилъ только тогда, когда императоръ, уступая общественному мнѣнію и желанію арміи поставить во главѣ ея «остального изъ стаи славной екатерининскихъ орловъ»—Кутузова, когда Невъровскийъ съ своей дивизіей рекрутъ отражалъ подъ Краснымъ атаки отборной кавалеріи Мюрата, сибирскіе новобранцы подъ Смоленскомъ своими импровизированными контръ-атаками задерживали французскую пѣхоту, ополченцы подъ Бородиномъ дрались наравнѣ съ обученными старыми солдатами, Платовъ тамъ же съ своей «иррегулярной» кавалеріей производилъ переполохъ въ тылу французской арміи, Давыдовъ, Фигнеръ, Сеславинъ доводили до отчаянія своими несогласными ни съ какой стратегіей партизанскими дѣйствіями опытныхъ маршаловъ,—словомъ, тогда, когда войско перестало быть дѣломъ императора и его генераловъ, а стало дѣломъ народнымъ, только тогда прусская система вся цѣликомъ заняла приличное для нея мѣсто, т.-е. была выкинута за бортъ жизни русской арміи. Но—увы!—слишкомъ не надолго. Героевъ войны, всѣхъ военныхъ людей, носившихъ въ себѣ искру Божію, желавшихъ дальнѣйшаго развитія военнаго дѣла, которому они были преданы, ждало горькое разочарованіе, которое принесла съ собою реакція, наступившая съ 1815 г.

Помимо тѣхъ тягостей, которыя несло населеніе Россіи во время постепеннаго количественнаго роста арміи и войнъ поставкой рекрутовъ, войны, вполнѣ естественно, колоссальной тяжестью надавили и на все экономическое положеніе страны. Военный бюджетъ, выражавшійся въ началѣ царствованія цифрой въ 26 милліоновъ рублей изъ 82 общаго государственнаго расхода, возросъ въ 1814 году до 70 милліоновъ изъ 114 милл. Въ среднемъ на душу населенія приходилось военнаго расхода 4 рубля. Цифра, несомнѣнно, огромная, если принять во вниманіе, что въ настоящее время на душу приходится около 1 р. 30 к., а въ то время покупательная сила рубля была почти вчетверо выше настоящей. Отчасти такое отягощеніе военными расходами вызывалось сравнительно высокими окладами офицерскаго жалованія: такъ, напр., жалованіе армейскому прапорщику полагалось въ 450 руб., т.-е. въ 1.800 руб. по теперешней цѣнности рубля. Въ мирное время въ провіантскомъ продовольствіи войскъ во время пребыванія его въ предѣлахъ государства затрудненій не встрѣчалось въ виду земледѣльческаго характера страны, и войско получало достаточное довольствіе, за исключеніемъ, конечно, случаевъ (которыхъ зарегистрировано достаточное количество, несмотря на негласность этого дѣла) злоупотребленій со стороны провіантскаго департамента и непосредственныхъ воинскихъ начальниковъ. Зато въ обмундированіи и вооруженіи войскъ встрѣчались большія затрудненія. Суконныя фабрики были обложены особой повинностью въ пользу арміи. Онѣ обязаны были поставлять по опредѣленной таксѣ извѣстное количество солдатскаго сукна. Сукна, вырабаты-

ваемаго русскими фабрикантами, не хватало, оно выписывалось изъ Англіи. Съ установленіемъ съ 1808 года континентальной системы и невозможности получать сукна изъ Англіи, повинность русскихъ фабрикъ была настолько увеличена, что многія изъ нихъ вынуждены были прекратить совсѣмъ производство. Въ 1812 г. было разрѣшено шить войскамъ обмундированіе изъ домашняго крестьянскаго сукна. Предметы вооруженія вырабатывались на казенныхъ ружейныхъ заводахъ Тульскомъ и Сестрорѣцкомъ, порохъ— на Шостенскомъ и другихъ частныхъ и казенныхъ заводахъ. Этихъ предметовъ вырабатывалось тоже недостаточное количество, такъ что ружей своего производства не хватало не только на милицію, но и на регулярныя войска, каковая недостаца была пополняема тоже выпиской изъ Англіи. Впрочемъ, въ теченіе царствованія Александра I расширеніемъ заводовъ

Солдаты Павловскаго Гренад. полка.
(1802—1803 гг.).

была достигнута достаточная выработка оружія и пороха въ предѣлахъ государства. Кромѣ повинности рекрутской и денежной, населеніе несло повинность поставкой на войско подводъ и лошадей. Во время Отечественной и заграничныхъ войнъ было забрано въ виду полного отсутствія войскового обоза сначала 3.000 повозокъ, потомъ еще 6.000. Отъ населенія западныхъ и малороссійскихъ губерній по военно-конской повинности было взято по одной лошади отъ рекрутскаго пятисотеннаго участка, для нуждъ обоза и артиллерійскихъ парковъ. Въ 1813 г. въ войскахъ сталъ чувствоваться сильный недостатокъ въ кавалерійскихъ лошадяхъ, закупаемыхъ въ обыкновенное время ремонтерами по вольной цѣнѣ. Поэтому было разрѣшено населенію Подольской и Волынской губерній вмѣсто рекрутъ представлять въ казну верховыхъ лошадей: взаменъ каждого рекрута 3 кирасирскихъ или 4 драгунскихъ или 5 уланскихъ. Эта мѣра дала войску 13.000

лошадей. Если мы примемъ во вниманіе цѣну рекрутской квитанціи, которая принималась въ казну, колеблясь въ цѣнѣ, за 350 рублей, или около того, и покупную силу рубля, то выйдетъ, что цѣна на ремонтную лошадь была довольно высока.

Обезпеченіе больныхъ и раненыхъ не было поставлено въ царствованіе Александра I на надлежащую высоту. Въ началѣ царствованія медицинскій персоналъ, обслуживавшій войско, находился въ вѣдѣніи Военнаго Министерства и Внутренняго одновременно. Изъятіемъ военно-медицинскаго персонала изъ вѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и расширеніемъ штатовъ было достигнуто достаточное, по тогдашнимъ понятіямъ, обезпеченіе войска медицинской помощью для мирнаго, по крайней мѣрѣ,

времени. Въ военное же время медицинская часть была организована очень не полно. Всѣ современники свидѣтельствуютъ о страшномъ переполненіи лазаретовъ и госпиталей. Самъ государь неоднократно указывалъ въ приказахъ на переполненіе госпиталей, неоказаніе въ нихъ достаточной медицинской помощи, возвращеніе въ строй людей непоправившихся и полубольныхъ. Конечно, эти приказы не могли приносить большой пользы на дѣлѣ, лѣчебныя заведенія оставались переполненными, такъ какъ ихъ было мало и многіе раненые, если не умирали на самомъ полѣ битвы, были предоставлены случайностямъ частной благотворительности. Въ одномъ Бородинскомъ бою вышло изъ строя 42½ тысячи человѣкъ; во время преслѣдованія Наполеона отъ Тарутина до границы, Кутузовъ потерялъ 48 тысячъ человѣкъ убитыми, ранеными и больными. Изъ этихъ цифръ видно, какихъ средствъ требовало бы обезпеченіе войска полной медицинской помощьюъ, и мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что число погибшихъ отъ недостатка медицинской помощи должно исчисляться многими десятками тысячъ.

По окончаніи заграничныхъ войнъ государемъ, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, былъ учрежденъ комитетъ по оказаніи помощи увѣчнымъ и раненымъ воинамъ. Но такъ какъ это учрежденіе было новое, то оно не успѣло развить своей дѣятельности настолько, насколько того желалъ государь. Дѣятельность его коснулась, главнымъ образомъ, помощи увѣчнымъ и раненымъ офицерамъ. Для облегченія же участи искалѣченныхъ на войнѣ нижнихъ чиновъ сдѣлано почти ничего не было.

Смерть видѣли лицомъ къ лицу, израненные валялись неубранными на поляхъ сраженія, еле прикрытые кое-какъ сброшенной одеждой, ломали походы по тысячамъ верстъ, терпѣли голодъ отъ интендантскихъ хищеній—все вынесли русскіе воины. Всѣ эти бѣдствія казались стихійными, неизбежными по военному времени, тяжесть ихъ смягчалась сознаніемъ того, что творится огромное общее дѣло, славой побѣдъ; разнообразіемъ походной и бивачной жизни. Въ награду за все это, казалось бы, войско имѣло право рассчитывать на достойное его положеніе на родинѣ: офицеры, что имъ будетъ предоставлено такое положеніе среди народа и общества, что они не будутъ чувствовать себя опричиною, нижніе чины,—что имъ будетъ сокращенъ срокъ службы, что они избавятся отъ излишней муштры, отъ жестокихъ унижительныхъ тѣлесныхъ наказаній. Въдѣ доказало же войско, что оно въ полномъ смыслѣ слова народное, что муштра и жестокости не нужны, такъ какъ «небитые» ополченцы и рекруты на дѣлѣ показали себя не хуже старыхъ солдатъ, прошедшихъ весь тернистый путь многолѣтней муштры. Но впереди войско ожидало еще болѣе тяжелое испытаніе.

Возвращеніе въ Петербургъ гвардіи произошло при тяжеломъ предзнаменованіи. Мужикъ, поавшій подъ ноги лошади императора въ то время, какъ онъ впереди вступающей въ Петербургъ гвардіи салютовалъ императрицѣ, былъ на глазахъ Императорской Фамиліи избитъ палками полиціи. Надъ возвращавшимся на родину войскомъ пронесся призракъ, какъ казалось, умершей и похороненной Гатчины. Якушкинъ въ своихъ запискахъ описываетъ, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на офицеровъ, отвыкшихъ за границей отъ подобныхъ сценъ, первое впечатлѣніе, полученное

на родинѣ. Зловѣщее предзнаменованіе оказалось правдивымъ. Гатчинскій духъ только казался покойникомъ: скоро, слишкомъ къ сожалѣнію, скоро доказалъ онъ свою жизнеспособность.

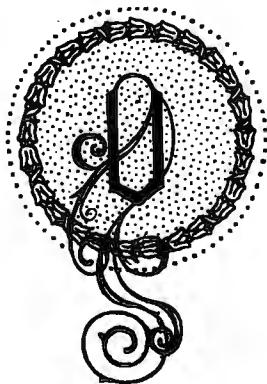
А. Кожевниковъ.

Парадъ на Дворцовой площади въ присутствіи имп. Александра I (Патерсона).

== II. Вожди арміи. ==

С. П. Мельгунова.

гдавая должное героизму и мужеству русскаго солдата, одинъ изъ современниковъ первыхъ войнъ александровской эпохи, будущій декабристъ Фонвизинъ, не могъ не отмѣтить въ своихъ воспоминаніяхъ, что русская армія уступала французской «въ той восторженной пламенной храбрости въ нападеніи, какой французы побѣждали всѣ европейскія арміи». Мы уже знаемъ причины этой «восторженной пламенной храбрости» революціонныхъ войскъ, объединявшей въ одно и вождей и армію. Этихъ причинъ, конечно, не могло быть въ русской арміи, — арміи стараго порядка и крѣпостной муштровки. И если мы припомнимъ вѣщныя условія походовъ 1805—1807 гг., то еще съ большимъ удивленіемъ и въ то же время уваженіемъ остановимся передъ тѣмъ фактомъ, что даже

на поляхъ Аустерлица не померкла военная слава Россіи. Русская армія стояла передъ лучшей европейской арміей, передъ гениальнымъ стратегомъ и полководцемъ, передъ всеобщимъ побѣдителемъ... Ей предстояло огромное испытаніе въ сферѣ военной подготовки и личной доблести. И если личная доблесть съ честью вышла изъ этого испытанія, то первая оставила желать многого. Прежде всего было забыто «мудрое» правило, какъ выразился современникъ, что «войну надо начинать съ брюха». Престарѣлый фельдмаршалъ Каменскій, не найдя «ни боевыхъ, ни съѣстныхъ» припасовъ, ни госпиталей» въ отчаяніи даже покинулъ армію—такимъ безотраднымъ казалось ему положеніе вещей. Интендантскія хищенія, о которыхъ рассказываетъ декабристъ кн. С. Г. Волконскій, самъ участникъ многихъ боевыхъ дѣйствій, приводили къ тому, что въ арміи отсутствовало продовольствіе, люди ходили босыми и т. д.¹⁾ «Солдаты Беннигсена всю зиму (1805—1806 гг.) питались сырымъ картофелемъ безъ соли; они шатались, какъ тѣни, безъ обуви, безъ пріюта, слабѣли, заболѣвали и умирали съ голода», вотъ картина, нарисованная современникомъ (приписывается А. О. Воейкову «Русск. Арх.», 1868, стр. 1860). При такихъ условіяхъ поддерживалась военная честь Россіи... И все-таки армія сохранила мужество, какъ единогласно свидѣлствуютъ очевидцы. Тѣмъ болѣе могла она выдержать искусь, когда уже приходилось сражаться не за чужіе интересы, выдвинутые сложными мотивами международной политики, а болѣе близкіе, доступные пониманію cadaго солдата, когда приходилось защищать родину отъ иноземнаго нашествія; когда развѣвалось идейное знамя, воодушевлявшее мужество cadaго члена арміи.

Личныя страданія ступевывались передъ общей задачей. А страданія были велики. Мемуаристы 1812 года останавливаются долго на описаніи ужасовъ, сопровождавшихъ отступленія голодной французской арміи, когда даже трупы павшихъ товарищей служили пищей; голодный французъ съ вороной послужилъ нескончаемой темой для изощренія остроумія патріотическихъ карикатуристовъ и баснописцевъ. Но, къ сожалѣнію, здѣсь забывалось положеніе и русской арміи, подчасъ пребывающей «безъ хлѣба», на что такъ часто приходится жаловаться Кутузову (см., напр., письмо Шувалова Александру 31 іюля 1812 г.). А иногда этотъ хлѣбъ изъ «чернаго тѣста» и «рубленой соломы» былъ таковъ, что его не могъ ѣсть и голодный французъ. (Воспоминанія сержанта Бургоня. Изд. Суворина, 247). Не понятна ли причина того ужасающаго мародерства въ русской арміи, въ борьбѣ съ которымъ уже подъ Смоленскомъ (см., напр., воспоминанія Жиркевича. «Русск. Ст.», 1874, авг., 647) былъ безпомощенъ Барклай и которое лишь усиливалось въ дальнѣйшемъ при Кутузовѣ? Сопоставимъ «пышность» въ обиходѣ нѣкоторыхъ вождей русской арміи—и тѣмъ разительнѣе получится картина. Какой, наконецъ, скорбью и полной безпомощностью вѣетъ отъ такого, напр., лаконическаго донесенія полковаго лѣкаря Красоткина по поводу положенія транспорта раненыхъ, отправленныхъ изъ Калуги въ Бѣлевъ: «на многихъ рубашки или вовсе изорвались или чрезвычайно черны... не перемѣняя другой шльый мѣсяцъ рубашки, на которую гнойная матерія, безпрестанно изливаясь, пе-

¹⁾ См. также письма А. Б. Куракина къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; о нихъ дальше.

ремьнила даже видъ оной»¹⁾. Отсюда развитіе эпидемій, «ужасающая» убыль людей (напр., изъ ополченія по Тарусскому уѣзду изъ 1.015 человекъ вернулось лишь 85) и т. д. и т. д.²⁾. Таковы неисчислимыя жертвы, принесенныя русскимъ солдатомъ въ знаменательную эпоху на алтарь отечества.

При самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ существованія духъ арміи былъ силенъ сознаніемъ, что она исполняетъ свой долгъ передъ родиной. И вовсе не нужны были тѣ искусственныя мѣры возбужденія ложнаго патриотизма, которыя практиковали дѣятели 1812 г., подобные гр. Ростопчину. Всякая ложь во всѣхъ случаяхъ служить только ко вреду.

Унтеръ-офицеръ Александровскаго Гусарскаго полка (1802—1803 г.). (Изъ Висковатаго).

У этой арміи были и даровитые вожди, которые, по словамъ генерала В. И. Левенштерна, одного изъ пострадавшихъ отъ клеветы современниковъ, «безъ сомнѣнія, могли быть поставлены наравнѣ съ лучшими генералами наполеоновской арміи». Среди нихъ мы встрѣтимъ людей беззавѣтной личной храбрости, какимъ былъ, напр., Багратіонъ, павшій на Бородинѣ. Но среди нихъ не было одного—не было единодушія, той необходимой солидарности, отсутствіе которой не можетъ искупить ни личное геройство, ни личные боевыя достоинства.

Русская армія съ самаго начала войны съ Наполеономъ была центромъ безконечныхъ интригъ, соперничества, зависти и борьбы оскорбленнаго самолюбія. Въ этомъ, кажется, нѣтъ сомнѣній; это единодушное показаніе всѣхъ современниковъ. Не даромъ гр. Шуваловъ въ письмѣ къ Александру (31 іюля 1812 года) указываетъ, что, при такомъ поло-

женіи въ арміи, дѣло можетъ быть потеряно «sans ressource». И въ самомъ

¹⁾ Булычевъ. «Архивныя свѣдѣнія Отечественной войны 1812 г. по Калужской губ.», стр. 24.

²⁾ О «бѣдственномъ положеніи арміи» уже въ началѣ сентября 1812 г. говорилъ въ своихъ письмахъ и гр. Ростопчинъ. Такъ, онъ пишетъ Аракчееву 15 сентября: «Войска въ лѣтнихъ панталонахъ, безъ обуви и въ разодранныхъ шинеляхъ. Провіантской части недостаетъ, и Милорадовича корпусъ шесть дней не имѣлъ хлѣба. Духъ у солдатъ упалъ. Они и многіе офицеры грабятъ за 50 верстъ отъ арміи... Наказывать всѣхъ невозможно...» Историкъ Отечественной войны А. И. Поповъ, сопоставляя донесенія Ростопчина съ сообщеніемъ англійскаго генерала Вильсона императору Александру, также отъ 15 сентября, гдѣ говорится, что армія «изобируетъ хлѣбомъ, мясомъ, водкою» и что ея состояніе прекрасно, приписываетъ характеристику, сдѣланную Ростопчинымъ, его личному раздраженію. Въ это время Ростопчинъ, негодуя на Кутузова, всѣми средствами старался очернить фельдмаршала, отмѣчая его нераспорядительность («онъ спитъ, ѣстъ, ничего не дѣлаетъ и столь равнодушно взираетъ на бѣдственное положеніе арміи, что нисколько не принимаетъ мѣръ для перемѣны онаго»). Однако указаніе Попова лишь отчасти справедливо; оно показываетъ, что Ростопчинъ, попавъ въ «оппозицію» не считалъ уже нужнымъ прикрашивать дѣйствительность, какъ это онъ дѣлалъ, когда былъ у власти. Показанія Ростопчина совпадаютъ съ указаніями многихъ современниковъ. Напр., 12 сентября Вилліе указываетъ Аракчееву, что причина умноженія больныхъ въ арміи «недостатокъ хорошей пищи и теплой одежды» (злосчастные «лѣтніе панталоны»). То же говоритъ и переписка Александра I съ Кутузовымъ по поводу дезертирства и мародерства и т. д.

дѣль, еще въ періодъ похода 1805—1806 гг. обнаруживаются обостренныя отношенія между русскими военачальниками. Беннигсенъ интригуетъ противъ Каменскаго, Буксгевденъ «изъ зависти» мышаеъ Беннигсену, послѣдній свои неудачи стремится свалить на другого и по его представленію бар. Остенъ-Сакенъ предается военному суду. Начинается кампанія 1812 года, и отношенія обостряются еще болѣе. Открывается походъ противъ Барклая-де-Толли, въ интригахъ противъ него замѣшаны чуть ли не всѣ военачальники, начиная съ Багратіона и Ермолова и кончая второстепенными флигель-адъютантами. Подкопы противъ Барклая достигаютъ, въ концѣ-концовъ, своей цѣли: онъ вынужденъ передать главное командованіе Кутузову, а затѣмъ и совсѣмъ оставить армію. И тогда англійскій ген. Вильсонъ, находившійся въ русской арміи, выражаетъ надежду, что вражда кончится, и Беннигсенъ подчинится Кутузову. Но напрасны такія надежды. Беннигсенъ давно уже намѣчалъ себя въ кандидаты на постъ главноначальствующаго. Послѣ взятія Смоленска, зная, какое отрицательное впечатлѣніе производятъ въ обществѣ пререканія главнокомандующихъ (Барклая и Багратіона), какъ недовольно общество отступленіемъ русской арміи, Беннигсенъ спѣшитъ въ Петербургъ, дабы предстать здѣсь «готовымъ кандидатомъ на постъ главнокомандующаго», но онъ опоздалъ и по дорогѣ встрѣчаетъ Кутузова съ повелѣніемъ состоять при немъ начальникомъ штаба. Съ этого момента начинается длинная цѣпь интригъ и жалобъ на Кутузова со стороны Беннигсена въ письмахъ къ императору, Аракчееву и къ частнымъ лицамъ. Цѣль его—опорочить Кутузова, отмѣтить его ошибки и всѣ успѣхи приписать исключительно себѣ... «Борьба за начальство есть неискоренимая причина раздора», долженъ пессимистически признать ген. Вильсонъ. И вскорѣ, 28 сентября, Вильсонъ пишетъ Александру: «Я долженъ просить, Ваше Величество, чтобы Вы благоволили прекратить, какъ можно поспѣшнѣе, примѣры раздора». Въ концѣ-концовъ, Беннигсенъ былъ удаленъ изъ арміи. Однако и тутъ интриги не кончились. Уже самъ Вильсонъ, ранѣе выдвигавшій на постъ главнокомандующаго Беннигсена, порочить Кутузова, будучи недоволенъ тѣмъ, что фельдмаршалъ «не имѣетъ иного желанія, какъ только того, чтобы непріятель оставилъ Россію, когда отъ него зависитъ избавленіе цѣлаго свѣта». Армія «превратилась въ интриги», какъ мѣтко замѣтилъ Ростопчинъ, самъ одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ хулителей дѣйствій Кутузова послѣ оставленія Москвы ¹⁾. И понятно, что Кутузовъ получаетъ отъ императора письмо съ упрекомъ въ «бездѣйствіи». Допустимъ, что Кутузовъ дѣлалъ тактическія ошибки, мнимыя или дѣйствительныя. (Оцѣнка дѣятельности Кутузова не входитъ въ задачу этой статьи). На эти ошибки указывалъ, между прочимъ, Барклай и старался исправить ихъ настолько, насколько это зависѣло отъ него (при Бородинѣ и при отступленіи изъ Москвы). Понятно желаніе исправить замѣченныя ошибки; искренно можно было негодовать на хаотичность веденія дѣла при Кутузовѣ, на что, какъ мы знаемъ, жалуются многіе изъ современниковъ; искренно можно было не довѣрять стратегическимъ талантамъ главнокомандующихъ армій, стараться

¹⁾ Объ отношеніяхъ Ростопчина къ Кутузову см. IV т.

повліять на перемьну ихъ и т. д.; оцѣнка талантовъ всегда слишкомъ субъективна и, слѣдовательно, критика и естественна, и законна. Но когда эта критика сводится къ мелкимъ подчасъ сплетнямъ, какъ, напр., у Ростопчина, къ явно нелпымъ доносамъ, къ обвиненію въ измѣнѣ, то это уже попросту интрига. Такъ было съ Барклаемъ, такъ было отчасти и съ Кутузовымъ, котораго Вильсонъ въ письмѣ къ лорду Каткарту упрекаетъ въ излишней любви къ «французскимъ комплиментамъ», въ томъ, что Кутузовъ слишкомъ «уважаетъ сихъ хищниковъ», т.-е. французовъ¹⁾. (Почти то же повторяется и по отношенію Беннигсена: послѣдній «слишкомъ наклоненъ признавать французское правительство законнымъ и прочнымъ»).

Съ интригами на почвѣ соперничества мы встрѣчаемся слишкомъ

Рядовой Мариупольскаго гусарскаго полка.
(1802 — 1803 гг.).

часто²⁾, чтобы можно было не говорить о ихъ деморализующемъ вліяніи даже на хорошихъ генераловъ. Возьмемъ Коновницына, пользовавшагося славою «отмѣнно храбраго и твердаго въ опасности офицера» (отзывъ ген. Ермолова), и однако этотъ офицеръ, проявивъ много «безстрашія» подъ Витебскомъ, игнорируетъ своими обязанностями, «негодую, что команду надъ войсками принялъ ген. Тучковъ» (Зап. Ермолова, 141). Витгенштейнъ изъ-за того же чувства «недоброжелательства» или изъ боязни поступить подъ команду Чичагова отказывается соединиться съ арміею главнокомандующаго при Березинѣ, начавъ «вымышленное имъ преслѣдованіе войскъ короля баварскаго», затрудняетъ или даже совершенно лишаетъ возможности Чичагова выполнить свою миссію. «Нѣтъ побуждающихъ причинъ, — замѣчаетъ въ своихъ запискахъ ген. Ермоловъ, — говорить не въ пользу гр. Витгенштейна, извѣстнаго рыцарскими свойствами, предприимчиваго на все полезное. Не соответствующія этому случаю

могли принадлежать постороннему внушенію». Но въдѣ тѣмъ болѣе знаменательно, что интрига или «постороннее внушеніе» могли затронуть человѣка рыцарскаго характера... И такіе эпизоды вовсе не единичны. И это тогда, когда армія стояла передъ лицомъ врага, силу котораго старикъ Кутузовъ въ разговорѣ съ Ермоловымъ оцѣнивалъ

¹⁾ Поводомъ послужили слова, сказанныя, будто бы Кутузовымъ, Вильсону послѣ сраженія при Малоярославцѣ: «Я нисколько не полагаю, чтобы совершенное истребленіе Наполеона и его войскъ было такимъ благодѣяніемъ для вселенной. Наслѣдство его достанется не Россіи»...

²⁾ Часто они и по внѣшности даже не носятъ принципіальной подкладки, напр., когда Д. В. Давыдовъ жалуется, что всѣ его «обходятъ» въ наградахъ, тогда какъ ему принадлежитъ инициатива дѣйствій партизановъ, онъ первый подалъ «прожектъ» по этому поводу. Когда, наконецъ, Ермоловъ порицаетъ своего соперника гр. Толя и т. д.

въ такихъ выраженіяхъ: «Если бы кто два или три года назадъ сказали мнѣ, что меня избересть судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившаго всю Европу, я, право, плюнулъ бы тому въ рожу».

Многіе изъ участниковъ кампаніи 1812 г. пострадали незаслуженно отъ этихъ интригъ. Малѣйшая неудача сейчасъ же вызывала намеки на измѣну: такъ было, напр., съ Чичаговымъ, котораго ген. Ланжеронъ, участникъ Березинскаго дѣла, не иначе именуетъ, какъ «Ангеломъ-Хранителемъ Наполеона». Но, вѣроятно, болѣе всѣхъ отъ этихъ интригъ пострадалъ Барклай-де-Толли, одинъ изъ наиболее выдающихся вождей русской арміи въ эпоху Отечественной войны.

1. Барклай-де-Толли и Багратионъ.

«О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесть землѣ, тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаніѣ шелъ одинъ ты съ мыслию великой;
И въ имени твоёмъ звукъ чуждый не влюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ, тебя лукаво порицалъ»...

Словно вспоминаются эти Пушкинскіе стихи. Сколько дѣйствительно драматизма въ личности Барклая. Быть-можетъ, изъ всѣхъ вождей Отечественной войны заслуживаетъ наибольшей признательности со стороны потомства. Но не Барклай сдѣлался народнымъ героемъ 1812 г. Не ему, окруженному клеветой, достались побѣдные лавры... А между тѣмъ онъ лучше всѣхъ понималъ положеніе вещей, онъ предусмотрѣлъ спасительный планъ кампаніи, онъ твердо осуществлялъ его, пока былъ въ силахъ, несмотря на злобныя мнѣнія вокругъ. И его преемникъ долженъ былъ пойти по его пути. Не онъ виноватъ былъ въ первыхъ ошибкахъ. Даже недоброжелательно настроенный къ нему ген. Ермоловъ, и тотъ долженъ снять отвѣтственность за первые неудачные шаги съ Барклая: «Не только не смѣю вѣрить,—говоритъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ,—но готовъ даже возражать противъ неосновательнаго предположенія, будто бы военный министръ одобрялъ устройство укрѣпленнаго при Дриссѣ лагеря и, что еще менѣе вѣроятно, будто не казалось ему нелѣпымъ дѣйствіе двухъ разобщенныхъ армій на большомъ одна отъ другой разстояніи и когда притомъ дѣйствующая во флангъ армія не имѣла полныхъ пятидесяти тысячъ человѣкъ» (стр. 124). Здѣсь уже приходилось умолкнуть передъ рѣшеніемъ высшей власти...

Во всякомъ случаѣ, Барклай, судя по отзывамъ современниковъ, былъ однимъ изъ лучшихъ русскихъ генераловъ,—человѣкъ знанія и дѣла. Какъ ни блѣдна характеристика Барклая, сдѣланная Ермоловымъ въ «Запискахъ», но и она много говоритъ, если принять во вниманіе, что эта

характеристика исходитъ отъ друга Баграціона, въ свою очередь, повиннаго въ интригахъ и извѣстнаго своею нелюбовью къ «нѣмцамъ». «Не принадлежа превосходствомъ дарованій къ числу людей необыкновенныхъ, онъ излишне скромно цѣнилъ свои способности,—пишетъ Ермоловъ.—Барклай—человѣкъ ума образованнаго, положительнаго, терпѣливъ въ трудахъ, заботливъ о ввѣренномъ ему дѣлѣ, равнодушенъ въ опасности, недоступенъ страха. Свойствъ души добрыхъ!».. Отмѣчая другія свойства, Ермоловъ заключаетъ: «Словомъ, Барклай-де-Толли имѣетъ недостатки съ большей частью людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающія въ настоящее время весьма немногихъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ генераловъ». Ермоловъ отмѣчаетъ, что при всѣхъ хорошихъ своихъ качествахъ Барклай страдалъ недостаткомъ: «нетвердъ въ намѣреніяхъ, робокъ въ отвѣтственности... Боязливъ передъ государемъ, лишенъ дара объясняться. Боится потерять милость его»... Мы увидимъ дальше, что всѣ факты опровергаютъ эти послѣднія черты, приписываемыя Барклаю біографомъ. Независимость Барклая, которую какъ характерную черту его отмѣчаетъ М. А. Фонвизинъ, много разъ подтвердилась на дѣлѣ и, быть-можетъ, въ значительной степени и вызывала нелюбовь соратниковъ и подчиненныхъ.

Унтеръ-офицеры Л.-Гв. Преображенскаго и Семеновскаго полковъ (1802—1805 гг.).

нѣи одного фронтоваго мастерства». Онъ боролся противъ господствовавшей тенденціи «всю науку, дисциплину и воинскій порядокъ основывать на тѣлесномъ и жестокомъ наказаніи» (знаменитый циркуляръ военнаго министра 1810 г.). И этимъ онъ вызвалъ уже «злобу сильнаго своего предмѣстника», т.-е. Аракчеева, который «поставлялъ на видъ малѣйшія изъ его (т.-е. Барклая) погрѣшностей». Неожиданному возвышенію Барклая завидовали, а онъ, «холодный въ обращеніи», замкнутый въ себя, «неловкій у двора», не думалъ снискивать къ себѣ расположенія «людей

ихъ качествахъ Барклай страдалъ недостаткомъ: «нетвердъ въ намѣреніяхъ, робокъ въ отвѣтственности... Боязливъ передъ государемъ, лишенъ дара объясняться. Боится потерять милость его»... Мы увидимъ дальше, что всѣ факты опровергаютъ эти послѣднія черты, приписываемыя Барклаю біографомъ. Независимость Барклая, которую какъ характерную черту его отмѣчаетъ М. А. Фонвизинъ, много разъ подтвердилась на дѣлѣ и, быть-можетъ, въ значительной степени и вызывала нелюбовь соратниковъ и подчиненныхъ.

Барклай былъ человѣкъ дѣла, къ тому же обладавшій большою работоспособностью (ее отмѣчаетъ и Ермоловъ)¹⁾. Назначенный военнымъ министромъ, онъ не подходилъ къ общему тону придворной жизни, не раздѣлялъ и вкусовъ тогдашней военщины. Человѣкъ образованный, еще будучи шефомъ Егерскаго полка, онъ старался внушить подчиненнымъ офицерамъ, что военное искусство далеко не заключается только въ «изуче-

¹⁾ Барклай «никогда не отдыхалъ, — рассказываетъ ген. Левенштернъ, — работалъ даже ночью».

близкихъ государю». Барклай не былъ царедворцемъ и по внѣшности. Вотъ какъ рисуетъ его Фонвизинъ: «съ своей холодной и скромной наружностью (Барклай), былъ невзрачный нѣмецъ съ перебитыми въ сраженіяхъ рукою и ногою, что придавало его движеніямъ какую-то неловкость и принужденность»...

Такимъ образомъ еще до войны вокругъ Барклая скопилось много зависти, злобы и ненависти. Но императоръ Александръ цѣнилъ и доверялъ ему: «Вы развязаны во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ», писалъ онъ ему 30 іюля 1812 г. И Барклай сознательно шелъ къ поставленной цѣли, проявляя свою обычную работоспособность, показывая «большое присутствіе духа» и «мудрую предусмотрительность» (Фонвизинъ). Но вокругъ него кишѣла зависть и борьба. «Всякій импѣль что-нибудь противъ Барклая,—вспоминаетъ ген. Левенштернъ,—самъ не зная почему». Всѣ дѣйствія главнокомандующаго критиковались; безъ «всякаго стѣсненія» обсуждались его «мнимыя ошибки». Дѣйствительно, противъ Барклая въ полномъ смыслѣ слова составилъ какой-то «заговоръ», и заговоръ очень внушительный по именамъ въ немъ участвующимъ. Не говоря уже о такихъ природныхъ интриганахъ, какъ Армфельтъ, свитскихъ флигель-адъютантахъ и т. п., всѣ боевые генералы громко осуждали Барклая—и во главѣ ихъ Беннигсенъ, Баграціонъ, Ермоловъ и многіе другіе. Такія авторитетныя лица, какъ принцъ Ольденбургскій, герцогъ Вюртембергскій, великій князь Константинъ Павловичъ, командовавшій гвардіей, открыто враждовали съ Барклаемъ. Было бы хорошо, если бы дѣло ограничивалось тайными письмами, въ которыхъ не щадили «ни нравственный его (Барклая) характеръ, ни военныя дѣйствія его и соображенія»¹⁾. Нѣтъ, порицали открыто, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, лицемерно чуть ли не обвиняя его въ измѣнѣ. Въ гвардіи и въ отрядѣ Беннигсена сочинялись и распространялись насмѣшливыя пѣсни про Барклая. Могла ли при такихъ условіяхъ армія, не понимавшая дѣйствія главнокомандующаго, вѣрить въ его авторитетъ, сохранять къ нему уваженіе и любовь?²⁾ Игру вели на фамиліи, на «естественномъ предубѣжденіи» къ иностранцу во время войны съ Наполеономъ. Любопытную и характерную подробность сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Жиркевичъ: онъ лично слышалъ, какъ великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ его бригадѣ, въ присутствіи многихъ смолянъ утѣшалъ и поднималъ духъ войска такими словами: «Что дѣлать, друзья! Мы невиноваты... Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ... А мы и болѣемъ, но должны слушать его. У меня не меньше вашего сердце надывается»...

Какой дѣйствительно трагизмъ! Полководецъ «съ самымъ благороднымъ, независимымъ характеромъ, геройски храбрый, благодушный и въ высшей степени честный и безкорыстный» (такъ характеризуетъ Барклая декабристъ Фонвизинъ), человекъ беззавѣтно служившій родинѣ и, быть-можетъ, спасшій ее «искуснымъ отступленіемъ, въ которомъ сберегъ армію», вождь, какъ никто, заботившійся о нуждахъ солдатъ, не только

¹⁾ «Представить не можешь,—писалъ, напр., ген. Доктуровъ своей женѣ,—какой это глупый и мерзкій человекъ Барклай».

²⁾ Терялось уваженіе къ Барклаю и общества, напр., извѣстная Волкова писала изъ Тамбова 27 августа: «Не можешь вообразить, какъ всѣ и вездѣ презираютъ Барклая».

не былъ любимъ арміей, но постоянно заподозрѣвался въ самыхъ низкихъ дѣйствіяхъ. И кто же виноватъ въ этой вопіющей неблагодарности? Дикость черни, на которыхъ указываетъ Пушкинъ, или тѣ, кто сознательно или безсознательно внушалъ ей нелюбовь къ спасавшему народъ вождю?

Надо было проявить много твердости, чтобы парализовать тотъ «духъ происковъ» въ арміи, на который жаловался Барклай въ своемъ «изображеніи военныхъ дѣйствій 1 арміи въ 1812 г.». Онъ проявилъ достаточную независимость, выславъ въ Петербургъ нѣсколькихъ цар-

Барклай-де-Толли (С.-Обена).

скихъ флигель-адъютантовъ, находившихся въ главной квартирѣ. Онъ не остановился передъ удаленіемъ изъ арміи цесаревича Константина, признавъ присутствіе его въ арміи «безполезнымъ» ¹⁾. Но Барклай буквально былъ окруженъ недоброжелателями. Онъ зналъ о ропотѣ солдатъ. Онъ зналъ, что побѣда примирила бы его съ арміей. Но, какъ долженъ признать Ермоловъ, «обстоятельства неблагопріятны были главнокомандующему и не только не допускали побѣды, ниже малыхъ успѣховъ». А пораженіе нанесло бы непоправимую уже брешь.

Но почему же Барклай, окруженный такой нелюбовью, самъ не сложилъ съ себя званія главнокомандующаго? И не честолюбіе, очевидно, играло здѣсь роль — Барклай слишкомъ страдалъ отъ окружавшей его непріязни, чтобы не принести въ жертву свое честолюбіе, какъ полководца.

Здѣсь, можетъ-быть, въ высшей степени проявилась его твердость — русскіе военачальники на первыхъ порахъ слишкомъ всѣ пылали стремленіемъ одерживать побѣды, слишкомъ самоуверенно смотрѣли впередъ, мало оцѣнивая всю совокупность «неблагопріятныхъ обстоятельствъ» и опасность положенія. И, можетъ-быть, было бы большимъ несчастіемъ для Россіи, если бы командованіе перешло къ пылкому и

¹⁾ Константинъ Павловичъ изъ Дорогобужа былъ отправленъ съ депешами къ государю, и былъ чрезвычайно оскорбленъ навязанной ему ролью «фельдгегера».

самонадѣянному Багратіону, который и по чинамъ и по положенію въ арміи имѣлъ всѣ шансы сосредоточить въ своихъ рукахъ командованіе.

Барклай и Багратіонъ были люди совершенно различнаго темперамента. Ужиться имъ было слишкомъ трудно. Пылкость и горячность Багратіона мало подходила къ уравновѣшенности Барклая. Багратіонъ былъ «неподражаемъ въ своихъ мгновенныхъ вдохновеніяхъ», говоритъ Фонвизинъ. Это «рожденный чисто для воинскаго дѣла человекъ», по отзыву декабриста Волконскаго. «Отецъ, генералъ по образу и подобию Суворова» (Ростопчинъ). Но при всѣхъ этихъ качествахъ Багратіонъ былъ человекъ «не высоко образованный», какъ отмѣчаютъ въ одинъ голосъ всѣ его друзья. И въ этомъ отношеніи онъ долженъ былъ уступить Барклаю. «Одаренный отъ природы счастливыми способностями, остался онъ безъ образованія и опредѣлился въ военную службу, — пишетъ Ермоловъ. — Всѣ понятія о военномъ ремеслѣ извлекалъ онъ изъ опытовъ, всѣ сужденія о немъ — изъ происшествій, по мѣрѣ сходства ихъ между собою, не будучи руководимъ правилами и наукою и впадая въ погрѣшности»... ¹⁾ «Если бы Багратіонъ», — добавляетъ Ермоловъ, — имѣлъ хоть ту же степень образованности, какъ Барклай-де-Толли, то едва ли бы сей послѣдній имѣлъ мѣсто въ сравненіи съ нимъ». Но именно этой «образованности» у Багратіона не было. Поэтому Барклай, имѣя болѣе Багратіона «познаній въ военныхъ наукахъ», — по словамъ Фонвизина, — могъ искуснѣе его соображать высшія стратегическія движенія и начертать планъ военныхъ дѣйствій». Однимъ словомъ, Багратіонъ былъ, несомнѣнно, хорошимъ боевымъ генераломъ, человекомъ большого энтузіазма и личнаго геройства. Быть-можетъ, все это хорошія качества для полководца, но не при тѣхъ условіяхъ и не въ тотъ моментъ, въ какихъ находилась Россія въ началѣ кампаніи 1812 г. Отличаясь «умомъ тонкимъ и гибкимъ», по отзыву Ермолова, Багратіонъ, къ сожалѣнію, не проявилъ этихъ качествъ въ отношеніи къ Барклаю. Быть-можетъ, причиною этого и было отсутствіе образованія. Слишкомъ непосредственно отдаваясь своимъ чувствамъ и не вдумываясь въ положеніе вещей, Багратіонъ былъ одинъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ Барклая. Но для него есть одно оправданіе — повидимому, онъ былъ искрененъ въ своихъ сужденіяхъ. Стоитъ прочесть нѣсколько писемъ Багратіона съ поля брани, чтобы понять психологію противника Барклая. У него много самонадѣянности, пожалуй, даже хвастливости, какъ это часто бываетъ у людей, не получившихъ образованія. Онъ откровенно признается Ермолову въ письмѣ отъ 6 іюля: «Я не понимаю вашихъ мудрыхъ маневровъ. Мой манеръ — искать и бить!» «Военная система, — писалъ на другой день Багратіонъ Александру, — по моему та: кто рано всталъ и палку въ руки взялъ, тотъ и капралъ».

¹⁾ Вотъ еще нѣсколько чертъ для характеристики Багратіона, сообщаемыхъ Ермоловымъ. „Неустрашимъ въ сраженіи, равнодушенъ въ опасности. Не всегда предпримчивъ, приступая къ дѣлу, рѣшительнъ въ продолженіи его. Неутомимъ въ трудахъ. Блюдеть спокойствіе подчиненныхъ; въ нуждѣ требуетъ полнаго употребленія силъ. Отличаетъ достоинство, награждаетъ соотвѣтственно. Нерѣдко, однакоже, преимущества на сторонѣ тѣхъ, у кого сильныя связи, могущественное у двора покровительство. Утонченной ловкости передъ государемъ, увлекательно лестнаго обращенія съ приближенными къ нему. Нравомъ кротокъ, несвоеобычливъ, щедръ до расточительности. Не скоръ на гнѣвъ, всегда готовъ на примиреніе. Не помнитъ зла, вѣчно помнитъ благодѣянія“... Подчиненный, „почитая за счастье служить съ нимъ, всегда боготворилъ его. Никто изъ начальниковъ не давалъ менѣе чувствовать власть свою“.

Исходя изъ тезиса, что «русскій и природный царь долженъ наступательный быть, и что русскіе не должны бѣжать» (въ письмѣ къ Аракчееву), Багратіонъ весьма презрительно относится къ силамъ непріятеля. «Чего намъ бояться?—пишетъ онъ Александру.—Непріятель, собранный на разныхъ пунктахъ, есть сущая сволочь». «Божусь вамъ,—пишетъ онъ же Ростопчину,—непріятель дрянъ, сами плънные и бѣглые божатся, что, если мы пойдемъ на нихъ, они всѣ разбѣгутся». Мы приведемъ еще нѣсколько послѣдовательныхъ выдержекъ изъ писемъ Багратіона къ императору, Аракчееву, Ростопчину и Ермолову, въ которыхъ такъ ярко выступаетъ наивность Багратіона, его самоувѣренность, а иногда и отчаяніе, что его не слушаютъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ
(стар. лубокъ).

«За что вы срамите Россію и армію?—пишетъ онъ Ермолову въ іюль, въ началѣ кампаніи.—Наступайте, ради Бога! Ей Богу, непріятель мѣста не найдетъ, куда ретироваться. Они боятся насъ... Нѣтъ, мой милый, я служу моему природному государю, а не Бонапарте. Мы проданы, я вижу; насъ ведутъ на гибель; я не могу равнодушно смотреть. Уже истинно еле дышу отъ досады, огорченія и смущенія. Я, ежели выберусь отсюда, тогда ни за что не останусь командовать арміею и служить: стыдно носить мундиръ, ей Богу, и болеть. А ежели наступать будете съ первой арміею, тогда я здоровъ. А то, что за дуракъ? Министръ самъ бѣжитъ, а мнѣ приказываетъ всю Россію защищать... Если бы онъ былъ здѣсь, ногъ бы своихъ не выдралъ, а я выйду съ честью и буду ходить въ сюртукъ, а служить подъ игомъ иновѣрцевъ-мошенниковъ—никогда!.. Охъ, жаль, больно жаль Россіи! Я со слезами пишу прощай, я уже не слуга. Вы-

веду войска на Могилевъ, и баста! Признаюсь, мнѣ все омерзѣло такъ, что съ ума схожу... Наступайте! Ей Богу, оживимъ войска и шапками ихъ закидаемъ. Иначе будетъ революція въ Польшѣ и у насъ»... «Ради Бога, не срамитесь, наступайте, а то право куда стыдно мундиръ носить: право, скину», пишетъ Багратіонъ Ермолову вновь черезъ нѣсколько дней. «Мнѣ одному ихъ бить невозможно»... «Никого не увѣришь ни въ арміи, ни въ Россіи,—пишетъ Багратіонъ въ то же время Аракчееву,—чтобы мы не были проданы». «Я одинъ защищать Россіи не могу». «Я никакъ вмѣстѣ съ министромъ не могу,—пишетъ онъ тому

же лицу 29 іюля.—Ради Бога—пошлите меня куда угодно»... «Я клянусь вамъ моею честию, — сообщаетъ онъ 7 августа, — что Наполеонъ былъ въ такомъ мѣшкѣ, какъ никогда, и онъ могъ бы потерять половину арміи, но не взять Смоленска». Самоувѣренность Багратіона въ письмѣ къ Ростопчину 14 августа идетъ еще дальше: «Безъ хвастовства скажу вамъ, что я дрался лихо и славно. Господина Наполеона не только не пустилъ, но ужасно откаталъ»... «Если бы я одинъ командовалъ... пусть меня разстрѣляютъ, если я его въ пухъ не расчешу». Но какъ не вѣрны были расчеты Багратіона, показываетъ его письмо отъ 8 августа, гдѣ онъ увѣряетъ Ростопчина, что нынѣ «столица обезпечена»... Порочная образъ дѣйствій Барклая, Багратіонъ не стѣсняется въ отзывахъ: «Вашъ министръ, — пишетъ онъ Аракчееву, — можетъ хорошій по министерству, но генералъ не то, что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего отечества». Барклай «не имѣетъ вождельнаго разсудка или лисица», характеризуетъ онъ своего соперника въ письмѣ къ Ростопчину. Указывая на себя въ письмѣ Александру, онъ замѣчаетъ: «Иновѣрцы ¹⁾ не могутъ такъ усердно служить»... Наконецъ Барклай не только измѣнникъ, но и «иллюминатусъ».

Наивность и искренность, въ которыя Багратіонъ облачалъ свои выступленія противъ Барклая, служатъ оправданіемъ для личности Багратіона, геройски павшаго на полѣ брани. Но если личные его подвиги давали высокіе примѣры безстрашія и мужества, то безтактные поступки противъ Барклая не могли не имѣть деморализующаго вліянія. А между тѣмъ именно Багратіонъ при своемъ вліяніи въ арміи могъ быть лучшей опорой Барклая. Барклай цѣнилъ достоинство Багратіона, щадилъ его самолюбіе, когда послѣднему, несмотря на старшинство въ чинахъ, связи при дворѣ и огромную популярность въ арміи, пришлось при соединеніи подъ Смоленскомъ двухъ армій стать въ подчиненіе къ Барклаю. Такъ Барклая проявился уже въ томъ, что онъ лично поѣхалъ навстрѣчу Багратіона. Однако поведеніе Багратіона способно было вывести изъ терпѣнія и всегда спокойнаго Барклая. Если вѣрить рассказамъ очевидцевъ, въ арміи происходили безподобныя сцены: дѣло доходило до того, что главнокомандующіе въ присутствіи подчиненныхъ «ругали въ буквальномъ смыслѣ» одинъ другого: «Ты нѣмецъ, тебѣ всѣ русскіе нипочемъ», кричалъ Багратіонъ. «А ты дуракъ, и самъ не знаешь, почему себя называешь кореннымъ русскимъ», отвѣчалъ Барклай. Можно ли въ такихъ условіяхъ говорить о какой-либо солидарности въ дѣйствіяхъ, являвшейся однимъ изъ главныхъ залоговъ успѣха...

Обостреніе отношеній между главнокомандующими, неопредѣленность ихъ взаимоотношеній (Багратіонъ фактически долженъ былъ подчиниться Барклаю, а между тѣмъ армія его продолжала составлять отдѣльное цѣлое съ особымъ штабомъ и т. д.), сознаніе необходимости объединить арміи всецѣло въ однихъ рукахъ привело къ назначенію Ку-

¹⁾ „Націоналисты“ 1812 г. усердно распространяли такое мнѣніе въ общественныхъ кругахъ. Любопытно привести отзывъ по этому поводу современника, небезызвѣстнаго Греча: „Отказаться отъ участія иностранцевъ было то же, что по внушенію патріотизма, не давать больному хины, потому что она растетъ не въ Россіи“... „Да и чѣмъ лифляндецъ Барклай менѣе русскій, нежели грузинъ Багратіонъ. Скажутъ: этотъ православный, но дѣло идетъ на войнѣ не о происхожденіи Св. Духа“.

тузова ¹⁾. Какъ отнеслись къ этому факту Барклай и Багратіонъ? Любопытное замѣчаніе по этому поводу дѣлаетъ въ своихъ запискахъ Ростопчинъ, какъ мы знаемъ уже, благожелательно настроенный къ Багратіону: «Барклай,—сообщаетъ онъ,—образецъ субординаціи, молча перенесъ уничтоженіе, скрылъ свою скорбь и продолжалъ служить съ прежнимъ усердіемъ. Багратіонъ, напротивъ того, вышелъ изъ всѣхъ мѣръ приличія и, сообщая мнѣ письмомъ о прибытіи Кутузова, называлъ его мошенникомъ, способнымъ измѣнить за деньги» («Русск. Ст.», дек., 1889, 693).

Графъ Витгенштейнъ (грав. Кардели съ рис. Орловскаго).

Правда, А. Н. Поповъ не безъ основанія указываетъ («Русск. Арх.», 1875, IX, 17), что послѣдній отзывъ можетъ быть заподозрѣнъ въ правдивости, такъ какъ записки Ростопчина, писанныя много лѣтъ позже событій 1812 г., далеко не всегда являются надежнымъ источникомъ. Ростопчинъ излагаетъ въ запискахъ нѣкоторыя событія уже не такъ, какъ они рисовались ему въ моментъ дѣйствія. И, вѣроятно, рѣзкія слова, приписанныя Багратіону и являющіяся отчасти отзвукомъ недоброжелательнаго отношенія самого Ростопчина къ Кутузову, должны быть сильно смягчены. Но можно думать, что въ нихъ есть и доля правды. При своей излишней прямолинейности, Багратіонъ могъ сгоряча сказать что-нибудь весьма рѣзкое, такъ какъ, надѣясь получить мѣсто главнокомандующаго, Багратіонъ отрицательно относился

къ Кутузову. Человѣкъ, какъ мы видѣли, весьма самонадѣянный, Багратіонъ думалъ, что онъ одинъ можетъ спасти Россію, что онъ одинъ достоинъ вести войска къ побѣдѣ надъ Наполеономъ. Багратіонъ, конечно, зналъ, что многіе указывали на него, какъ на замѣстителя Барклая. «Впослѣдствіи я узналъ,—говоритъ Ростопчинъ въ своихъ запискахъ,—что Кутузову было поручено многими изъ нашихъ генераловъ просить государя смѣстить Барклая и назначить Багратіона». Не показываетъ ли это, что честолюбіе и соперничество являлось и у Багратіона стимуломъ выступленій противъ Барклая? Не даромъ Ермоловъ, въ отвѣтъ на жалобы Багратіона,—и тотъ долженъ былъ устыдить его: «Вамъ, какъ человѣку, боготворимому под-

¹⁾ См. далѣе статью С. А. Князькова.

чиненными, тому, на кого возложена надежда многих и всей Россіи, обязанъ я говорить истину: да будетъ стыдно вамъ принимать частныя неудовольствія къ сердцу, когда стремленіе всѣхъ должно быть къ пользѣ общей; это одно можетъ спасти погибающее отечество наше!.. Принесите ваше самолюбіе въ жертву погибающему отечеству нашему, уступите другому и ожидайте, пока не назначать человека, какого требуютъ обстоятельства»...

Барклай безропотно подчинился и «въ полковыхъ рядахъ сокрылся одиноко». Самолюбіе Барклая должно было страдать ужасно. Его замѣститель явился съ обѣщаніемъ: «скорѣе пасть при стѣнахъ Москвы, нежели предать ее въ руки враговъ». И долженъ былъ послѣдовать, въ концѣ-концовъ, плану Барклая. На военномъ совѣтѣ послѣ Бородина, когда Барклай первый высказалъ мысль о необходимости отступленія, Кутузовъ, по словамъ Ермолова, «не могъ скрыть восхищенія своего, что не ему присвоена будетъ мысль объ отступленіи». И здѣсь постарались набросить тѣнь на Барклая. Кутузовъ, желая сложить съ себя отвѣтственность, указывалъ въ своемъ донесеніи, что «потеря Смоленска была преддверіемъ паденія Москвы», не скрывая намѣренія, говоритъ Ермоловъ, набросить невыгодный свѣтъ на дѣйствія главнокомандующаго военнаго министра ¹⁾, въ которомъ и не любящіе его уважали большую опытность, заботливость и отличную дѣятельность. Въдѣ записки писались, когда острота событій прошла ²⁾. На Бородинскомъ полѣ Барклай проявилъ свою обычную предусмотрительность и энергію. Быть-можетъ, и не совсѣмъ скромно было со стороны Барклая писать своей женѣ: «Если при Бородинѣ не вся армія уничтожена, я—спаситель», то все же это болѣе, чѣмъ понятно, когда заслуги Барклая въ этотъ моментъ явно не желали признавать. Барклай, уже лишившись главнаго командованія, продолжалъ чувствовать къ себѣ недовѣріе. Терпѣть создавшееся двойственное положеніе было для Барклая слишкомъ тяжело. И онъ искалъ смерти на полѣ битвы.

¹⁾ А. Н. Поповъ („Русск. Арх.“, 1875, X, 144), ссылаясь на письмо Кутузова къ Ростопчину съ просьбой „увѣрить всѣхъ московскихъ жителей... что еще не было ни одного сраженія съ передовыми войсками, гдѣ бы наши не одерживали поверхности, а что не доходило до главнаго сраженія, то сіе зависѣло отъ насъ, главнокомандующихъ“, говоритъ, что Кутузовъ не только не отдѣлялъ себя отъ своихъ предшественниковъ и не желалъ отклонить отъ себя тѣ упоры, которыми ихъ осыпало общественное мнѣніе; но, покрывая своимъ значеніемъ всѣ ихъ дѣйствія, готовъ былъ принять ихъ на себя самого“. Врядъ ли съ этимъ можно согласиться. Скорѣе Кутузовъ всегда отдѣлялъ себя отъ своихъ предшественниковъ. И если первая его обращенія къ войскамъ, выражавшія удивленіе, что съ подобными молодцами можно отступать, слѣдуетъ, пожалуй, объяснить тактическимъ приѣмомъ возбужденія энергіи въ войскахъ, то отношеніе къ Барклаю скорѣе слѣдуетъ объяснять желаніемъ набросить „тѣнь“ на дѣйствія своего предшественника, какъ и указываетъ Ермоловъ.

²⁾ Записки Ростопчина могутъ служить еще разъ примѣромъ того, какъ впослѣдствіи современники вольно или невольно измѣняли свои взгляды на людей и событія. Въ „Запискахъ“ Ростопчинъ очень тепло отзывался о Барклаѣ, признавалъ за нимъ всѣ хорошія качества полководца и отдавалъ ему несомнѣнное предпочтеніе передъ Багратиономъ. „Барклай,—пишетъ Ростопчинъ,—былъ человекъ честный, благоразумный, методическій... У него не было другихъ заботъ, какъ сохранить армію... Онъ отличался необыкновенной храбростію и часто удивлялъ своимъ хладнокровіемъ... Багратионъ, обладая многими дарованіями для того, чтобы быть хорошимъ генераломъ, былъ слишкомъ необразованъ для того, чтобы быть главнокомандующимъ. Онъ очень хвастался тѣмъ, что былъ ученикъ и любимецъ Суворова. Онъ хотѣлъ непременно драться... и если бы онъ начальствовалъ войсками... можетъ быть погубилъ ихъ“... А между тѣмъ въ началѣ кампаніи 1812 г. Ростопчинъ совсѣмъ по-другому относился къ дѣятельности Барклая; лучшимъ свидѣтельствомъ является его письмо Александру 23 іюля: „Москва и войска въ отчаяніи отъ бездѣйствія и слабости военнаго министра, который совершенно подчинился Вольцогену. Въ главной квартирѣ спятъ до десяти часовъ утра“.

„Тамъ устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ слышавшій первой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти...
Вотще!..

Это не поэтическій вымыселъ Пушкина. На другой день Бородина Барклай сказалъ Ермолову: «Вчера я искалъ смерти и не нашель». «Имѣвши много случаевъ, — добавляетъ Ермоловъ, — узнать твердый характеръ его и чрезвычайное терпѣніе, я съ удивленіемъ видѣлъ слезы на глазахъ его, которыя онъ скрыть старался. Сильны должно-быть огорченія». Откровенныя мнѣнія Барклая о «безпорядкахъ въ дѣлахъ, принявшихъ необыкновенный ходъ», не нравились Кутузову. И въ концѣ-концовъ Барклай (22 сентября) совсѣмъ оставилъ армію. «Не стало терпѣнія его, — замѣчаетъ Ермоловъ: — видѣлъ съ досадою продолжающіеся безпорядки, негодовалъ за недовѣрчивое къ нему расположеніе, невмѣстительство къ его представленіямъ»... Выступая съ критикой, Барклай поступилъ честнѣе всѣхъ другихъ. Онъ откровенно высказалъ въ письмѣ къ Кутузову всѣ тѣ непорядки, которыя господствовали въ арміи. «Во время рѣшительное, — писалъ онъ, — когда грозная опасность отечества вынуждаетъ отстранить всякія личности, вы позволите мнѣ, князь, говорить вамъ со всею откровенностью»... Но еще съ большей откровенностью высказался онъ въ письмѣ къ императору Александру 24 сентября, т.-е. тогда, когда рѣшеніе оставить армію было принято имъ уже окончательно. «Я умоляю, ваше величество, — писалъ Барклай, — сдѣлать мнѣ это благодѣяніе, какъ единственную милость, которую прошу для себя»... «Я не нахожу выраженій, чтобы описать ту глубокую скорбь, которая тяготитъ мое сердце, когда я нахожусь вынужденнымъ оставить армію, съ которой я хотѣлъ и жить и умереть. Если бы не болѣзненное мое состояніе, то усталость и нравственныя тревоги должны меня принудить къ этому. Настоящія обстоятельства и способы управленія этой храброй арміей ставятъ меня въ невозможность съ пользою дѣйствовать для службы»... И Барклай очень рѣзко отзывался объ арміи, находящейся подъ управленіемъ неопытныхъ лицъ, причисленныхъ къ «свитѣ двухъ слабыхъ стариковъ, которые не знаютъ другого высшаго блага, какъ только удовлетвореніе своего самолюбія, изъ которыхъ одинъ, довольный тѣмъ, что достигъ крайней цѣли своихъ желаній, проводитъ время въ совершенномъ бездѣйствіи и которымъ руководятъ всѣ молодые люди, его окружающіе; другой — разбойникъ, котораго присутствіе втайнѣ тяготитъ перваго»... Высказавъ все накопившее чувство негодованія, Барклай ушелъ... И хотя имя Барклая было реабилитировано послѣ 1812 г. и ему вновь было поручено командованіе арміей; хотя и памятникъ ему поставленъ рядомъ съ Кутузовымъ, но все же не Барклай вошелъ въ исторію съ именемъ народнаго героя Отечественной войны. А, быть-можетъ, онъ болѣе всѣхъ заслужилъ эти лавры.

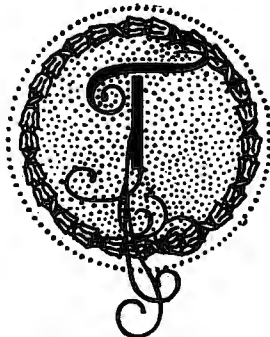
С. Мельгуновъ.

Графъ Платовъ, атаманъ казаковъ (съ англ. грав.).

2. Дохтуровъ, Ермоловъ, Чичаговъ, Милорадовичъ, Раевскій, Коновницынъ, Витгенштейнъ, Платовъ, Тормасовъ и Винцингероде.

Подп. В. П. Оедорова.

генералъ - лейтенантъ Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ. По отзывамъ современниковъ былъ привѣтливъ, скромнъ, отзывчивъ и добръ. «Вѣдь не деньги насъ наживаютъ, а мы ихъ,—говаривалъ онъ.— Деньги я наживу еще, а помочъ найду ли случай—не знаю». Такіе взгляды, возведенные въ принципъ, дѣлали его рыцаремъ безъ упрека и въ то же время онъ былъ рыцаремъ безъ страха: участвуя въ Семилѣтней войнѣ, онъ былъ два раза раненъ, взявши съ бою золотую шпагу «за храбрость», подъ Аустерлицемъ онъ геройски отбивался отъ непріятеля и отступилъ лишь тогда, когда получилъ свѣдѣніе объ окончательномъ проигрышѣ сраженія на другихъ пунктахъ. Отрядъ его оборонялъ плотину, обстрѣливаемую непріятельскими батареями. Опасность для жизни была ежеминутная. Адъютанты напомнили ему о женѣ и дѣтяхъ, а онъ отвѣтилъ: «Нѣтъ, здѣсь жена моя—честь, войска же мнѣ вѣренныя—дѣти мои!» Войска любили его, и онъ взаимно былъ другомъ солдатъ и офицеровъ, видѣлъ въ нихъ родную семью и берегъ ихъ, насколько могъ; войска вѣрили всегда его слову, почему онъ умѣлъ воодушевлять ихъ и укрѣплять ихъ духъ въ нужную минуту своей рѣчью... «Братцы! будьте увѣрены, что на каждомъ ядрѣ, на каждой летящей пулѣ написано, кому быть раненымъ или убитымъ! Вы сами видѣли, что Сидоровъ скрылся за ряды, но не ушелъ отъ смерти—онъ убитъ! Смерть, нагоняющая воина, есть смерть постыдная! Славно умереть тамъ, гдѣ честь и долгъ назначаютъ мѣсто!»

Въ началѣ 1812 года онъ командовалъ 6-мъ пѣхотнымъ и 3-мъ резервнымъ кавалерійскими корпусами. Подъ Смоленскомъ онъ былъ совершенно больной, но когда его спросили: можетъ ли онъ принять командованіе, то отвѣтилъ: «Лучше умереть на полѣ славы, чѣмъ на кровати», всталъ и исполнялъ свой долгъ до конца. Онъ былъ желаннымъ вождемъ, такъ какъ онъ былъ всѣмъ своимъ существомъ, помыслами и дѣйствіями преданъ въ военное время арміи... «Я никогда не былъ придворнымъ, не искалъ милостей въ главныхъ квартирахъ и у царедворцевъ,—я дорожу любовью войскъ, которая для меня безцѣнна!» Такія слова и соответственныя имъ дѣйствія дѣлали его кумиромъ арміи.

Генералъ-майоръ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Путь жизни его былъ тернистъ. Судьба бросала его по прихоти своей какъ мячъ. Главной причиной этого были его острый умъ и языкъ, которые онъ во-время не удерживалъ. Службу военную онъ началъ въ 1787 г., будучи пятнадцати лѣтъ отроду въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. «На 21-мъ году жизни (когда онъ былъ квартирмейстеромъ 2-го бомбардирскаго батальона) содержался подъ карауломъ, какъ преступникъ; найденъ невиннымъ и обращенъ по именному Высочайшему повелѣнію на службу; взятъ менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли вторично, исключенъ изъ списковъ какъ умершій, заключенъ въ С.-Петербургскую крѣпость и потомъ сосланъ въ Костромскую губернію на вѣчное пребываніе», пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ. Но судьбѣ, видимо, не улыбалось его «вѣчное пребываніе» въ глуши и онъ появляется на полѣ брани: сраженіе подъ Прейсишъ-Эйлау покрываетъ имя его неувядаемой боевой славой, такъ какъ онъ спасъ армію, остановивъ бомбардировку изъ орудій своей конно-артиллерійской роты наступленіе французовъ, при чемъ огонь былъ открытъ имъ безъ всякаго приказанія, по собственной инициативѣ. Затѣмъ подъ Кульмомъ вступилъ онъ въ командованіе послѣ тяжело раненаго графа Остермана-Толстого и одержалъ побѣду благодаря сочетавшимся въ немъ на рѣдкость высокому мужеству, энергіи и большой проницательности. При этомъ случаѣ онъ проявилъ еще и большую скромность: ему самому пришлось писать реляцію о Кульмскомъ сраженіи, и онъ, умолчавъ о себѣ, приписалъ весь успѣхъ непоколебимому мужеству войскъ и распоряженіямъ графа Остермана. Остерманъ, получивъ извѣстіе объ этомъ, несмотря на жестокія мученія, нацарапалъ Ермолову записку: «Довольно возблагодарить не могу, ваше превосходительство, находя только, что вы мало упомянули о генералѣ Ермоловѣ, которому я всю истинную справедливость отдавать привыченъ». Неудивительно, что онъ долженъ былъ имѣть обаяніе на армію описанными качествами да еще присоединеніемъ къ нимъ простоты въ обхожденіи и привѣтливости съ младшими. Но ему не прощали язвительности и это отзывалось на его карьерѣ: онъ получилъ въ 1812 году лишь назначеніе начальникомъ штаба 1-й арміи ¹⁾

¹⁾ Небезынтересно привести отзывы нѣкоторыхъ современниковъ объ Ермоловѣ: «человѣкъ съ достоинствомъ, но ложный и интриганъ», какъ характеризуетъ его Барклай въ своемъ «Изображеніи военныхъ дѣйствій». Въ запискахъ ген. Левенштерна со словъ полковника Криднера, сообщается такой отзывъ самого Александра: «Сердце Ермолова было такъ же черно, какъ его сапогъ».

Ред.

Адмираль Павелъ Васильевичъ Чичаговъ.

Онъ испыталъ много злключеній, которыя начались еще со смерти императрицы Екатерины II и вступленія на престолъ императора Павла I, которое застало его въ должности адъютанта при отцѣ,—знаменитомъ адмиралѣ Чичаговѣ. Ему часто приходилось бывать при Высочайшемъ дворѣ, и здѣсь онъ, подобно Ермолову, рѣзко, остроумно и откровенно высказывалъ свои мысли о широкихъ реформахъ, о необходимости освобожденія крестьянъ, порицалъ русское дворянство и восхвалялъ англійскіе порядки. Это создало ему партію враговъ среди приближенныхъ императора: любимецъ Павла I Шишковъ, графъ Кушелевъ, Мордвиновъ и другіе сплотились противъ него. Первый ударъ былъ нанесенъ ему въ 1797 году послѣ большихъ маневровъ флота у Красной Горки. Чичаговъ командовалъ кораблемъ «Ретвизанъ», на которомъ былъ государь, который, лично убѣдясь въ преимуществѣ этого корабля передъ другими во всѣхъ отношеніяхъ, благодаря выдающимся способностямъ командира «Ретвизана», далъ ему орденъ св. Анны 5-й степени и объявилъ награжденіе чиномъ полковника. Когда же отправляли къ нему письменный царскій приказъ, то на конвертѣ случайно, надо полагать, написали «подполковнику»; Чичагова это ввело въ сомнѣніе и онъ послалъ графу Кушелеву письмо съ вопросомъ: «какъ мнѣ считать себя: полковникомъ или подполковникомъ»? Кушелевъ, пользуясь случаемъ сдѣлать ему непріятность, отвѣтилъ, что ему надо считать себя въ томъ чинѣ, какимъ онъ означенъ «на конвертѣ». Самолюбивый Чичаговъ обидѣлся и подалъ въ отставку. Государю такъ сумѣли доложить прошеніе, что онъ повелѣлъ уволить Чичагова безъ пенсіи «по молодости лѣтъ». Выйдя въ отставку, Чичаговъ хотѣлъ было поселиться въ деревнѣ, заняться хозяйствомъ и улучшить положеніе своихъ крестьянъ, но обстоятельства сложились иначе: изучая въ 1792—93 гг. въ Англіи нѣкоторыя особенности морского дѣла, онъ познакомился съ дочерью капитана Проби и сталъ ея женихомъ; въ то же время, какъ онъ вышелъ въ отставку, умеръ отецъ его невѣсты, и она, оставшись одинокою, не могла ждать долѣе, почему просила его пріѣхать. Чичаговъ подалъ государю прошеніе объ увольненіи за границу для женитьбы. По докладу канцлеромъ графомъ Безбородко прошенія получена была резолюція государя: «въ Россіи настолько достаточно дѣвицъ, что нѣтъ надобности ѣхать искать ихъ въ Англію». вмѣстѣ съ симъ повелѣно было принять Чичагова на службу съ производствомъ въ контръ-адмиралы и государь назначилъ его командовать эскадрою, отправляемой въ помощь Англіи со стороны Голландіи. Ненавистникамъ Чичагова не улыбалось такое возвышеніе, почему Кушелевъ поспѣшилъ доложить государю, что молодой адмиралъ можетъ воспользоваться такой командировкой, чтобы перейти подъ благовиднымъ предлогомъ въ англійскую службу, такъ какъ онъ очень симпатизируетъ англичанамъ. Павелъ Петровичъ разгнѣвался и потребовалъ Чичагова къ себѣ въ кабинетъ. Здѣсь онъ сталъ бранить его, обвинять его въ измѣнѣ и, въ концѣ-концовъ, велѣлъ заключить его въ Петропавловскую крѣпость. Чичаговъ былъ кавалеръ ордена св. Георгія, и ссылаясь на привилегіи свои по этому ордену, рѣзко протестовалъ противъ заключенія въ крѣпость. Вспыльчивый государь вышелъ изъ себя и приказалъ дежурному флигель-адъютанту, присутствовавшему при этой сценѣ, «сорвать»

съ Чичагова орденъ, на привилегіи котораго онъ ссылался. Графъ Уваровъ, бывшій дежурнымъ, исполнилъ это приказаніе. Тогда Чичаговъ снялъ съ себя и мундиръ, который бросилъ къ ногамъ Павла, и былъ отправленъ въ крѣпость въ одномъ жилетѣ. Собственноручный указъ императора Павла, посланный тотчасъ с.-петербургскому военному губернатору, былъ такого содержанія: «Якобинскія правила и противныя власти отзывы по-

П. В. Чичаговъ.

сылаемаго къ вамъ Чичагова принудили меня приказать запереть его въ рavelинъ подъ вашимъ смотрѣніемъ». Это случилось 21 іюня 1799 года. Павелъ Петровичъ былъ гнѣвливъ, да отходчивъ, и потому заключеніе Чичагова было непродолжительно: его освободили въ то же льто и назначенная ему въ командованіе эскадра (6 кораблей, 5 фрегатовъ и 2 транспорта) отвезла въ Голландію дивизію г.-м. Эссена. Дальнѣйшая служба его, особенно съ воцареніемъ императора Александра I, не была ничѣмъ омрачена. Отечественная война застала его на посту главнокомандующаго молдавской арміей, главнаго правителя Молдавіи и Валахіи и главнаго начальника черноморскаго флота, а затѣмъ ему ввѣрена была дунайская армія, во главѣ которой онъ далъ

отпоръ соединенной австро-саксонской арміи князя Шварценберга, отступивъ ее въ герцогство Варшавское ¹⁾.

¹⁾ Злоключенія Чичагова продолжались и въ періодъ Отечественной войны. Березинская операція вызвала цѣлый рядъ нападокъ на Чичагова. Всѣ его обвиняли въ томъ, что онъ благодаря своей нераспорядительности выпустилъ Наполеона, давъ себя обмануть. Дѣйствія Чичагова будутъ выяснены у насъ въ специальной статьѣ ген. Апухтина. Здѣсь нельзя не упомянуть, что самъ Чичаговъ считалъ виновниками своей неудачи Кутузова и Витгенштейна. Въ изданной за границей Чичаговымъ въ 1817 г. книгѣ «Отступленіе Наполеона» (и позднѣе въ «Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff, Berlin, 1855 г.) указывается, что при наличности силъ, имѣвшихся въ распоряженіи Чичагова, онъ не могъ помѣшать Наполеону, у котораго количественный перевѣсъ въ силахъ. То же отмѣчаетъ участникъ Березинской операціи Чаплицъ: «Весь успѣхъ зависѣлъ отъ точнаго выполненія плана: Витгенштейнъ своевременно

Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, заслужившій прозваніе «русскаго Баярда», соратникъ Багратіона по итальянскому походу, бывшій для Суворова «Миша», — личность далеко незаурядная. Во-первыхъ, онъ былъ очень образованнымъ человекомъ и въ общемъ смыслъ и въ спеціальной области: прошелъ курсъ въ университетахъ Кенигсбергскомъ и Геттингенскомъ, изучилъ артиллерійское дѣло въ Страсбургѣ и фортификацію въ Мецѣ. Во-вторыхъ, за нимъ были и боевой опытъ и боевая слава. Будучи записанъ съ 1780 г. въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ на службу, онъ былъ уже къ 1799 г., на двадцать первомъ году отроду, генералъ-майоромъ и выступалъ съ Суворовымъ въ походъ противъ французовъ. Въ бою онъ не зналъ удержа, воспоминанія о немъ пестрятъ самыми отчаянными подвигами. Надо про- извести нападеніе на французовъ, расположенныхъ въ горной долинь, а отряду русскому нить удобнаго пути для спуска, — Милорадовичъ скаты- вается съ горы на спинъ, за нимъ мгновенно слѣдуетъ весь отрядъ, и фран- цузы, не ожидавшіе такого фокуса, оттыснены. Насѣдаютъ французы при Борго отчаянно на нашъ отрядъ; дрогнули ряды и едва не отступили, но Милорадовичъ схватилъ знамя и бросился впередъ со словами: «Солдаты! Смотрите, какъ умираютъ генералы!» и... побѣда была вырвана изъ рукъ французовъ, а онъ остался невредимъ, — судьба хранила его отъ пуль и штыковъ, хотя онъ всегда былъ въ опаснѣйшихъ мѣстахъ. Солдаты шли за нимъ беззавѣтно. Онъ былъ ихъ другъ и дѣлилъ съ ними «голодь и холодъ и всѣ солдатскія нужды». Первымъ являлся онъ въ строй на конь и послѣднимъ сходилъ съ него. Если была неудача, то онъ, по примѣру своего геніальнаго учителя, показывалъ себя особенно веселымъ, смѣшилъ

не пришелъ» («Русск. Ст.», 1886 г., іюль, 489). Дѣло въ общемъ «темное», какъ вы- разился въ своихъ запискахъ Гречъ. Любопытную деталь объ отношеніи Кутузова къ Чичагову сообщаетъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ: «Я успѣлъ объяснить ему (Кутузову), что адмиралъ Чичаговъ не столько виноватъ, какъ многіе представить его желаютъ... Легко могъ я замѣтить, до какой степени простиралось неблагорас- положеніе его къ адмиралу. Не нравилось ему, что я смѣлъ оправдывать его. Но въ званіи моемъ неловко было рѣшительно пренебречь моимъ показаніямъ... Онъ приказалъ мнѣ представить послѣ записку о дѣйствіяхъ при Березинѣ, но чтобы никто не зналъ о томъ» (стр. 270)... «Я чувствую, — съ негодованіемъ замѣчаетъ Ермо- ловъ, — насколько безсильно оправданіе мое возлагаемыхъ на него (Чичагова) обви- неній. И хотя среди современниковъ были и такіе, которые скорѣе оправдывали Чичагова (Вигель, напр., указываетъ, что многіе въ то время считали, что Чичаговъ оказалъ услугу тѣмъ, что не пошелъ съ маленькой арміей туда, гдѣ могъ теорети- чески остановить Наполеона и потерпѣть пораженіе, «Зап.», IV, 81), однако общее мнѣніе было неблагопріятно для Чичагова. Достаточно вспомнить Крыловскую басню «Щука и котъ», написанную по поводу дѣйствій Чичагова. Послѣдній уххалъ за гра- ницу съ чувствомъ негодованія на современниковъ, какъ говоритъ кн. С. Г. Вол- конскій. Когда въ 1834 г. вышелъ указъ о пятилѣтнемъ пребываніи русскихъ под- данныхъ за границей, Чичаговъ отказался повиноваться этому распоряженію, нару- шившему по его мнѣнію, право дворянина. Послѣ этого Чичаговъ былъ исключенъ изъ службы (лишенъ званія члена Государственнаго Совѣта), и имущество его было секвестровано. Многіе изъ современниковъ были высокаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ Чичагова: человекъ «превосходнаго ума», сказалъ про него Ермоловъ, очень скупой на хорошія характеристики; человекъ «весьма умный», писалъ про Чичагова кн. С. Г. Волконскій.

Ред.

всѣхъ и разгонялъ уныніе; воодушевлялъ всѣхъ даже тогда, когда всѣмъ казалось, что смерть неизбежна. Кромѣ того, онъ былъ безгранично добръ и не умѣлъ никому отказывать въ помощи, хотя самъ, любя покутить, зачастую сживалъ безъ гроша и обѣдъ его состоялъ: изъ кофе и... трубки. По силѣ же любви къ родинѣ онъ не уступалъ другимъ выдающимся дѣятелямъ боевой страды этой эпохи. Наглядное доказательство этому даютъ дѣйствія его при избраніи главнокомандующимъ Барклая. Онъ былъ старше Барклая по службѣ, но, какъ настоящій солдатъ, думалъ не о мѣстничествѣ, а о пользѣ Россіи. Постъ главнокомандующаго не привлекалъ его, онъ не смотрѣлъ на него какъ на выгодное мѣсто, а судилъ по его отвѣтственности и сознавалъ, что занять его не всякому по плечу. Поэтому онъ самъ просилъ государя за Барклая, когда понадобилось замѣнить Витгенштейна. Когда же государь сказалъ про Барклая, что онъ

М. А. Милорадовичъ.

«не захочетъ командовать», то отвѣтъ Милорадовича былъ таковъ: «Прикажете ему! Тотъ измѣнникъ, кто въ теперешнихъ обстоятельствахъ осмѣлится воспротивиться Вашей волѣ!»¹⁾

Генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Раевскій къ началу войны былъ уже окруженъ славою, какъ воинъ и какъ человекъ также. О качествахъ его не было разныхъ мнѣній,—всѣ воздавали ему хвалу. Пушкинъ писалъ о немъ: «Свидѣтель екатерининскаго вѣка, человекъ безъ предрасудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, невольно привязывалъ къ себѣ каждого». — «Онъ былъ всегда одинаковъ со старшими и равными себѣ, въ кругу друзей, знакомыхъ и незнакомыхъ, предъ войсками, въ пылу битвы и среди мира», свидѣтельствовалъ Денисъ Давыдовъ, и даже Ермоловъ, который въ во-

споминаніяхъ своихъ мало кого хвалить, отзывается о немъ такъ: «безтрепетный Раевскій!» И на самомъ дѣлѣ, боевыя качества его факти-

¹⁾ Хорошіе отзывы современниковъ о Милорадовичѣ въ періодъ Отечественной войны, въ послѣдствіи нѣсколько измѣнились. Примѣромъ можетъ служить С. Н. Глинка, одинъ изъ самыхъ горячихъ русскихъ «патріотовъ». «О графѣ Милорадовичѣ,—говоритъ Глинка въ своихъ запискахъ,—можно сказать Корнеліевымъ выраженіемъ: «Въ Римѣ не было уже Рима»... онъ облекъ себя личиною лести. Работничествовалъ передъ Аракчеевымъ, толкаясь, иногда по получасу, въ его пріемной. А когда графу Аракчееву докладывали о Милорадовичѣ, онъ говорилъ: «Пусть подождетъ, онъ пришелъ выманить денегъ». И при появленіи сильнаго графа Аракчеева, графъ Милорадовичъ изгибался въ три погибели. Далеко, далеко... былъ онъ 1825 года отъ Милорадовича 1799 года... какая-то темная душа изъ прежняго Милорадовича вытѣснила Милорадовича». («Записки», стр. 343—44).

Ред.

чески были подтверждены: въ 1806 году, сражаясь въ теченіе семи дней безъ отдыха, безъ продовольствія, безъ подкрѣпленій, самъ раненый въ ногу и оставшійся въ строю, онъ мужествомъ своимъ и твердостью удивилъ и русскую и непріятельскую армію. И въ Отечественной войнѣ онъ оправдалъ вполне возлагавшіяся на него надежды: и въ тотъ моментъ, когда на плотинѣ подъ Салтановкой вывелъ онъ передъ колонну двухъ сыновей своихъ (10 и 16 лѣтъ) подъ картечь французской батареи, чтобы воодушевить войска, и тогда, когда въ Бородинскомъ сраженіи, ожидая съ минуты на минуту грознаго удара французовъ на батарею свою, бывшую въ центрѣ позиціи, онъ безъ замедленія послалъ Багратиону, на котораго уже обрушились французы, половину своихъ войскъ, подвергая себя крайней опасности, но выручая общую пользу дѣла.

Графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, отличался большимъ организаторскимъ талантомъ и храбростью ¹⁾. Бился въ рядахъ солдатъ. И проявлялъ неустрашимость и величайшую самоотверженность: всегда, напримѣръ, одѣвался просто и по формѣ, но когда надо было идти въ рукопашный кровавый бой съ врагомъ, онъ одѣвалъ полную парадную генеральскую форму. Организаторскій талантъ его былъ ярко проявленъ въ 1806 году при формированіи петербургской милиціи (земскаго ополченія) по избраніи петербургскаго дворянства. Когда въ 1808

году началась война со Шведіей, онъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ финляндской арміи графа Буксгевдена. Здѣсь онъ прекрасно образовалъ продовольственную и квартирмейстерскую части; кромѣ этого, особенной любовью его пользовалась артиллерія, почему онъ не упускалъ случаевъ самъ устанавливать батареи и руководить ихъ огнемъ. Къ боевому огню онъ вообще старался внушать серьезное отношеніе. «Ка-

Ген.-лейт. Н. Н. Раевскій (луб. карт. 1814 г.).

¹⁾ Молодой Воронцовъ въ письмѣ къ отцу въ Лондонъ такъ характеризуетъ Коновницына: «Этотъ человѣкъ великихъ заслугъ, характера, достойнаго уваженія, и замѣчательной и неустрашимой храбрости и хладнокровія». Ермоловъ считаетъ, что Коновницынъ не оправдалъ надеждъ, которыя на него возлагали.

Ред.

ждый стрѣлокъ долженъ знать, сколько пуль у него въ сумѣ, сколько смертей несетъ онъ непріятелю», говаривалъ онъ. Въ Отечественную войну онъ начальствовалъ 3-й пѣхотной дивизіей, былъ дежурнымъ генераломъ русскихъ армій при Кутузовѣ, при чемъ, занимая эту должность, сформировалъ въ двѣ недѣли новую армію; за подвиги въ бояхъ подъ Тарутинымъ, Малоярославцемъ, Вязмою и Краснымъ получилъ орденъ Георгія 2-й степени.

Къ Коновницину присоединимъ и того, кто записалъ блестящую страницу въ исторію русскихъ войскъ, защитивъ пути на Петербургъ, по которымъ двинулись было: Макдональдъ изъ Курляндіи и Удино съ береговъ Двины,—графа Петра Христіановича Витгенштейна. Отецъ его,

Графъ П. П. Коновницинъ.

Графъ П. Х. Витгенштейнъ.

(Изъ собранія Ушакова, 1822 г.).

происходившій изъ древняго германскаго рода Сайнъ-Витгенштейнъ фонъ Берлебургъ, вышелъ изъ-за границы въ русскую военную службу при Елизаветѣ Петровнѣ. Мать его происходила изъ княжескаго рода Долгорукихъ и любовь къ Россіи была вкоренена въ немъ съ дѣтства. Въ немъ соединялись рыцарское отношеніе къ людямъ, безъ различія — равны они ему по положенію, стоятъ выше его или находятся у него въ подчиненіи и характеръ твердый, рѣшительный; неся боевую службу, Витгенштейнъ неоднократно возбуждалъ войска примѣромъ своей личной храбрости и неустрашимости ¹⁾.

¹⁾ При несомнѣнныхъ боевыхъ достоинствахъ Витгенштейнъ не отличался, однако, распорядительностью и особенно въ области административной. Это обнаружилось во время заграничныхъ походовъ, когда Витгенштейнъ, послѣ смерти Кутузова, былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей. «Безпечность его относительно внутренняго управленія арміи,—говоритъ одинъ изъ современниковъ,—привела его въ разстройство до такой степени, что иногда не знали расположенія нѣкоторыхъ пол-

Какъ представитель войска, особенно способствовавшего успѣхамъ войны во всевозможныхъ случаяхъ, Матвѣй Ивановичъ Платовъ вполне заслужилъ, чтобы ему было отведено особое мѣсто. Родился онъ 6 августа 1751 года въ станицѣ Старочеркасской. Тринадцати лѣтъ онъ поступилъ уже на службу урядникомъ, а двадцати лѣтъ былъ командиромъ полка. Боевой формуляръ его достигаетъ рядкой полноты. Начиная отъ боя на рѣкѣ Кулалы, гдѣ онъ билъ турокъ 3 апрѣля 1774 года, онъ былъ участникомъ ряда выдающихся сраженій, военныхъ подвиговъ и цѣлыхъ войнъ: съ Суворовымъ бьется онъ подъ Очаковымъ и Измаиломъ, при чемъ въ военномъ совѣтѣ подъ стѣнами Измаила первый сказалъ Суворову: «штурмовать»; въ 1782—1783 годахъ сражался съ лезгинами и турками, а въ 1796—съ персами подъ Дербентомъ; въ 1805—1807 г. борьба съ Франціей, и Платовъ вездѣ въ опасныхъ мѣстахъ... «Тутъ жарко, тутъ опасно, а гдѣ безопасно?» Это—отвѣтъ его подчиненнымъ, просящимъ беречь себя... Знанія помогли ему привести въ исполненіе мысль о присоединеніи во время боевъ къ иррегулярнымъ войскамъ регулярной артиллеріи путемъ соединенія тактики этихъ войскъ. Какъ человекъ, онъ былъ безкорыстенъ, религіозенъ. Первый исторіографъ Войска Донскаго С. И. Глинка пишетъ о немъ: «воинъ-богатырь и прямой человекъ на путяхъ человечества». Съ трудомъ добыто имъ было все, что онъ имѣлъ, въ концѣ-концовъ: и слава, и служебное положеніе, и положеніе общественное. «Я давно служу, много видѣлъ, и Богъ видитъ, каково пробиваться за себя и за другихъ. Жизнь — бѣдовое дѣло...» Слова эти сказаны Платовымъ Глинкѣ и увѣковѣчены послѣднимъ. И дѣйствительно, были моменты въ жизни его, когда ему оставалось, каза-

М. И. Платовъ.

ковъ. Главная квартира походила на городскую площадь, наполненную вѣстовщиками. По добротѣ души своей, онъ не воспрепятствовалъ къ себѣ свободнаго доступа никому. Комната его наполнена была всегда праздными офицерами, которые разглашали свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ, даже и самыхъ секретныхъ; по этой причинѣ, какъ бы тайно ни было дано повелѣніе графу, оно немедленно дѣлалось всѣмъ извѣстнымъ... Современники готовы были исключительно этой «безпечностью» объяснять пораженія подъ Люценомъ и Бауценомъ. Витгенштейнъ былъ замѣненъ Бар-

Ред.

лось, только погибнуть. Въ 1797 году, напимпъръ, подвергся онъ опалъ. Но, когда спустя нѣсколько времени императоръ Павелъ I успокоился отъ гнѣва и повелѣлъ выпустить его изъ крѣпости, то оказалъ ему знаки вниманія по истиннымъ заслугамъ. Аудіенція при Дворѣ назначена ему была вечеромъ и было устроено полутемное освѣщеніе, «чтобы ослабѣвшимъ глазамъ Платова не было больно». На пріемъ императоръ спросилъ Платова: «Что сдѣлать съ твоими врагами?»—«Простить! Простить ихъ, ваше величество!» поспѣшно отвѣтилъ Платовъ. Платовъ умѣлъ обходиться съ подчиненными, и заслужилъ общую любовь и уваженіе въ казачествѣ¹⁾. Питаемая къ нему чувства осязательно отзывались въ началѣ 1812 года, когда по письмамъ его донское казачество выставило въ армію двадцать полковъ, облыплавшихъ все время армію Наполеона, по его собственнымъ словамъ, «какъ аравитяне въ пустыни», на долю которыхъ выпала честь первымъ «привѣтствовать Наполеона» у Ковно, за Нѣманомъ, 12 іюня²⁾.

¹⁾ Въ *«Русскомъ Архивѣ»* (1876 г., № 8) напечатано любопытное письмо «Середининской станицы казака Ермолая Гаврильевича къ атаману своему Матвѣю Ивановичу». Письмо это прекрасно объясняетъ причину любви казаковъ къ своему атаману. Платовъ былъ человѣкъ совершенно некультурный по своимъ воззрѣніямъ и предразсудкамъ очень близкій къ рядовому донцу. Это и объединяло начальника и подчиненнаго. «Отецъ ты нашъ, Матвѣй Ивановичъ!»—начинаетъ свое письмо казакъ.—«Давно мы отъ тебя, отца, грамотки не видѣли; ужъ не гнѣвенъ ли ты, родимый нашъ!.. Есть у насъ горюшко, хоть не горе, а лишь смѣхъ одинъ. Нашъ Макаръ Федорычъ ѣздилъ съ Дона въ ближнюю губернію и привезъ намъ вѣсть, что въ какихъ-то басурманскихъ бумагахъ писано, что дивится ханъ, какъ мы, мужики простые съ бородами и въ кафтанахъ долгополыхъ, всегда ему ребра перассчитываемъ»... Послѣ довольно длинныхъ и наивныхъ разсужденій по этому поводу, казакъ заключаетъ: «Не прогнѣвайся, отецъ Матвѣй Ивановичъ, что пишу къ тебѣ такую рѣчь простую, казацкую! Всѣ мы знаемъ, отецъ батюшка, что и ты изволишь носить на твоей груди богатырской корешки отъ твоего сада зеленого. Корешки вѣдь съ Дона-тихаго, а мы тамъ съ тобой родились. Эхъ, бывало, во чужой землѣ приключится немочь лютая; разведешь щепоть земли Дона-батюшки въ водѣ свѣжей, выпьешь—какъ ни въ чемъ не былъ!.. Ты, отецъ нашъ, ты нашъ батюшка, любишь Русь и любишь Донъ-святий! Вѣдь мы вѣдаемъ все, что ты ни дѣлаешь; знаемъ мы, что нѣтъ ни гонца, ни посла отъ васъ, чтобы ему ты не приказывалъ: «поклонись Дону Ивановичу; ты напейся за меня воды его, ты скажи, что казаки его служатъ вѣрою и правдою!» А вѣдь это-то намъ, батюшка, слаще меда, слаще сахара»¹⁾.

²⁾ Дѣятельность Платова вызвала, однако, нареканія въ 1812 г. и прежде всего со стороны Барклая-де-Толли. Послѣдній былъ недоволенъ «безпечностью» и «нераспорядительностью» Платова, какъ начальника арьергарда русскихъ войскъ. Послѣ соединенія арміи подъ Смоленскомъ Барклай писалъ 22 іюля императору Александру: «Генералъ Платовъ, въ качествѣ начальника иррегулярныхъ войскъ, поставленъ на слишкомъ высокую степень, не имѣя достаточно благородства въ характерѣ, чтобы соотвѣтствовать своему положенію. Онъ эгоистъ и сдѣлался сибаритомъ до высшей степени... было бы величайшимъ счастьемъ для войскъ... если бы вы нашли возможнымъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ... При этомъ можно было возвести его въ графское достоинство, чего онъ желаетъ болѣе всего на свѣтѣ. Его бездѣятельность такова, что я долженъ отряжать къ нему моихъ адъютантовъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ находился при немъ, или на его аванпостахъ, для того, чтобы быть

¹⁾ ...Любопытно, что этотъ «гунинъ», по отзыву Свербеева, получилъ отъ Оксфордскаго университета званіе «доктора правъ».

Ред.

Генераль-отъ-кавалеріи, графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ къ началу Отечественной войны былъ уже въ чинъ полнаго генерала и былъ назначенъ главнокомандующимъ 3 обсерваціонной арміей. Побѣда подъ Кобринымъ выдвинула его въ ряды героевъ Отечественной войны.

Побѣдой при Кобринѣ, впрочемъ, и ограничивалась вся слава Тормасова въ Отечественную войну. Послѣ смерти князя Багратіона, онъ назначенъ былъ главнокомандующимъ 2 арміей и въ преслѣдованіи французовъ довелъ ее до Вильны, при чемъ этотъ періодъ не ознаменованъ какими-либо особенными заслугами Тормасова, хотя онъ и получилъ по изгнаніи французовъ орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Талантъ его, какъ полководца, не принадлежитъ къ числу первоклассныхъ, что уже доказывается, хотя бы и тѣмъ, что его назначили главнокомандующимъ 3 обсерваціонной арміей, противъ которой были лишь баварскій корпусъ Ренъе и австрійскій Шварценберга, и не назначили въ армію, принимавшую удары главныхъ силъ Наполеона ¹⁾. Это былъ лишь

увѣреннымъ, что мои предписанія будутъ исполнены». Александръ согласился... Официально Барклай далъ самый лестный отзывъ о Платовѣ (очевидно, чтобы наградить его графскимъ титуломъ): «Его примѣрная храбрость, благоразумныя распоряженія и отличное въ военномъ дѣлѣ искусство обезпечивали всѣ движенія наши, удерживали превосходнѣйшія силы непріятеля»...

Мѣсто Платова занялъ Коновницинъ: «онъ доставилъ арміи несравненно больше спокойствія, нежели прежде атаманъ Платовъ», замѣчаетъ Ермоловъ. Ермоловъ въ своей оцѣнкѣ всецѣло примыкаетъ къ отзыву Барклая. «Атаманъ Платовъ,—пишетъ онъ,—не разъ уже былъ замѣчаемъ нерадиво исполняющимъ свои обязанности, а кн. Багратіонъ сказывалъ мнѣ, что, когда онъ находился съ нимъ при отступленіи изъ Литвы, онъ изыскивалъ способъ возбуждать его къ предпримчивости и дѣятельности чрезвычайной, провѣдавъ неодолимое его желаніе быть графомъ»... «Мнѣ,—добавляетъ Ермоловъ,—причина недѣятельности его, кажется,—просто незнаніе его распоряженія разнаго рода регулярными войсками, особенно въ дѣйствіяхъ продолжительнаго времени. Быть начальникомъ казаковъ, рѣшительнымъ и смѣлымъ, не то, что быть генераломъ, отъ котораго требуется другой родъ распорядительности въ связи съ искусствомъ непремѣнно. Атаманъ Платовъ, принадлежа къ числу людей весьма умныхъ и отлично проницательныхъ, не могъ не видѣть, что война 1812 г. въ свойствахъ своихъ не сравнивается съ тѣмъ, въ которыхъ онъ болѣе многихъ другихъ оказалъ способностей»...

Характерная черта для эпохи: Ростопчина и Платова Кутузовъ занесъ въ списки людей «опасныхъ». Онъ чуть ли не заподозрѣвалъ Платова въ готовности передаться Наполеону: «по злобѣ Кутузова его преслѣдуютъ, а у него бродятъ дурныя замыслы въ головѣ». И самъ Ростопчинъ этого опаснаго человѣка называлъ: «болтунъ и немного пьянюга».

Ред.

¹⁾ Несмотря на полученныя награды за «пустяшную побѣду», какъ называлъ Поздѣевъ дѣло при Кобринѣ, Тормасовъ считалъ себя обойденнымъ. И какъ бы въ видъ компенсации въ 1814 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Москвы вмѣсто Ростопчина. Декабристъ бар. Штейнгель передаетъ такой діалогъ между Александромъ и Тормасовымъ. Во время одной изъ аудіенцій сказалъ Александръ: «Александръ Петровичъ, ты на меня сердишься за то, что я армію твою отдалъ Чичагову: я думалъ, что онъ, какъ личный врагъ Наполеона, будетъ дѣйствовать съ полной энергіей; я ошибся». Тормасовъ отвѣчалъ на это: «Государь, и я никогда другомъ Наполеона не былъ». — «Знаю,—прибавилъ государь,—я виновать, но постараюсь загладить это». Вскорѣ послѣдовало назначеніе Тормасова на новый постъ.

Ред.

человѣкъ, добросовѣстно относящійся къ своимъ дѣламъ. Вспыльчивый же его характеръ, надменное отношеніе къ подчиненнымъ, излишняя строгость и требовательность во всемъ, чрезмѣрная скупость на награды, дѣлали графа Тормасова далеко не популярнымъ среди его сослуживцевъ и подчиненныхъ. Трудно было ужиться съ его тяжелымъ характеромъ, а еще труднѣе—заслужить его одобреніе.

Совсѣмъ другое мѣсто среди героевъ Отечественной войны занимаетъ баронъ Фердинандъ Ѳеодоровичъ Винцингероде. Этотъ человѣкъ два раза переходитъ изъ гессенской службы въ австрійскую и обратно, прежде чѣмъ поступилъ въ русскую, въ которой онъ и окончилъ свое военное поприще. Ничего нѣтъ мудренаго въ этой перемѣнѣ службъ барономъ Винцингероде; онъ не является единичнымъ примѣромъ для той эпохи: Мишо-де-Боретуръ, Багговутъ, Беннигсенъ и другіе являются лишь иллюстраціей нравовъ того времени. Война рождаетъ кондотьеровъ, и Винцингероде былъ однимъ изъ нихъ. Но Россіи онъ послужилъ.

Первоначальную свою службу онъ началъ въ гессенской арміи; въ 1790 году онъ перешелъ на службу въ австрійскую армію и участвовалъ въ Нидерландской кампаніи. Въ 1792 году снова перешелъ на службу въ гессенскую армію, а въ 1794 году послѣ этой кампаніи снова—въ австрійскую армію, гдѣ и пробылъ вплоть до заключенія Кампо-Формійскаго мира. Невѣдомо какія обстоятельства заставили его вновь перемѣнить службу, но только въ 1797 году баронъ Винцингероде является уже на русской службѣ и въ 1799 г. сдѣлалъ походъ въ Италію и Швейцарію. Въ 1802 году былъ назначенъ генераломъ-адъютантомъ.

Въ 1809 году баронъ Винцингероде снова на службѣ Австріи, и въ сраженіи при Аспернѣ, предшествовавшемъ знаменитому Ваграму, раненъ пулею въ ногу.

Въ лихой годъ Отечественной войны Винцингероде уже вновь на русской службѣ, и послѣ соединенія нашихъ армій подъ Смоленскомъ первый открылъ партизанскія дѣйствія.

По выступленіи французовъ изъ Москвы, Винцингероде доноситъ лично обо всемъ государю ¹⁾ и его донесенія были самыя животрепещу-

¹⁾ Винцингероде пользовался вообще большимъ довѣріемъ со стороны императора. «Nous nous comprenons avec lui», какъ сказалъ Александръ кн. С. Г. Волконскому, служившему подъ начальствомъ Винцингероде и явившемуся къ императору съ письмомъ отъ своего начальника. Это довѣріе и расположеніе Александра, вѣроятно, слѣдуетъ отчасти объяснять и той «дружеской связью Маріи Антоновны Нарышкиной съ Винцингероде», о которой говоритъ въ своихъ запискахъ (стр. 194) кн. Волконскій. Авторъ записокъ сохранилъ о Винцингероде самыя лучшія воспоминанія, говоритъ о его «рыцарскихъ чувствахъ» и т. д. Между прочимъ, кн. Волконскій передаетъ очень любопытный эпизодъ, характерный для обрисовки дѣятельности и личности Винцингероде. «Въ одинъ день,—пишетъ Волконскій,—получилъ я отъ подполковника Розенберга извѣщеніе, что по назначенной реквизиціи фуража и людскаго продовольствія командуемаго имъ Изюмскаго гусарскаго полка изъ имѣній ген.-адъют. Балашова управляющій этимъ имѣніемъ не только что отказалъ въ выдачѣ по ассигновкѣ, но выгналъ фуражировавшую команду и отправилъ нарочнаго въ Тверь, чтобы оттуда послать эстафетъ съ жалобой на дѣйствія военнаго управленія». Когда Винцингероде узналъ объ этомъ, онъ приказалъ Волконскому передать Розенбергу, «чтобы онъ, если не хотятъ ему дать назначенное мирнымъ путемъ, взялъ бы вдвое силою. Къ этому же Винцингероде еще сказалъ, что впослѣдствіи

ція, потому что онъ былъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ французами. При выступленіи французовъ изъ Москвы по своей горячности Винцингероде былъ взятъ въ плѣнъ французами вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ Нарышкинымъ, и въ Верепъ 15 октября представленъ Наполеону. «Вы служите россійскому императору?» спросилъ у него Наполеонъ. «Служу», отвѣтилъ Винцингероде. «А кто вамъ это позволилъ? Бездѣльникъ! Я васъ встрѣчаю вездѣ въ рядахъ непріятелей моихъ. Зачѣмъ въѣзжали вы въ Москву?—Вывѣдать, что тамъ дѣлалось? О чемъ хотѣли вы говорить съ моими войсками? Взгляните, въ какомъ состояніи Москва. До того довели ее 50 бездѣльниковъ, подобныхъ вамъ. Вы употребляли всѣ средства для убіенія моихъ солдатъ на большихъ дорогахъ. О! ваша судьба кончилась. Жандармы!—возьмите его, разстрѣляйте, избавьте меня отъ него. Сейчасъ разстрѣляйте его, если онъ — уроженецъ какой-либо области Рейнскаго союза. Я—вашъ монархъ; вы—мой подданный».

Оказалось, что Винцингероде не уроженецъ Рейнскаго союза, а слѣдовательно, и не могъ быть разстрѣлянъ, какъ военнопленный. Къ тому же Кутузовъ по личному приказанію Александра пригрозилъ Наполеону разстрѣлять французскаго генерала въ случаѣ гибели Винцингероде. Впослѣдствіи, при отступленіи французовъ, онъ былъ освобожденъ партизанскимъ отрядомъ полковника Чернышева.

Отважный и безстрашный, преданный Россіи, повидимому, искренно, Винцингероде заслуживаетъ, чтобы его имя было упомянуто въ числѣ героевъ 1812 года.

В. Оедоровъ.

отъ царя зависить платить за забранное, но теперь, когда правительству на защиту отечества нужна каждая копейка, нечего заботиться о выгодахъ помѣщичьихъ и что грустно будетъ, если приближенные къ царю не будутъ давать примѣра пожертвованіями и особенно въ предстоящихъ обстоятельствахъ, потому что зачѣмъ беречь теперь русскимъ то, что завтра, если сохранено будетъ, можетъ быть взято французами».

Винцингероде былъ человѣкъ вспыльчивый и несдержанный. И на этой почвѣ у него постоянно происходили недоразумѣнія. О нихъ также рассказываетъ въ своихъ запискахъ кн. Волконскій. И всегда раскаивался въ своемъ раздраженіи и запальчивости, всегда готовъ былъ принести подчиненному извиненіе за нанесенную обиду. Однажды Винцингероде, «взбѣшенный, что его приказаніе о дружелюбномъ обращеніи къ жителямъ не соблюдается (въ 1813 г.), ударилъ по лицу офицера, принявъ его за солдата (офицеръ былъ изъ молдавской дивизіи кн. А. А. Суворова, гдѣ всѣ офицера носили солдатскіе мундиры). Когда Волконскій указалъ Винцингероде на непристойность такого поступка, онъ тотчасъ же извинился и предложилъ дать «сатисфакцію поединкомъ», какъ единственное средство исправить «неумышленный поступокъ». Офицеръ, впрочемъ, попросилъ только, чтобы генералъ «при случаѣ» не забылъ только его «представленіемъ». Этой вспыльчивостью Винцингероде слѣдуетъ отчасти объяснять его столкновенія съ Денисомъ Давыдовымъ, котораго онъ просилъ отъ себя убрать, такъ какъ ему «не нуженъ подчиненный, который считаетъ себя умнѣе его». Столкновенія же и непріятности съ Витгенштейномъ закончились оставленіемъ Винцингероде команды состоящихъ подъ его начальствомъ войскъ (1813 г.). Онъ былъ назначенъ состоять при императорѣ.

Ред.

3. Беннигсенъ.

Подп. В. П. Оедорова.

Графъ Л. Беннигсенъ. (Пис. Дау).

Среди русскихъ генераловъ, имена которыхъ тѣсно связаны съ воспоминаніями о 1812 годѣ, нельзя не остановиться на личности генерала Л. Л. Беннигсена, бывшаго въ Отечественную войну начальникомъ главнаго штаба арміи Кутузова. Обстоятельства жизни этого генерала—яркій образчикъ того, какъ иногда судьба играетъ человѣкомъ. Все, что удавалось ему взять отъ жизни, доставалось ему цѣною тяжелой борьбы. Характеристика его не сложна, такъ какъ ее ясно доказываютъ: и ступени его жизни, по которымъ онъ то поднимался, то опускался, и мнѣнія о немъ современниковъ. Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ родился 1745 г. въ Ганноверѣ, и въ рядахъ ганноверской гвардейской пѣхоты участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ. Въ 1773 году онъ перешелъ въ русскую армію.

Вторая турецкая война 1788 г. и Польскія войны выдвинули Беннигсена впередъ, какъ «офицера отличныхъ достоинствъ». По вступленіи на престолъ императора Павла I Беннигсенъ въ 1798 году производится въ генералъ-лейтенанты, но уже къ сентябрю отношеніе императора Павла къ нему мѣняется; 23 сентября появилось первое неудовольствіе императора на Беннигсена, а черезъ недѣлю онъ былъ уволенъ въ отставку по прошенію. Беннигсенъ попалъ въ немилость. Когда Ласси былъ назначенъ командовать арміею въ заграничномъ походѣ, онъ просилъ о назначеніи къ нему Беннигсена, но императоръ Павелъ отказалъ ему въ этой просьбѣ. По вступленіи на престолъ императора Александра I неудачи Беннигсена продолжались, онъ былъ въ качествѣ генералъ-губернатора въ почетной ссылкѣ, хотя и былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи въ 1802 году. Между тѣмъ наступала эпоха наполеоновскихъ войнъ, и про Беннигсена опять вспомнили: въ 1805 году, начальствуя союзной арміей, онъ шелъ на помощь Австріи, но, дойдя до Бреславля, по заключеніи мира, воротился въ Россію. Въ октябрь 1806 г. онъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ на правомъ берегу Вислы, а въ 1807 году былъ назначенъ главнокомандующимъ вмѣсто графа Каменскаго.

Хотя государь писалъ ему: «полагаюсь на Ваши дарованія и усердіе къ службѣ моей», но видно было, что онъ не довѣрялъ ему вполнѣ; ¹⁾ армія тоже не любила Беннигсена. Роковой исходъ сраженія подъ Фридрихсландомъ, гдѣ Наполеонъ разбилъ союзныя войска, конечно, не могъ содѣйствовать благополучію Беннигсена; недовольство императора имъ продолжалось. Все это заставило Беннигсена снова просить увольненія въ отставку, но отставки не послѣдовало.

Между тѣмъ наступилъ 1812 годъ. Александръ пріѣхалъ въ Вильну и производилъ пока смотры своей арміи. Въ числѣ лицъ сопровождавшихъ государя былъ и Беннигсенъ, и первое извѣстіе о переходѣ войскъ Наполеона черезъ Нѣманъ было получено императоромъ Александромъ на балу, данномъ Беннигсеномъ въ своемъ загородномъ домѣ. Съ назначеніемъ главнокомандующимъ русскою арміею Кутузова, Беннигсенъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба арміи. Въ Бородинскомъ бою онъ отличился при упорной защитѣ батареи Раевского и потомъ подоспѣлъ на помощь нашему лѣвому флангу въ критическую минуту, среди страшной массы снарядовъ, падавшихъ вокругъ него. Когда же свершилось оставленіе Мо-

М. И. Кутузовъ. (Изъ галл. Кэра).

¹⁾ Вотъ что, между прочимъ, пишетъ про Беннигсена изъ Тильзита кн. А. Б. Куракинъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 22 мая 1807 г.: «Государь, кажется, перемѣнилъ мнѣніе, которое онъ имѣлъ о великихъ способностяхъ Беннигсена; по крайней мѣрѣ, онъ его не принимаетъ къ себѣ и оставляетъ при ввѣренномъ ему командованіи, безъ сомнѣнія, только вслѣдствіе трудности его замѣстить съ выгодною. Онъ его считаетъ весьма коварнымъ и сознался, что ему очень непріятно съ нимъ видѣться вслѣдствіе воспоминаній о прошломъ. Государь сказалъ еще, что подчи-

сквы французами и авангардъ ихъ арміи, состоявшій изъ резервной кавалеріи Мюрата и четырехъ пѣхотныхъ дивизій, находился противъ русскихъ по берегамъ рѣкъ Нары и Чернишны, по дорогѣ изъ Москвы въ Тарутино, Беннигсенъ предложилъ Кутузову напасть на Мюрата, пользуясь оплошностью его расположенія.

Князь Кутузовъ согласился съ мнѣніемъ Беннигсена и назначилъ произвести нападеніе на Мюрата рано утромъ 5 октября подъ главнымъ его руководствомъ. Вслѣдствіе несвоевременнаго полученія диспозиціи, нападеніе пришлось перенести на 6 октября. Мюратъ былъ сбитъ со своей позиціи и отступилъ къ Спасъ-Купль, потерявъ 38 орудій, знамя, 40 зарядныхъ ящиковъ и 1.500 плѣнныхъ, но все-таки это былъ не настоящій успѣхъ, ибо Беннигсену хотѣлось взять Мюрата въ плѣнъ со всѣмъ авангардомъ. Произошло это оттого, что наши отряды дѣйствовали не совсемъ согласно, и что Кутузовъ почти половину своихъ войскъ оставилъ въ резервъ, приберегая ихъ для рѣшительнаго удара, а Беннигсену показалось, что фельдмаршалъ сдѣлалъ это нарочно изъ недоброжелательства къ нему и изъ желанія лишить его успѣха въ сраженіи имъ предложенномъ и веденномъ по его распоряженію. Онъ не сошелъ даже съ лошади, и, холодно поклонившись фельдмаршалу, кратко донесъ о дѣлѣ и сказалъ, что, получивъ контузію ядромъ, имѣетъ необходимость въ отдыхѣ на нѣсколько дней. Съ этой поры отношенія между Кутузовымъ и Беннигсеномъ испортились навсегда. Беннигсенъ началъ съ этихъ поръ интриговать ¹⁾ противъ Кутузова и дошелъ до того, что былъ удаленъ изъ

ненные всѣ единодушно его не уважаютъ, солдаты не могутъ имѣть къ нему много привязанности и довѣрія, потому что онъ не въ состояніи говорить съ ними на ихъ языкѣ; что у него въ войскѣ очень плохая дисциплина и что онъ ослабляетъ ее изъ личныхъ видовъ, думая тѣмъ заслужить больше любви. Величайшій же упрекъ, какой можно ему сдѣлать, это то, что онъ не подумалъ о хорошемъ снабженіи подвижныхъ магазиновъ, которые должны составлять всегда первую заботу командующаго. Послѣ битвы подъ Прейсишъ-Эйлау наша армія пришла въ разстройство отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, и это, вѣроятно, сильно стѣснить ее въ будущихъ дѣйствіяхъ». («Русск. Арх.», 1868 г., стр. 49). *Ред.*

¹⁾ Интриги, какъ мы видѣли, начались гораздо ранѣе. вмѣстѣ съ донесеніемъ Кутузова въ Петербургъ по поводу оставленія Москвы, полк. Мишо везетъ письмо Беннигсена къ Аракчееву, гдѣ Беннигсенъ пишетъ, что онъ былъ противникомъ оставленія Москвы, что Кутузовъ созналъ уже свою ошибку (что онъ послѣдовалъ совѣту Барклая) и что онъ надѣется, что «положеніе скоро поправится», такъ какъ Кутузовъ теперь съ нимъ «совѣтуется... насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій». Обо всемъ написанномъ Беннигсенъ проситъ довести до свѣдѣнія императора. Назойливость Беннигсена, его совѣтъ и указанія, повидимому, раздражали Кутузова, который неоднократно конфузилъ своего начальника штаба, ставя его въ смѣшное положеніе и заставляя его отказываться отъ осуществленія собственныхъ проектовъ по ихъ практической негодности. Столкновенія Кутузова съ Беннигсеномъ будутъ разсказаны въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ. Они показываютъ довольно наглядно, какъ затруднительно подчасъ бывало положеніе главнокомандующихъ въ трудное время борьбы съ Наполеономъ. Здѣсь приходилось считаться съ вѣяніями и приказаніями изъ Петербурга, съ заносчивыми мнѣніями ближайшихъ совѣтниковъ, изъ которыхъ каждый думалъ, что онъ одинъ правильно оцѣниваетъ положеніе вещей и даетъ мудрые совѣты и, наконецъ, учитываетъ дѣйствительное реальное соотношеніе силъ. За «доносы» въ Петербургъ, какъ выразился современникъ, Кутузовъ, въ концѣ-концовъ, отомстилъ Беннигсену съ «изысканной жестокостью». По роковой случайности фельдъегерь, везшій въ Петербургъ представленія Кутузова о награжденіи

арміи, и этимъ инцидентомъ закончилось его участіе въ Отечественной войнѣ. Кутузовъ съ этихъ поръ сталъ выражаться о Беннигсенѣ «глупый и злой человѣкъ».

Беннигсену пришлось выйти въ отставку, хотя онъ былъ награжденъ по-царски: орденомъ св. Владимира I степени, алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго и единовременнымъ денежнымъ вознагражденіемъ въ двѣсти тысячъ рублей. Въ 1813 году Беннигсенъ снова появляется на аренѣ дѣятельности: онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ резервной арміей, такъ называемою польскою, и въ іюль выступилъ на соединеніе съ союзными войсками. Онъ участвовалъ въ такъ называемой «битвѣ народовъ» подъ Лейпцигомъ, за которую и былъ возведенъ въ графское достоинство. Послѣ заключенія парижскаго мира и по возвращеніи въ Россію назначенъ былъ главнокомандующимъ второй арміей. Въ 1818 году Беннигсенъ по разстроенному здоровью и вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ испросилъ себѣ отставку, которая и была дана ему съ сохраненіемъ цѣликомъ получаемого имъ содержанія.

Забытый и оставленный всѣми, онъ мирно доживалъ свой вѣкъ въ своемъ Ганноверѣ и скончался 2 октября 1826 года на восемьдесятъ второмъ году отъ рожденія.

П. X. Витгенштейнъ.

Беннигсена за Тарутинское дѣло, везъ и частное письмо Беннигсена съ обвиненіями Кутузова. Тайный военный Совѣтъ отстоялъ Кутузова, и письмо Беннигсена было переслано фельдмаршалу. Въ цитированной выше статьѣ Воейкова, мѣсть Кутузова изображается въ такомъ видѣ. «Кутузовъ призвалъ къ себѣ Беннигсена, велѣлъ (кап. Скобелеву) громко читать свое представленіе, въ которомъ, поздравляя государя съ славною побѣдою, онъ писалъ, что поручилъ войска сей экспедиціи маститому вождю, увѣнчанному лаврами, извѣстному опытностью и распорядительностью, и что онъ выполнилъ его предначертаніе съ мужествомъ и искусствомъ, его отличающимъ». Чтеніе кончилось, Кутузовъ вручилъ Беннигсену шпагу и сотню тысячъ рублей. Потомъ приказалъ читать громко вторую бумагу, имъ отъ императора полученную. Беннигсенъ стоялъ, какъ будто громъ разразилъ его, блѣднѣлъ и краснѣлъ».

Ред.

Личность генерала Беннигсена затруднялись съ достаточной точностью охарактеризовать даже его современники.

Характеризовали его различно, и всякій изъ нихъ подтверждалъ фактами или же документами свои характеристики. Безызвѣстная же и одинокая его кончина даетъ поводъ думать, что и у современниковъ имя Беннигсена не пользовалось популярностью ¹⁾.

В. Федоровъ.

III. Отношеніе Императора Александра I къ Отечественной войнѣ и его роль въ ней.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Въ половинѣ сентября 1812 года Александръ написалъ своему другу, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, пространное письмо, чтобы оправдать въ ея глазахъ свое отношеніе къ войнѣ. Онъ съ болью говорилъ о томъ, что онъ долженъ былъ, въ угоду общественнаго мнѣнія, отказаться отъ личнаго участія въ войнѣ, между тѣмъ какъ себя онъ не можетъ упрекнуть ни въ отсутствіи личной храбрости, ни въ нежеланіи быть въ дѣйствующей арміи. Обстоятельства заставили его покинуть армію, но для этого пришлось пожертвовать своимъ самолюбіемъ, пишетъ далѣе императоръ. Когда Кутузовъ прислалъ императору полковника Мишо съ извѣстіемъ о побѣдѣ

подъ Тарутинымъ и когда посланный доложилъ государю о желаніи арміи, чтобы государь лично принялъ командованіе войсками, послѣдній отвѣчалъ: «Всѣ люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и я не менѣе другихъ честолюбивъ; внявъ теперь одному этому чувству, я съль бы съ вами въ коляску и отправился бы въ армію». Но въ томъ же раз-

¹⁾ Многіе изъ современниковъ отдають должное Беннигсену. Напр., кн. С. Г. Волконскій, участникъ битвъ при Эйлау, отмѣчаетъ «ученость и практичество» Беннигсена... Образчикомъ совершенно отрицательнаго отношенія къ Беннигсену можетъ служить авторъ вышецитированной статьи въ «Русскомъ Архивѣ» (вѣроятно, А. Ѳ. Воейковъ). Онъ, между прочимъ, указываетъ, что время управленія Беннигсеномъ второй арміей послѣ заключенія Парижскаго мира извѣстно «ослабленіемъ дисциплины и злоупотребленіями по комиссаріатской части и провіантской части». Ср. съ письмомъ А. Б. Куракина.

Ред.

говоръ Александръ призналъ свою малоопытность въ военномъ дѣлѣ и заявилъ, что онъ предоставляетъ Кутузову дальнѣйшее веденіе дѣлъ.

Итакъ, Александръ сознавался въ томъ, что самолюбіе и честолюбіе побуждаютъ его къ личному веденію войны, но въ то же время опытъ Аустерлица далъ ему достаточную силу воли для того, чтобы побороть въ себѣ эти чувства и воздержаться отъ участія въ непосредственномъ руководствѣ военными операціями, пока оно было очень рискованно.

Прежде всего надо помнить, что для Александра война съ Наполеономъ была актомъ борьбы его личнаго самолюбія, независимо отъ тѣхъ политическихъ причинъ, которыя ее вызывали. Несмотря на вѣншность

дружественныхъ отношеній, «византійскій грекъ», какъ характеризовалъ Наполеонъ своего Тильзитскаго друга, никогда не могъ перенести испытаннаго имъ униженія. Александръ никогда ничего не забывалъ и никогда ничего не прощалъ, хотя замѣчательно умѣлъ скрывать свои истинныя чувства. Мало того, Александръ, подобно своему противнику, любилъ предаваться мечтамъ о такой дѣятельности, которая преслѣдовала бы міровые интересы. Неудивительно, что война получила въ глазахъ Александра двойкаго рода значеніе: во-первыхъ, чувство самолюбія побуждало его отмстить своему сопернику, а честолюбивыя мечты выводили Александра далеко за предѣлы Россіи и благо Европы занимало въ нихъ первое мѣсто. Несмотря на неудачи — и даже болѣе того, по мѣрѣ роста неудачъ, въ Александрѣ крѣпла твердость продолжать войну до полного уничтоженія противника. Первые же значительныя неудачи обострили въ Александрѣ чувство мести. Уже въ извѣстной рѣчи московскому дворянству Александръ высказывалъ намѣреніе истощить всѣ усилія обширной имперіи, прежде чѣмъ покориться непріятелю. По мѣрѣ роста неудачъ и заявленія Александра становятся еще болѣе категоричными: мечь по отношенію къ сопернику и благо Европы занимали въ этихъ заявленіяхъ первое мѣсто. Весьма замѣчательна та твердость духа, которую высказалъ Александръ, получивъ извѣстіе о гибели Москвы; онъ поручилъ полковнику Мишо, привезшему ему эту вѣсть, говорить всюду, что онъ готовъ истощить всѣ средства для борьбы съ врагомъ: «Я отращу себѣ бороду и лучше

Александръ I.

уничтоженія противника. Первые же значительныя неудачи обострили въ Александрѣ чувство мести. Уже въ извѣстной рѣчи московскому дворянству Александръ высказывалъ намѣреніе истощить всѣ усилія обширной имперіи, прежде чѣмъ покориться непріятелю. По мѣрѣ роста неудачъ и заявленія Александра становятся еще болѣе категоричными: мечь по отношенію къ сопернику и благо Европы занимали въ этихъ заявленіяхъ первое мѣсто. Весьма замѣчательна та твердость духа, которую высказалъ Александръ, получивъ извѣстіе о гибели Москвы; онъ поручилъ полковнику Мишо, привезшему ему эту вѣсть, говорить всюду, что онъ готовъ истощить всѣ средства для борьбы съ врагомъ: «Я отращу себѣ бороду и лучше

согласусь питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы коихъ умью цѣнить. Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня». И въ этотъ тяжелый моментъ Александръ не забывалъ, что онъ борется съ Наполеономъ ради освобожденія Европы. Подъ вліяніемъ тѣхъ же печальныхъ извѣстій онъ пишетъ шведскому наслѣдному принцу, что онъ и народъ готовы скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, нежели согласиться на миръ, и что это даетъ ему возможность доставить новое доказательство того, что онъ борется противъ угнетателя всей Европы. Послѣдняя мысль была развиваема Александромъ весьма разнообразными способами. Такъ, генералъ-адъютантъ, графъ Ливень, по волю государя, въ отзывѣ къ прусскому государственному канцлеру, барону Гарденбергу, исчисливъ всѣ силы, собранныя для дѣйствій противъ непріятеля, писалъ, что, «оставивъ Москву, мы принесли тяжкую жертву, но что эта мѣра послужила къ ослабленію Наполеоновой арміи». «Настаетъ время для Пруссіи—вооружиться противъ общаго врага и склонить къ тому же Австрію. Императоръ Александръ ведетъ войну собственно для того, чтобы, отстоявъ Россію, возстановить независимость германскихъ державъ». Даже лица, наблюдавшія императора въ это время, отмѣтили непреклонное желаніе его продолжать войну. «Императоръ твердъ и слышать не хочетъ о мирѣ», сообщалъ въ своей перепискѣ Жозефъ де-Местръ. И это не были фразы, вызванныя моментомъ сильнаго огорченія. Извѣстно, что, когда Наполеонъ съ ослабѣвшею арміей началъ отступленіе, императоръ Александръ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы окончательно уничтожить врага, между тѣмъ какъ болѣе дальновидные русскіе дипломаты и военачальники полагали болѣе полезнымъ сохранить въ противобѣдѣ Пруссіи и Австріи остатки Наполеоновой арміи и его величія. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ то время, когда война была вынесена за предѣлы Россіи, когда Наполеонъ для русскихъ интересовъ былъ совсѣмъ не страшенъ, все же Александръ I оставался болѣе непреклоннымъ въ желаніи окончательно уничтожить соперника, нежели его союзники, интересы которыхъ защищалъ русскій императоръ. Такъ, когда при неудачахъ, а они не могли быть рѣдки въ борьбѣ съ Наполеономъ, Меттернихъ и Кастльри начали толковать о мирѣ, императоръ Александръ объявлялъ: «Положеніе дѣла необходимо требуетъ, чтобы мы продолжали войну: всякіе переговоры неизбѣжно связаны съ потерей времени и дадутъ непріятелю возможность усилиться. Я увѣренъ въ счастливомъ окончаніи войны, если союзники будутъ единоклубны». Когда союзники въ конференціяхъ настаивали на мирѣ, Александръ говорилъ: «Это будетъ не миръ, а перемиріе, которое вамъ позволитъ разоружиться лишь на минуту. Я не могу каждый разъ поспѣвать къ вамъ на помощь за полторы тысячи верстъ. Не заключу мира, пока Наполеонъ будетъ оставаться на престолѣ».

Если въ лицѣ Александра правитель государства выработалъ себѣ твердую мысль о необходимости окончательной борьбы съ противникомъ, въ его же лицѣ дипломатъ и военачальникъ имѣлъ склонность къ широкимъ политическимъ замысламъ, такъ что по размаху ихъ онъ могъ сравняться со своимъ гениальнымъ противникомъ. Эта черта характера

Александра, несомненно, имѣла могущественное вліяніе на выработку тѣхъ военныхъ плановъ, которые предполагалось примѣнить и которые частью были выполняемы. Въ самомъ дѣлѣ, не будучи полководцемъ, уже успѣвъ потерпѣть нѣсколько поражений, Александръ, однакожъ, всегда мечталъ о военной славѣ и военныхъ успѣхахъ. Этой склонностью къ широкимъ замысламъ объясняется и дружба и довѣріе, которыя питалъ Александръ къ адмиралу Чичагову—тоже весьма смѣлому мечтателю. Не даромъ онъ такъ заинтересовался планомъ Чичагова занять Константинополь, который былъ представленъ Александру уже вскорѣ послѣ отступления русской арміи. Мало того, онъ предлагалъ Чичагову на выборъ—или предпринять съ его небольшою арміею движеніе черезъ Тироль къ Адриатическому морю, походъ въ Швейцарію и даже Германію, или же дѣйствія въ тылу Наполеона въ герцогствѣ Варшавскомъ. Не даромъ Александръ съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ совѣтамъ такого смѣлаго генерала, какимъ былъ Чернышевъ.

Широкія мечты о свободѣ Европы въ связи съ планомъ борьбы противъ Наполеона, давно занимали Александра еще до начала борьбы. Въ самомъ дѣлѣ, хорошо извѣстенъ фактъ посланки Александромъ въ Англію Новосильцева съ цѣлью убѣдить тамошняго русскаго посла графа Воронцова провести въ Англіи сложный планъ не только полнаго уничтоженія французскаго преобладанія, но и новаго установленія отношеній въ Европѣ послѣ ея освобожденія. Въ этомъ планѣ были туманныя мечты объ устройствѣ тѣхъ странъ, которыя будутъ освобождены отъ Бонапарта, и мечты о томъ, чтобы устроить свободу этихъ странъ «на своихъ настоящихъ основаніяхъ». Уже шелъ вопросъ даже о выборѣ короля для Франціи. Какъ далеко могъ заходить Александръ въ своихъ широкихъ дипломатическихъ планахъ, видно изъ того, что присоединеніе Молдавіи и Валахіи

Кн. П. М. Волконскій.

вызвало въ немъ мечты объ освобожденіи турецкихъ христіанъ и о возможности соединенія грековъ и турецкихъ славянъ съ Россіей.

Если взвѣсить все сказанное, то станетъ понятнымъ первоначальное рѣшеніе Александра руководить лично военными дѣйствіями.

Получивъ въ началѣ апрѣля извѣстіе о приближеніи французскаго войска къ западнымъ границамъ Россіи, императоръ 9-го апрѣля отправляется изъ Петербурга въ Вильну. Императорская квартира и главный штабъ въ Вильнѣ представляли собой блестящее собраніе генераловъ, занятыхъ балами и вообще придворной жизнью, такъ что пребываніе здѣсь блестящаго двора никому не напоминало о готовящихся грозныхъ событіяхъ. Хорошо извѣстно, что переходъ французской арміи черезъ Нѣманъ былъ полною неожиданностью для императора и его генераловъ. Ниоткуда

не видно, чтобы въ штабъ шла работа по выработкѣ плана будущихъ военныхъ дѣйствій, но такой планъ, несомнѣнно, былъ уже принятъ самимъ императоромъ. Прежде всего весьма важно отмѣтить, что Александръ твердо вѣрилъ, что слѣдствіемъ войны не можетъ быть постыдный миръ. Въ разговоръ съ графомъ Нарбонномъ, посломъ Наполеона, присланнымъ послѣднимъ для переговоровъ уже въ Вильну, Александръ сказалъ ему, показывая на карту: «Я не ослыплюсь мечтами; я знаю, въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ великій полководецъ, но на моей сторонѣ, какъ видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда бы я ни отступалъ, нѣтъ такого пункта, который я не сталъ бы защищать прежде, чѣмъ согласиться заключить постыдный миръ. Я не начну войны, но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи». То же самое говорилъ государь барону Штейну, какъ только тотъ прибылъ въ Вильну. Все это говорилось наканунѣ перехода французовъ черезъ Нѣманъ.

Вел. кн. Константинъ Павловичъ.

Что же касается плана военныхъ операцій, то въ то время Александромъ былъ уже окончательно принятъ извѣстный планъ Фуля. Но трудно сказать, какого мнѣнія въ это время держался главнокомандующій Барклай-де-Толли. Извѣстный историкъ этой эпохи Шильдеръ утверждаетъ, что Барклай-де-Толли былъ въ числѣ противниковъ плана Фуля и защитникомъ мнѣнія, указывающаго на необходимость не отступать безъ боя. Между тѣмъ Богдановичъ въ своей исторіи войны 12-го года готовъ самую мысль объ отступленіи приписать именно Барклаю-де-Толли. Но первое мнѣніе находитъ подтвержденіе въ запискахъ ген. Ермолова. Во всякомъ случаѣ,

Барклай-де-Толли занималъ довольно оригинальное положеніе. Шипкова весьма удивляло то обстоятельство, что государь говорилъ о Барклаѣ, какъ о главномъ распорядителѣ войскъ, а Барклай отзывался, что онъ только исполнитель повелѣній государя.

Присутствіе государя въ арміи создавало рядъ неустройствъ. Многіе изъ близкихъ людей замѣчали это неудобство, и въ числѣ ихъ былъ адмиралъ Шипковъ. Какъ разъ въ то самое время, когда послѣдній обдумывалъ планъ о томъ, чтобы предложить государю удалиться изъ дѣйствующей арміи, къ нему для пересмотра принесъ флигель-адъютантъ Чернышевъ черновой приказъ государя по арміи, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Я всегда буду съ вами и никогда отъ васъ не отлучусь». Эта фраза, соотвѣтствовавшая настроенію государя, привела Шипкова въ отчаяніе и побудила его рѣшиться на довольно смѣлое предпріятіе. Из-

вѣстно, что, благодаря убѣжденіямъ Шишкова, Аракчеевъ и Балашевъ подписали извѣстную записку къ государю, въ которой всѣ трое убѣждали государя оставить дѣйствующую армію. Александръ подчинился настоянію друзей и передалъ фактическое руководство дѣломъ Барклаю-де-Толли, удалившись въ столицу.

Но удалившись изъ арміи, передавъ командованіе войсками генераламъ, императоръ, однако, прибѣгаетъ къ очень сложной системѣ руководства военными дѣйствіями и освидомленія о томъ, что дѣлается въ арміи. Въ этой системѣ прежде всего нельзя не отмѣтить особой системы назначенія начальствующихъ лицъ и частныхъ сношеній государя съ подчиненными начальникамъ арміи генералами. Во всемъ этомъ сказалась обычная черта характера Александра I. Такъ, Ермоловъ былъ назначенъ начальникомъ штаба при Барклаѣ-де-Толли и облеченъ особымъ правомъ писать лично государю, когда онъ это сочтетъ нужнымъ; между тѣмъ Барклай считалъ Ермолова въ числѣ своихъ враговъ и не довѣрялъ ему. Въ угоду общественному мнѣнію, жертвуя собственнымъ убѣжденіемъ, государь назначаетъ главнокомандующимъ Кутузова, но, не довѣряя старику, онъ при немъ назначаетъ начальникомъ штаба генерала Беннигсена, къ которому отношенія Кутузова были въ высшей степени непріязненными. Впослѣдствіи дѣло дошло до того, что уклончивый Кутузовъ долженъ былъ поставить вопросъ въ томъ видѣ, что онъ или баронъ Беннигсенъ, но кто-нибудь одинъ долженъ начальствовать. Мало того, при Беннигсенѣ въ арміи появляется англійскій агентъ Робертъ Вильсонъ, который пытается руководить арміей. Вильсонъ былъ злымъ геніемъ Кутузова, постоянно критиковалъ его дѣйствія и слѣдилъ, шагъ за шагомъ, за тѣмъ, что дѣлалъ Кутузовъ. Вообще Вильсонъ, благодаря занимаемому имъ положенію, надменно относился къ главнокомандующему и о всякомъ шагѣ его доводилъ до свѣдѣнія императора въ интимной перепискѣ. Такъ, Вильсонъ въ письмѣ 23 сентября сообщаетъ о предположеніи Кутузова имѣть свиданіе съ генералъ-адъютантомъ Наполеона и высказывается по этому поводу весьма отрицательно. Въ письмѣ отъ 27 сентября Вильсонъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ Кутузова, касающихся партизанскихъ дѣйствій, и тутъ же высказываетъ предположеніе о томъ, что адмиралъ Чичаговъ будетъ ему время отъ времени сообщать «свои желанія». Въ письмѣ отъ 13 октября очень неодобрительно отзываясь о бездѣйствіи и медлительности фельдмаршала, вслѣдствіе которой онъ не воспользовался должнымъ образомъ результатомъ побѣды надъ Мюратомъ. Тутъ же онъ передаетъ, что Кутузовъ не имѣетъ иного желанія, какъ только, чтобы непріятель оставилъ Россію, между тѣмъ какъ

Аракчеевъ (графъ Вендраминъ).

отъ него зависить избавленіе цѣлаго свѣта. Поэтому онъ считаетъ престарѣлаго фельдмаршала вообще неспособнымъ къ занимаемому имъ мѣсту. Вообще Вильсонъ во всякомъ письмѣ къ императору, подчеркивая медлительность и нераспорядительность фельдмаршала, настойчиво проповѣдуетъ мысль о необходимости полнаго уничтоженія Наполеона. Онъ даже вмѣшивается въ назначеніе генераловъ. Такъ, напримѣръ, онъ очень настойчиво поддерживаетъ генерала Платова и добивается того, что ему данъ былъ самостоятельный отрядъ.

Впрочемъ, и цѣлый рядъ другихъ лицъ получаетъ возможность писать государю интимныя письма. При начальникѣ 1-й арміи генералъ Багратіонъ состоялъ начальникомъ штаба Сень-При. Онъ находится съ государемъ въ интимной перепискѣ, даетъ государю рядъ частныхъ указаній о направленіи дѣятельности отдѣльныхъ корпусовъ. Багратіонъ не разъ выражалъ досаду на этого «дядьку»: «Онъ,—говорилъ Багратіонъ о Сень-При,—переписывается съ государемъ; когда я пишу, то и онъ пишетъ, только на французскомъ языкѣ». Въ арміи къ Сень-При относились съ подозрѣніемъ, и, дѣйствительно, одинъ изъ приближенныхъ къ Сень-При французъ де-Лезеръ былъ сосланъ впослѣдствіи въ Сибирь. Выходило такъ, что Сень-При наблюдалъ за Багратіономъ, а послѣдній распорядился имѣть надзоръ за своимъ начальникомъ штаба. Багратіонъ даже сдѣлалъ однажды распоряженіе начальнику авангарда, чтобы онъ не довѣрялъ запискамъ и приказаніямъ Сень-При, но въ сомнительныхъ случаяхъ обращался бы къ дежурному генералу Марину. Цѣлый рядъ другихъ генераловъ имѣютъ непосредственную переписку съ государемъ. Уже выше было упомянуто о разрѣшеніи Ермолову писать лично государю, и этимъ разрѣшеніемъ Ермоловъ воспользовался для того, чтобы обратить вниманіе императора на непорядокъ въ распоряженіяхъ по арміи, въ управленіи ею и т. п. Каковы были отношенія Ермолова къ своему непосредственному начальнику, Барклаю-де-Толли, легко видѣть изъ интимной переписки между Ермоловымъ и Багратіономъ: съ точки зрѣнія обоихъ генераловъ—Барклай человекъ подозрительный, котораго слѣдуетъ повѣсить. Вообще въ сообщеніяхъ о положеніи дѣлъ въ арміяхъ императоръ не имѣлъ недостатка. Въ письмѣ отъ 31 іюля графъ Шуваловъ настойчиво совѣтуетъ Александру дать одного главнокомандующаго обѣимъ арміямъ, заявляя, что солдаты ропщутъ и не имѣютъ довѣрія къ своему главному начальнику. Онъ описываетъ всякаго рода недостатки существующей организаціи арміи: провіантская часть плохо организована, солдатамъ часто недостаетъ хлѣба. Барклай и Багратіонъ враждуютъ между собою и т. п.

Само собою разумѣется, что подобная частная переписка не могла способствовать самостоятельности дѣйствій начальниковъ отдѣльныхъ армій. Когда одинъ изъ такихъ довѣренныхъ у государя генераловъ, Чернышевъ, явился въ армію адмирала Чичагова, то послѣдній откровенно писалъ императору: «Если г. Чернышевъ останется здѣсь, то онъ долженъ воздержаться писать къ вашему величеству. Мнѣ это ничего, но это вредитъ дисциплинѣ, это даетъ орудіе или надежду интриганамъ, которыхъ вездѣ вдоволь; это, наконецъ, разсѣваетъ вниманіе и разслабляетъ повиновеніе. Умоляю ваше величество дать ему понять это». Но не всякій генералъ, подобно Чичагову, рѣшался своевременно сдѣлать подобнаго рода указа-

ніе государю. Барклай-де-Толли только послѣ оставленія арміи доставилъ государю записку, въ которой говорилъ о недостаткахъ устройства ея управленія, происходившихъ отъ нежеланія государя предоставить всю полноту власти главнокомандующему. Въ этой запискѣ Барклай отмѣчаетъ то странное положеніе, въ которомъ онъ оказался, когда соединились обѣ арміи: каждый изъ двухъ главнокомандующихъ, онъ самъ и князь Багратіонъ, имѣли право отдѣльно располагать своими войсками и непосредственно сносятся съ государемъ; путемъ личныхъ уступокъ Барклай старался ладить съ Багратіономъ; штабъ былъ переполненъ людьми, стремившимися «узнавать предполагаемыя предпріятія» изъ канцеляріи главнокомандующаго; всякаго рода предположенія узнавали и дѣлали предметомъ обсуждения на улицѣ; нѣкоторыхъ государевыхъ адъютантовъ низшаго ранга Барклай принужденъ былъ отправить изъ арміи, но другихъ не могъ.

Мало того, нельзя не отмѣтить еще одной любопытной черты. Какъ разъ главные начальники арміи, за исключеніемъ адмирала Чичагова, пользуются сравнительно меньшей довѣренностью государя, чѣмъ многіе изъ подчиненныхъ имъ генераловъ. Объ этомъ можно заключить изъ дошедшей до насъ переписки. Правда, переписка императора съ Барклаемъ иногда носитъ простой, интимный характеръ и оба корреспондента изливаются въ добрыхъ чувствахъ другъ къ другу, но все же уступчивый Барклай добровольно превратился въ исполнителя приказаній изъ Петербурга, совершенно одобряя явно невыполнимыя диспозиціи войскъ. Князь Багратіонъ поставленъ былъ въ весьма затруднительное положеніе: его переписка съ государемъ носитъ совершенно официальный характеръ, и только въ письмахъ къ Аракчееву изливаетъ онъ свою душу. Усиленно переписываясь съ генераломъ Сентъ-При, Александръ какъ бы забываетъ временами о начальникѣ второй арміи, совершенно не посвящая его въ свои планы. Багратіонъ нерѣдко жалуется на это въ письмахъ къ разнымъ лицамъ. «Отъ государя ни слова не имѣю, насъ совсѣмъ бросилъ», жалуется онъ Ростопчину. Сношенія съ Кутузовымъ носятъ еще болѣе оригинальный характеръ: старикъ получалъ отъ государя или парадные рескрипты, назначенные дѣйствовать на общественное мнѣніе, или собственноручно строгіе выговоры, а самъ отправлялъ къ государю краткія и строго официальные реляціи о происшедшемъ, совершенно не посвящая его въ свои дальнѣйшіе планы.

Таковы были способы, примѣненные императоромъ для того, чтобы наблюдать по-своему за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ арміи, и таково было его отношеніе къ лицамъ, которымъ была ввѣрена ея судьба.

Ген.-лейт., графъ А. Ф. Мишо-де-Боретуръ.
(Рис. Клюкина, по ориг. Дау).

Разумѣется, стремленіе къ освѣдомленности, приобретаемой подобнаго рода путями, происходило изъ недоверія къ начальствующимъ лицамъ и изъ отсутствія мужества предоставить веденіе дѣла какому-либо одному доверенному лицу; съ другой стороны, подъ этимъ скрывалось обычное стремленіе императора знать все, что дѣлается, и руководить самостоятельно имъ же разрозненными и имъ же назначаемыми начальниками.

Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на отдаленность своего пребыванія отъ арміи, несмотря на тогдашнее неудобство сношеній, весь ходъ военныхъ операцій былъ налаженъ такимъ образомъ, что фактически ими руководилъ императоръ. Мы уже знаемъ, что имъ былъ принятъ пагубный планъ Фуля и что этотъ планъ должны были выполнять генералы, его не одобряющіе. Мало того, противъ единой арміи непріятеля дѣйствуетъ съ русской стороны рядъ отдѣльныхъ армій, каждая изъ которыхъ, безъ связи другъ съ другомъ, руководствуется распоряженіями, идущими отъ императора. Кромѣ отдѣльныхъ первой и второй армій, на Волыни дѣйствуетъ армія генерала Торماسова, впоследствии соединившаяся съ арміей адмирала Чичагова; отдѣльные корпуса графа Витгенштейна, генерала Эссена и Багговута, защищавшіе петербургскую дорогу и Ригу, получаютъ также непосредственныя распоряженія отъ Александра по всемъ вопросамъ, касающимся движенія войскъ, равно какъ и нѣкоторые другіе начальники корпусовъ. Младшіе генералы забрасываютъ государя совѣтами о планѣ военныхъ дѣйствій. Такъ, генералъ Чернышевъ, сдѣлавъ представленіе государю о непригодности укрѣпленнаго лагеря подъ Дриссой, развиваетъ идею укрѣпленныхъ лагерей въ тылу арміи и немедленно получаетъ распоряженіе избрать въ окрестностяхъ Москвы мѣстность для такого типа укрѣпленій. И всѣ эти приготовленія дѣлаются безъ сношенія съ начальниками армій. Генералъ Винцингероде въ письмѣ отъ 16 сентября совѣтуетъ отправить одинъ или два корпуса изъ числа находившихся на Волыни въ тылъ арміи къ Могилеву или къ Смоленску, очевидно, совершенно не подозревая, что подобнаго рода тактическія движенія уже были предпріяты государемъ.

Но такое положеніе вещей вело еще къ болѣе оригинальнымъ послѣдствіямъ; главные начальники не всегда знали основной планъ военныхъ дѣйствій и должны были ждать предписанія государя относительно того или другого движенія. Въ концѣ іюля Багратіонъ въ письмѣ къ Ростопчину сообщаетъ, что «государь по отъѣздѣ своемъ не оставилъ никакого указа на случай соединенія, кому командовать отдѣльными арміями». Но этого мало. Багратіонъ вообще, начальствуя надъ обширной арміей, не зналъ плана ея дѣйствій и при установившихся условіяхъ, при вполне понятной необходимости сочетать дѣйствія различныхъ самостоятельныхъ армій, не имѣлъ возможности выработать самостоятельный планъ. Еще въ началѣ іюня, т.-е. задолго до соединенія обѣихъ армій, Багратіонъ оказался вынужденнымъ писать государю о томъ, что онъ весьма сокрушается, не имѣя къ себѣ доверія государя, ибо ему не открытъ планъ операціонныхъ дѣйствій, а потому онъ и не можетъ удобно распоряжаться командуемою имъ арміею. Александръ немедленно удостоилъ князя собственноручнаго рескрипта, исполненнаго весьма лестныхъ выраженій, но, тѣмъ не менѣе, въ немъ не было отвѣта на кардинальный вопросъ о планѣ воен-

ныхъ операцій. Багратіону приказано было соединиться съ первой арміей, онъ это сдѣлалъ, но все же ему не было открытъ планъ операцій; Барклай-де-Толли въ планъ дѣйствій тоже не посвятилъ его. Багратіонъ, стремившійся къ наступательнымъ дѣйствіямъ, не понималъ движеній Барклая. «Богъ его въдастъ,—пишетъ онъ о Барклаѣ Ростопчину,—что онъ изъ насъ хочетъ сдѣлать; милліонъ перемѣнъ въ минуту и мы, назадъ и въ бокъ шатаясь, кромѣ мозоли на ногахъ и усталости, ничего хорошаго не пріобрѣли; истинно не въдаю тайнства его и судить иначе не могу, какъ видно не вѣльно ему ввязываться въ дѣла серьезныя. Отъ государя давно ничего не имѣю». Всѣ эти соображенія и неизвѣстность о планѣ дѣйствій приводятъ Багратіона къ заключенію относительно Барклая: «Вождь нашъ,—по всему его поступку съ нами, видно, не имѣетъ вождельннаго разсудка, или же лисица». Только значительно позже Багратіонъ, наконецъ, удосто- вѣрился, что бѣгство русской арміи является исполненіемъ воли госу- даря: «Барклай говоритъ,—пишетъ онъ въ болѣе позднемъ письмѣ къ Ростоп- чину,—что государь запретилъ ему да- вать рѣшительное сраженіе. По всему видно, что государю угодно, чтобы вся Россія была занята непріателемъ».

Положеніе Барклая, командовав- шаго основной арміей, по отношенію къ которой дѣйствія другихъ имѣли дополнительный характеръ, было тоже не изъ легкихъ, такъ какъ онъ самъ не всегда зналъ назначеніе тѣхъ или другихъ военныхъ предпріятій. Въ пись- мѣ отъ 25 іюля Барклай, получивъ предписаніе государя отправиться къ Милахову (Milachova) и заявляя, что онъ точно исполнитъ приказанія импе- ратора, задаетъ послѣднему нѣсколько любопытныхъ вопросовъ: для главно- командующаго непонятна цѣль столь быстрого отступленія арміи, ибо такое отступленіе производитъ недоволь- ство среди солдатъ; для главнокомандующаго остается неяснымъ, что будетъ предпринимать вся русская армія въ лагеряхъ подъ Дриссой, онъ даже боится, что при столь быстромъ отступленіи армія можетъ по- терять изъ виду непріателя; для главнокомандующаго, наконецъ, совер- шенно непонятно назначеніе корпуса графа Витгенштейна, расположеннаго на правомъ берегу Двины. Таково «мнѣніе солдата», которое позволяетъ себѣ высказать Барклай, завѣряя, впрочемъ, своего государя въ томъ, что имъ въ точности будутъ выполнены предписанныя диспозиціи. Изъ этого письма совершенно ясно, въ какое ложное положеніе былъ поставленъ главнокомандующій арміей и военный министръ: онъ обязанъ былъ выпол- нять военный планъ и военныя движенія, составленные далеко въ тылу ино- странцами или государевыми адъютантами. Неудивительно, что Барклай смо- трѣлъ на себя исключительно, какъ на исполнителя предписаній государя.

Ген.-лейт., графъ Э. Ф. Сень-Пріестъ.
(Клюкина, по ориг. Дау).

Сначала объ арміи, Барклая и Баграціона, отстунаютъ безъ опредѣленнаго плана, т.-е., по крайней мѣрѣ, безъ плана, сознательно усвоеннаго самими начальствующими. Иногда государь посвящаетъ того или иного начальника въ планы дѣйствій, но это дѣлается не всегда отчетливо. «На дняхъ ожидаемъ мы происшествій важнѣйшихъ», сообщаетъ Александръ въ одномъ письмѣ Баграціону, скрывая, однако, отъ главнокомандующаго, въ чемъ могутъ заключаться эти «важнѣйшія происшествія». И далье, въ томъ же письмѣ государь рекомендуетъ начальнику осторожность: «вся цѣль наша должна клониться къ тому, чтобы выиграть время». Это были столь неопредѣленные предписанія, что въ результатъ ихъ Баграціонъ, несомнѣнно отличавшійся личной храбростію и стремившійся къ рѣшительному сраженію, сдѣлалъ рядъ тактическихъ ошибокъ при соединеніи обѣихъ армій. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія стратегической, соединеніе обѣихъ армій было вполне естественно, но оно было подсказано младшими свитскими генералами и по ихъ же совѣту Александромъ были даны войскамъ диспозиціи. Въ своихъ запискахъ Чернышевъ, вообще весьма цѣнившій свой военный талантъ, приписываетъ эти соединительныя движенія своему военному гению. Онъ рассказываетъ, что, исходя изъ вѣроятнаго предположенія о томъ, что Баграціонъ находится въ данное время въ Бобруйскъ, онъ составилъ диспозицію движенія арміи на Могилевъ, что и было принято государемъ. Дѣйствительно, диспозиціи нерѣдко дѣлались по предположеніямъ о мѣстѣ нахожденія въ данный моментъ армій, но въ настоящемъ случаѣ произошло еще слѣдующее. Оказывается, что независимо отъ предположеній, появившихся въ императорской квартирѣ, Барклай-де-Толли предложилъ Баграціону, въ цѣляхъ объединенія дѣйствій обѣихъ армій и ихъ соединенія, двинуться съ своей арміей на Минскъ. Это распоряженіе было получено Баграціономъ 15 іюля; войска немедленно двинулись, а между тѣмъ 18 іюля къ Баграціону прибылъ императорскій адъютантъ полковникъ Бенкендорфъ съ приказаніемъ отъ государя отступать черезъ Новогрудокъ на Вилейку. Дорогое время, впоследствии стоившее столь значительной потери, было упущено, такъ какъ армія должна была двинуться по диспозиціи, присланной императоромъ, и дала себя опередить французскимъ войскамъ. Мало того, присылаемые отъ государя диспозиціи заключали въ себѣ требованіе, чтобы отдѣльные корпуса прибыли на назначенныя имъ мѣста въ опредѣленные дни, что на практикѣ оказывалось не всегда выполнимымъ. Бывало и такъ, что главнокомандующій получалъ приказаніе о частичномъ движеніи безъ опредѣленія конечной его цѣли, и такимъ образомъ, выполнивъ назначенныя движенія, начальникъ уже не зналъ, что дальше предпринять. 26 іюня Барклай доноситъ государю, что, «желая въ точности выполнить волю» государя, онъ, несмотря на усталость войскъ, прибылъ въ срокъ въ назначенный пунктъ и «дерзаетъ испросить» повелѣнія о дальнѣйшемъ слѣдованіи корпусовъ.

Но любопытна вотъ еще какая черта. Распоряженія о движеніи дѣлались не только черезъ главнокомандующаго, но и давались отдѣльнымъ корпусамъ, ему подчиненнымъ. Такъ, напримѣръ, во время описываемаго движенія армій корпусъ генерала Дохтурова руководствуется въ своихъ движеніяхъ непосредственно распоряженіями государя. Иногда младшіе

генералы въ своихъ распоряженіяхъ до мелочей зависѣли отъ непосредственныхъ указаній государя. Генераль Римскій-Корсаковъ получаетъ предписаніе императора перевести провіантскій магазинъ изъ Динабурга въ Дриссу, но у него возникаетъ цѣлый рядъ сомнѣній относительно того, какую часть провіанта отправлять водой и какую — сухимъ путемъ; наконецъ, онъ не знаетъ, нужно ли оставить въ Динабургъ часть провіанта и фуража, на случай, если тамъ будутъ войска, или весь оттуда увезти. Такимъ образомъ, частные начальники или даже начальники отдѣльных частей большой арміи получаютъ распоряженія непосредственно отъ государя, между тѣмъ какъ ихъ дѣятельность является дополнительной по отношенію къ операціямъ основной арміи. Однимъ словомъ, всѣ, и старшіе и младшіе, поставлены были въ необходимость ждать предписаній отъ государя; отсюда нерѣшительность въ дѣйствіяхъ. Генераль Репнинъ получаетъ свѣдѣнія о томъ, что передовые разѣзды его арьергарда имѣли перестрѣлку съ непріателемъ, и спрашиваетъ распоряженій государя о томъ: «какимъ образомъ поступать мнѣ, ежели непріатель здѣсь усилится».

Такъ, слѣдовательно, и общій планъ военныхъ дѣйствій и отдѣльные распоряженія исходятъ отъ государя. Въ началѣ войны государь принялъ планъ отступленія въ надеждѣ опереться на лагерь при Дриссѣ. Начальники выполнили этотъ планъ, не сочувствуя ему. Послѣ соединенія армій подъ Смоленскомъ Александръ уже требуетъ отъ Барклая наступательныхъ дѣйствій, но это теперь уже было трудно и армія продолжала отступать. Императоръ былъ вынужденъ назначить главнокомандующимъ всѣхъ армій Кутузова и предоставить, наконецъ, этому генералу власть, необходимую для веденія дѣла. Наученный опытомъ Аустерлица, императоръ на этотъ разъ избѣгаетъ давать подробныя указанія Кутузову или во всякомъ случаѣ требуетъ «аппробаціи» стараго генерала планамъ, присылаемымъ изъ Петербурга.

Во всякомъ случаѣ дѣятельность Александра переносится на нѣкоторое время въ тылъ арміи. Онъ усиленно занятъ сборомъ ополченій, подготовкой провіанта и фуража и, наконецъ, направленіемъ общественнаго мнѣнія. Въ послѣднемъ отношеніи дѣятельность Александра представляетъ собою замѣчательное явленіе. Онъ всегда отличался умѣньемъ вліять на людей; поражение, понесенное русскою арміей, и особенно потеря Москвы побуждаютъ его къ необыкновенно интенсивной дѣятельности. За этотъ періодъ его перу принадлежитъ много писемъ, въ которыхъ онъ старается пріободрить своихъ корреспондентовъ и внушить имъ мысль,

Ген.-отъ-инф., графъ П. К. Эссенъ.
(По ориг. Дау).

что Наполеонъ понесетъ возмездіе; малѣйшій успѣхъ русской арміи даетъ поводъ Александру къ изложенію событій въ перепискѣ. Такимъ же характеромъ пропаганды борьбы съ Наполеономъ, призыва къ подъему упадающаго духа, стремленія вселить надежду на счастливое будущее отличаются и личные бесѣды Александра. Онъ всегда былъ обворожителенъ, но теперь эта черта достигаетъ замѣчательныхъ предѣловъ. Свои мысли и свои надежды онъ старался вселить не только своимъ приближеннымъ, своимъ роднымъ, своему союзнику наслѣдному принцу шведскому, но онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе военныхъ неудачъ, чтобы поднять бодрость духа.

Но, тѣмъ не менѣе, Александръ не могъ побороть въ себѣ стремленія къ общему руководству движеніями арміи. Несмотря на неудачи, его не оставляла мысль не только изгнанія французовъ, но и истребленія арміи Наполеона. Повидимому, лично Александру принадлежитъ весьма замѣчательный планъ движенія волынской арміи, подкрѣпленной арміей Чичагова, въ тылъ Наполеоновой арміи. По крайней мѣрѣ, генералъ Чернышевъ, несомнѣнно близко стоявшій къ выработкѣ этого плана, въ своихъ запискахъ рассказываетъ о томъ, что Александръ лично занялся составленіемъ общаго операціоннаго плана всѣхъ армій и при этомъ лишь «употреблялъ» Чернышева; такъ какъ Чернышевъ въ своихъ запискахъ не отличается скромностью и охотно выставляетъ свои заслуги передъ отечествомъ, то несомнѣнно, что и идея плана, а можетъ-быть, и многія частности принадлежатъ государю.

31 августа, когда армія была въ Красной Пахрѣ, оставивъ непріятелю Москву, къ Кутузову является Чернышевъ въ общемъ планомъ военныхъ дѣйствій. Чернышевъ имѣлъ при себѣ инструкціи, но, главнымъ образомъ, долженъ былъ лично выяснитъ дѣло. Въ особомъ рескриптѣ на имя Кутузова государь предлагаетъ главнокомандующему высказать свое мнѣніе и, въ случаѣ одобренія плана, принявъ его къ свѣдѣнію, отправить Чернышева далѣе въ армію Чичагова, которой отводилась столь важная роль въ общемъ планѣ. Интересно, что и въ данномъ случаѣ Александръ не обошелся безъ предписаній о различнаго рода деталяхъ, которыя невозможно было предвидѣть въ Петербургѣ, и безъ нѣкотораго рода неопредѣленностей, которыя нерѣшительнаго военачальника могли поставить въ затруднительное положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, Чичаговъ, получивъ извѣстный планъ дѣйствій чрезъ генерала Чернышева, въ своемъ письмѣ къ государю отъ 22 сентября высказываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Все, что касается вопроса о командованіи арміей, изложено, по его мнѣнію, въ инструкціи очень неопредѣленно. Начальникамъ корпусовъ не сказано, что они должны находиться подъ командою адмирала, а только, что они обязаны дѣйствовать совмѣстно съ Чичаговымъ; этотъ требуетъ величайшей точности въ исполненіи: всякій долженъ прибыть на извѣстный пунктъ въ назначенный день. тогда какъ первый пунктъ, изъ котораго выступаютъ, не вѣренъ. «Полагаютъ, что я въ Острогъ, тогда какъ я уже въ Любомль», пишетъ адмиралъ. Инструкція предполагаетъ препятствовать движенію Шварценберга по направленію къ главной арміи, а онъ фактически уже прогнанъ Чичаговымъ. Вообще корпуса получаютъ «инструкціи гада-

ВОЖДИ РУССКОЙ АРМИИ.

Кн. И. В. Васильчиковъ.

И. О. Паскевичъ.

Гр. А. И. Остерманъ-Толстой.

Ген. Комаровскій.
(Соколовъ).

О. Н. Глинка.

Гр. А. О. Ланжеронъ.
(Лау).

Г.-л. Н. А. Тучковъ 1-й.
(Клюевинъ).

Г.-л. К. О. Баговутъ.
(Клюевинъ).

Г.-м. А. А. Тучковъ 4-й.
(Клюевинъ).

ВОЖДИ РУССКОЙ АРМІИ.

Ген. А. В. Иловайскій 4-й.
(Дзу).

П. А. Тучковъ.
(Рис. Ключкина по ориг. Дзу).

Невъровскій.

Г.-м. Кульневъ.
(Дзу).

Ген. Кайсаровъ.
(Грав. Ческій).

Гр. К. О. Толь.
(Ключкинъ).

Гр. В. В. Орловъ-Денисовъ.
(П. Соколовъ).

тельные изъ Петербурга». Такъ писалъ адмиралъ, получивъ официальные инструкціи, привезенныя Чернышевымъ. Но оказывается, что вслѣдъ за официальными инструкціями и уже не черезъ довѣреннаго у государя Чернышева Чичаговъ получаетъ частное письмо государя, которое разъясняетъ ему суть дѣла и совершенно устраняетъ всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя вытекали изъ официального документа и вызвали протестъ адмирала. Сохранилось отвѣтное письмо Чичагова Александру, выражающее сожалѣніе, что оба документа получены не одновременно, потому что письмо проливаетъ свѣтъ на все то, что «инструкціи заключали въ себѣ темнаго». «Въ дѣлахъ у насъ существуетъ нѣкотораго рода обратный и весьма несчастный характеръ», замѣчаетъ по этому поводу Чичаговъ своему высокому корреспонденту.

Уже раньше довелось замѣтить, что Александръ мечталъ объ истребленіи арміи Наполеона, будучи еще побѣждаемымъ. Неудивительно, что, когда вѣсы побѣды явно склонились на русскую сторону, Александръ не только продолжалъ проводить эту мысль, но и требовалъ отъ Кутузова реального ея выполненія. Въ этомъ направленіи Александръ нашелъ многихъ сочувствующихъ. Злой геній Кутузова, Робертъ Вильсонъ, дѣятельнѣе другихъ побуждалъ императора. Того же мнѣнія держалось большинство свитскихъ генераловъ и офицеровъ. Письма и настоянія государя становятся чаще и рѣзче. Такъ, въ письмѣ отъ 30 октября, подъ вліяніемъ, повидимому, письма Вильсона о медлительности фельдмаршала послѣ сраженія подъ Та-

Ген.-лейт. К. О. Багговутъ. (Собраніе С. Ушакова, 1822 г.).

рутиннымъ, Александръ пишетъ Кутузову собственноручно рѣзкое холодное письмо. Здѣсь онъ укоряетъ Кутузова, что имъ упущены выгоды, такъ какъ главнокомандующій имѣлъ бы возможность «отрѣзать, по крайней мѣрѣ, путь тремъ корпусамъ». Вообще со времени отступленія французовъ императоръ начинаетъ постоянно снабжать Кутузова различнаго рода наставленіями и указаніями. То онъ требуетъ уничтоженія французскихъ мародеровъ въ тылу арміи, то онъ совѣтуетъ организовать изъ плѣнныхъ особый германскій легіонъ и т. п. Особенно настойчиво побуждаетъ онъ фельдмаршала къ преслѣдованію непріятеля. Въ письмѣ отъ 2 декабря онъ требуетъ немедленнаго продолженія преслѣдованія непріятеля, «несмотря ни на какія препятствія». Поэтому онъ не находитъ возможнымъ разрѣшить войску отдыхъ въ Вильнѣ, требуя настойчиваго преслѣдованія.

Кутузовъ щадилъ войско и частью Наполеона, учитывая русскую будущность. Самолюбіе императора требовало рѣшительныхъ дѣйствій. Мнѣнія раздѣлились, когда войска подошли къ границѣ. «Многіе генералы,— пишетъ въ своихъ запискахъ Чернышевъ,—были согласны съ Кутузовымъ не выходить изъ предѣловъ Россіи, но императоръ велѣлъ немедленно привести армію въ движеніе и, невзирая на изнуреніе войскъ и зиму, идти впередъ». Его поддерживали свитскіе генералы.

Уже въ Вильнѣ государь взялъ на себя фактическое руководство продолженіемъ войны. Фельдмаршалъ продолжалъ именоваться главнокомандующимъ, но, не доверяя ему, Александръ, передъ переходомъ границы, назначаетъ начальникомъ штаба всѣхъ армій при генералѣ Кутузовѣ свитскаго генерала, ничѣмъ не выдѣливагося во время войны, князя Волконскаго. А. П. Ермоловъ, хорошо знавшій положеніе вещей, въ своихъ запискахъ пишетъ по этому поводу: «Государю надобенъ былъ человекъ, давно къ нему приближенный и совершенно имъ испытанный. Князь Волконскій преданъ ему безпредѣльно, и не легко было бы замѣнить его другимъ. Съ этого времени отъ самого государя исходили всѣ распоряженія. Онъ наблюдалъ и за исполненіемъ ихъ».

Едва ли нужно подводить итоги сказанному. Александръ I проявилъ энергичную дѣятельность во весь періодъ войны. И приемы этой дѣятельности обрисовываютъ во весь ростъ тотъ своеобразный, не лишенный, впрочемъ, ума, «византизмъ», который примѣнялъ императоръ во всѣхъ дѣлахъ. Не можетъ быть двухъ отвѣтовъ по вопросу о томъ, было ли полезно такое вмѣшательство въ дѣйствія арміи. Неуклонное выполненіе теоретическаго плана на войнѣ не можетъ служить съ пользою для дѣла. Такъ и въ данномъ случаѣ; быстрое отступленіе русскихъ войскъ передъ разрозненнымъ и ослабленнымъ непріателемъ едва ли вызывалось серьезными соображеніями. Пришлось потомъ дѣло поправлять, соединять обѣ арміи на виду у сильнѣйшаго непріателя, уже къ тому времени объединившаго свои части. Отступленіе, дѣйствительно необходимое по ходу дѣла, но совершенное внѣ соображеній теоретическаго характера, конечно, имѣло бы меньше печальныхъ послѣдствій.

М. Довнаръ-Запольскій.

Входъ русскихъ плѣнныхъ въ Парижъ. (По наброску съ натуры К. Верне).

Барклай-де-Толли.
(Рамка из грамоты Александра).

Сабля, поднесенная Барклаю
англичанами въ 1814 г.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ ВОЙНЫ.

І. Подготовка Россіи къ войнѣ и разрывъ.

Подп. В. П. Оедорова.

О мѣрь того, какъ обнаруживались серьезныя приготовленія къ войнѣ со стороны Наполеона ¹⁾, Александръ долженъ былъ прійти къ сознанію необходимости принять и съ своей стороны мѣры на случай разрыва. Неминуемость войны онъ понималъ очень хорошо и зналъ, что она будетъ нести съ собою большую опасность. Поэтому и приготовленія Россіи были очень тщательныя уже съ весны 1812 года.

У насъ спѣшно строили на западной границѣ двѣ новыхъ крѣпости: Бобруйскъ и Динабургъ; усиливали уже существующія укрѣпленія Риги и Кіева, и между Двиною и Днѣпромъ выбирали мѣста для будущихъ укрѣпленныхъ позицій. Пять ди-

¹⁾ См. выше ст. В. А. Бутенко.

визій изъ молдавской арміи, воевавшей съ Турціей, получили приказъ спѣшно вернуться назадъ къ рѣкѣ Днѣстру, а одна дивизія изъ Финляндіи водворялась въ Литвѣ. Это отозваніе пяти дивизій съ Дуная и шестой изъ Финляндіи весьма не понравилось Наполеону и онъ не преминулъ сдѣлать объ этомъ надлежащее представленіе въ Петербургъ. Государь сейчасъ же отвѣтилъ, что возвратитъ дивизіи въ Валахію, если, въ свою очередь, Наполеонъ уменьшитъ гарнизонъ Данцига наполовину. Конечно, Наполеонъ на это не могъ согласиться, но отвѣчалъ, что вообще усиленіе имъ войскъ въ сѣверной Германіи происходитъ «не для угроженія Россіи или изъ политическихъ видовъ, но единственно въ намѣреніи обезпечить сѣверные берега Германіи отъ нападенія англичанъ, подкрѣпить таможенную стражу, сохранить общественное спокойствіе въ этомъ новопріобрѣтенномъ краѣ и, наконецъ, потому, что тамъ дешевле содержать войска, нежели во Франціи».

Въ переговорахъ о Варшавскомъ и Ольденбургскомъ герцогствахъ, о континентальной системѣ и торговомъ тарифѣ прошли 1810 и 1811 года ¹⁾. Военныя приготовленія Наполеона приходили къ концу. Къ нему возвращалась его увѣренность въ себя. 3 августа 1811 года въ день именинъ Наполеона въ тюльерійскомъ дворцѣ по обыкновенію былъ большой съѣздъ представителей европейскихъ государствъ. Подойдя къ нашему посланнику въ Парижъ, князю Куракину, Наполеонъ въ присутствіи всѣхъ гостей обратился къ нему съ двухчасовой рѣчью, трактовавшей о его миролюбіи и обвинявшей императора Александра. Рѣчь свою онъ закончилъ словами: «Императоръ Александръ не прекращаетъ вооруженій. Я не хочу вести войну, не думаю возстановлять Польшу, но вы помышляете о присоединеніи къ Россіи Варшавскаго герцогства и Данцига. Безъ сомнѣнія, у императора есть какая-нибудь скрытная мысль; пока тайныя намѣренія вашего двора не будутъ объявлены, я не перестану умножать войскъ въ Германіи».

Само собою разумѣется, что этою рѣчью онъ никого изъ присутствующихъ не ввелъ въ заблужденіе, и всѣ поняли ее такъ, какъ и слѣдовало понять, т.-е., что Наполеонъ желаетъ оправдать себя и обвинить во всемъ императора Александра и что разрывъ Россіи съ Франціей неизбеженъ.

Конечно, князь Куракинъ тотчасъ же донесъ государю о рѣчи Наполеона, и государь поспѣшилъ высказать свое изумленіе на слова французскаго императора: какъ могла даже возникнуть у него мысль, что государь имѣлъ какіе-либо виды на герцогство Варшавское и въ особенности на Данцигъ, который ему ненуженъ, и что у него достаточно своихъ внутреннихъ дѣлъ управленія государствомъ; настолько достаточно, что даже нѣтъ времени думать о какихъ-либо новыхъ пріобрѣтеніяхъ.

Военныя приготовленія Наполеона были завершены окончательно въ сентябрь 1811 года. Гроза была уже близка; и задерживало пока лишь наступившее позднее время года. Флигель-адъютантъ, полковникъ Чернышевъ доносилъ въ это время государю: «Война рѣшена въ умѣ Наполеона, онъ теперь считаетъ ее необходимою для достиженія власти, кото-

¹⁾ См. II. т. ст. В. II. Пичеты.

рой ищетъ, щли, къ которой стремятся всь его усилія, т.-е. обладанія Европою. Мысль о міровладычестві такъ льститъ его самолюбію и до такой степени занимаетъ его, что никакія уступки, никакая сговорчивость съ нашей стороны не могутъ уже отсрочить великой борьбы, долженствующей рьшить участь не одной Россіи, но и всей твердой земли».

Что же предпринималъ императоръ Александръ для увеличенія боевой готовности Россіи въ предстоящей кровавой борьбѣ съ Наполеономъ.

Къ 1 января 1811 года составъ нашей арміи былъ слѣдующій: 4 полка и 1 батальонъ гвардейскіе, 14 полковъ гренадерскихъ, 80 мушкетерскихъ, 46 егерскихъ, 6 полковъ и 2 казачьихъ сотни гвардейской кавалеріи, 6 полковъ кирасирскихъ, 36 драгунскихъ, 5 уланскихъ и 11 гусарскихъ; 25 бригадъ артиллеріи, изъ которыхъ одна гвардейская, 2 полка піонеровъ и учебныхъ гренадерскихъ батальона.

15 марта того же 1811 года Высочайше повелѣно было составить первую и вторую резервныя и третью обсерваціонную армію, съ каковою

«Наполеонъ и его сообщники ублаживаютъ и забавляютъ разными игрушками и побасенками Францію» (совр. карик.).

целью и былъ произведенъ рекрутскій наборъ по два человека съ 500 душъ, а спеціально для пополненія убыли въ гвардіи, въ Псковѣ былъ сформированъ гвардейскій резервъ, но этимъ резервнымъ арміямъ въ виду наступившихъ вскорѣ военныхъ дѣйствій такъ и не суждено было получить окончательную организацію.

Изъ того же, что было у насъ налицо и что успѣли сдѣлать для сформированія резервовъ, было составлено три арміи: 1-я западная, 2-я западная и 3-я дунайская. Изъ резервовъ на скорую руку были образованы 1 и 2 резервныя арміи, и, наконецъ, къ 5 мая была еще сформирована 3-я обсерваціонная армія, порученная генералу-отъ-кавалеріи, графу Тормасову, но нужно, оиять-таки, не забывать, что резервныя арміи не успѣли получить окончательную организацію и, слѣдовательно, не имѣли настоящаго числа людей, а были скорѣе лишь кадрами трехъ дѣйствующихъ армій. Слѣдовательно, при окончательномъ подведеніи итоговъ боевой готовности Россіи къ предстоящему кровавому спору во вниманіе принимать нужно лишь составъ двухъ дѣйствующихъ армій и третьей обсер-

ваціонной Тормасова, которая въ силу необходимости сдѣлалась тоже дѣйствующей, ибо дунайская армія Кутузова была еще далеко, да и не успѣла окончательно освободиться отъ Турецкой войны.

Въ первой западной арміи подѣ командой Барклая-де-Толли находилось въ строю 127 тысячъ человѣкъ при 558 орудіяхъ. Они составляли 150 батальоновъ, 134 эскадрона и 18 казачьихъ полковъ.

Въ строю 2-й западной арміи подѣ командою генерала Баграціона было 48.000 чел. Раздѣлена она была на 58 батальоновъ, 52 эскадрона и 9 казачьихъ полковъ при 216 орудіяхъ.

Въ 3-й резервной обсерваціонной арміи Тормасова было въ строю 43.000 человѣкъ, составлявшихъ 54 батальона, 75 эскадроновъ и 9 казачьихъ полковъ при 168 орудіяхъ.

Итого во всѣхъ трехъ арміяхъ находилось въ строю 262 батальона, 261 эскадронъ и 36 казачьихъ полковъ, составлявшихъ 218 тысячъ человѣкъ.

Сверхъ того изъ рекрутовъ послѣдняго набора, которыхъ собирали въ Ярославль, Кострому, Владимиръ, Рязань, Тамбовъ и Воронежъ, были сформированы по два полка въ каждомъ изъ этихъ городовъ. При чемъ въ первыхъ четырехъ формировались по 2 пѣхотныхъ полка, а въ остальныхъ по два егерскихъ. За недѣлю же до войны, т.-е. въ іюнь мѣсяцъ 1812 года, полковникъ графъ Виттъ сформировалъ украинское казачье войско въ числѣ 4 полковъ. Это скороспѣлая кавалерія состояла: изъ мѣщанъ, цеховыхъ, помѣщичьихъ, казенныхъ и экономическихъ крестьянъ, призванныхъ по одному человѣку съ 150 душъ, и была сформирована, вооружена и обучена всего въ одинъ мѣсяцъ. Всѣ они поступили въ армію Тормасова. Прибавимъ еще ко всему этому благородную стрѣлковую дружину отставного поручика Нирота, сформированную имъ на собственные средства изъ дворянъ въ г. Юрьевѣ, и перечень всѣхъ нашихъ вооруженныхъ силъ, приготовившихся для встрѣчи Наполеона, оконченъ. Подведемъ имъ окончательный итогъ къ іюню мѣсяцу 1812 года: у насъ состояло въ строю — въ трехъ дѣйствующихъ арміяхъ 218.000 человѣкъ, въ запасныхъ и рекрутскихъ батальонахъ и эскадронахъ 100.000, во вновь сформированныхъ 12 полкахъ 23.800, въ 4 Украинскихъ 3.600. Итого для перваго отпора Наполеону мы имѣли болѣе 335 тысячъ человѣкъ. Нужно оговориться, что въ это число не входили: 2 полка піонеровъ, составлявшіе всего 4.540 человѣкъ, и казачьи полки, бывшіе пока еще на пути къ арміи.

Войска, находившіяся въ Финляндіи, въ Грузіи, на Кавказской линіи, въ Одессѣ и Крыму, въ Сибири и, наконецъ, въ Дунайской арміи, которую задерживало неутвержденіе султаномъ мирнаго договора, конечно, тоже нельзя принимать въ расчетъ, такъ какъ они нужны были тамъ, гдѣ находились.

Естественно, что такая армія должна была обезпечить себя первымъ долгомъ огнестрѣльными припасами, составляющими первую и насущную необходимость войны. Съ этою цѣлью артиллерійскіе парки были расположены въ три линіи. Первая линія стояла: въ Вильнѣ на 3 дивизіи, въ Динабургѣ на 5, въ Несвижѣ на 1, въ Бобруйскѣ на 2, въ Полодномъ на 3, въ Кіевѣ на 6.

Вторая линия: въ Псковѣ на 4 дивизіи, въ Порховѣ на 4, въ Шосткѣ на 5, въ Брянскѣ на 4 и въ Смоленскѣ на 2.

Третья линия: въ Москвѣ на 2 дивизіи, въ Новгородѣ на 8 и въ Калугѣ на 9. Следовательно, всего на трехъ линияхъ было заготовлено парковъ на 58 дивизій, съ полнымъ количествомъ артиллерійскихъ снарядовъ, ружейныхъ патроновъ и кремней. Для перевозки ихъ было заготовлено достаточное количество подводъ и людей.

Всю армію съ ея резервами, артиллерійскими парками и т. д. нужно было продовольствовать. Провіантскіе магазины были, въ свою очередь, расположены тоже въ три линіи. Такъ называемыя «главныя продовольственныя депо» были въ Новгородѣ, Трубчевскѣ и Сосницѣ. Главные магазины размѣщались: въ Ригѣ, Динабургѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Заславлѣ и Луцкѣ. Магазины меньшаго объема находились: въ Дриссѣ, Великихъ Лукахъ, Шавляхъ, Вилькомирѣ, Свенцянахъ, Гроднѣ, Брестъ-Литовскѣ, Слонимѣ, Слуцкѣ, Пинскѣ, Мозырѣ, Старокопанинѣ, Житомирѣ, Острогѣ, Дубно и Ковель.

Всего въ этихъ складахъ было заготовлено 625.855 четвертей муки, 58.446 крупы и 774.080 четвертей овса.

Военныя приготовленія Наполеона окончились къ осени 1811 года; конечно, начинать войну въ виду недалекой зимы было нельзя и волей-неволей ему пришлось оттягивать время. Съ этою цѣлью онъ продолжалъ безконечныя переговоры о недоразумѣніяхъ между Россіею и Франціею, т.-е. объ Ольденбургскомъ герцогствѣ, о торговомъ тарифѣ и о злополучномъ Данцигѣ, и въ этихъ переговорахъ прошла вся зима 1811 года. Въ апрѣль 1812 года Наполеонъ прислалъ въ Петербургъ графа Нарбонна съ письмомъ государю, въ которомъ говорилось,

что требованіе о выводѣ французскихъ войскъ изъ Пруссіи равносильно оскорбленію, и старался доказать, что не онъ будетъ виною, если разрывъ все-таки произойдетъ. Вскорѣ и самъ онъ отправился вслѣдъ за Нарбонномъ, и 4 мая прибылъ въ Дрезденъ. Его армія была уже на Вислѣ: Даву стоялъ въ Эльбингѣ и Маріенбургѣ, Удино — въ Маріенвердерѣ. Ней и гвардейскій корпусъ — въ Торнѣ, вице-король Евгений — въ Плоцкѣ: Вандамъ, Ренъ, Сентъ-Сиръ, Понятовскій и четыре резервныхъ кавалерійскихъ корпуса между Варшавою и Модлиномъ, Макдональдъ — въ окрестностяхъ Кенигсберга и Шварценбергъ — у Лемберга.

Не получая отвѣта отъ графа Нарбонна и зная, что государь находился при арміи въ Вильнѣ, Наполеонъ приказалъ своему посланнику въ Петербургъ Лористону съ разрѣшенія нашего двора пѣхать въ Вильну

Приготовленіе къ войнѣ. Акварель 1811 г. изъ собр. кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова. («Старые годы»).

и тамъ настоятельно подтвердить то, что было указано графу Нарбонну. Нетерпѣнію Наполеона не было предѣловъ. Еще не вернулся Нарбоннъ и врядъ ли успѣлъ доѣхать до мѣста курьеръ, отправленный къ Лористону, какъ Наполеонъ 9 мая приказалъ корпусамъ, стоявшимъ на Вислѣ, быть готовыми къ походу. Съ цѣлью возбудить поляковъ, онъ отправилъ въ Варшаву мехельнскаго архіепископа Прадта и на прощальной аудіенціи ему сказалъ: «Я иду въ Москву и въ одно или два сраженія все кончу. Императоръ Александръ будетъ на колыняхъ просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Россію. Меня ждутъ тамъ; Москва—сердце имперіи; безъ Россіи континентальная система есть пустая мечта».

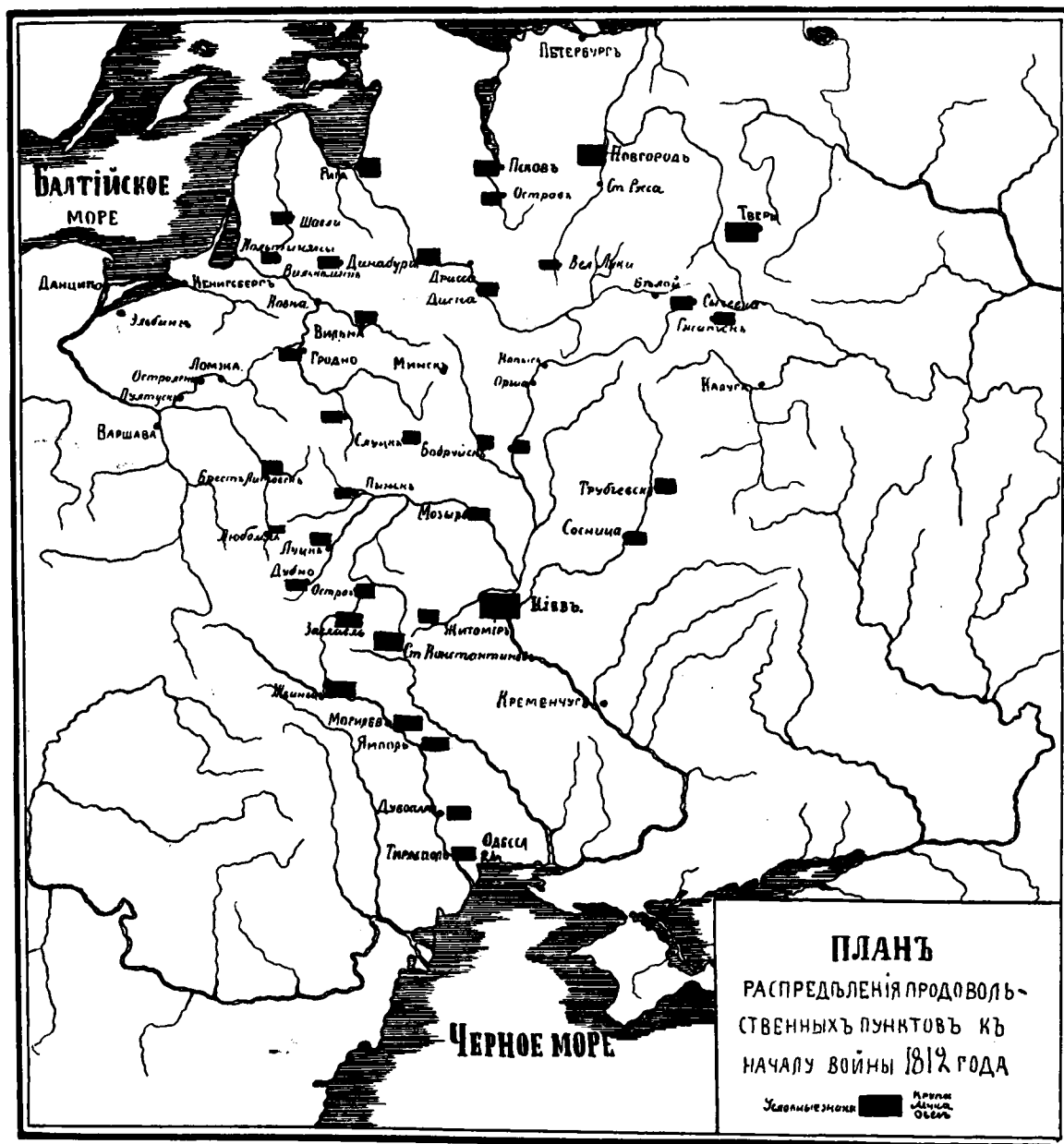
Графъ Нарбоннъ 16 мая вернулся изъ Петербурга и вмѣсто согласія на миръ привезъ настоятельное требованіе императора Александра очистить

Выступленіе казаковъ.

Пруссію отъ французскихъ войскъ. Отъ себя Нарбоннъ добавилъ: «Я не замѣтилъ въ русскихъ ни унынія, ни надменности. Императоръ Александръ изъяснилъ мнѣ сожалѣніе о разрывѣ союза съ Франціей, говоря, что не онъ первый подалъ къ тому поводъ и, хотя знаетъ силу и дарованія вашего величества, однакоже при одномъ взглядѣ на карту Россіи легко убѣдиться, что для обороны мѣста станеть, и что ни подъ какимъ видомъ не подпишетъ онъ унижительнаго для Россіи мира».

Уже незадолго до начала военныхъ дѣйствій императоръ Александръ писалъ Барклаю-де-Толли: «Прошу васъ, не робѣйте передъ затрудненіями, полагайтесь на Провидѣніе Божіе и Его правосудіе. Не унывайте, но укрѣпите вашу душу великою цѣлью, къ которой мы стремимся: избавить челоѣчество отъ ига, подъ коимъ оно стонеть, и освободить Европу отъ цѣпей». Наполеонъ черезъ Глогау и Позенъ отправился къ Вислѣ. Въ Торнѣ былъ данъ имъ окончательный приказъ войскамъ двинуться къ границѣ Россіи. 29 мая онъ прибылъ къ Кенигсбергу для окончатель-

Чертилъ кап. Лукьяновъ.

Ред. подп. Оедоровъ.

наго устройства продовольственного вопроса арміи, а оттуда черезъ Велау и Инстербургъ—въ Гумбиненъ. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе отъ Лористона объ отказѣ ему пріѣхать въ Вильну и счелъ это наилучшимъ предлогомъ для немедленнаго вторженія въ Россію. «Дѣло рѣшено!—говорилъ онъ.—Русскіе, всегда нами побѣжденные, принимаютъ на себя видъ побѣдителей. Они вызываютъ насъ, но, конечно, впоследствии придется намъ отблагодарить ихъ за такую дерзость. Останавливаться на пути—значитъ не пользоваться настоящимъ благопріятнымъ случаемъ. Отказъ Лористону прекращаетъ мою мнительность и избавляетъ насъ отъ непростительной ошибки. Сочтемъ за милость, что насъ принуждаютъ къ войнѣ; перейдемъ Нѣманъ».

Приказавъ корпусамъ какъ можно скорѣе послѣпить походомъ къ Нѣману, самъ Наполеонъ отправился въ Вильковискъ и здѣсь издалъ свой знаменитый приказъ по арміи.

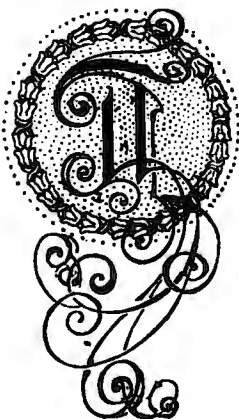
«Солдаты! Вторая польская война началась. Первая кончилась подъ Фридландомъ и Тильзитомъ. Въ Тильзитѣ Россія поклялась на вѣчный миръ съ Франціею и войну съ Англіею. Нынѣ нарушаетъ она клятвы свои и не хочетъ дать никакого объясненія о странномъ поведеніи своемъ, пока орлы французскіе не возвратятся за Рейнъ, предавъ во власть ея союзниковъ нашихъ. Россія увлекается рокомъ! Судьба ея должна исполниться. Не считаетъ ли она насъ измѣнившими? Развѣ мы уже не воины Аустерлицкіе? Россія ставитъ насъ между безчестіемъ и войною. Выборъ не будетъ сомнителенъ. Пойдемъ же впередъ! Перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ русскіе предѣлы. Вторая польская война, подобно первой, прославитъ оружіе французское; но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и положитъ конецъ пятидесятилѣтнему кичливому вліянію Россіи на дѣла Европы».

В. П. Оедоровъ.

Высочайшая грамота Александра I Барклаю-де-Толли.

II. Расположеніе русскиѣхъ военныѣхъ силъ.

Проф., ген. Н. П. Михневича.

Подготовка къ войнѣ съ Наполеономъ въ Россіи началась уже съ 1809 года рекогносцировками пограничной полосы квартирмейстерскими офицерами, а въ слѣдующемъ 1810-мъ году была вторично произведена большая полевая поѣздка на западной границѣ, при чемъ приступлено было къ разработкѣ плана войны. Но этотъ послѣдній вопросъ какъ-то не налаживался и, главнымъ образомъ, потому, что не было окончательно рѣшено — наступать или обороняться. Мнѣнія въ этомъ вопросѣ, какъ бываетъ всегда, расходились; но чѣмъ ближе надвигалась гроза войны, тѣмъ болѣе начало обнаруживаться сторонниковъ войны оборонительной. Оцѣнивая своего противника Наполеона, есте-

Ген. Рیشه (Гюверъ).

ственно приходили къ выводу, чтобы побѣдить его, необходимо противопоставить ему систему затягиванія войны отступленіемъ, не вступая на первое время въ рѣшительное сраженіе, а предоставляя времени, суровости климата и опустошенію страны ослабить армію противника и затѣмъ уже вступить съ нимъ въ бой. Для болѣе вѣрнаго успѣха разрушенія непріятельской арміи предлагали частью силъ наносить ей постоянные удары въ тылъ, чтобы отрѣзать ее отъ подкрѣпленій и запасовъ. Даже многіе невоенные признавали подобный способъ веденія войны наилучшимъ. Такъ, еще до начала войны графъ Ростопчинъ писалъ императору Александру: «Ваша имперія имѣетъ двухъ могущественныхъ защитниковъ въ ея обширности и климатѣ... Русскій императоръ всегда будетъ грозенъ въ Москвѣ, страшенъ въ Казани и непобѣдимъ въ Тобольскѣ».

Конечно, императору Александру хотѣлось избавить отечество отъ вторженія непріятеля, и онъ всѣ силы напрягалъ на увеличеніе средствъ борьбы и вначалѣ вѣрилъ даже въ возможность наступленія за границу, но слабость Пруссіи и ненадежность, скорѣе враждебность, Польши заставили его отказаться отъ этой мысли. Приходилось думать объ оборонѣ, внушителемъ идей которой являлся генераль Фуль, пруссакъ, поступившій на русскую службу въ 1806 году. Онъ былъ партизанъ стратегіи Бюлова,

рекомендовавшаго основать оборону на ударахъ на сообщенія арміи наступающаго и на уклоненіи отъ рѣшительнаго боя съ его главными силами. Чтобы этого достигнуть, Бюловъ рекомендовалъ: одною армію задерживать непріятеля на пути его вторженія, а другою, пропустивши его впередъ, наступать ему въ тылъ, на сообщенія.

Такъ было рѣшено—выставить на границы двѣ арміи — Баркляя-де-Толли и Багратіона и выжидать удара Наполеона на ту или другую армію, которая не должна была принимать удара, но отступать въ приготовленный въ тылу укрѣпленный лагерь, а въ это время другая армія, не подвернувшись атакѣ противника, должна двинуться въ тылъ, на сообщенія непріятеля. Впослѣдствіи выяснилась возможность атаки со стороны Австріи на Волыни; тогда отъ арміи Багратіона отдѣлили половину и поставили къ югу отъ Польска еще 3-ю армію Тормасова, для встрѣчи противника на Волыни.

Противъ 600.000 Наполеона въ мартѣ 1812 г. Россія могла выставить около 220.000 войскъ ¹⁾.

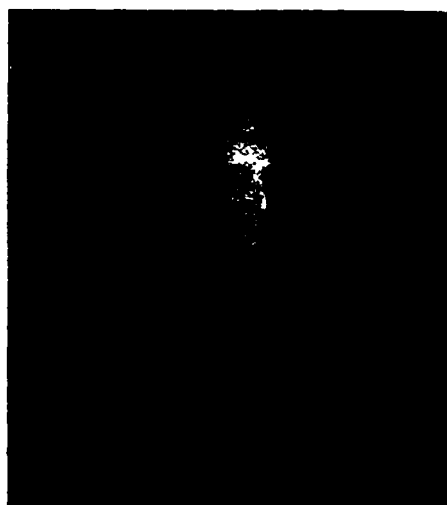
Но и выставленные нами втрое слабѣйшія силы были разбросаны вдоль всей границы на 500 верстъ, считая по воздуху (отъ Лудка до Ковны); при такихъ условіяхъ стратегическаго развертыванія арміи трудно было избѣжать катастрофы; и только, благодаря необыкновенной энергіи войскъ и ихъ начальниковъ, удалось отступить и двумъ главнымъ арміямъ соединиться подъ Смоленскомъ.

Подробности расположенія были слѣдующія.

I-я западная армія Баркляя-де-Толли: 1-й корпусъ Витгенштейна у Кейданъ, 2-й кор. Багговута у Оржишекъ, 3-й кор. Тучкова 1-го у Новыхъ Трокъ, 4-й кор. графа Шувалова у Олькеникъ, 5-й кор. великаго князя Константина Павловича (впослѣдствіи Лаврова) у Свенцянгъ, 6-й кор. Дохтурова у Лиды. Кавалерія стояла сзади: 1-й кав. корпусъ Уварова въ Вилькомирь, 2-й кав. кор. Корфа въ Сморгони, 3-й кав. кор. графа Палена 2-го у Лебюды; только летучій корпусъ Платова стоялъ немного впереди, у Гродны. I-я армія 120.000 чел. была на фронтъ отъ Россіи до Лиды въ 200 верстъ.

II-я западная армія князя Багратіона: 7-й корпусъ Раевского у Ново-Двора, 8-й кор. Бороздина у Волковиска, 4-й кавалер. кор. Сиверса у Зелвы, летучій отрядъ Пловайскаго 5-го выдвинуть къ Бѣлостоку. Потомъ прибыла къ арміи 27-я пѣх. дивизія Невіровскаго. II-я армія 45.000 чел. занимала отъ Лиды до Волковиска—100 верстъ.

III-я резервная обсерваціонная армія Тормасова—пѣхотные корпуса: Каменскаго, Маркова, Сакена и кавалер. корпусъ графа Лам-

Н. О. Ртищевъ.

¹⁾ См. статью «Подготовка Россіи къ войнѣ».

берта и летучій отрядъ—всего около 46.000 чел. въ окрестностяхъ Лудка, къ югу отъ Польска.

Во второй линіи за арміями стояли 2 резервныхъ корпуса: 1-й Меллера-Закомельскаго у Таранца и 2-й Эртеля у Мозыря.

Это стратегическое развертываніе указываетъ на стремленіе перехватить войсками три главнѣйшихъ операціонныхъ направленія къ сѣверу отъ Польска: 1) Тильзитъ—Рига—Нарва—Петербургъ; 2) Ковно—Вильна—Смоленскъ—Москва и 3) Гродно—Минскъ—Могилевъ—Калуга—Москва, и операціонное направленіе къ югу отъ Польска.

Перехватить тонкой линіей кордона пути вторженія противника не значитъ оборонять ихъ; напротивъ, приходится подставлять свои силы подъ его удары по частямъ и рисковать неуспѣхомъ въ самомъ началѣ войны.

Ф. О. Пауллучи (Дав).

Въ рѣшеніи вопроса о стратегическомъ развертываніи арміи передъ войной 1812 г. наши дѣды сильно погрѣшили и не воспользовались примѣромъ Петра Великаго, который въ 1707 г. передъ не менѣе страшнымъ для Россіи вторженіемъ Карла XII расположилъ армію Шереметева сосредоточенно, за р. Уллою, между, даже посрединѣ, операціонными направленіями на Петербургъ (черезъ Полоцкъ) и на Москву (черезъ Смоленскъ) въ полной готовности перейти и преградить путь всѣми силами на томъ операціонномъ; куда двинулся бы Карлъ XII.

При растянутомъ расположеніи нашихъ армій по границѣ, сосредоточеніе ихъ возможно было по отступленіи далеко въ тылу. Такой пунктъ и былъ намѣченъ для I-й западной арміи Барклая-де-Толли у Свенцянь, а потомъ, подъ натискомъ превосходнаго въ силахъ

непріятеля, она должна была отступить въ нарочно устроенный для того на З. Двинѣ Дрисскій укрѣпленный лагерь, оказавшійся впоследствии никуда негоднымъ.

II-я западная армія Баграціона и Платова должны были дѣйствовать на сообщенія противника, когда онъ пойдетъ на I-ю армію, а III-я обсерваціонная армія Тормасова должна была наблюдать границы Волыни и Подолія и, усиливъ себя 2-мъ рез. корпусомъ Эртеля, дѣйствовать во флангъ тѣмъ войскамъ, которыя пойдутъ противъ Баграціона; въ случаѣ же превосходства въ силахъ противника—отступить къ Кіеву.

Отдано приказаніе, чтобы корпуса были въ непрерывной связи и развѣдывали къ сторонѣ непріятеля, а арміямъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ поддерживать другъ друга. При переправѣ черезъ Нѣманъ слабого непріятеля бить и уничтожать, а отъ сильнѣйшаго отступать, портя дороги и переправы и устраивая засѣлки. При отступленіи увозить всѣхъ зем-

скихъ чиновниковъ, вывозить казну, военные запасы и оружіе. Запасные магазины были заложены отъ Нѣмана, съ одной стороны, къ З. Двинѣ и Великимъ Лукамъ, съ другой—къ Минской и Волынской губерніямъ. Укрѣпляли Кіевъ, Ригу, Борисовъ; строили укрѣпленный лагерь на лѣвомъ берегу З. Двины, у Дриссы. Для облегченія соединенія I-й и II-й армій, у м. Мосты и въ Сельцахъ устроены предмостныя укрѣпленія и наведены мосты черезъ Нѣманъ.

Въ главѣ русскихъ войскъ стояли опытные начальники, воспитанные въ славныхъ походахъ екатерининской эпохи и изучившіе своихъ противниковъ въ войнахъ 1805, 1806—1807 и 1809 гг. Работа офицеровъ была серьезная. Молодежь вчитывалась въ только что появившееся знаменитое сочиненіе Жомини: «О великихъ военныхъ дѣйствіяхъ», чтобы познать тайну побѣдъ. Это новое направленіе молодежи нашъ знаменитый поэтъ — партизанъ Д. В. отмѣтилъ въ слѣдующихъ строкахъ извѣстной «Пѣсни стараго гусара»:

«Говорять умный они...
Но что слышимъ отъ любова?
«Жомини да Жомини!
А объ водкѣ ни полслова».

Какъ ни протестовали противъ плана обороны, предложеннаго Фулемъ, но онъ спасъ Россію. Вышло только по вѣншности нѣкоторое измѣненіе плана, а не по духу. Такъ, вначалѣ Наполеонъ двинулся не противъ одной I-й арміи, а сразу противъ I-й и II-й, къ нашему благополучію, такъ какъ, погнавшись за двумя арміями, раздробивши силы, онъ не захватилъ ни одной. Наши арміи быстро отступили назадъ, при чемъ I-я армія сначала въ Дрисскій лагерь, но, простоявши въ немъ четыре дня и убѣдившись въ его негодности, пошла на соединеніе со II-й арміей, которое и состоялось подъ Смоленскомъ. Противники плана Фуля ликовали, но именно то торжество его идеи выяснилось съ момента отступленія нашихъ главныхъ силъ къ Москвѣ. Противъ оставшихся въ тылу войскъ Витгенштейна, Тормасова, Эртеля Наполеону пришлось оставить половину своей арміи и на полѣ сраженія подъ Бородиномъ появиться всего съ 150.000 чел., т.-е. съ четвертью имѣвшихъ вначалѣ въ его распоряженіи силъ. Достаточно вспомнить, что противъ Витгенштейна и потомъ, прибывшаго изъ Финляндіи, Штейнгеля были оставлены: Макдональдъ, С.-Сиръ, Удино и Викторъ — вѣдь это 125.000 человѣкъ. «Какой восторгъ, г. офицеры!» сказалъ бы Суворовъ.

Начало войны 1812 г. было грустное, а потомъ вышло удивительно хорошо. Извѣстный прусскій ученый философъ Клаузевицъ, участвовав-

Ген.-отъ-инфант., графъ Ф. О. Штейнгель.
(Клюквина, по ориг. Дзу).

шій въ войнѣ 1812 г. при корпусѣ Витгенштейна, въ своемъ знаменитомъ трактатѣ «Война» пишетъ слѣдующее:

«Высшая мудрость не могла изобрѣсти плана лучше того, который русскіе исполнили непреднамыренно(?)...»

«Желая извлечь поученіе изъ исторіи, мы не должны считать невозможнымъ, чтобы разъ совершившееся не могло повториться и въ будущемъ. Всякій претендующій на право судить о подобныхъ дѣлахъ согласится съ нами, что никакъ нельзя признать рядомъ случайностей ту вереницу грандіозныхъ событій, которыя совершились послѣ марша въ Москву».

Н. П. Михневичъ.

Мадридъ.

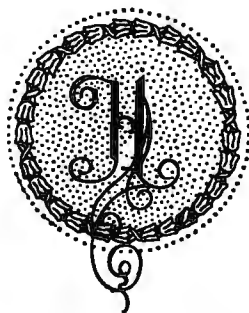
Фонтенебло.

Москва.

«Сверху—внизъ» (карик. на Наполеона).

III. Вторженіе. Планъ Наполеона.

А. К. Дживелегова.

Пѣсколько выше Ковно, тамъ, гдѣ въ Нѣманъ впадаетъ маленькая рѣчка Еся, рѣчка образуетъ большую луку въ сторону западнаго берега. Восточный берегъ принимаетъ здѣсь видъ полуострова, длиною около 3 верстъ и шириною въ полторы. Лѣвый берегъ весь окаймленъ возвышенностями, и какъ разъ у самаго устья Еси, у вершины луки высится большой холмъ, командующій надъ всѣмъ полуостровомъ и надъ рѣкою. Еще выше по теченію—деревня Поньмунъ, дальше—островъ.

Это мѣсто избралъ Наполеонъ для перехода черезъ Нѣманъ главной части своей арміи ¹⁾. Наканунъ, 11 іюня онъ тщательно осмотрѣлъ берега рѣки въ окрестностяхъ Ковно ²⁾ и лучшаго мѣста найти не могъ. Да и нечего было искать. Если бы даже противоположный берегъ былъ занятъ непріятельской арміей, удобства мѣстности были таковы, что переправа должна была совершиться безъ большого труда. Стоило поставить на возвышенности артиллерию, и наводка мостовъ была обезпечена.

Подъ вечеръ корпусъ Даву, который первымъ долженъ былъ ступить на русскую землю, подошелъ къ рѣкѣ и затихъ среди холмовъ и лѣса. Огней не разводили, и ничто не указывало на то, что черезъ нѣсколько часовъ десятки тысячъ людей будутъ на той сторонѣ рѣки. Въ эту пору темнѣетъ поздно, и лишь съ наступленіемъ ночи подготовка переправы началась. Собрали лодокъ и поромовъ, сколько могли, и въ темнотѣ рота саперъ переправилась на правый берегъ. Тамъ они нашли утлую деревушку и укрѣпились въ ней. Русскія войска тщательно наблюдали Нѣманъ отъ Ковно до Гродно. Имъ было извѣстны всѣ передвиженія непріятеля. Ближайшей отъ мѣста переправы воинской частью былъ авангардъ 2-й пѣхотнаго корпуса подъ начальствомъ ген. Всеволожскаго. Онъ занималъ мѣстечко Яново. Подъ командою Всеволожскаго были тѣ казачьи разъѣзды, которые наблюдали за переправой (они принадлежали къ л.-гв. Казачьему и Бугскому полкамъ) ³⁾. Когда французскіе саперы переправились, одинъ изъ этихъ разъѣздовъ спокойно приблизился къ нимъ и офицеръ спросилъ, что за люди. «Французы», былъ отвѣтъ. «Чего вы хотите и зачѣмъ вы въ Россіи?» продолжалъ спрашивать офицеръ. «Воевать съ вами, взять Вильну, освободить Польшу!» Офицеръ не спрашивалъ дальше, повернулъ коня, и патруль быстро скрылся въ лѣсу. Саперы послали ему вдогонку нѣсколько пуль (Segur, т. I, 126). То были первые французскіе выстрѣлы, прозвучавшіе въ Россіи. Завязалась перестрѣлка. Она послужила сигналомъ. Три роты пѣхоты немедленно переправились вслѣдъ за саперами, четвертая заняла островъ, на возвышенностяхъ лѣваго берега развернулось нѣсколько батарей. Изъ лѣса, изъ-за холмовъ показались войска. Безъ шума подходили они къ берегу, безъ шума занимали мѣста, дожидаясь очереди. Была торжественная, жуткая тишина. Солдаты словно чувствовали, что они идутъ на Голгофу. Наполеонъ почти не покидалъ своей палатки. Въ какомъ-то странномъ безсиліи провелъ онъ весь этотъ день, и былъ вни себя, когда до слуха его донесся звукъ первыхъ выстрѣловъ.

Въ 11 часовъ вечера три моста были готовы, и едва сталъ свѣтлѣть востокъ, какъ потянулись живой нескончаемой лентой, неудержимымъ потокомъ, стряхнувъ оцѣпеніе, желѣзные легіоны великой арміи, покрытые славой столькихъ битвъ, лаврами столькихъ побѣдъ: уланы съ пестрыми значками, драгуны съ конскими хвостами, гусары, кирасиры,

¹⁾ Сначала, впрочемъ, онъ думалъ переправиться въ Ковно, а здѣсь устроить только демонстрацію; но когда обнаружилось, что русскіе не собираются защищать переправу, Наполеонъ рѣшилъ перевести по ману все войско.

²⁾ Разсказъ о пересѣваніи его и Бертье въ шинели польскихъ уланъ принадлежитъ, повидимому, къ области сказокъ.

³⁾ См. полк. Н. Н. Подикарповъ. Очеркъ Отеч. войны. «Нов. Жизнь», 1911, X.

карабинеры, гренадеры, вольтижеры, велиты, фланкеры, стрѣлки, артиллерія, обозы...

Императоръ переправился одинъ изъ первыхъ. Ступивъ на непріятельскій берегъ, онъ долго стоялъ у мостовъ, ободряя солдатъ и слушая восторженныя «Vive l'Empereur!». Потомъ, наэлектризованный, прищипнувъ коня, поскакалъ въ лѣсъ во весь опоръ, и долго мчался впередъ, совершенно одинъ, въ какомъ-то опьянѣніи. Наконецъ опомнился, медленно вернулся къ мостамъ, и, присоединившись къ одному изъ гвардейскихъ отрядовъ, направился въ Ковно.

Погода хмурилась. Собирались тучи. И еще много оставалось войскъ по ту сторону Нѣмана, когда разразилась жесточайшая лѣтняя гроза.

Ген.-отъ-инф. А. Д. Балашевъ (Клюквинъ).

Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ оглушительныя раскаты грома потрясали все кругомъ, вселяя ужасъ въ суетврныя души. Дождь лилъ, какъ подъ тропиками, не переставая, и дороги превратились постепенно въ непроходимое болото, въ которомъ завязали лошади и въ которомъ приходилось бросать повозки. Холодъ и сырость смѣнили тропическую жару (Segur, тамъ же, 130). Русское небо посылало свое предостереженіе баловню судьбы ¹⁾.

Великая армія была въ предѣлахъ Россіи. Куда бросить ея несокрушимую силу воля Наполеона?

Можно утверждать съ довольно большою опредѣленностью, что общій планъ кампаніи у Наполеона измѣнился въ теченіе похода. Онъ былъ одинъ въ Дрезденъ и Вильнъ, другой — въ Смоленскъ. И нужно сказать, что тотъ, съ которымъ онъ начиналъ свой походъ, былъ не только лучше, но онъ былъ единственно возможный. Наполеона погубило то, что онъ отъ него отступилъ.

Въ Дрезденъ, въ маѣ 1812 г., Наполеонъ уже зналъ, что ему придется отказаться отъ надежды вызвать русскую армію на атаку послѣ перехода черезъ Нѣманъ. Онъ былъ готовъ къ тому, что они будутъ укло-

¹⁾ Остальныя части великой арміи перешли границу позднѣе. Вице-король переправился черезъ Нѣманъ у Пренъ 18-го, Жеромъ занялъ Гродно 18-го, Шварценбергъ — черезъ Бугъ 26 іюня.

няться отъ битвы и отступать. И все-таки рѣшилъ преслѣдовать ихъ только до извѣстнаго предѣла. Онъ говорилъ Меттерниху: «Мое предпріятіе принадлежитъ къ числу тѣхъ, рѣшеніе которыхъ дается терпѣніемъ. Торжество будетъ удѣломъ болѣе терпѣливаго. Я открою кампанію переходомъ черезъ Нѣманъ. Закончу я ее въ Смоленскъ и Минскъ. Тамъ я остановлюсь. Я укрѣплю эти два города и займусь въ Вильнѣ, гдѣ будетъ моя главная квартира въ теченіе ближайшей зимы, организаціей Литвы, которая жаждетъ сбросить съ себя русское иго. И мы увидимъ, кто изъ насъ двухъ устанетъ первый: я отъ того, что буду содержать свою армію насчетъ Россіи, или Александръ отъ того, что ему придется кормить мою армію насчетъ своей страны. И, можетъ-быть, я самъ уйду на самые суровые мѣсяцы зимы въ Парижъ». Меттернихъ

На берегу Нѣмана. (Фаберже дю-Форъ—майоръ артиллеріи Вюртембергской арміи).

спросилъ Наполеона, что онъ будетъ дѣлать, если оккупация Литвы не вынудитъ Александра къ миру. Наполеонъ отвѣтилъ: «Тогда, перезимовавъ, я двинусь къ центру страны, и въ 1813 году буду такъ же терпѣливъ, какъ въ 1812 г. Все, какъ я вамъ сказалъ, является вопросомъ времени» (Metternich, *Mém.*, т. I, 122). Наполеонъ не хитрилъ съ Меттернихомъ. Онъ, дѣйствительно, излагалъ ему тотъ планъ, который онъ рѣшилъ осуществлять въ теченіе лѣта и осени 1812 года. И онъ еще въ Вильнѣ держался его твердо. Онъ говорилъ тамъ Себастьяни: «Я не перейду Двину. Хотѣть итти дальше въ теченіе этого года, значитъ итти навстрѣчу собственной гибели» (Ségur, *Hist. de Napoléon et de la grande armée, en 1812*, т. I, 264). Мало того, уже въ Смоленскъ Даву услышалъ отъ императора слѣдующія слова, такъ обрадовавшія осторожнаго маршала: «Теперь моя линія отлично защищена. Остановимся здѣсь. За этой твердыней я могу собрать свои войска, дать имъ отдыхъ, до-

ждаться подкрѣпленій и снабженія изъ Данцига. Польша завоевана и хорошо защищена; это результатъ достаточный. Въ два мѣсяца мы пожали такіе плоды, которыхъ могли ожидать развѣ въ два года войны. Довольно! До весны нужно организовать Литву и снова создать непобѣдимую армію. Тогда, если миръ не придетъ искать насъ на зимнихъ квартирахъ, мы пойдемъ и завоюемъ его въ Москвѣ» (Ségur, тамъ же, стр. 265).

Но онъ не выдержалъ этой тактики терпѣнія, и захотѣлъ въ первую же кампанію добиться того, что онъ сознательно откладывалъ до кампаніи 1813 года. Онъ не остановился ни въ Минскѣ, ни въ Смоленскѣ, а пошелъ на Москву. Что его побудило къ этому?

Чтобы остановиться въ Смоленскѣ и Минскѣ и зазимовать въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, пужно было, чтобы кампанія прошла съ такимъ же блескомъ, съ какимъ проходили кампаніи 1805, 1806, 1809 года. Иначе Парижъ и Европа могли дать знать о себѣ. Престижъ имперіи требовалъ, разъ война началась, чтобы было то, что самъ Наполеонъ называлъ un grand coup. Онъ боялся, что разъ война пойдетъ скучно, будетъ складываться изъ множества болѣе или менѣе нерѣшительныхъ дѣлъ. Франція начнетъ высказывать недовольство, подвластныя и вассальныя страны заволнуются. И кто могъ предсказать, куда приведетъ это недовольство, во что выльется это волненіе (Zurlinden, Napoléon et ses marches, т. I, 181).

Политика путала стратегическіе расчеты великаго полководца ¹⁾.

Переправясь черезъ Нѣманъ, Наполеонъ рѣшилъ врѣзаться между расположеніями двухъ нашихъ армій, отрѣзать, окружить и уничтожить Багратиона. Это было бы однимъ изъ тѣхъ grands coups, которые ему были нужны. Но Багратионъ ускользнулъ; подъ Смоленскомъ наши арміи соединились, и снова двинулись къ Витебску. Наполеонъ обошелъ лѣвое крыло русской арміи и собирался внезапнымъ захватомъ Смоленска пробить себѣ дорогу черезъ Днѣпръ, ударить русскимъ въ тылъ (Mém. écrits par les généraux sous la dictée de Napoléon, т. IV, 242—243) и разгромить ихъ. Это тоже было бы grand coup, но это тоже не удалось. Помѣшалъ Невѣровскій. Взятіе Смоленска стоило большихъ потерь и въ стратегическомъ отношеніи крупнаго значенія не имѣло.

При такихъ условіяхъ остановиться на зимовку въ Смоленскѣ значило оживить всѣ возможные недовольства и волненія во Франціи и въ Европѣ. Политика погнала Наполеона дальше и заставила его нарушить свой превосходный первоначальный планъ.

«Походъ изъ Смоленска въ Москву,—говоритъ Наполеонъ (тамъ же, стр. 247),—былъ основанъ на мысли, что непріятель, для спасенія столицы, дастъ сраженіе, что онъ будетъ разбитъ, что Москва будетъ взята, что Александръ для ея спасенія заключитъ миръ». Въ случаѣ упорства царя. Наполеонъ надѣялся найти въ Москвѣ достаточно ресурсовъ для зимовки и рассчитывалъ еще оттуда вызвать крестьянское возстаніе. Пред-

¹⁾ Своимъ окружающимъ онъ выставялъ и другія причины. Онъ зналъ, что армія разстраивается, что чуть не двѣ трети ея были въ отсталыхъ. Но ему нуженъ былъ миръ, чтобы она не разстроилась окончательно, и онъ былъ убѣжденъ, что найдетъ его въ Москвѣ. «Моя армія,—говорилъ онъ,—составлена такъ, что при всей ея дезорганизациіи одно движеніе поддерживаетъ ее. Во главѣ ея можно идти впередъ, но не останавливаться и не отступать. Эта армія нападенія, а не защиты». (Сегюръ, тамъ же). Но не это была главная причина, а та, которая указана выше.

видіня оказались математически правильными, и взятіе Москвы, конечно, было бы тѣмъ grand coup, въ которомъ такъ нуждался Наполеонъ, если бы не Ростопчинъ и его красныя пѣтухи. Пожаръ Москвы привелъ къ фіаско всѣхъ стратегическихъ плановъ Наполеона.

Александръ около мѣсяца уже былъ въ Вильнѣ. Вечеромъ 12 іюня онъ находился на балу у ген. Беннигсена. Тутъ ему шопотомъ доложили, что Наполеонъ въ Россіи. Пробывъ еще нѣкоторое время, онъ уѣхалъ. На утро появилась за его подписью прокламація къ войскамъ, извѣщающая о началѣ войны, и рескриптъ фельдмаршалу графу Н. И. Салтыкову, кончавшійся словами: «Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколь ни единого непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ». 13-го царь отправилъ къ Наполеону ген.-адъютанта А. Д. Балашова съ собственноручнымъ письмомъ, а 14-го выѣхалъ самъ въ Свѣянцаны и дальше.

Великая армія быстро подвигалась впередъ. Наша армія упорно защищалась, но, несмотря на цѣлый рядъ арьергардныхъ стычекъ (см. указ. статью Поликарпова), не могла задержать наступленія. Уже 15-го авангардъ Мюрата ночевалъ въ Рыконтахъ, верстахъ въ 20 отъ Вильны.

На слѣдующій день, 16-го, произошло три небольшихъ дѣлъ, завершившія Нѣманъ—Виленскую операцію: одно—самое крупное подъ Велілкомиромъ, на нашемъ правомъ флангѣ, гдѣ Удино опрокинулъ арьергардъ Витгенштейна ¹⁾, другое на лѣвомъ, гдѣ Жеромъ выбилъ изъ Гродно Платова, третье въ центрѣ, у самой Вильны, когда главныя французскія силы съ боемъ вошли въ городъ, тѣсня арьергардъ Барклая подъ начальствомъ кн. Шаховскаго.

Барклай сначала думалъ было защищать Вильну. Поэтому онъ весь день 15-го пробылъ еще въ городѣ, подтягивая къ себѣ войска, и только 16-го, подъ стремительнымъ натискомъ французовъ, началъ отступленіе, непрерывно задерживая непріятеля арьергардными стычками.

Населеніе Вильны встрѣтило Наполеона восторженно. Но Наполеонъ, не останавливаясь, проѣхалъ черезъ городъ на Свѣянцанскую дорогу, отдалъ необходимыя приказанія о преслѣдованіи русской арміи, велѣлъ снабдить артиллеріей командующія высоты и навести мосты на Вилин, и только потомъ вернулся въ Вильну. Здѣсь 18-го онъ принялъ Балашова ²⁾.

Миссія Балашова довольно подробно, но очень тенденціозно, изображена въ «Войнѣ и мирѣ». Въ нашей исторіографіи на нее обыкновенно смотрятъ, какъ на послѣднюю ставку на миръ со стороны Александра. Это невярно. Миссія Балашова не была ставкою на миръ. Она была лишь неискренней демонстраціей миролюбія. Какъ истый «византиецъ», Александръ задумалъ ловкій ходъ, чтобы передъ лицомъ Европы и Россіи окончательно переложить отвѣтственность за войну на французскаго императора. Балашовъ получилъ такія инструкціи, которыя дѣлали не-

¹⁾ См. картинное изображеніе его у Марбо (Мѣм., III, гл. VI) и детальное описаніе у Поликарпова, цит. ст.

²⁾ См. записку А. Д. Балашова (Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. 43, стр. 14 и слѣд.).

возможнымъ открытіе мирныхъ переговоровъ. Онъ долженъ былъ требовать обратнаго перехода французовъ черезъ границу. Вынудить Наполеона уйти за Нѣманъ, когда онъ перебросилъ въ Россію полмилліона вооруженныхъ людей и занялъ цѣлую русскую область, конечно, было нельзя, и Александръ это, вѣроятно, понималъ очень хорошо. Но начать переговоры теперь же, пока французы были еще въ Вильнѣ, Наполеонъ не отказывался. Этому не хотѣлъ Александръ.

При такихъ условіяхъ миссія Балашова была заранее обречена на неудачу, и положеніе его становилось смѣшнымъ, когда онъ вынужденъ былъ выслушивать справедливые порой упреки Наполеона. Но связанный инструкціей, Балашовъ молчалъ и ухалъ мрачнымъ вѣстникомъ, какъ только его отпустили. Ужасы войны стали неотвратимы.

А. Дживелеговъ.

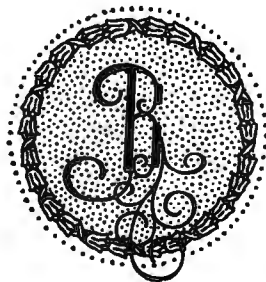

Пулавы (рис. Вогеля).

IV. Наполеонъ и Польша.

1. Занятіе Польши.

Проф. А. Л. Погодина.

Польша съ нетерпѣніемъ ждала начала военныхъ дѣйствій между русскими и французскими войсками. Причины этого нетерпѣнія были понятны: съ первыхъ лѣтъ вступленія на престолъ императора Александра I съ Россіей связывались самыя пылкія и восторженные надежды; вѣдь Александръ такъ открыто выражалъ порицаніе раздѣламъ Рѣчи Посполитой, такъ близокъ былъ съ семьей князей Чарторійскихъ и произносилъ такія многозначительныя, хотя и не слишкомъ ясныя, рѣчи въ ихъ главной резиденціи, Пулавахъ (теперь посадъ Новая Александрія, въ Люблинской губерніи), что на русскаго

императора, какъ на будущаго воскресителя независимой Польши, польское общество привыкло смотреть съ довѣріемъ и ожиданіемъ. Основаніе герцогства Варшавскаго по Тильзитскому миру на время совсѣмъ вытѣснило Александра изъ польскихъ сердецъ, а около имени Наполеона создало легенду, не отжившую донинѣ, хотя не разъ разоблаченную польскими же историками. И, дѣйствительно, французскій императоръ давалъ много поводовъ думать, что судьба Польши его горячо интересуетъ: онъ подумывалъ о созданіи изъ Галиціи отдѣльнаго маленькаго государства, онъ опредѣлилъ основы конституціи герцогства, и не только въ Польшѣ, но и за границей въ основаніи герцогства Варшавскаго видѣли «воскрешеніе Польши». Естественно поэтому, что съ 1807 года каждый шагъ Наполеона комментировался въ духъ этой легенды, и что популярность его въ Польшѣ была громадна. Въ это время появилась въ печати «молитва для произнесенія въ костелахъ всѣхъ віроисповѣданій въ воскресные и праздничные дни». Здѣсь говорилось, между прочимъ, слѣдующее: «Великій Боже, Ты, который сотворилъ Наполеона изъ духа мужества, мудрости и доброты и предназначилъ ему одной рукой гнать враговъ Польскаго Народа, а другой—воздвигнуть его для счастливаго существованія, борьбы и обладанія, прими отъ народа Твоего глубокую благодарность за чудо воскрешенія и за всѣ дары, которые посылаетъ намъ благодать Твоя. Прими горячія молитвы за Помазанника Твоего великаго, Наполеона, Императора и Короля». Подобныхъ молитвъ и славословій въ стихахъ и прозѣ ходило множество, и польское общество пользовалось всякимъ случаемъ, чтобы выразить Наполеону свою благодарность и подчеркнуть надежды на него.

Доминикъ Радзивилъ.

Все это отлично цѣнилъ Наполеонъ. Придя къ убѣжденію, что война съ Россіей становится неизбежной, французскій императоръ уже въ 1811 году отправилъ въ Варшаву резидентомъ Биньона, который былъ извѣстенъ своимъ сочувствіемъ полякамъ. На него была возложена миссія подготовить общественное мнѣніе Польши къ войнѣ съ Россіей, и въ инструкціи, которую далъ ему Наполеонъ, повторялись мысли, особенно дорогія полякамъ. На новаго резидента возлагалась обязанность «дать правительству Герцогства направленіе, которое подготовило бы его къ великимъ перемѣнамъ, имѣющимъ быть осуществленными императоромъ на пользу польскаго народа. Намѣреніе, которое ставилъ себѣ императоръ, заключается въ организаціи Польши въ предѣлахъ цѣлой или части ея

передней территоріи, по возможности избѣгая войны. Съ этой цѣлью Его Имп. Величество далъ очень обширныя полномочія своему послу въ Петербургъ и выслалъ въ Вѣну спеціальное лицо, которое уполномочено вступить въ переговоры съ главными державами и предложить имъ большія уступки изъ территоріальныхъ владѣній Французской имперіи въ видѣ возмѣщенія тѣхъ уступокъ, которыя необходимы для возстановленія Польскаго королевства. Европа раздѣляется на три большихъ отдѣла: Французская имперія на западъ, Нѣмецкія страны посрединѣ и Россійская имперія на востокъ. Англія можетъ имѣть лишь такое вліяніе на континентъ, какое захотятъ признать за нею инныя государства. Съ помощью сильной организаціи центра Европы, необходимо предотвратить возможность для Россіи или Франціи стараній расширить свои границы и получить перевѣсъ надъ всею остальною Европой. Французская имперія переживаетъ теперь расцвѣтъ своего могущества. Если она теперь же не создастъ политическаго уклада Европы, завтра она можетъ лишиться выгодъ своего теперешняго положенія и потерять возможность осуществить свои предпріятія. Императоръ полагаетъ, что наступитъ время, и притомъ въ близкомъ будущемъ, когда будетъ необходимо возвратитъ европейскимъ государствамъ ихъ полную независимость. Центръ Европы долженъ состоятъ изъ государствъ, неравныхъ въ смыслъ своего могущества, имѣющихъ каждое отдѣльную, лишь ему принадлежащую политику,—такихъ государствъ, изъ которыхъ каждое въ силу своего положенія и политическихъ отношеній будетъ искать поддержки въ защитѣ болѣе сильныхъ державъ. Эти государства будутъ всегда стоять на сторонѣ мира, такъ какъ иначе имъ всегда бы приходилось дѣлаться жертвами войны. Въ этихъ видахъ, создавъ новыя государства и увеличивъ прежнія, императоръ предвидитъ для укрѣпленія союзной системы еще одинъ предметъ, гораздо болѣе важный для него и для Европы, т.-е. возстановленіе Польши. Ибо безъ возстановленія этого королевства Европа не будетъ имѣть границъ съ этой стороны: Австрія и Германія будутъ противопоставлены непосредственно сильнѣйшему государству на свѣтѣ. Императоръ предвидитъ, что Польша и Пруссія будутъ со временемъ союзниками Россіи; но, если Польша будетъ обязана ему своимъ возрожденіемъ, соединеніе этихъ двухъ народовъ наступитъ такъ поздно, что за это время новый порядокъ вещей уже успѣетъ окрѣпнуть».

Такъ шла сирена. Истинныя намѣренія Наполеона, повидимому, были очень далеки отъ этихъ блестящихъ грѣзъ, и въ нотѣ, отправленной въ Петербургъ въ то же самое время, было указано, что Россія стремится присоединить къ своимъ владѣніямъ Варшавское герцогство, что она продолжаетъ увеличивать свои земли на счетъ прежней Рѣчи Посполитой. и что со своей стороны императоръ Наполеонъ охотно гарантировалъ бы Россіи отказъ отъ всякаго предпріятія, которое могло бы повести къ возстановленію Польши. Но всѣ эти тайные переговоры оставались тайными, и политика французскаго императора проложила ему широкіе пути въ Польшу. Какъ же къ этому относился Александръ I? Могъ ли онъ спокойно выжидать событій, не предпринимая со своей стороны никакихъ средствъ для привлеченія на свою сторону Польши. Уже въ началѣ 1811 года Александръ вступилъ на свой обычный путь обѣщаній и увѣреній въ письмѣ

къ своему старому другу Чарторыйскому, съ которымъ сотрудничество императора въ сущности было уже прервано, возобновилъ свои прежнія заявленія о необходимости возстановить Польское королевство, для чего онъ ставилъ, однако, необходимымъ условіемъ соединеніе его съ Россіей, соединеніе добровольное, подтвержденное подписями самыхъ значительныхъ лицъ. Однако кое-какія попытки, сдѣланныя Чарторыйскимъ въ этомъ направленіи, не привели ни къ чему, и уже въ апрѣль 1812 года Александръ, повидимому, ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ неосуществимости этой задачи при тогдашнемъ повышенномъ настроеніи и надеждахъ польскаго общества. И, съ другой стороны, однако, онъ встрѣчалъ поддержку своимъ замысламъ. Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей Литвы, богатъ и магнатъ Михайлъ Огинскій, обратился къ императору Александру съ проектомъ особой организаціи Литвы. Это было въ началѣ 1811 года и въ продолженіе всего этого года между Огинскимъ, бывшимъ участникомъ Костюшковскаго возстанія, потомъ помилованнымъ императоромъ Александромъ и пожалованнымъ въ званіе сенатора, и Александромъ шли переговоры о такой организаціи Литовскаго княжества, которая могла бы наиболѣе сблизить его съ Россіей. 1 декабря 1811 г. князь Огинскій подалъ Александру меморіаль, въ которомъ онъ говорилъ уже какъ бы отъ имени населенія Варшавскаго герцогства. «Не думаете ли вы, государь, — читаемъ мы въ этомъ любопытномъ документѣ, — что жители Варшавскаго герцогства или же ваши польскіе подданные, мечтающіе о возстановленіи Польши, любятъ лично Наполеона? Конечно, нѣтъ. У нихъ нѣтъ никакого основанія питать къ нему чувствъ любви и благодарности, но онъ ласкаетъ ихъ надежды, и они видятъ въ немъ воскресителя ихъ Родины. Обратите, государь, это оружіе противъ него, и вы увидите, что онъ лишится всей симпатіи и энтузіазма: тогда ихъ внушатъ уже ваши личныя качества. Считаая неоспоримыми истинами, что, во-первыхъ, императоръ Наполеонъ, въ своей ненасытной жадѣ войнъ и завоеваній, недолго позволитъ Россіи наслаждаться благами мира, что, во-вторыхъ, онъ используетъ всѣ имѣющіяся средства для возстановленія всѣхъ внѣшнихъ враговъ Россіи и возбужденія умовъ внутри, что, въ-третьихъ, самое дѣйствительное средство, которое онъ можетъ обратить противъ Россіи, есть возстановленіе Польши, — не можетъ быть сомнѣнія, что слѣдуетъ предупредить его намѣренія, и что сила мѣръ сопротивленія должна соответствовать нападенію». Огинскій предлагалъ возстановленіе Польши, подъ скипетромъ русскаго императора, и воссоединеніе ея съ Литовскимъ княжествомъ. По

Доминикъ Прадзь.

словамъ Огинскаго, меморіаль его вызвалъ самое горячее сочувствіе въ Александрѣ, который началъ съ литовскимъ магнатомъ ту же самую игру, какую онъ такъ долго велъ съ польскимъ. Однако было уже слишкомъ поздно. Война была неизбежна, и исходъ ея и начало всѣхъ послѣдующихъ реформъ могли быть установлены теперь лишь силою оружія.

Къ войнѣ и готовились теперь энергично оба врага. Наполеону было необходимо развязать себѣ руки со стороны Пруссіи и Австріи, т.-е. какъ разъ тѣхъ государствъ, которыя участвовали въ раздѣлѣ Польши и для которыхъ возстановленіе ея было бы большимъ урономъ. И вотъ онъ заключаетъ договоръ съ Австріей, въ которой включаются тайные пункты о Галиціи. Галиція должна остаться и впредь владѣніемъ Австріи, въ случаѣ же, если извѣстная часть ея отойдетъ къ Польскому королевству,

Австрія получить возмѣщеніе въ видѣ Иллирійскихъ провинцій. Во всякомъ случаѣ, не было и рѣчи о возстановленіи Польши въ ея прежнихъ границахъ. Въ Варшавѣ объ этомъ не знали и ликовали, ожидая Наполеона.

Въ Познань, которая входила въ составъ герцогства Варшавскаго, Наполеонъ пріѣхалъ 30 мая. Онъ былъ торжественно встрѣченъ делегатами саксонскаго короля, сенаторами Соболевскимъ и Выбицкимъ, которые сопровождали его до Торна. Отсюда, сдѣлавъ военныя распоряженія, императоръ проѣхалъ въ Данцигъ и Кенигсбергъ, гдѣ и остановился до 2 іюня. Уже въ Познани былъ выработанъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ Варшавскомъ герцогствѣ. Не соглашаясь на «посполитое рушеніе», обычное явленіе въ прежней Польшѣ, Наполеонъ допускалъ образованіе генераль-

Тадеушъ Матушевичъ.

ной конфедераціи, которая должна обратиться къ нему съ просьбой возстановить прежнюю Польшу и уже отъ себя обратиться къ населенію всей прежней Рѣчи Посполитой (кроме Галиціи) съ призывомъ къ возстанію и объединенію съ герцогствомъ Варшавскимъ. Разумѣется, рѣчь шла прежде всего о Литвѣ, возстаніе которой противъ Россіи было бы въ высшей степени выгодно Наполеону. Чтобы еще болѣе опредѣленно подчеркнуть свое вниманіе къ Польшѣ, французскій императоръ рѣшилъ замѣнить прежняго резидента Биньона полномочнымъ посланникомъ при герцогѣ варшавскомъ, королѣ саксонскомъ, епископомъ Мерлинскимъ, ксендзомъ Прадтомъ. Дѣйствіе этого назначенія на настроеніе польскаго общества было громадно; въ Варшавѣ это было понято, говоритъ историкъ Варшавскаго герцогства, Скарбекъ, какъ доказательство намѣренія Наполеона превратить этотъ городъ въ ближайшемъ будущемъ въ «столицу большого самостоятельнаго государства». Правда, Прадтъ повелъ себя съ самаго начала круто и обра-

щался деспотически какъ съ правительствомъ, такъ и съ самыми значительными людьми края, но развѣ можетъ вести себя иначе посолъ великаго монарха, утѣшали себя оптимисты? Правленіе краемъ перешло въ руки совѣта сенаторовъ, назначенныхъ герцогомъ варшавскимъ, но фактически всѣмъ распоряжался Прадтъ. Вообще настроеніе толпы непосвященныхъ было радостное, исполненное ожиданій; люди болѣе дальновидные и близкіе къ политикѣ тревожно покачивали головами, но дѣлали видъ, что все обстоитъ благополучно. Самъ же Наполеонъ въ своемъ обращеніи къ солдатамъ называлъ предстоящую войну второй польской кампаніей и, принимая польскихъ делегатовъ, не щадилъ комплиментовъ и двусмысленныхъ обещаній. Однако самъ онъ со своими войсками, перейдя Нѣманъ, вступилъ въ Литву, минуя Варшаву. Въмѣсто него въ Варшаву прибылъ братъ императора Іеронимъ, который велъ вестфальскій корпусъ. Трудно было сдѣлать менѣе удачный выборъ. Наполеонъ точно нарочно хотѣлъ сказать полякамъ, чтобы они не слишкомъ надѣялись на него. Іеронимъ распустилъ своихъ солдатъ до такой степени, что они предались грабежу помѣщичьихъ усадебъ и крестьянскихъ дворовъ, вызывая нерѣдко вспышки дикой мести со стороны населенія; самъ же разбѣзжалъ со своимъ дворомъ по имѣніямъ польскихъ магнатовъ, кутилъ, заставляя содержать всю свою дворню. Только во второй половинѣ іюня французскія войска очистили Варшаву, двинувшись на сѣверъ. Въмѣстѣ съ Наполеономъ пошли на сѣверъ и польскія войска въ числѣ свыше 66 тыс. человекъ. Варшавское герцогство, разоренное и истощенное легкомысленной финансовой политикой, имѣвшее всего 4 милліона населенія, сдѣлало невѣроятныя усилія, чтобы выставить такое многочисленное войско. Отъ французскаго императора ждали присылки оружія и экипировки. Но не дождались ничего.

Народъ, переходившій изъ рукъ одного властелина къ другому, неорганизованный и разбитый, чувствовалъ приближеніе новой эпохи въ своей исторіи. Онъ не ошибся: наполеоновскія войны создали для него новыя условія существованія, но какъ далеки они были отъ тѣхъ грѣзъ, которыя сулилъ Наполеонъ! Прошли тяжелыя десятилѣтія, прежде чѣмъ поляки научились полагаться не на того или другого благодѣтельнаго государя, но на собственную стойкость въ стремленіяхъ и трудѣ.

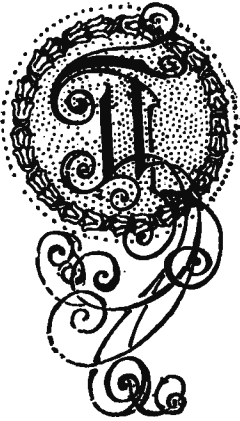
А. Погодинъ.

Варшава (рис. Вогеля).

2. Польская конфедерація въ 1812 г.

Прив.-доц. В. И. Пичета.

Польское общество съ нетерпѣніемъ ожидало начала войны Наполеона съ Александромъ. Оно почти не сомнѣвалось въ конечномъ результатѣ задуманнаго похода и радостно всматривалось въ ближайшее будущее. Передъ его глазами не въ грѣзахъ и сновидѣніяхъ, а въ реальныхъ очертаніяхъ постоянно стояла возрожденная Польша, въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась до раздѣловъ. Патріотическія сердца бились въ унисонъ, и никто не хотѣлъ обращать вниманіе на слова и замѣчанія, противорѣчившія этимъ надеждамъ и ожиданіямъ. Всѣ жили только Наполеономъ. Только онъ царилъ надъ умами. Его считали апостоломъ свободы, воскресителемъ новой Польши. Ему охотно прощали эксплуатацію экономическихъ ресурсовъ страны, доведшую ее до полнаго разоренія.

Всѣ въпили въ звѣзду Наполеона и счастье новой Польши, хотя никто въ дѣйствительности не зналъ, какихъ взглядовъ держался самъ Наполеонъ относительно будущихъ политическихъ судебъ Польши. Увлечение и въра въ Наполеона были такъ сильны, что польское общество готово было на какія угодно пожертвованія, лишь бы только была восстановлена старая Польша. Другого оно не желало, да и не могло желать, такъ какъ только полное возвращеніе оторванныхъ областей могло поднять ресурсы страны и позволило бы Варшавскому герцогству выйти изъ того тяжелаго экономическаго положенія, въ которомъ оно въ дѣйствительности находилось. Не имѣя выхода къ морю и лишенное самыхъ лучшихъ польскихъ областей, Варшавское герцогство переживало затяжной экономическій кризисъ, еще болѣе обострившійся, благодаря реквизиціямъ Наполеона.

Патріотическій подъемъ былъ огромный, и, конечно, сторонники союза съ Александромъ должны были отступить назадъ, передъ этимъ энтузіазмомъ, которымъ были охвачены польскіе патріоты, почти не учитывавшіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Да и едва ли они могли спокойно и объективно въ нихъ разобраться. Всѣ только жили прекраснымъ будущимъ, и никто не хотѣлъ думать о возможныхъ разочарованіяхъ...

Наполеонъ пока думалъ о другомъ. Національная идея, охватившая польское общество, могла быть только полезна ему и его планамъ. Онъ попрежнему говорилъ о будущемъ Польши полупамятками, которые, тѣмъ не меньше, укрѣпляли патріотическія надежды, и въ то же время имѣлъ въ виду извлечь изъ этихъ неопредѣленныхъ и неясныхъ политическихъ мечтаній пользу для себя. Въдъ Наполеону, собственно, нужна была не возрожденная Польша, а только польская армія, польскія средства... Намеки же на возможность восстановленія Польши являлись средствомъ

взять отъ Польши все необходимое, вызывая не ропотъ, а улыбку благодарности и радости...

Въ маѣ мѣсяцѣ союзныя войска уже были въ предѣлахъ Варшавскаго герцогства. Положеніе дѣль требовало экстренныхъ мѣръ. Указомъ 26 мая герцогъ Фридрихъ-Августъ возложилъ всю полноту исполнительной власти на совѣтъ министровъ, подѣ личной отвѣтственностью его членовъ. Требовалось лишь только условіе, чтобы постановленія министровъ утверждались большинствомъ голосовъ, при перевѣсѣ голоса председателя. Совѣтъ министровъ счелъ нужнымъ узнать голосъ націи, и 26 мая былъ опубликованъ декретъ о созывѣ сейма, правда, съ нарушеніемъ конституціи Варшавскаго герцогства, такъ какъ требуемые сеймики не были собраны за недостаткомъ времени, а обязанности пословъ и депутатовъ были возложены на тѣхъ, «которые по жребію должны были отказаться отъ своего званія, но не уволены еще отъ исполненія своихъ обязанностей до избранія замѣстителей, такъ и тѣхъ пословъ и депутатовъ, которые на послѣд-

нихъ сеймикахъ были избраны лишь замѣстителями». Декретъ не опредѣлялъ точно предмета занятій будущаго сейма, но онъ выражалъ полную увѣренность въ томъ, что депутаты отнесутся къ своимъ обязанностямъ съ тѣмъ вниманіемъ, котораго требовало настоящее положеніе дѣль. «Помните,—таковы были послѣднія слова довольно напыщеннаго декрета,—что, когда вы приступите къ порогу свя-

тыни закона, на васъ устремятся взоры всего міра, что судить васъ будутъ не только нынѣшнія, но и будущія поколѣнія». День открытія столь поспѣшно собраннаго сейма былъ назначенъ на 23 іюня.

Послѣ провѣрки выборовъ, 26 іюня состоялось торжественное за-сѣданіе сейма. Всѣ депутаты были въ сборѣ. Настроеніе у всѣхъ праздничное. Всѣми чувствовалось наступленіе новой страницы польской исторіи. Послѣ молебствія сенаторы и послы ушли въ отведенныя для нихъ помѣщенія въ посольской и сенаторской залѣ. Затѣмъ Маршаломъ сейма былъ избранъ глава политической партіи—кн. Адамъ Чарторыйскій. Избраніе было единогласное. Затѣмъ послы опять вернулись въ старый залъ, гдѣ депутаты заняли назначенныя для нихъ мѣста, а Маршалъ сейма принялъ установленную присягу.

Засѣданіе сейма открылось рѣчью министра финансовъ Матушевича, говорившаго отъ имени совѣта министровъ. Вся она посвящена характеристикѣ дѣйствительнаго состоянія Варшавскаго герцогства. Министръ былъ довольно откровененъ въ своей рѣчи. Ему пришлось указать

Лazienки. Лѣтній корол. дворецъ въ Варшавѣ (Вогеля).

избранникамъ народа на тяжелое положеніе финансовъ герцогства и на возможность банкротства.

Правительство было занято отысканіемъ новыхъ источниковъ налоговъ и доходовъ и въ то же время думало о сокращеніи расходовъ. И то и другое не принесло существенной пользы. А между тѣмъ страну постигла засуха. Всѣ посѣвы были уничтожены, а территорія герцогства покрылась войсками. «Голодь казался неизбѣжнымъ... Истощенная казна могла оказать странѣ самую незначительную помощь». И трудно сказать, что было, если бы населеніе не проявило «безграничной самоотверженности и того необычайнаго воодушевленія, которое васъ воодушевляетъ». Въ рѣчи Матушевича не было слышно воинственныхъ нотъ. Ея содержаніе скорѣе должно было убѣдить членовъ сейма въ необходимости мира, но она не обратила на себя вниманіе сейма. Жажда патріотическаго подвига отодвинула на задній планъ всякія сомнѣнія. Она не разбила политическихъ иллюзій, и сеймъ горячо аплодировалъ словамъ министра, что «близокъ уже тотъ часъ, когда желѣзо пожнетъ посѣвы на поляхъ вашихъ, утраченныхъ, благодаря милости Провидѣнія, которое, повидимому, обѣщаетъ намъ еще большія блага... Земля наша, орошенная кровью и слезами, обѣщаетъ намъ близкій и несомнѣнный урожай... Развѣ мы не видимъ тучъ, которыя несутъ тысячи громовъ? Мечъ гибели виситъ уже надъ головами виновниковъ нашихъ несчастій, надъ тѣми, кто одни противятся нашему счастью. Мечъ этотъ виситъ на одной только нити и, быть-можетъ, вскорѣ мы узнаемъ, что эта нить порвалась... Господа! вспомните о прошломъ, взгляните на окружающее, проникнитесь самыми лучшими чувствами, а главнымъ образомъ, ознаменуйте символами согласія и единенія этотъ сеймъ, который навсегда будетъ памятенъ вамъ».

Это было встрѣчено съ восторгомъ. Всѣ ждали скорого наступленія золотого вѣка для Польши. Надо было пользоваться политическими обстоятельствами, и поскорѣе политическія мечты превратить въ конкретные факты. Это всѣмъ казалось такимъ легкимъ дѣломъ. Да и кто могъ противодѣйствовать? Государства, раздѣлившія Польшу? Они слишкомъ слабы и ничтожны, разъ за спинами польскихъ патріотовъ скрывался самъ Наполеонъ, эта карающая рука Немезиды.

Вотъ почему сеймъ отнесся съ энтузіазмомъ къ петиціи поляковъ, поданной 26 іюня и подписанной весьма видными представителями польскаго общества. Петиція требовала отъ сейма активнаго выступленія—немедленно приступить «къ великому дѣлу возстановленія родины». «Теперь не время принимать случайныя рѣшенія,—говорилось въ петиціи,—сѣтовать на общія страданія и прибѣгать къ полумѣрамъ. Честь, любовь къ родинѣ, гласъ народа возлагаютъ на васъ теперь иныя обязанности. Вознесите къ нимъ ваши помыслы, все ваше мужество. Никто безнаказанно не упускалъ полезнаго случая. Теперь или никогда! Способъ выполненія мы всецѣло ввѣряемъ вашему таланту и распоряженію. Вооруженная рука и пылающее мужество ждутъ только вашего знака. Дерзайте! За дѣло! Затрачено безконечно много, намъ осталось только одно мужество. Остается лишь достигнуть величайшаго въ мірѣ блага—вернуть и передать нашимъ дѣтямъ родину».

Голосъ народа былъ услышанъ сеймомъ. Образовалась коммиссія для выработки акта конфедераціи. Работа была спѣшная, напряженная и уже 29 іюня сейму былъ представленъ соотвѣтствующій докладъ, являющійся прекраснымъ отраженіемъ воинственныхъ чувствъ и настроеній польскаго общества. Докладъ не гонится за исторической правдой и объективностью. Скорѣе, неточность даже входила въ планы коммиссіи: разъ она звала польское общество на подвигъ, къ патріотическому служенію, разъ наступилъ такой великій историческій моментъ, который долженъ былъ «вывести поляковъ изъ лабиринта несчастій»... Кто виновники настоящаго состоянія Польши? Кто растерзалъ Польшу? «Россія—виновница всѣхъ нашихъ несчастій. Уже полвѣка гигантскими шагами надвигается она къ народамъ, раньше даже не знавшимъ ея имени. Польша первая испытала опасность нарождающейся мощи Россіи, — Россіи, которая, будучи ея сосѣдкой, нанесла ей первый и послѣдній ударъ». Борьба съ Россіей—это не только гражданскій подвигъ—это общечеловѣческое служеніе, ибо «кто можетъ соразмѣрить предѣлы замысловъ Россіи?»

До настоящаго историческаго момента, говорятъ составители доклада, все «слагалось на нашу гибель». Зато теперь «все идетъ къ нашему возстановленію. Польша должна существовать!.. Но что я говорю? Она уже существуетъ, или, вѣрнѣе, она никогда не переставала существовать! При наличности ея правъ, что значать коварство, шумъ и крикъ, при которыхъ она пала. Да будетъ такъ! Мы возстано-

вляемъ Польшу на твердынь права, даннаго намъ природой, на объединеніяхъ нашихъ предковъ, на святомъ правѣ, признанномъ всѣмъ міромъ, которое было купелью рода человѣческаго. Возстановляемъ Польшу не только мы, вкушающіе сладость ея возрожденія, но и всѣ жители различныхъ странъ, ожидающихъ своего освобожденія... Несмотря на продолжительную отторгнутость, жители Литвы, Бѣлой Руси, Украйны, Подоліи и Волыни—наши братья. Они поляки, какъ и мы, они имѣютъ право пока звать себя поляками». Въ такомъ настроеніи приступаетъ сеймъ къ генеральной конфедераціи, установленной въ тотъ же день. Въ самомъ актѣ конфедераціи уже нѣтъ столько рѣзкихъ выходовъ противъ Россіи, какъ въ докладѣ коммиссіи. Представитель Наполеона—де-Прадтъ, счелъ нужнымъ умирить патріотическія чувства поляковъ и редактировалъ текстъ въ болѣе умирномъ тонѣ. Сеймъ объявилъ себя генеральной конфеде-

Жозефъ Понятовскій (Павона).

раціей, провозгласилъ «Польское королевство возстановленнымъ и польскій народъ снова соединеннымъ въ одно цѣлое». Генеральная конфедерація призывала всѣхъ поляковъ присоеди́ниться къ конфедераціи «поодиночкѣ или цѣлыми обществами». Всѣ части Польши также приглашались присоеди́ниться къ конфедераціи, если только позволяетъ положеніе дѣлъ. Послѣ же присоединенія, должны быть созваны сеймики, которые «пришлютъ выборныхъ въ генеральный совѣтъ для принесенія заявленія о вступленіи въ конфедерацію. Эти выборные будутъ членами объединеннаго сейма». Конфедерація клялась «Всемогущимъ Богомъ и именемъ всѣхъ поляковъ», что она доведетъ до конца и приложитъ всѣ старанія къ приведенію въ исполненіе великаго дѣла, начатаго ею; хотя въ то же время возлагала надежды не столько на самое себя, сколько на Наполеона, прося принять его «подъ свое высокое покровительство колыбель возрожденной Польши»... Дѣлами конфедераціи завѣдуетъ генеральный совѣтъ. Засѣданія сейма прерывались, и его члены распускались по домамъ.

Вскорѣ послѣ открытія конфедераціи саксонской курфюрстъ Фридрихъ-Августъ объявилъ манифестомъ (12 іюля) о своемъ вступленіи въ генеральную конфедерацію, «желая приложить всѣ усилія къ дѣлу возстановленія родины».

Отъ имени генеральной конфедераціи къ Наполеону была послана депутація для изъявленія вѣрноподданныхъ чувствъ Наполеону. Депутація была встрѣчена милостиво. Отъ ихъ имени старшій изъ депутатовъ, сенаторъ Выбицкій обратился къ Наполеону съ рѣчью. Сенаторъ сообщалъ Наполеону объ образованіи генеральной конфедераціи, «ибо пришло время требовать вознагражденія за нанесенныя нашему народу обиды, и привести въ исполненіе важнѣйшее его намѣреніе». Указавъ на право поляковъ на національное самоопредѣленіе, ораторъ закончилъ свою рѣчь патетическимъ обращеніемъ къ Наполеону: «Неужели ваше величество не одобрите поступка, внушеннаго долгомъ поляка? Неужели почтете несправедливымъ то, что мы обратились къ правамъ нашимъ? Рѣшеніе уже принято; съ этой минуты отечество наше, Польша, возстановлено! Ея существованіе обезпечено правомъ, но будетъ ли увѣнчано успѣхомъ... Неужели Всевышній не удовольствуется наказаніемъ, ниспосланнымъ за наши несогласія? Ужели захочетъ онъ увѣковѣчить наше несчастье и полякамъ, питавшимъ въ сердцахъ своихъ любовь къ отечеству, суждено будетъ сойти въ гробъ въ отчаяніи и безъ надежды? Нѣтъ, государь! Ты ниспосланъ Провидѣніемъ, въ тебѣ проявляется его сила и существованіемъ нашего герцогства мы обязаны твоему могуществу». Отъ имени конфедераціи, ея депутатъ просилъ Наполеона принять ее подъ свое покровительство.

Наполеонъ отвѣчалъ на эту рѣчь депутатовъ. Въ его словахъ много увѣреній въ расположеніи къ польскому народу, но нѣтъ прямого отвѣта на поставленный депутатами вопросъ... «Я выслушалъ съ большимъ интересомъ то, что вы сказали мнѣ. На вашемъ мѣстѣ, я думалъ бы и поступалъ, какъ и вы. Я точно такъ же дѣйствовалъ бы на Варшавскомъ сеймѣ, ибо любовь къ отечеству — основная добродѣтель образованнаго человѣка. Въ моемъ положеніи приходится считаться съ множествомъ интересовъ и выполнять много обязательствъ. Если бы я царствовалъ въ пору перваго и второго и третьяго раздѣловъ, я вооружилъ бы весь

мой народъ, чтобы поддержать васъ... Я люблю вашу націю. Вотъ уже въ теченіе 16 лѣтъ я видѣлъ вашихъ воиновъ, сражавшихся со мной на поляхъ Италіи и Испаніи. Я аплодирую вашимъ поступкамъ. Я одобряю всѣ усилія, которыя вы намѣрены употребить, и сдѣлаю все, отъ меня зависящее, дабы поддержать ваши намѣренія. Если старанія ваши будутъ единодушны, можете питать надежду заставить вашихъ враговъ признать ваши права... Но я обѣщалъ императору австрійскому неприкосновенность его владѣній и не могу уполномочить васъ ни къ какимъ дѣйствіямъ, клонящимся къ нарушенію мирнаго обладанія оставшихся въ его владѣніи польскихъ областей... Пусть Литва, Самогитія, Витебскъ, Полоцкъ, Могилевъ, Волынь, Украина и Подолія одушевляются тѣмъ же духомъ, который встрѣтилъ я въ великой Польшѣ, и Провидѣніе увѣнчаетъ успѣхомъ святое ваше дѣло». Депутаты были въ упоеніи отъ рѣчи Наполеона, хотя въ ней категорически говорилось о невозможности возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 г. Но эти слова прошли опять незамѣтно. Всѣхъ увлекла нарисованная Наполеономъ картина—присоединеніе къ Польшѣ чуть ли не половины Россіи, и никто не сомнѣвался въ возможности ея выполненія.

Затѣмъ, издавъ детальныя правила для присоединенія къ конфедераціи и созывъ и устройствъ сеймиковъ, генеральная конфедерація приступила къ активнымъ подготовительнымъ дѣйствіямъ для предполагаемаго возстановленія Польши.

Она обратилась съ воззваніемъ къ полякамъ, проживавшимъ въ Россіи, съ братскимъ совѣтомъ—присоединиться къ конфедераціи. Это требуютъ честь, національныя чувства и политическія обстоятельства. Скорѣе «соединитесь съ ними,—говорилось въ вышеназванномъ обращеніи,—и въ отмщеніе за столько позорныхъ обидъ и оскорбленій, нанесенныхъ вамъ, обратите оружіе противъ вашихъ притѣснителей. Кровь, кровь врага есть лучшее украшеніе мужей въ глазахъ отечества. Идите же по слѣдамъ тѣхъ славныхъ соотечественниковъ, которые 18 лѣтъ тому назадъ, повинувшись голосу родины, безъ колебанія, разорвали оковы и черезъ дикія толпы пробрались къ ней, устлая путь трупами тѣхъ самыхъ рабовъ, которые теперь стараются удержать васъ... Придите же, придите! Васъ зоветъ родина, васъ зовутъ братья ваши, простирая къ вамъ руки, васъ ждутъ ихъ отверстыя сердца. Васъ ждутъ: правительство, святыни и родныя знамена. Придите!.. Пусть наша родина, прославленная въ цѣломъ свѣтѣ любовью и самопожертво-

Польскій офицеръ. (Рис. Орловскаго. «Старые годы», 1902 г.)

ваніємъ своихъ сыновъ, какъ нѣжная мать съ ласковой улыбкой созывающая дѣтей, разспянныхъ по лицу всей земли, въ эти дни, на зарѣ своей жизни, не нахмуритъ своего чела. Пусть не придется ей быть грозной и неумолимой для тѣхъ, кто въ преступномъ ослѣпленіи не боится отречься отъ нея».

Одновременно конфедерація обратилась съ воззваніемъ къ Литвѣ и западнымъ губерніямъ. Тонъ и содержаніе его тѣ же. «Довершите вашимъ усердіемъ,—говоритъ риторическое воззваніе,—чтобы истосковавшаяся родина узрѣла всѣхъ истинныхъ сыновъ своихъ, сплоченныхъ однимъ духомъ, одной цѣлью и едиными неразрывными узами. Общій врагъ расторгнулъ вѣчные союзы братства; мы должны надѣяться, что общій избавитель возвратитъ и сплотитъ ихъ .. Дадимъ другъ другу руку и рѣшимъ—едино-

Польскіе костюмы нач. XIX в. (Racinet).

мысліемъ, довірїемъ, ревностью и общимъ стремленіемъ къ единой цѣли поддержать святое дѣло—возрожденіе отечества»...

Обращеніе генеральной конфедераціи было встрѣчено очень горячо въ Литвѣ. Временное литовское правительство немедленно постановило присоединиться къ генеральной конфедераціи и отправить делегатовъ въ засѣданіе генеральной конфедераціи для выраженія солидарности съ польскими патріотами. 20 августа делегатъ произнесъ въ совѣтъ рѣчь, въ которой подчеркнулъ тѣ крѣпкія историческія узы, которыя неразрывно связали Литву съ Польшей. Вотъ почему «народъ Литвы сливается съ народомъ Польши, его стягъ нераздѣленъ съ польскимъ народомъ,—онъ поспѣшно вступаетъ въ общую конфедерацію и будетъ руководиться этимъ актомъ, хранить его завѣтно и клянется ни въ чемъ не отклоняться отъ общаго начала. Примите же, славные поляки, Литву къ вашему братскому сердцу». Стали присоединяться къ генеральной конфедераціи и западныя

губерніи. 3 іюля присоединился Брестъ-Литовскъ, давая клятву «содѣйствовать всѣми доступными человѣку силами и способами тѣмъ ея предначертаніямъ, которыя касаются дѣла освобожденія всѣхъ частей нашей древней земли отъ непріятельской власти, и въ этомъ полагаемъ главную цѣль нашихъ усилій». 4 іюля присоединился совѣтъ гродненской конфедерации, «ибо теперь разбиты позорныя цѣпи, 18 лѣтъ давившія насъ. Пора очнуться отъ тяжелаго сна, въ который мы были ввержены волей и тираніей насильника. Теперь настало время показать всему міру, что мы поляки, что мы еще не утратили того народнаго духа, которымъ гордились наши предки». «Съ сегодняшняго дня мы стали націей. Польша увѣрена въ своемъ существованіи?..» Затѣмъ присоединились къ конфедерации и другіе города и провинціи Сѣверо-западнаго края.

Конфедерация открыла свои дѣйствія при самыхъ хорошихъ предзнаменованіяхъ. Всѣ жаждали патріотическаго подвига—всѣ объединились подъ сѣнью Бѣлаго Орла. Казалось, скоро мечта воплотится въ дѣйствительность, и поляки, живя въ грезахъ, сами не жалѣли ни силъ, ни средствъ, лишь бы удовлетворить требованія ихъ покровителя—Наполеона. Но жизнь разбила иллюзіи. Разсѣялся туманъ, сопровождавшій великую армію. Покинутая своимъ полководцемъ, она возвращалась домой съ поникшею головою. Теперь конфедерации приходилось уже думать не о возрожденіи Польши, а о самооборонѣ, и передъ этой жестокой необходимостью національная мечта уходила въ вѣчность... 20 ноября 1812 г. конфедерация издала свое послѣднее постановленіе о созывѣ всеобщаго ополченія, ибо теперь, «вмѣстѣ съ чрезвычайными событіями войны, явилась необходимость обезпечить безопасность отечества—честь народа, нашъ долгъ и общая клятва того требуютъ. Дворяне поляки! на коней; къ оружію. Вопросъ идетъ о жизни и смерти, о существованіи родины, о нашемъ бытіи, о судьбахъ нашихъ потомковъ... Собирайтесь же по областямъ и уѣздамъ подъ знамена. Васъ ожидаетъ благодарность... Васъ ожидаютъ щедрые дары благодарнаго отечества... Говоримъ вамъ это отъ имени той же дорогой родины, во имя которой требуемъ отъ васъ помощи. Собирайтесь скорѣе!..»

Великая армія ушла изъ Польши. Она не была восстановлена геніемъ Наполеона. Въ Польшу вступали ея исконные враги. Вотъ почему приходилось думать о самооборонѣ, временно отказавшись отъ сладостныхъ грезъ, въ надеждѣ, что настанетъ нѣкогда день, и Польша снова возродится, когда «великій воскреситель Польши снова придетъ на нашу землю, съ тѣмъ же безчисленнымъ войскомъ, чтобы вернуть намъ утраченное въ суровую пору невзгодъ».

В. Пичета.

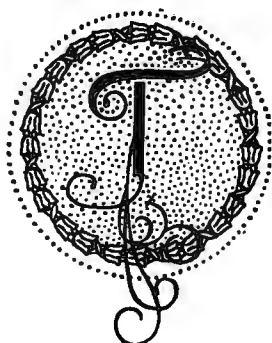
Медаль, выбитая по случаю взятія Вильны.

Гр. Жозефъ Сѣраковскій (воздѣе чл. временнаго правительства въ Литвѣ) въ Виленскомъ соборѣ призываетъ 14 іюля 1812 г. населеніе принять сторону Наполеона. (Сѣраковскій не былъ военнымъ, какимъ онъ изображенъ на картинѣ неизвѣстнаго нѣмецкаго художника).

У. Наполеонъ и Литва.

Проф. А. Л. Погодина.

Теніальный пѣвецъ Литвы, Адамъ Мицкевичъ, вспоминая въ своемъ «Пань Тадеушъ» 1812 годъ, посвятилъ ему слѣдующіе восторженные стихи: «О весна, какъ ты памятна тому, кому привелось тебя пережить въ тотъ годъ въ нашемъ краѣ, какъ ты цвѣла хлѣбомъ и травами, какъ ты блистала людьми, какъ ты была полна событій и чревата надеждами! Я вижу тебя донынѣ, какъ какую-то грезу. Рожденный въ невольѣ, повитый въ оковы, только одну такую весну я пережилъ въ своей жизни». «Годъ войны и урожая» называетъ Мицкевичъ въ другомъ мѣстѣ 1812 годъ. Въ воспоминаніяхъ самого Мицкевича, его братьевъ и сверстниковъ сохранились чрезвычайно яркія картины настроеній и ожиданій, связанныхъ съ Наполеономъ. Здѣсь ждали его, можетъ-быть, еще болѣе страстно, чѣмъ въ Варшавѣ, и еще болѣе рѣзки были колебанія между Александромъ и Наполеономъ.

Состояніе Литвы было въ высшей степени неопредѣленное. Вся двойственность политики Александра I отразилась здѣсь особенно чувствительно. Съ одной стороны, императоръ содѣйствовалъ развитію въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи послѣ раздѣловъ Рѣчи Посполитой, польской образованности и сохраненію общаго польскаго характера административной жизни, съ другой же стороны, подъ вліяніемъ русскихъ націоналистовъ онъ постоянно нарушалъ этотъ порядокъ отдѣльными распоряженіями и назначеніями. Слѣдствіемъ этого являлась неопредѣленность всѣхъ отношеній, чрезвычайно тяжело ложив-

шаяся на население. Колебания въ области широкихъ политическихъ замысловъ, которыя постоянно происходили въ отношеніяхъ Александра I къ Польшѣ и Литвѣ, доставались этой послѣдней гораздо тяжелѣе, чѣмъ Польшѣ, такъ какъ въ герцогствѣ Варшавскомъ установился все-таки свой государственный строй, тогда какъ Литва была предоставлена исторіей въ полное распоряженіе русской власти. А какъ широка была амплитуда этихъ колебаній, видно изъ того, что Александръ постоянно переходилъ отъ мысли возстановить княжество Литовское для его послѣдующаго воссоединенія съ Польшей къ замысламъ совершенно обрусить его. Въ 1805, 1806, 1807 годахъ всплываютъ проекты воскрешенія политической полунезависимости Литвы, со стороны императора Александра дѣлаются попытки договориться съ литовскими магнатами, попытки, которыя ни къ чему, однако, не приводятъ. И сама шляхта, разуверившись въ искренности стремленій Александра и объясняя ихъ справедливо лишь соглашеніемъ съ Наполеономъ, вступаетъ въ сношеніе съ этимъ послѣднимъ, впрочемъ, также безуспѣшно. Тильзитскій миръ на время прекращаетъ всю эту дипломатическую игру, происходящую на почвѣ разоренной Литвы. Нѣсколько неурожаевъ, нѣсколько походовъ русскихъ войскъ черезъ страну, обязательство уплачивать подати по курсу серебряныхъ денегъ (стоявшему тогда 22:100) истощили страну тѣмъ болѣе, что она была лишена возможности послѣ Тильзитскаго мира вывозить хлѣбъ въ Англію. Правительство предписывало выплачивать жалованіе служащимъ и производить другіе платежи ассигнаціями, само же требовало золота, вслѣдствіе чего дороговизна возросла чрезвычайно. Жить становилось тяжело.

Такова мрачная картина, которую позволяютъ намъ набросать многочисленные источники того времени. У многихъ была одна мечта, чтобы какъ-нибудь это покончилось, чтобы скорѣе перевѣсъ счастья склонился на сторону Наполеона или Александра. Но они оба нуждались въ содѣйствіи той промежуточной области, которой была Литва, въ еще большей степени, чѣмъ Польша. Возрожденіе польской жизни въ литовскихъ губерніяхъ, совершившееся здѣсь при горячемъ содѣйствіи «дней Александровыхъ прекраснаго начала», наполнило души польскихъ патриотовъ сладкой надеждой на воссоединеніе Литвы съ Польшей. Эти надежды еще болѣе возросли послѣ Тильзитскаго договора, присоединившаго къ Литвѣ Бѣлостокскій округъ. И съ этого времени между двумя частями прежней Рѣчи Посполитой устанавливается еще болѣе близкая духовная связь. Отмѣна крѣпостного права,

Ратуша въ Вильнѣ (совр. рис.).

провозглашенная въ герцогствѣ Варшавскомъ, вызываетъ стремленія подобнаго же рода и въ русскихъ провинціяхъ, и попытки поднять крестьянскій вопросъ, дѣлающій большую честь польскому дворянству Литвы, тянутся съ 1807 до 1817 года. Онѣ не встрѣчаютъ содѣйствія со стороны Петербурга, вызываютъ иногда прямыя репрессіи, но возобновляются при всякомъ удобномъ случаѣ. Всякое болѣе крупное литературное и общественное движеніе по ту сторону Буга горячо комментируется въ Вильнѣ, какъ и обратно, литовскія настроенія, дѣятельность Чарторійскаго и Чапскаго въ Вильнѣ, Кременцѣ, Ковнѣ, надежды литовской шляхты на императора Александра I вызываютъ сочувствіе въ Варшавѣ. Это была очень тѣсная духовная связь, не разорванная раздѣлами, но, напротивъ, еще болѣе укрѣпившаяся съ тѣхъ поръ, какъ Вильна изъ провинціального захолустья Рѣчи Посполитой превратилась въ столицу большого края, въ умственный и политическій центръ страны, привлекавшей интенсивное вниманіе русской власти.

Наполеонъ въ Вильнѣ. (Томаса—въ Рапперсвильскомъ музеѣ).

Конечно, рядомъ съ этимъ шла агитація и въ другомъ направленіи, такъ сказать, сепаратическомъ по отношенію къ герцогству Варшавскому. Распутились слухи о тяжести поборовъ, объ аграрномъ крахѣ, вызванномъ освобожденіемъ крестьянъ (чисто номинальнымъ, однако), спялась неприязнь къ Наполеону. Масса литовскаго дворянства, жившая въ глуши своихъ деревень, опасалась, какъ огня, этого пресловутаго освобожденія

крестьянъ, не испытывала никакихъ высшихъ стремленій и жила по старинѣ, не ощущая русскаго господства въ краѣ особенно бользненно, такъ какъ система обрѣнія велась несистематически и ограничивалась развѣ городами. Въ мемуарахъ того времени и въ «Панѣ Тадеушѣ» Мицкевича мы встрѣчаемъ картины веселой и шумной помѣщичьей жизни, идилліи старосвѣтскихъ помѣщиковъ. «Плодородная почва, зажиточный крестьянинъ, мелкопомѣстная шляхта еще самолюбивая и свободная; въ помѣщичьихъ домахъ сердечное, веселое гостепріимство; съѣзды, охоты, шумные карнавалы, а въ приходскихъ костелахъ смиренныя великопостныя службы; частыя ярмарки, въ судахъ кляузничество, во время пирушекъ «*Kochałmy się*». Такъ описываетъ свое дѣтство одинъ изъ друзей Мицкевича. И тѣмъ не меньше, настроеніе общества было тяжелое. Оно было очень элементарно по существу: люди хотѣли только, чтобы ихъ не трогали, не очень обирали, не отнимали у нихъ привычныхъ національных правъ, а кто господствуетъ въ странѣ,—это для массы шляхты было довольно безразлично. Она готова была проявить лоялизмъ и проявляла его по

отношенію къ Александру, а черезъ два мѣсяца въ такой же мѣрь по отношенію къ Наполеону, а когда его войска обозлили населеніе мародерствомъ, то ненависти къ «французу» не было предѣловъ.

Этимъ несложнымъ настроеніемъ можно было пользоваться, какъ кто хотѣлъ: патріотически воодушевленные люди, по преимуществу духовенство, поддерживали память о независимости и вѣру въ Наполеона; экстра-лоялисты возлагали исключительную надежду на доказанную преданность края русской власти. Первые могли дѣйствовать больше подъ сурдинку, вторые выступали шумно и достигали блестящихъ результатовъ, тогда какъ патріоты-націоналисты создавали на видъ мало проявлявшееся, но упорное настроеніе.

Въ войнѣ 1809 года участвовали и польскія войска. Мыслимо ли было удержать отъ вступленія въ ряды ихъ молодежи, которая бѣжала изъ литовскихъ и украинскихъ губерній къ Наполеону, слѣдуя и жажда подвиговъ и патріотическому воодушевленію. Бѣжали и панычи, и простые хлопы, и люди, которые запутались въ какомъ-нибудь тяжелое положеніе на родинѣ и искали выхода изъ него въ отчаянномъ шагѣ. Правительству Россіи приходилось считаться съ такими массовыми случаями незаконныхъ переходовъ черезъ границу, и оно въ послѣдніе мѣсяцы 1809 года издало рядъ постановленій, направленныхъ противъ нихъ. Однако эти мѣры, къ тому же примѣняемыя русскими полицейскими властями нерѣдко несправедливо, только увеличивали общее неудовольствіе. Чарторійскій старался убѣдить императора Александра въ необходимости иной, болѣе мягкой, политики, но уклонялся отъ разсмотрѣнія тѣхъ слишкомъ широкихъ и многозначительныхъ проектовъ, которые выставлялъ въ дружескихъ бесѣдахъ съ нимъ Александръ. Едва ли Чарторійскій уже вѣрилъ имъ. Зато явился новый энтузіастъ, еще не разуверившійся въ искренности Александра, обольщенной его любезностью и либерализмомъ и къ тому же, повидимому, склонный замѣнить собою разошедшагося съ императоромъ князя Адама Чарторійскаго. Это былъ литовскій магнатъ, князь Михаилъ Огинскій, который изъ Петербурга привезъ въ Вильну самыя радужныя надежды. Дѣйствительно, 6 окт. 1811 года Александръ издалъ указъ, удовлетворявшій экономическія и правовыя нужды помѣщиковъ Виленской губерніи: обѣщаніе сравнять Виленскую губернію въ податномъ отношеніи съ другими частями имперіи, разрѣшеніе вывозить хлѣбъ черезъ всѣ сухопутныя таможи и т. д. Александръ строилъ планы первостепенной важности: онъ думалъ напасть врасплохъ на Наполеона, занять герцогство

Мих. Огинскій (Рум. М.).

Варшавское и объявить себя польскимъ королемъ. Этотъ планъ оказался неудачнымъ, въ Варшавѣ уже не върили обѣщаніямъ. Проекты Огинскаго, которые имѣли въ виду созданіе полунезависимаго Литовскаго княжества, съ намѣстникомъ во главѣ, вызывали сочувствіе Александра, но были слишкомъ неопредѣленны, слишкомъ мало считались съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Они были хороши развѣ, какъ тактическій пріемъ на случай войны съ Наполеономъ, но не больше. Огинскій сильно суетился, входилъ въ переговоры съ выдающимися людьми Литвы, раздавалъ имъ будущіе министерскіе портфели и генеральскія должности въ будущей литовской арміи, сообщалъ о предстоящемъ назначеніи на должность намѣстника того или другого изъ нѣмецкихъ герцоговъ, находившихся въ родствѣ съ русской династіей. Цѣль, однако, была достигнута. На литовскую знать можно было положиться, а за ней всегда шла и простая шляхта. Въ ноябрѣ 1811 года Огинскій имѣлъ бесѣду съ Александромъ, который заявилъ, что вопросъ о будущей организаціи Вел. Княж. Литовскаго необходимо отложить на время, пока же слѣдуетъ подумать о томъ, какую пользу можно извлечь изъ Литвы на случай войны. 27 янв. 1812 г. Огинскій видѣлся съ императоромъ и записалъ въ своихъ мемуарахъ, что уже не было и рѣчи объ автономіи Литвы, а Александръ былъ поглощенъ иными мыслями. Но всю эту суетню литовскихъ магнатовъ онъ думалъ использовать мастерскимъ образомъ; рескриптъ на имя Огинскаго, рескриптъ съ разными обѣщаніями на имя другого магната, кн. Друцкаго-Любецкаго, указъ въ ноябрѣ 1811 г. о разрѣшеніи платить часть податей хлѣбомъ и т. п. подняли авторитетъ этихъ сторонниковъ Александра и позволили имъ провести чрезвычайно важныя мѣры. Однако масса нечиновной и небогатой шляхты не довѣряла ни магнатамъ, ни Александру, но съ нетерпѣніемъ слѣдила за дѣйствіями Наполеона. Какъ отецъ Мицкевича, большинство помѣщиковъ передавало другъ другу восторженные слухи о французскомъ императорѣ, бюллетени великой арміи переходили изъ рукъ въ руки; единомышленники Наполеона среди богатаго польскаго дворянства Литвы вели агитацію въ пользу него, больше успѣшную, нежели Любецкій и Огинскій. И Александръ отлично зналъ о тревожномъ настроеніи Литвы; губернаторы доносили, что съ появленіемъ Наполеона все обратится противъ Россіи; имъ предписывалось слѣдить особенно внимательно за благонадежностью шляхты. На видъ, однако, все было благополучно. 26 апр. 1812 г. императоръ Александръ посѣтилъ Вильну и былъ встрѣченъ восторженными толпами населенія; даже самые большіе скептики поддались на этотъ разъ надеждамъ на крупныя реформы, которыя произойдутъ въ управленіи Литвой, но императоръ на этотъ счетъ молчалъ и ограничивался лишь милостями по отношенію къ представителямъ дворянства и необычайной любезностью съ аристократіей. Черезъ нѣсколько дней къ нему прибыла депутація литовскихъ помѣщиковъ, руководимая Любецкимъ. Цѣль ея была сдѣлать заявленіе объ

Переходъ черезъ Вилію (Шельминскаго).

образованіи комитета для доставленія средствъ русской арміи, минуя интендантовъ, и притомъ совершенно бесплатно. Какъ полагають польскіе историки, русская власть, охотно принимая пожертвованія литовскаго края, руководилась не столько соображеніями о русской арміи, которая была снабжена достаточно хорошо, сколько желаніемъ изъять

Реквизиція (Фабержъ дю-Форъ).

съ пути Наполеона всякую возможность обезпечить свои войска провіантомъ и фуражемъ. Это предположеніе ихъ подтверждается тѣмъ фактомъ, что русскія войска, отступая передъ Наполеономъ, дѣйствительно, жгли громадныя склады хлѣба и фуража, доставленные литовскими помѣщиками. 24 іюня нов. ст. въ Вильнѣ былъ данъ роскошный балъ, на которомъ Александръ получилъ извѣстіе о переправѣ Наполеона черезъ Нѣманъ. Черезъ два дня онъ выпыхалъ изъ Вильны, въ ночь съ 27 на 28 іюня послѣдніе отряды русскаго войска вышли изъ города, а на слѣдующій день Вильна была уже въ рукахъ Наполеона.

Какъ описываетъ одинъ очевидецъ этого событія, М. Балинскій, въ рукописи, «въ эту ночь почти никто изъ жителей города не закрылъ глазъ. Правда, на улицѣ не было никакого шума, но именно ночью печальный звонъ оружія, конскій топотъ и глухой стукъ тяжелыхъ пушекъ по каменной мостовой, иногда заглушенные голоса командировъ заключали въ себѣ что-то поражающее ужасомъ спокойныхъ жителей, которые, погасивъ огонь и закрывъ окна, прислушивались ко всему происходящему, слѣдя за движеніями войскъ при блескѣ звѣздъ и мѣсяца. Къ разсвѣту это движеніе нѣсколько уменьшилось, а послѣ семи часовъ утра наступила даже минута полной тишины. Впереди пышіе стрѣлки шли или, вѣрнѣе, бѣжали тѣсно, чтобы не быть застигнутыми врагомъ въ этихъ тѣсныхъ улицахъ. Потомъ слѣдовала конная артиллерія изъ десятка съ лишнимъ легкихъ пушекъ, шествіе замыкала кавалерія, гусары и красныя гвардейскіе казаки, изъ которыхъ каждый держалъ въ рукѣ пистолетъ съ взведеннымъ куркомъ и надъ нимъ висящую на темлякѣ обнаженную саблю. Именно этотъ отрядъ былъ первымъ, который встрѣтился съ французами на дорогѣ между Рыконтами и Вильной. Весь этотъ походъ продолжался съ полчаса, а потомъ на улицахъ сдѣлалось совершенно глухо и пусто. Нигдѣ не было видно ни души, все чувствовали, что въ такую рѣшительную минуту было бы опасно вмѣшиваться среди тѣхъ, которые каждую минуту могли вступить въ бой. Часть населенія не смѣла высунуться изъ дома, а больше смѣлые и молодые были уже на Погулянкѣ, чтобы увидѣть На-

полеона, а около него—своихъ земляковъ. Но вскорѣ за городомъ, около 9 часовъ утра, показалось зрѣлище, ужаснувшее жителей Снипишекъ: казаки зажгли огромные хлѣбные магазины, приготовленные для русскаго войска, и Зеленый мостъ, уже за день до того обвязанный соломой и обли-тый смолой». Въ 12 часовъ дня Наполеонъ вступилъ въ Вильну, встрѣ-ченный громадной толпой, которая привѣтствовала его, какъ своего осво-бодителя, какъ воскресителя прежней Польши. Въ тотъ же самый день и часть въ Варшавѣ читали манифестъ о возстановленіи Польскаго королев-ства и воссоединеніи двухъ частей польскаго народа. Первымъ полкомъ великой арміи, вступившимъ въ столицу Литвы, былъ восьмой полкъ поль-ской кавалеріи подъ начальствомъ Доминика Радзивила. Несомнѣнно, это была одна изъ торжественнѣйшихъ минутъ въ жизни Вильны и вмѣстѣ

На бивуакъ 23 іюня 1812 г. (Фаберъ дю-Форъ).

съ тѣмъ чрезвычай-но тонкій тактическій приѣмъ со стороны Наполеона, который не связывалъ себя никакими заявленіями и обѣщаніями по отношенію Литвы, но какъ бы дѣломъ сви-дѣтельствовалъ о томъ, посылая осво-бодить городъ отъ русскаго владычества потомка литовскихъ князей. Въ Понарахъ Наполеона встрѣти-ла депутація мѣст-ныхъ гражданъ,—де-путація, которой такъ тщетно онъ ждалъ въ Москвѣ.

Несмотря на внѣшнюю радость, обязательно проявляемую населеніемъ Литвы, дѣйствительное настроеніе ея было тревожное и нерадостное; начались крестьянскіе бунты, и фран-цузскимъ же войскамъ приходилось тамъ и сямъ прекращать ихъ. Не было радостно и на душѣ самого вождя. Подъ предлогомъ устройства временнаго управленія въ Литовскомъ княжествѣ, онъ долженъ былъ просто задержаться въ Вильнѣ, чтобы достать провіантъ и фуражъ для своихъ войскъ, такъ какъ русскіе сжигали при отступленіи всѣ свои магазины. Къ тому же льто было дождливое, дороги размокли, а великая армія не могла двигаться впередъ такъ быстро, какъ этого хотѣ-лось Наполеону. Временное управленіе опиралось, по мѣткому замѣча-нію стараго Скарбека, на мѣшанинъ формъ французской администраціи съ мѣстнымъ порядкомъ вещей; оно было поручено мѣстнымъ жите-лямъ, но подъ руководствомъ французовъ. Нося названіе правительствен-

ВОЕНАЧАЛЬНИКИ НАПОЛЕОНА.

Марш. Гувіонъ Сень-Сиръ.

Марш. Викторъ, герц. Беллунскій.

Ген. Жюно, герц. Абрантесъ.
(Давида).

Марш. Макдональдъ, герц. Тарентскій.
(Давида).

Ген. Нарбоннь.

Марш. Груши.

НАЧАЛЬНИКЪ ШТАБА И НАЧАЛЬНИКИ ГВАРДІИ НАПОЛЕОНА.

Марш. Бертъе,
кн. Нешательскій и
Ваграмскій.

Марш. Мортъе, герц. Тревизскій.

Марш. Лефевръ, герц. Данцигскій.

Марш. Бессьеръ, герц. Истрійскій.

ной комиссії Литвы, оно состояло изъ семи видныхъ жителей Литвы и генеральнаго секретаря и стояло въ непосредственной зависимости отъ французскаго комиссара (Биньона), который долженъ былъ служить посредникомъ между Литвой и императоромъ. Власть этой комиссії, распространенной на Виленскую, Гродненскую, Минскую и Бѣлостокскую губерніи, ограничивалась завѣдываніемъ мѣстными приходами, доставкой провіанта и фуража для войска и организаціей муниципальной гвардіи Вильны и жандармеріи во всей Литвѣ. Въ каждомъ уѣздѣ губерніи мѣстные помѣщики должны были создать по одной ротѣ жандармеріи (въ 107 человекъ рота), при чемъ офицерами и унтеръ-офицерами были мѣстные дворяне, весьма недовольные этой реформой. Указъ объ этомъ, подписанный

На окрестностяхъ Коруцины 28 іюня 1812 г. (Фабержъ дю-Форъ).

Наполеономъ 1 іюля (н. ст.), произвелъ удручающее впечатлѣніе на шляхту, которая подъ русской властью, какъ и во времена независимости, не несла личной воинской повинности и видѣла въ новомъ распоряженіи оскорбленіе своего достоинства. Но, кромѣ того, Наполеонъ велѣлъ образовать и для дѣйствительной военной службы нѣсколько полковъ (9) изъ жителей Литовскаго княжества, тогда какъ жандармерія несла только мѣстную полицейскую службу. Гвардейскій уланскій полкъ состоялъ изъ одного дворянства, въ другихъ полкахъ дворяне назначались офицерами. Впрочемъ, въ значительной мѣрѣ вся эта организація литовскаго воинства осталась только на бумагѣ. Пораженіе польскихъ войскъ подъ Миромъ вызвало такое охлажденіе къ Наполеону въ литовскихъ губерніяхъ, котораго

не могли измѣнить никакія обращенія его къ литовскому населенію, никакіе бюллетени съ восхваленіемъ духа польскихъ войскъ. При занятіи французскими войсками городовъ Литовскаго княжества происходили торжественныя встрѣчи, взаимныя увѣренія въ вѣрности и любви, провозглашеніе новаго строя въ занятой провинціи, а затѣмъ все возбужденіе быстро укладывалось. Результаты сбора пожертвованій на Наполеоновскую армію были ничтожны. Когда княжна Радзивиль пожертвовала 30 бочекъ муки, 2 бочки крупы, 10 воловъ и 12 барановъ, объ этомъ щедромъ пожертвованіи кричали, какъ о чемъ-то небываломъ. Все это было плохимъ пророчествомъ для Наполеона. 16 іюля (н. ст.) онъ покинулъ Вильну и поспѣшилъ на сѣверъ, а уже осенью того же года мародерство французскихъ войскъ вызвало къ нимъ во всемъ населеніи Литвы самую жгучую ненависть.

А. Погодинъ.

Наполеонъ въ русской избѣ (совр. рис.).

VI. Первыя впечатлѣнія войны. Манифесты.

Д. А. Жаринова.

Война 1812 г. начиналась при условіяхъ, ставившихъ передъ русскимъ правительствомъ рядъ крупныхъ затрудненій. Съ одной стороны, въ надвигавшейся войнѣ немыслимо было обойтись безъ содѣйствія общества; съ другой — неудача двухъ предшествующихъ войнъ и непопулярный Тильзитскій миръ породили между правительствомъ и обществомъ такое взаимное недовѣріе, которое, на первый взглядъ, дѣлало крайне труднымъ всякое

соглашеніе между ними. Александръ — по извѣстному замѣчанію Вигеля — «разочаровался въ своемъ народѣ», смотрѣлъ на него съ досадливымъ презрѣніемъ; дворянство въ отдѣльныхъ случаяхъ не отказывалось отъ пожертвованій на войну еще съ конца 1811 года, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздавался нерѣдко ропотъ на новые налоги, измышляемые будто бы въ тягость всему народу Сперанскимъ и Румянцевымъ; налогъ объявлялся временнымъ, но этому не хотѣли вѣрить, «ибо, — говоритъ въ Рылъскъ уѣздный стряпчій, — и прежде сего были таковыя же налоги въ прибавленіе податей, съ увѣреніемъ: единовременно, но вмѣсто того нынѣ еще добавили». Еще больше недовѣрія къ правительству въ отзывѣ А. Я. Булгакова, относящемся къ февралю 1812 г. «Цѣлый городъ въ уныніи, — пишетъ Булгаковъ, — десятая часть нашихъ доходовъ должна обращаться въ казну... Подать сама не такъ бы была отяготительна: въ несчастныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ вся Европа находится, почти всѣ государства платятъ правительствамъ своимъ десятину... но больно платить съ увѣреніемъ, что отъ помощи сей не послѣдуетъ польза... Нѣтъ упованія въ мѣрахъ правительства: не получится и отчета въ ихъ употребленіи. Куда дѣвались страшныя пожертвованія, въ милицію сдѣланныя? Это у насъ еще живо въ глазахъ»... Въ 1810 г. Ростопчинъ получилъ негласное порученіе составить записку о состояніи Москвы. По описанію его выходитъ, что Россія не много, не мало, какъ наканунѣ революціи. «Трудное положеніе Россіи, продолжительныя войны, и паче всего примѣръ французской революціи производятъ въ благонамѣренныхъ уныніе, въ глупыхъ — равнодушіе, а въ прочихъ — вольнодумство». Дерзость въ народѣ — «несуществующая»; того и гляди вспыхнетъ движеніе: «начало будетъ грабежи и убійство иностранныхъ (противъ коихъ народъ раздраженъ), а послѣ бунтъ людей барскихъ, смерть господъ и разореніе Москвы... Трудно найти въ Россіи половину Пожарскаго; цѣлыя сотни есть готовыхъ итти по стопамъ Робеспьера и Сантера»... Подобная оцѣнка общественнаго настроенія мало помогала военнымъ приготовленіямъ, которыя, какъ вѣтѣвато выражается одинъ современникъ, и «не изображали въ себѣ сей душевной силы, какой должно было ожидать отъ російской націи, призванной на поле чести для свершенія великаго дѣла избавленія Европы». Войны опасались и начало ея всѣми силами оттягивали. Въ концѣ-концовъ, несмотря на то, что о военныхъ приготовленіяхъ Наполеона было уже извѣстно съ осени 1811 года, переходъ французовъ черезъ Нѣманъ засталъ русское правительство и общество почти врасплохъ; многіе, и между ними канцлеръ Н. П. Румянцевъ, до послѣдней минуты полагали, что войны не будетъ и что все кончится уступками съ обѣихъ сторонъ; дворянство въ Москвѣ спокойно занято разными ссорами въ Англійскомъ клубѣ; свитскій полковникъ Ангельсонъ, пріѣхавшій 24 іюня въ Пензу, всѣмъ рассказывалъ, что ничего еще не слыхать о разрывѣ съ Наполеономъ, что французскій посолъ все еще находится въ Петербургѣ и со многими бѣется объ закладъ, что войны не будетъ. Не была еще окончена война съ Турціей: неужели найдутъ силы начать новую войну? «Россія и ея правительство, — замѣчаетъ современникъ, — не прежде узнали свои настоящія средства, какъ уже послѣ исполинской, кратковременной, безсмертной борьбы съ Наполеономъ»...

Извѣстіе о вступленіи французовъ въ Россію вызвало суматоху среди русскаго населенія западныхъ губерній. Жители торопливо собираются и укладываются, спасая семьи и имущество; не получая надлежащихъ распоряженій, чиновники не знаютъ, какъ быть съ казеннымъ имуществомъ. «Отправивъ изъ Гродно гарнизонный баталіонъ здѣшній и всѣхъ земскихъ чиновниковъ,—доносить атаманъ Платовъ Багратіону,—равно и казенное имущество съ великимъ затрудненіемъ, потому что ничего не было здѣсь приготовлено, а нѣкоторые даже и повелѣній объ отправленіи отсель не имѣли, кромѣ что о приготовленіи къ тому, но и сего не исполнили, я приказалъ имъ слѣдовать на Щучинъ, Балицу, Новогрудокъ и далѣе къ Минску». Слухъ о приближеніи французовъ къ Витебску на-

А. С. Шиховъ (Дау).

велъ страхъ и ужасъ на всѣхъ мирныхъ жителей. «Національные россіяне, — пишетъ современникъ Добрынинъ,—начали прежде всѣхъ высылать свое имѣніе изъ домовъ и изъ лавокъ, куда кто могъ, а потомъ и сами удалились. Чиновники, находившіеся въ штатской службѣ, имъ послѣдовали, а нѣкоторые и упредили». Паника и безпорядокъ поддерживаются слухами о неимовѣрно громадныхъ силахъ Наполеона, доходящихъ будто бы до милліона, а равно и слухами о массѣ возмутителей, возбуждающихъ народъ къ бунту, къ прекращенію полевыхъ работъ и избіенію помѣщиковъ. Слухи эти, по мѣстамъ подтверждаемые и дѣйствительными фактами, проникаютъ и въ Москву. Инымъ уже мерещится пугачевщина: безопасности нѣтъ, «потому что,—пишетъ Поздѣвъ,—и мужики по вкорененному Пугачовымъ и

другими молодыми головами желанію ожидаютъ какой-то вольности». Государя обвиняютъ въ томъ, что онъ причиною близкой гибели Россіи, потому что не хотѣлъ предупредить или избѣжать третьей войны съ противникомъ, который уже дважды побѣждалъ его. Царствованіе Александра находятъ несчастнымъ, поговариваютъ о сверженіи государя и возведеніи на престолъ Константина; есть и такіе, которые превозносятъ добродѣтели императора Павла и сожальютъ о времени его царствованія. Въ Петербургѣ объявленіе войны, въ свою очередь, привело къ разнообразнымъ толкамъ, и, вѣроятно, не всѣ изъ нихъ были благопріятны правительству, такъ какъ преданный Аракчееву И. А. Пухловъ въ письмѣ отъ 20 іюня позволяетъ себѣ только уклончиво говорить о нихъ. Правительству приходилось считаться съ этими проявленіями недовольства. Для успокоенія общества давались преувеличенныя свѣдѣнія о русскихъ силахъ; о многихъ происшествіяхъ не появлялось никакихъ сообщеній или они были уже черезчуръ кратки и неопредѣленны.

БОЖЬЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

и проча, и проча, и проча.

Непримемъ, аступимъ въ правды НАШИ и продолжимъ нести оружие свое ануири Россіи, надѣся оядо и соблазнами иобрасемъ спокойствію Великой-Сей Державы. Оя повожамъ въ умъ оноемъ иобворити ренію ратрушныи славуды и благодеянію. Оя лжасствомъ въ сердцѣ и лжасію въ устахъ несеи оя лжасію, ая неа, ая и ояны. МЫ призывамъ на помощь Божю поставимъ въ ояограду ену войски НАШИ, кичишии мужествомъ поправы, опрокинуи ену, и до, что останеи на истребленнаго; согнамъ съ лжи земли НАШЕЙ. МЫ полагаемъ на силу и храпоси ии, ивердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать оиъ лжасіи НАШИХЪ подданики, что собравимъ ииъ разномодермаиоу силы велики, и что ояважностъ ену иребуеи не усмиаго проишии неа бодрствования. Сего разѣ при асей ивердой надеждѣ на храброе НАШЕ воинство полагаемъ МЫ за иеобходимоужное собрать ануири Государства иозныи силы, которыи, аяеи доныи ужасъ врагу, составилии аишрю ояраду въ подкрѣпленіе первой, и въ заищаму домовъ, жонъ и дѣтей каждаго и аишю.

МЫ уже вознамъ къ иервопрестолииу. Граду НАШЕМУ Москѣ, и нѣтъ азыаемъ ко аишю НАШИМЪ иириподданики, ко аишю сословиамъ и сословиамъ дуирии и иирскии, приаишамъ ииъ иишю съ НАМИ единомудуиимъ и обирни аишамъ содѣствоваи проишу аишю арамескии аишю и аишю. Да аишю оиъ на каждомъ иишѣ аишю аишю Россіи, иоражаишю ену аишю оредствами и силами, не аишю иишю ену аишю и обмалаи. Да аишю оиъ въ каждомъ дворяни Поиарскаго, въ каждомъ духовномъ Палииша, въ каждомъ гредании Мишии. Благо-родное дворянское Сословию! Ты во аишю аишю. было Спасишю Отечества; Святѣишю Синодъ и духовенство! Вы, аишю Теплыми мо-литвами аишю приаишамъ Благоишю на главу Россіи; иародъ Руской! Храброе аишю храбрии Славю! мы иеоднократно сокру-шамъ зубы аишю аишю на шеа аишю и аишю, аишю

и съ крестомъ въ сердце, и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы че-
ловѣческія не одолѣютъ.

Але, первоначальнаго соображенія преданія, имѣюща сирь, предосла-
вилася въ аскіи Губерніяхъ, добродѣтели, свободны, поставленнымъ ими
для защиты ометеннаго людей, избиралъ изъ среды своихъ себя. Нача-
ли, аскіи, а также о числѣ ихъ, знаша, въ Массеу, гдѣ избранъ
былъ. Главнымъ иждѣ аскіи Предводителемъ.

Въ Петербургѣ, Полонца 1812 года, Июля 6 дня.

На подлинномъ, собствен-
но, ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА, ПУКО, ПУКО,
СВѣдѣнію.

Печатано въ Санктпетер-
бургѣ, при Сенатѣ, Июля 10
дня 1812 года.

АЛЕКСАНДРЪ

нѣсколько позже служили благодарственные молебны по случаю мнимыхъ побѣдъ подъ Витебскомъ и Смоленскомъ. Все это мало помогало дѣлу, а частью только обостряло недовольство. Безъ прямого и откровеннаго обращенія къ народу нельзя было возстановить и народнаго довѣрія.

Но въ народѣ было не одно недовольство. При ненависти къ французамъ, при той дороговизнѣ, которая была вызвана континентальной системой *), третья война слишкомъ соответствовала реальнымъ интересамъ господствующихъ классовъ русскаго общества, чтобы не вызвать и другого, выгоднаго для правительства, патріотическаго настроенія. Объ этомъ имѣемъ много свидѣтельствъ. «При объявленіи войны съ Бонапартомъ,—пишетъ современникъ Николевъ,—братъ Яковъ поступилъ въ казаки. Все, что мыслило, заколыхалось для борьбы на жизнь и смерть съ завоевателемъ; все двинулось на битву, а кто того не могъ, тотъ иначе принималъ участіе въ оборонѣ. Отецъ, будучи уже слѣпъ, пекъ сухари для войска и бесплатно доставлялъ ихъ въ Коммиссаріатъ, а мои сестры принялись за корпію». «Французы уже стояли подъ Смоленскомъ,—пишетъ Мартосъ о началѣ войны,—они несли опустошеніе въ сердце моего отечества, и не надобно было быть русскимъ, надлежало перестать быть честнымъ человѣкомъ, оставшись въ сіи критическія времена пустымъ зрителемъ». Чаше и чаще слышались толки о пожертвованіяхъ, объ ополченіи; война трудна, непріятель отваженъ, пылокъ, но, восклицаетъ дворянинъ Оленинъ на собраніи смоленскихъ дворянъ, «мы помнимъ завитное слово Суворова и слабый мой голосъ повторить его откликъ: легкія побѣды не лѣстятъ сердце русское!» Съ особенной силой проявилось патріотическое воодушевленіе въ Смоленскѣ, при посѣщеніи его государемъ. За два дня до пріѣзда въ городъ государь получилъ прошеніе смоленскихъ дворянъ съ предложеніемъ выставить и вооружить на счетъ губерніи 20.000 ратниковъ.

Свѣтл. кн. Н. И. Салтыковъ. (Рис. Квадаль).

*) Въ 1811 г., по случаю войны съ Англіей, аршинъ русскаго сукна стоилъ 21 р., фунтъ сахару 2 р. 50 к. См. „Воспоминанія Броневскаго“, «Русск. Стар.», 1908, 4—6, стр. 555.

Горожане подняли чудотворную икону Смоленской Богоматери и изъ Успенскаго собора перенесли въ думу, гдѣ была отслужена всенощная. На слѣдующій день состоялся крестный ходъ вокругъ стѣнъ города. Военнымъ оказывается особенное вниманіе. «Невозможно было изъяслять ни больше ненависти и злобы къ непріятелю,—пишетъ А. П. Ермоловъ,—ни больше усердія къ намъ: жители предлагали содѣйствовать, не жалья собственности, не щадя самой жизни».

Правительство не сразу отнеслось съ довѣріемъ къ этому патріотическому воодушевленію. Передъ самой войной государь еще отклоняетъ многія изъ предложеній помощи людьми и деньгами на томъ основаніи, «что не таковы еще обстоятельства, чтобы нужно было употреблять всѣ средства». Сомнѣваясь уже послѣ начала войны въ возможности практическаго осуществленія рѣшенія смоленскихъ дворянъ выставить 20.000 ратниковъ, государь, по совѣщанію съ губернаторомъ, надѣется лишь на 15.000. Вопреки желанію смольнянъ назначить имъ въ начальники русскаго начальникомъ былъ назначенъ Виндингероде. Но существованіе въ народѣ, на ряду съ недовольствомъ, и патріотическаго настроенія было, тѣмъ не меньше, отмѣчено государемъ еще до начала войны. «Если только война начнется,—пишетъ Александръ Чарторійскому 1 апрѣля 1812 г.,—здѣсь рѣшились не складывать оружія. Собранныя военныя средства весьма значительны, и общее настроеніе превосходно, въ противоположность тому, коего вы были свидѣтелемъ первые два раза. Нѣтъ уже больше того хвастовства, которое заставляло презирать непріятеля. Напротивъ того, его силу признаютъ и считаютъ неудачи весьма возможными; но, несмотря на то, твердо намѣрены до послѣдней возможности поддерживать честь имперіи». Патріотическое настроеніе имѣлось, надо было уметь его использовать. Обстоятельства воочію показывали, что безъ содѣйствія общества обойтись нельзя. Вопросъ былъ только въ томъ, чтобы патріотизмъ общественный и правительственный пошли рука объ руку. Сама собою выдвигалась важная задача: строго обдумать содержаніе и характеръ правительственныхъ актовъ, съ которыми приходилось выступать передъ обществомъ по поводу начала войны, равно какъ и выбрать лицо, которое, при составленіи актовъ, могло бы стать посредникомъ между государемъ и народомъ.

Выборъ въ посредники палъ, какъ извѣстно, на А. С. Шишкова. Вскорѣ послѣ ссылки Сперанскаго Шишковъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ на его мѣсто. «Я читалъ Разсужденіе ваше о любви къ отечеству,—сказалъ государь:—имѣя таковыя чувства, вы можете ему быть полезны».

Самъ государь не довѣряетъ обществу—и вначалѣ недовѣріе это раздѣляется въ значительной степени и Шишковымъ. «Кто могъ предвидѣть,—говоритъ впослѣдствіи Шишковъ о времени начала войны,—что праведная месть за сожженіе столицы и поруганіе мощей и храмовъ ея, соединяясь съ любовью къ отечеству, ополчитъ руку дворянъ и народа неутолимымъ гнѣвомъ и мужествомъ?» На народъ у Шишкова было мало надежды, хотя и правительственныя мѣропріятія, выработанныя въ тиши кабинетовъ, также не утѣшали его. Только въ Смоленскѣ вздохнулъ онъ съ облегченіемъ: «Нѣтъ! Богъ милостивъ; Россіи не погибнетъ!» Пере-

мъна въ настроеніи Шишкова соотвѣтствовала и перемѣнъ, постепенно обнаружившейся въ настроеніи государя, въ которомъ все болѣе и болѣе разсыивались колебанія по вопросу объ обращеніи къ народу.

Изъ-подъ пера государственнаго секретаря выходитъ рядъ правительственныхъ актовъ; всѣ они имѣютъ цѣлью поддержать или возбудить въ обществѣ патріотическое чувство; но въ соотвѣтствіи съ только что указанной перемѣной въ настроеніи государя и Шишкова, вызванной ходомъ событій, акты могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: первую, гдѣ правительство не столько старается привлечь общество къ активному участию въ національной оборонѣ, сколько оправдать въ общественномъ мнѣніи собственные мѣропріятія, и вторую—гдѣ именно задачей государственныхъ актовъ становится привлеченіе общества къ активному участию въ войнѣ.

Первымъ манифестомъ, относящимся къ войнѣ, которая тогда еще только надвигалась, былъ манифестъ 23 марта 1812 г.—о рекрутскомъ наборѣ съ 500 душъ по 2 рекрута. Тонъ манифеста осторожный и сдержанный: ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало подать поводъ къ подозрѣнію Россіи въ намѣреніи нарушить миръ. Рекруты набираются потому, что «настоящее состояніе дѣлъ въ Европѣ требуетъ рѣшительныхъ и твердыхъ мѣръ, несущаго бодрствованія и сильнаго ополченія, которое могло бы вѣрнымъ и надежнымъ образомъ оградить Великую Имперію Нашу отъ всѣхъ могущихъ противъ нея быть непріязненныхъ покушеній... Крѣпкія о Господь воинскія силы Наши уже ополчены и устроены къ оборонѣ царства. Мужество и храбрость ихъ всему свѣту извѣстны. Но жаркій духъ ихъ и любовь къ Намъ и Отечеству да не встрѣтятъ превосходнаго противъ себя числа силъ непріятельскихъ». Слѣдующіе по времени акты появляются уже послѣ начала войны: это «приказъ арміямъ съ объявленіемъ о нашествіи французскихъ войскъ на предѣлы Россіи» и рескрипты фельд-маршалу графу Салтыкову—оба отъ 13 іюня 1812 г. Первый изъ этихъ актовъ кончается знаменательными словами: «Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ!»; второй—торжественнымъ обѣщаніемъ государя—не полагать оружія, «доколь ни единого непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ». Но со всѣмъ тѣмъ и здѣсь, несмотря на смѣлое упоминаніе о свободѣ, тонъ документовъ оправдательный: не Россія первая начала войну; къ сохраненію мира были исчерпаны всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ престола и государственною пользою. Только уже когда «предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта» и «внезапное нападеніе открыло

А. Я. Бугаковъ (Горбунъ).

явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавномъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній», государю не осталось иного, какъ «поднять оружіе» и употребить всѣ врученные ему Провидѣніемъ способы, «къ отраженію силы силою». Къ этому же періоду, когда правительство еще избѣгаетъ всецѣло положиться на поддержку общества и стремится, главнымъ образомъ, только возстановить къ себѣ довѣріе, относятся и три проекта неизданнаго манифеста о началѣ войны, о которомъ государь, по словамъ Шишкова, подумалъ немедленно послѣ выпуска приказа и рескрипта 13 іюня, по пріѣздѣ въ Свенцяны. Частые переезды съ мѣста на мѣсто и отсутствіе свободнаго времени, необходимаго для собиранія соотвѣствующихъ справокъ, помѣшали Шишкову лично исполнить желаніе государя, и на долю его достался лишь просмотръ проектовъ, написанныхъ другими лицами. Проектовъ три: одинъ, написанный нѣмцемъ, принадлежалъ все еще пользовавшемуся довѣріемъ государя Фулю, второй, французскій, Анстеду и Нессельроде, третій русскій— неизвѣстному автору. Получивъ порученіе перевести на русскій языкъ проекты Фуля и Нессельроде, Шишковъ рѣшительно забраковалъ ихъ оба. Въ обоихъ авторы ставятъ себѣ цѣлью оправдать въ глазахъ общества отступленіе русской арміи, которымъ характеризуется начало войны. Французская редакція во многомъ заимствуетъ свои доводы изъ нѣмецкой. Предпочтительность отступленія доказывается опытомъ послѣднихъ войнъ, положеніемъ нашихъ границъ, значительностью силъ Наполеона; кромѣ того, указывается и на то, что всѣ наступательныя войны противъ «величайшаго изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи полководцевъ» до сихъ поръ оканчивались неудачей. Русскимъ необходимо сосредоточиться ближе къ центру: отступленіе войскъ и есть выполненіе этого заранее выработаннаго плана. Доводы эти вызываютъ со стороны Шишкова горячую отповѣдь. Наполеонъ успѣлъ собрать огромныя силы, а чего же медлили русскіе? «Пусть не хотѣли выходить изъ своихъ предѣловъ, дабы быть зачинщиками (хотя и это, по словамъ Шишкова, «есть несомнѣнное и вредное для народа снисхожденіе несомнѣнному врагу»), но когда непріятель сталъ переправляться черезъ рѣку, для вступленія въ нашу землю, то неужели и сей поступокъ его былъ еще сомнителенъ, хочетъ ли онъ воевать съ нами?» Наполеонъ,—великій полководецъ, но, во-первыхъ, въ Испаніи онъ далеко не оказался такимъ страшнымъ, какъ въ Германіи и Пруссіи, а, во-вторыхъ, если онъ и великъ, «то почто превозносить его во время войны съ нимъ? почто, собравшись на него итти, возвеличивать его похвалами? твердить о несмѣтномъ числѣ силъ его, о непреодолимыхъ приготовленныхъ имъ средствахъ, о удивительномъ его искусствѣ и тому подобномъ? Развѣ для того, чтобъ при началѣ войны съ нимъ прійти тотчасъ въ страхъ и отчаяніе?» Наконецъ можно ли утверждать, что сосредоточеніе русскихъ силъ въ центръ соотвѣствуетъ заранее обдуманному плану? Въѣдь если такъ, то зачѣмъ было придвигаться со всѣми войсками къ Вильнѣ, завозить туда магазины? «Затѣмъ ли только, чтобъ сжечь ихъ и преслѣдованнымъ отъ непріятеля бѣжать около двухсотъ верстъ для занятія оборонительной линіи, съ начала предназначенной, и которую, слѣдовательно, тогда же, не проходя оную, надлежало занять?» Отступленіе, по мнѣнію Шишкова, было ошибкой и въ манифестѣ, обращенномъ къ

обществу, лучше не говорить о ней. Проекты и не были обнародованы. Третий проект, русский, всецело останавливается не на обстоятельствах начала войны, а на ее причинах. «Всей Европѣ извѣстны пожертванія наши миру, извѣстны и тяжкія узы, кои мы добровольно на себя для сохраненія онаго возложили»... Но Наполеонъ снова грозитъ общему спокойствію, поработивъ и разоривъ союзныя съ нимъ державы; онъ явно намѣренъ возстановить Польшу, приближаетъ войска къ русской границѣ, захватилъ герцогство Ольденбургское, позволяетъ себѣ вмѣшиваться даже во внутреннюю жизнь Россіи, требуя полнаго прекращенія русской внѣшней торговли «подъ предлогомъ, якобы нейтральныя суда, къ портамъ нашимъ пристающія, служатъ средствомъ къ распространенію англійской промышленности и ея колоній»... «Тарифъ, нами въ концѣ 1810 года изданный, послужилъ также французскому императору къ новымъ укорительнымъ требованіямъ, яко не выгодный для французскихъ произведеній рукодѣльности». Попытки открыть «негоціаціи, къ спасительному устраненію происшедшихъ неудовольствій ведущей», не удались; правительство поставлено въ необходимость «взять нужныя мѣры къ составленію арміи, соразмѣрной съ многолюдствомъ и величіемъ имперіи, хотя и не равняющейся числомъ съ французскимъ безпредѣльнымъ ополченіемъ, каковое бы отяготило сверхъ мѣры нашихъ вѣрно-подданныхъ». Къ концѣ этого длиннаго и многословнаго проекта возлагается надежда на русскій народъ, этотъ народъ, сотрясшій въ младенчествѣ иго азіатскихъ побѣдоносцевъ, посреди мятежей и безначалія нашедшій въ своей безпримѣрной храбрости средства къ изгнанію полчищъ иноплеменныхъ, удивившій вселенную быстрыми шагами въ поприщѣ славы — безъ сомнѣнія, «не ослабитъ и нынѣ усилій своихъ къ защищенію земли русской, семействъ, стяжанія и независимости любезнаго отечества». Проектъ сохранился въ черновой рукописи ¹⁾; на ней надпись Шишкова: «Читалъ сей манифестъ и нахожу оный существомъ дѣла, мыслями, связью, слогомъ прекрасно написаннымъ». Несмотря на это, и русскій проектъ остался только проектомъ. Какъ для насъ неизвѣстенъ авторъ, такъ неизвѣстны и мотивы, помывавшіе обнародованію. Мы можемъ лишь догадываться о нихъ. Манифестъ, какъ мы уже сказали, многословенъ — и эта сторона его мало соответствовала той лихорадочной быстротѣ, съ которой развертывались событія по вступленіи французовъ; упоминаніе о народѣ въ концѣ проекта могло показаться излишнимъ го-

Куманинъ, городской голова Москвы въ 1812 г.

¹⁾ «Русск. Старина», 1870 г., I, стр. 454.

сударю, въ іюнѣ еще не совсѣмъ себя выяснившему неизбѣжность превращенія третьей войны съ Наполеономъ въ войну народную.

Перемены въ настроеніи государя можно отнести къ началу іюля, когда онъ рѣшился, наконецъ, покинуть армію, предоставивъ главное командованіе Барклаю-де-Толли, и отправиться во внутрь Россіи. «Рѣшеніе это, государь,—пишетъ маркизь Паулуччи изъ Новгорода,—должно глубоко обрадовать всѣхъ, истинно преданныхъ Вамъ и любящихъ отечество, такъ какъ они увидятъ въ этомъ гарантію успѣха тѣхъ усилій, какія для спасенія имперіи можетъ проявить народъ». Къ помощи народа, въ концѣ-концовъ, правительству пришлось обратиться и въ первый періодъ, когда еще 3 іюня 1812 г. на имя Ростопчина было издано повелѣніе собрать, какъ можно скорѣе, «добровольными отъ всѣхъ сословій приношеніями», по Московской столицѣ и губерніи, милліонъ рублей на покупку для арміи воловъ. Дворянство и купечество немедленно выразили готовность собрать по 500.000 рублей. Обстоятельства подчеркивали всю плесообразность и необходимость такихъ обращеній къ обществу. 6 іюля 1812 г. подписаны два манифеста: «Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ» и «Манифестъ съ объявленіемъ о вшествіи непріятеля въ предѣлы Россіи и о всеобщемъ противу него ополченіи».

Здѣсь уже идетъ рѣчь не объ оправданіи правительственныхъ мѣропріятій, не о пріобрѣтеніи довѣрія общества, а о томъ, чтобы все общество, безъ различія сословій, не отказало «единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній». Правительство обращается къ Москвѣ: «она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, наподобіе крови къ сердцу, сыны Отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ». Въ 1810 г. Ростопчинъ выражалъ сомнѣніе найти въ Россіи хотя половину Пожарскаго: теперь правительство смѣло выражаетъ пожеланіе, чтобы врагъ встрѣтилъ Пожарскаго въ каждомъ дворянинѣ, «въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина... Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ».

Манифесты перваго періода производили на общество впечатлѣніе, но были и такіе патріотически-настроенные критики, которымъ именно не нравился сдержанный тонъ манифестовъ: въ рескриптѣ Салтыкову находили, напр., по словамъ Вигеля, «большую робость, потому что Наполеонъ въ немъ не былъ разруганъ». Наоборотъ, по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ государю все болѣе и болѣе приходилось убѣждаться въ несравненно большемъ соотвѣтствіи народному настроенію манифестовъ 6 іюля. Правда, первое извѣстіе о манифестѣ вызвало въ Москвѣ испугъ. «Мы пропали, мы пропали!» повторяла хозяйка московской квартиры С. Н. Глинки; другого современника, М. И. Маракуева, при бѣгломъ прочтеніи манифеста «пронялъ холодный потъ»—и по свидѣтельству этого человѣка, вся Москва пришла въ ужасъ. Но испугъ проистекалъ, главнымъ образомъ, отъ неожиданности, и отсутствія точныхъ свѣдѣній объ опасности, которая, видимо, оказалась сильнѣе, чѣмъ думали; боялись, что Наполеонъ стоитъ чуть не за заста-

Копія.

ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ СТОЛИЦѢ НАШЕЙ МОСКВѢ.

Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ имеетъ раззорить любезное НАШЕ отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское войнство готово встрѣпить и низложить дерзость его и замыслы, однакожъ по отеческому сердоболію и попеченію НАШЕМУ о всѣхъ вѣрныхъ НАШИХЪ подданныхъ, не можемъ МЫ оставить безъ предостереженія ихъ о сей угрожающей имъ опасности: да не возникнетъ изъ неосторожности НАШЕЙ преимущество врагу. Того ради мѣла въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, напервѣе обратимся МЫ къ древней Столицѣ предковъ НАШИХЪ, Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ недръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея изъ всѣхъ причинъ окрестностей текли въ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты оного. Никогда не состояла въ томъ вѣдшей опасности, какъ нынѣ. Свѣсенъ вѣръ, престолъ, преставъ, того требуютъ. И такъ, да разпространится въ сѣрадахъ значащаго Дворянства НАШЕГО, и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ, духъ истинной праведной братни, какую благословляетъ Богъ и пртвославная наша церковь, да составятъ и нынѣ сіе общее рѣшеніе и усердіе во имя силы, и да выйдете оныя, начиная съ Москвы, во всея обширныя Россіи. МЫ не ущемляемъ САМИ статься по срези народа СВОЕГО въ сей Столицѣ и въ другихъ Государствахъ НАШИХЪ, и въ стѣнахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми НАШИМИ ополченіями, какъ нынѣ претрѣждающаи пути врагу, такъ и нынѣ устроившии на истребленіе оного бездѣла, гдѣ только проявится. Да сбудется побѣда, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная оныя рабства Европа да возвеличитъ имя, Россіи.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ

Въ Петерб., блвнѣ Польскій.
6 Мая, 1812 года.

вой. Вѣсть о предстоящемъ прибытіи государя внесла успокоеніе, «отдалила,—какъ говоритъ Глинка,—мысль о бурѣ, мчавшейся къ Москвѣ». Разъ еще не все потеряно, народъ, особенно высшіе классы, готовы были, съ своей стороны, организовать оборону. Простой народъ разбѣжался 12 іюля изъ Кремля, встревоженный слухомъ, что будутъ насильно забирать всѣхъ въ рекруты; но этотъ же народъ, собравшись за два дня передъ тѣмъ встрѣтить государя, намъревался, по свидѣтельству Глинки, выпрячь изъ государственной коляски лошадей и донести ее на рукахъ. Показанія Глинки, вызывающія нѣкоторое сомнѣніе по чрезмѣрной патріотической экзальтированности ихъ автора, попавшаго за свой патріотизмъ даже подъ надзоръ полиціи, подтверждается и другими свидѣтелями. «Прибытіе императора,—говоритъ Штейнъ,—взволновало все населеніе Москвы и окрестностей». Безчисленный, стекшійся со всѣхъ сторонъ народъ преисполненъ былъ самымъ возвышеннымъ религіознымъ и національнымъ одушевленіемъ, и «всѣ сословія соперничали въ готовности жертвовать собою и всѣмъ своимъ достояніемъ, дабы на дѣлѣ доказать свою любовь къ государю». «Всѣ колебанія, всѣ недоумѣнія,—пишетъ П. Вяземскій,—исчезли: все, такъ сказать, отвердѣло, закалилось и одушевилось въ одномъ убѣжденіи, въ одномъ святомъ чувствѣ, что надобно защищать Россію и спасти ее отъ вторженія непріятеля».

Избѣгая народныхъ манифестацій, а можетъ-быть, все еще не вполнѣ довѣряя народной преданности, государь въѣхалъ въ Москву ночью; тѣмъ не меньше, по свидѣтельству гр. Комаровскаго, «отъ послѣдней станціи къ Москвѣ вся дорога была наполнена такимъ множествомъ народа, что отъ бывшихъ у этихъ желающихъ видѣть своего государя фонарей было свѣтло почти какъ днемъ». На 15 іюля назначено было торжественное собраніе дворянства и купечества въ Слободскомъ дворцѣ для выслушанія манифеста 6 іюля объ ополченіи и рѣчи государя. Русскому самодержцу предстояло обратиться къ обществу, открыто признать, что одно правительство, своими средствами, не можетъ справиться съ представившейся ему трудной задачей. Не безъ нѣкотораго колебанія и волненія приступалъ государь къ этому шагу—«тяжелому для всякаго властителя», по замѣчанію Ростопчина. Но онъ былъ неизбѣженъ, и пріемъ, оказанный Александру въ Москвѣ дворянствомъ и купечествомъ¹⁾, вознаграждалъ его вполнѣ. «Мой пріѣздъ въ Москву,—пишетъ государь,—имѣлъ настоящую пользу... нельзя не быть тронутымъ до слезъ, видя

В. Д. Арсеньевъ, московскій предвод. дворян.

¹⁾ Объ этомъ см. ниже въ статьяхъ о дворянствѣ и купечествѣ.

духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ»...

Въ Москвѣ, послѣ 15 іюля, издается четыре правительственныхъ акта, изъ которыхъ важнѣйшій—«Объ изыятіи нѣкоторыхъ губерній отъ всеобщаго ополченія и объ учрежденіи трехъ округовъ»—18 іюля 1812 г. Тонъ и содержаніе этого акта указываютъ на новое положеніе, занятое по отношенію къ народу правительствомъ. Это уже не забота о возстановленіи довѣрія и не хлопоты о привлеченіи общества къ содѣйствію. Правительство увѣрено въ народъ: его дѣло распредѣлить и направить народныя силы въ направленіи, наиболѣе удобномъ для успѣха. Гроза надвинулась, была неизбежна; но чувствовалось, что есть нѣчто, за что можно будетъ ухватиться и, если не отвратить, такъ переждать грозу. Это нѣчто—было народное настроеніе...

Д. Жариновъ.

Смоленскъ съ С.-Петербургской дороги.

VII. Отъ Вильны до Смоленска. Взятіе Смоленска.

Проф. Е. Н. Щепкина.

Военныя дѣйствія отъ Вильны до занятія непріателемъ Смоленска не такъ драматичны, какъ пребываніе французовъ въ Москвѣ, ихъ отступленіе черезъ Красный или переходъ чрезъ Березину. Зато по своему стратегическому значенію для всего облика похода 1812 года и его конечнаго исхода это едва ли не самая важная часть его, наиболѣе обильная вліяніями и послѣдствіями для обѣихъ воюющихъ сторонъ. За эти 5—7 недѣль командующіе русской арміи высвободились изъ—подъ теорій фонъ-Фуля и подъ давленіемъ хода событій выработали себѣ новый планъ—отступленія въ глубь страны и сосредоточенія войскъ, вмѣсто дробленія ихъ надвое. Въ отвѣтъ на это и Наполеонъ вмѣсто погони сразу за нѣсколькими возможностями пришелъ къ одному определенному пути для главной массы великой арміи—на Витебскъ, Смоленскъ и Москву. Въ Вильнѣ, Витебскѣ и особенно подъ Смоленскомъ Наполеонъ сдѣлалъ, по мнѣнію знатоковъ военнаго искусства, наиболѣе роковыя для него стратегическія ошибки, которыя могъ бы затѣмъ отчасти исправить развѣ только раннимъ выступленіемъ въ обратный походъ изъ Москвы.

По плану фонъ-Фуля, при наступленіи французовъ отъ Нѣмана на Вильну, 1-я (сѣверная) русская армія Барклая-де-Толли должна была отойти къ Западной Двинѣ въ укрѣпленный лагерь у Дриссы, а 2-ая (южная) армія Баграціона дѣйствовать отъ Волковыска во флангъ и въ тылъ противнику. Наполеонъ занялъ Вильну къ полудню (16/28) іюня и оставался здѣсь до вечера (4/16) іюля. За эти 18 ночей и 19 дней его главной задачей было врызаться клиномъ между обѣими русскими арміями и, уединивъ Баграціона, поставить его между отрядомъ Даву, наступающимъ ему во флангъ отъ Вильны, и вестфальскимъ королемъ Жеромомъ, который долженъ былъ отъ Гродна преслѣдовать вторую армію съ тыла. Между тѣмъ въ русской главной квартирѣ еще мечтали о переходѣ въ наступленіе, носились съ мыслью о рѣшительномъ сраженіи и уже раскаивались въ раздробленіи своихъ силъ надвое. Соединеніе или, по крайней мѣрѣ, сближеніе обѣихъ армій становится теперь конечной цѣлью нашихъ военныхъ дѣйствій. Изъ Свенцяны Александръ I призываетъ Баграціона идти на Вилейку черезъ Новогрудокъ или Бѣлицу; только развѣ передъ превосходными силами непріятеля 2-ая армія могла отступать на Минскъ и Борисовъ. Платовъ со своими казаками долженъ былъ прикрывать движеніе Баграціона и въ случаѣ необходимости соединиться съ нимъ. Наполеонъ со своей стороны неудачно разставилъ слѣдъ Баграціону, двигавшемуся черезъ Зельву, Слонимъ на Новогрудокъ. Въ первые же дни послѣ занятія Вильны онъ поручилъ наблюденіе за 1-ой арміей Мюрату, двинутому на Нѣменчинъ, а затѣмъ въ Свенцяны, и Нею, шедшему черезъ Вилькомиръ къ Гедройцамъ, а Даву во главѣ трехъ колоннъ направилъ черезъ Опшяны во флангъ арміи Баграціона. 20 іюня (2 іюля) Даву былъ уже въ Опшянахъ, но въ сущности императоръ не могъ дать ему достаточныхъ силъ для нанесенія вѣрнаго удара противнику, такъ какъ корпусъ вице-короля Італіи Евгенія отсталъ и былъ задержанъ непогодой при переправѣ черезъ Нѣманъ. Братъ Наполеона, Жеромъ, тоже не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Вступивъ въ Гродно еще (18/30) іюня, онъ нѣсколько дней подтягивалъ сюда запоздавшія части своей арміи и только 4 іюля (нов. ст.) исполнилъ приказъ императора двинуть легкія войска князя Понятовскаго вослѣдъ Баграціона. Въмѣсто уничтоженія 2-ой русской арміи наступленіе Даву и Жерома повело только къ тому, что Баграціонъ потерялъ надежду предупредить французовъ въ Минскѣ, отказался отъ попытки переправиться на правый берегъ Нѣмана у Николаева и 25 іюня (ст. ст.) въ Миръ принялъ рѣшеніе повернуть черезъ Песвижъ и Слуцкъ на Бобруйскъ.

Уже къ 24 іюня (6 іюля), у Наполеона созрѣлъ новый планъ, направленный на этотъ разъ противъ 1-й русской арміи. Даву долженъ смѣло идти на Минскъ, отрѣзать Баграціона отъ Витебска и вытѣснить его даже за Днѣпръ. Недовольный медлительностью брата Жерома, Наполеонъ въ этотъ день, на случай соединенія его арміи съ корпусомъ Даву, подчиняетъ вестфальскаго короля главной командѣ своего маршала. Даву 26 іюня (8 іюля) дѣйствительно занялъ Минскъ, но когда онъ нѣсколько дней спустя послалъ брату императора приказъ, подчинявшій Жерома маршалу, то оскорбленный этимъ вестфальскій король сложилъ съ себя въ Песвижѣ команду и уѣхалъ затѣмъ съ театра войны. Однако главное вниманіе Наполеона

было тогда сосредоточено уже на Западной Двинѣ. Императоръ намѣчаетъ для своей главной квартиры путь на Свенцяны и Глубокое, чтобы оттуда, обходя Дрисскій лагерь съ востока, итти на Полоцкъ или Витебскъ и съ переходомъ черезъ Западную Двину выше Дисны угрожать сразу и Москвѣ и С.-Петербургу. Ради этого онъ уже 12 и 13 іюля (нов. ст.) двигаетъ свою гвардію отчасти черезъ Михайлишки, отчасти черезъ Свенцяны на Глубокое. Съ лѣваго фланга Ней и Мюратъ должны были сосредоточить свои силы у Друи и угрожать тамъ непріятелю тоже переходомъ черезъ З. Двину и наступленіемъ на С.-Петербургъ. Еще лѣвѣе у Динабурга стоялъ бы Макдональдъ, пока близость русскихъ мѣшала ему заняться осадой Риги. Съ праваго фланга Наполеонъ рѣшилъ поддержать свой центръ корпусомъ Евгенія Богарнэ и далъ ему направленіе на Опшяны, Сморгонь, Вилейку, Докшицы; далѣе его предполагалось двинуть тоже на Полоцкъ или Витебскъ. Маршалу Даву, шедшему черезъ Игумень на Могилевъ, поставлена была двойственная задача: не терять изъ виду Баграціона, но въ то же время сдвинуться къ сѣверу на линію Борисова, Коханова, Орши, чтобы не только угрожать Смоленску, но и быть наготовѣ итти къ Витебску, какъ только удастся уничтожить или отбросить за Днѣпръ вторую армію. Даже корпусу Жерома, преслѣдовавшему Баграціона по пятамъ, «l'érée dans les reins», намѣчался теперь путь въ Могилевъ, и самые отсталые отряды крайняго праваго крыла—Реньё и кн. Шварценберга получили разрѣшеніе дойти до Слонима и Несвижа. Подъ вліяніемъ такого сдвига всѣхъ французскихъ силъ на сѣверо-востокъ къ Западной Двинѣ русскіе, по мнѣнію Наполеона, должны были очистить лагерь въ Дриссѣ; видя, что стотысячная непріятельская армія движется на С.-Петербургъ, а другія сто тысячъ—на Москву, они могли или начать отступленіе на защиту сѣверной столицы, или перейти въ наступленіе противъ ближайшихъ частей великой арміи.

Дѣло донскихъ казаковъ Платова при Караличахъ и Мирѣ, Волынской губ., 28 іюня 1812 г.

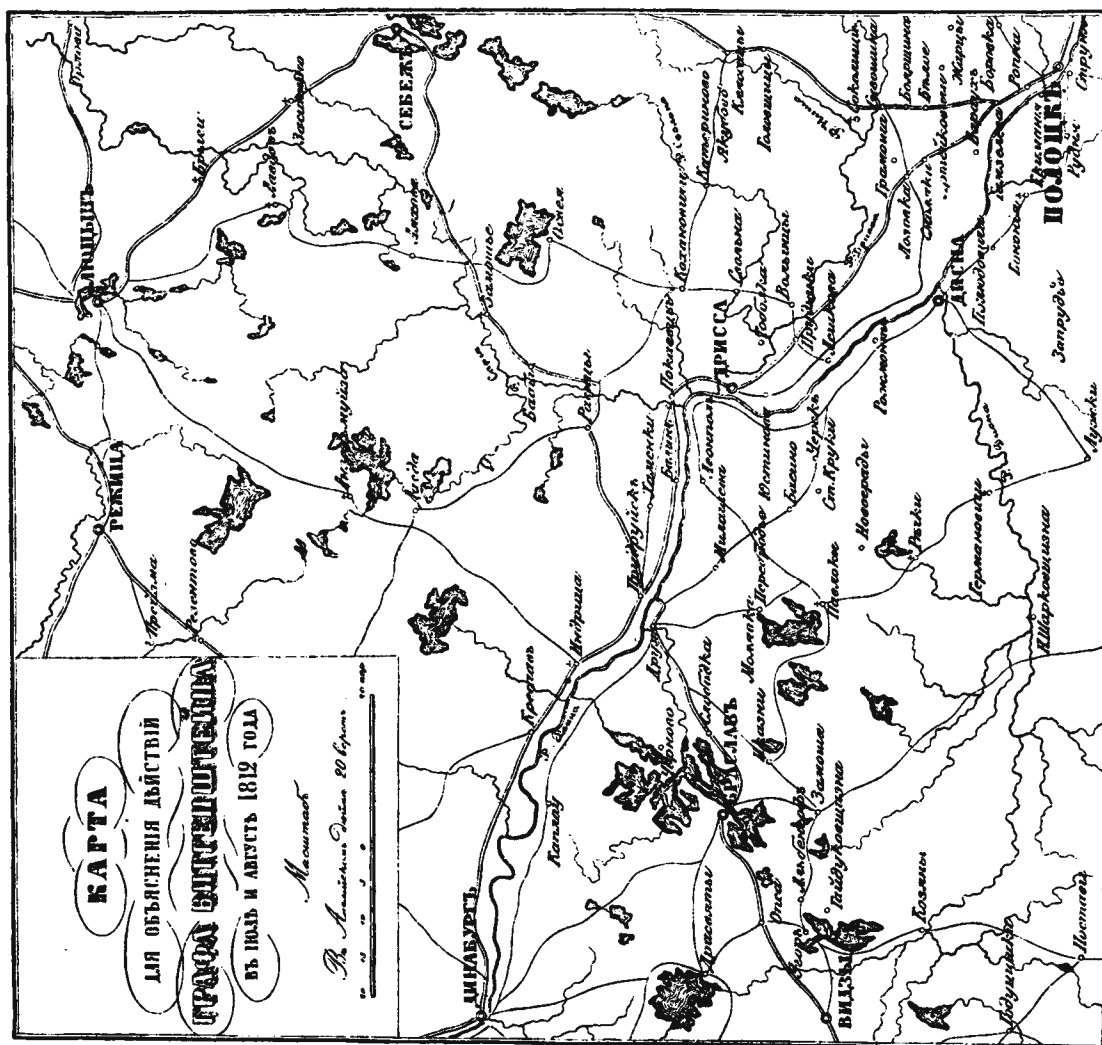
„Дѣти Парижа“ въ Витебскѣ 15 іюля (Фаберже дю-Форъ).

Тѣмъ временемъ Александръ I подѣ впечатльнѣмъ докладовъ фонъ-Клаузевица, адъютанта самого Фуля, и инженернаго полковника Мишо, а также и личнаго осмотра дрисскихъ укрѣпленій уже разочаровался въ достоинствахъ этой позиціи. Созванный имъ военный совѣтъ согласился, что дрисскій лагерь слѣдуетъ очистить немедленно же, и принялъ предложеніе Барклая отходить съ 1-ою арміею на Витебскъ и ожидать тамъ присоединенія Багратіона. (2/14) іюля русская армія покинула дрисскій лагерь и, перейдя на правый берегъ З. Двины, начала отступленіе къ Полоцку, куда и прибыла (6/18) числа. Здѣсь вслѣдствіе представленія графа Аракчеева, Балашова и Шишкова, настаивавшихъ на необходимости присутствія государя внутри имперіи, Александръ I покинулъ армію; съ этихъ поръ Барклай и Багратіонъ превратились въ совершенно самостоятельныхъ главнокомандующихъ частными арміями. Еще собираясь начать движеніе къ Полоцку, Барклай выдѣлилъ изъ состава своей арміи корпусъ Витгенштейна, который, оставаясь у Дриссы, долженъ былъ прикрывать дорогу на С.-Петербургъ. Витгенштейнъ приказалъ своему авангарду подѣ начальствомъ Кульнева переправиться черезъ З. Двину и 3 (15) іюля произвести рекогносцировку на лѣвомъ берегу рѣки. Недалеко отъ Друи казаки и гусары внезапно атаковали два полка дивизіи Себастьяни, опрокинули ихъ, а часть захватили въ плѣнъ. Получивъ на слѣдующій день къ вечеру донесеніе Мюрата объ этомъ переходѣ русскихъ у Друи, Наполеонъ принялъ его за наступленіе первой арміи и рѣшилъ принять желательное для него сраженіе. Онъ рѣшилъ къ ночи выступить изъ Витебска, чтобы рано утромъ 5 (17) іюля быть уже въ Свенцянахъ, а оттуда двинуться или къ аванпостамъ Мюрата у Браслава противъ якобы наступающихъ русскихъ,

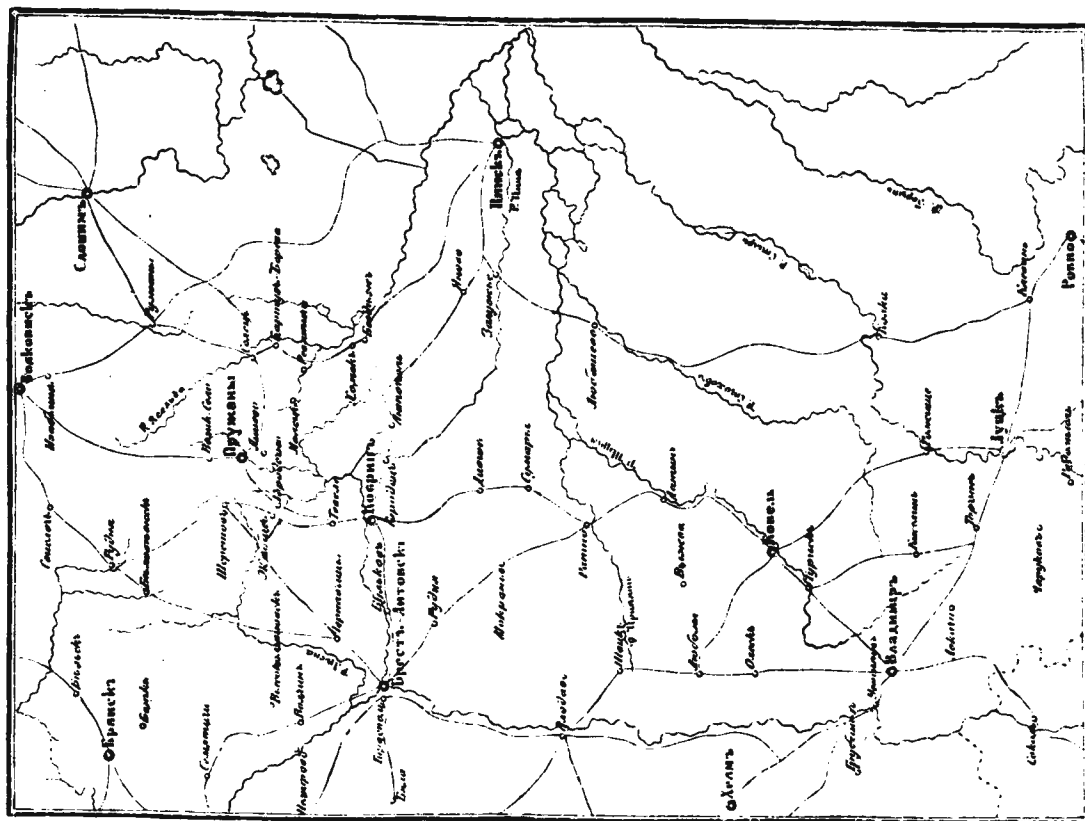
или, если тревога окажется ложной, идти дальше на Глубокое. Императоръ въ Витебскъ и на походы вставалъ обыкновенно въ два часа ночи, а затѣмъ высыпался днемъ. Большую часть пути онъ совершалъ въ каретѣ, за которой верхомъ едва поспѣвали офицеры его свиты.

Наступленіе русскихъ у Дри, однако, приостановилось, и (6/18) іюля Наполеонъ въ полдень достигъ Глубокаго. Убѣдившись, что первая русская армія отступила за Полоцкъ, императоръ останавливается на мысли сосредоточить все свои силы въ Бѣшенковичахъ, перейти тамъ З. Двину и вызвать Барклая на битву еще до Витебска или, по крайней мѣрѣ, преградить ему путь на лѣвый берегъ рѣки для соединенія черезъ Сѣнно съ арміей Багратіона. Ради этого на лѣвомъ флангѣ Мюратъ и Ней получаютъ направленіе отъ Дисны черезъ Полоцкъ къ Бѣшенковичамъ по лѣвому берегу З. Двины, а правое крыло вице-короля Евгенія двинуто туда же черезъ Камень; посрединѣ между ними лежитъ путь для гвардіи на Ушачь. На крайнемъ южномъ флангѣ Даву попрежнему долженъ отрѣзывать Багратіона отъ направленія по правому берегу Днѣпра на Оршу ради соединенія съ первой арміей; для этого самъ маршалъ могъ оставаться въ Могилевѣ и только выдѣлить Груши ближе къ Евгенію Богарнѣ на линію отъ Борисова черезъ Бобръ къ Коханову; подвигаясь къ нимъ на помощь, Понятовскій достигалъ уже Игумена. Самъ Наполеонъ, слѣдуя за своей гвардіей, пріѣхалъ 11 (23) іюля въ Ушачь и затѣмъ ночью въ Камень. Уже отсюда посланъ былъ на слѣдующій день приказъ генералу Брюйеру идти съ кавалеріей на Островно въ Витебскъ въ предположеніи, что всей французской арміи придется двинуться туда же. Дѣйствительно достигнувъ еще 12 (24) іюля Бѣшенковичей, императоръ лично могъ убѣдиться, что на правомъ берегу З. Двины главной русской арміи больше не было. Въ тотъ же вечеръ онъ велѣлъ Мюрату двинуться по лѣвому берегу на Витебскъ, къ разсвѣту за нимъ долженъ былъ послѣдовать вице-король Италіи, выдѣливъ только бригаду легкой кавалеріи на Сѣнно ради установленія связи съ отрядомъ Груши. Наполеонъ все еще готовился къ попыткѣ Барклая проложить себѣ путь отъ Витебска черезъ Оршу на соединеніе со 2-ой русской арміей. Между тѣмъ Барклай-де-Толли, въ виду движенія французовъ къ Бѣшенковичамъ, еще въ Полоцкѣ почти оставилъ мысль теперь же пробиваться навстрѣчу Багратіону и, быстро отступивъ къ Витебску, привелъ туда свою армію уже 11 (23) іюля. Только отсюда онъ намѣревался идти на Бабиновичи и Оршу въ надеждѣ облегчить этимъ соединеніе со 2-ой арміей и преградить противнику путь изъ Минска на Смоленскъ. Барклай сообщилъ о своемъ намѣреніи князю Багратіону и настойчиво, ссылаясь на волю государя, требовалъ, чтобы вторая армія двинулась между Березиной и Днѣпромъ и дѣйствовала во флангъ Наполеону.

Багратіонъ, въ виду появленія у него въ тылу Жерома въ Новогрудкѣ и занятія маршаломъ Даву сначала Минска, а затѣмъ Игумена и Борисова, продолжалъ съ 28 іюня (ст. ст.) отступленіе отъ Несвижа на Слуцкъ и Бѣбруйскъ. На всемъ пути Платовъ съ казаками прикрывалъ тылъ движенія 2-ой арміи и имѣлъ нѣсколько крайне удачныхъ схватокъ съ польской кавалеріей изъ авангарда Жерома, а именно—при Мирѣ 28 іюня (ст. ст.) съ Рожнецкимъ и при Романовѣ 2 іюля (ст. ст.)

(Изъ Бюбеновича).

Карта дѣйствій на Волынѣ.

съ Пшепендовскимъ. Съ подходомъ 5—6 іюля (ст. ст.) къ Бобруйску, Багратіонъ уже обладалъ обезпеченной переправой черезъ Березину и всегда могъ положить эту преграду между собой и Жеромомъ. Ободренный выгодами своего новаго положенія, онъ рѣшилъ двинуться разрѣшить задачи, поставленныя ему раньше императоромъ Александромъ, т.-е. прикрыть направленіе на Смоленскъ и соединиться съ первой арміей, хотя теперь въ Бобруйскъ уже имѣлъ разрѣшеніе отъ государя совершить все движеніе по лѣвому берегу Днѣпра. (7/19) іюля, въ день занятія Коханова и Орши частями Груши и наканунѣ захвата Могилева Бордесулемъ съ его авангардомъ, корпусъ Раевского выступилъ по приказу Багратіона на Старый Быховъ съ казачьимъ отрядомъ полковника Сысоева во главѣ. Вскорѣ 2-ая армія убѣдилась, что Даву предупредилъ ее въ Могилевъ. Однако Багратіонъ все-таки остался вѣрнъ своему рѣшенію проложить себѣ

Подвигъ генерала Невѣровскаго подъ Краснымъ 2-го августа 1812 года (Гессе).

дорогу вдоль праваго берега Днѣпра. (10/22) іюля онъ сдѣлалъ распоряженія для дальнѣйшаго наступленія арміи на Могилевъ, а на случай неудачи велѣлъ немедленно же приступить къ постройкѣ моста черезъ Днѣпръ у Новаго Быхова. Въ этотъ же день маршалъ Даву, полный надеждъ на успѣхъ, избралъ къ югу отъ Могилева у деревни Салтановки позицію на случай боя. Съ фронта позиція опредѣлялась ручьемъ, протекавшимъ въ юго-восточномъ направленіи впереди деревушекъ Фатовой и Салтановки вплоть до своего впаденія въ Днѣпръ. Плотины и мосты, являвшіеся единственными доступными переходами черезъ болотистые берега ручья, были по указаніямъ Даву или сломаны, или забаррикадированы. Тѣмъ не менѣе, получивъ въ день битвы у Салтановки 11 (23) іюля приказъ Багратіона атаковать непріятеля и постараться ворваться въ Могилевъ, Раевскій двинулъ весь свой корпусъ впередъ. Однако атаки

Паскевича въ обходъ праваго фланга французовъ у Фатовой и самого Раевского—противъ ихъ лѣваго крыла у Салтановки были отбиты. Трудныя условія мѣстности, лишая возможности воспользоваться содѣйствіемъ кавалеріи, заставили Раевского прекратить атаки и съ разрѣшенія Баграціона отвести войска къ Дашковкѣ; наступленіе ночи вскорѣ положило конецъ преслѣдованію Кампана. На слѣдующій день видя еще передъ собой передовые посты Раевского, Даву ожидалъ атаки всей 2-ой русской арміи. Но Баграціонъ былъ уже на пути къ Смоленску. 13 (25) іюля его главная квартира переправилась черезъ Днѣпръ у Новаго Быхова и выступила дальше на Пропойскъ и Мстиславль. Платовъ съ казацкими полками долженъ былъ спѣшить къ 1-ой арміи кратчайшей дорогой и послѣ удачныхъ набѣговъ на французскіе отряды въ Шкловъ, Копысь, Оршъ, уже 17 (29) іюля достигъ Любавичей и вошелъ затѣмъ въ связь съ войскомъ Барклая. Даву только на другой день послѣ переправы Баграціона узналъ, что 2-ая армія за Днѣпромъ; но, опасаясь наступленія какихъ-либо свѣжихъ русскихъ силъ отъ Смоленска на Оршу, онъ только черезъ двое сутокъ, дождавшись прибытія Понятовскаго, двинулся туда отъ Могилева вверхъ по рѣкѣ.

Неудача Баграціона и его отступленіе за Днѣпръ къ Смоленску разъяснили второй арміи ея положеніе подъ Витебскомъ. Получивъ донесеніе о наступленіи значительныхъ силъ непріятеля вдоль лѣваго берега З. Двины, Барклай въ ночь съ 12 на 13 іюля (ст. ст.) двинулъ тамъ же по дорогѣ на Бѣшенковичи пѣхотный корпусъ Остермана, усиленный драгунами, гусарами и конной артиллеріей. Высылкой этого аррьергарда онъ надѣялся задержать противника и выиграть время, чтобы облегчить сближеніе и соединеніе со 2-ой арміей. Такъ возникъ 13 (25) іюля бой подъ мѣстечкомъ Островно между французскимъ авангардомъ Мюрата и отрядомъ Остермана, задержавшій на цѣлый день наступленіе неаполитанскаго короля, но кончившійся все-таки отступленіемъ русскихъ на новую позицію. Убѣдившись изъ боя при Островнѣ въ приближеніи значительныхъ силъ противника по дорогѣ изъ Бѣшенковичей, Барклай отказался отъ опаснаго при такихъ условіяхъ движенія на Оршу. Чтобы отвлечь, однако, вниманіе противника отъ 2-ой арміи, которую онъ самъ настоятельно призывалъ ускорить движеніе къ Оршѣ, Барклай готовъ былъ даже принять сраженіе подъ Витебскомъ. Впрочемъ, при ближайшемъ осмотрѣ позиціи и впереди и позади Витебска оказались рискованными для рѣшительной битвы. Къ тому же въ ночь на 15 (27) іюля адъютантъ Баграціона привезъ извѣстіе о неудавшейся попыткѣ 2-ой арміи боемъ открыть себѣ дорогу для соединенія съ Барклаемъ. Эта новость освобождала 1-ую армію отъ необходимости выжидать Баграціона у Витебска подъ страхомъ битвы въ плохо защищенной отъ природы мѣстности съ превосходными силами противника. Поручивъ Палену составить аррьергардъ арміи и выдвинуть его на лѣвый берегъ рѣчки Лучосы, Барклай послѣ совѣщанія старшихъ начальниковъ 15 (27) іюля рѣшилъ продолжать отступленіе на Смоленскъ тремя колоннами черезъ Порѣчье и Рудню. Наполеонъ съ своей стороны уже 13 (25) іюля зналъ изъ донесенія Даву объ отраженіи Раевского у Салтановки. Послѣ этого операціи главной арміи противъ Барклая были вполне обезпечены съ праваго фланга. Бой у Островна и самое упорство, съ которыми дрались рус-

скіе аррьергарда Остермана, затѣмъ 14 (26) іюля Коновнищина и, наконецъ, 15 (27) іюля—Палена, все это наводило императора на мысль, что русскій главнокомандующій собирается принять генеральное сраженіе. Въ первые дни этихъ авангардныхъ стычекъ французская армія была еще слишкомъ разбросана, и Наполеонъ ограничивался рекогносцировкой, предполагая дать давно желанную битву только 16 (28) іюля, если русскіе выстоятъ на мѣстѣ. Но въ назначенный для боя день отъ русской арміи передъ нимъ не осталось и слѣдовъ. Французы могли только вступить въ Витебскъ, очищенный непріателемъ, и на слѣдующій же день двинуть за нимъ погоню. Сознывая, однако, что надо дать арміи отдыхъ дней въ 7—8, Наполеонъ поневоле долженъ былъ предоставлять русскимъ починъ въ наступательныхъ дѣйствіяхъ и подготовкѣ битвы. Онъ ограничился только тѣмъ, что занялъ частями великой арміи всѣ узлы дорогъ на правомъ берегу Днѣпра между Витебскомъ, гдѣ отдыхала гвардія, и Смоленскомъ. Такъ, вице-король занималъ Суражъ и Велижъ, Нансуги—Порпъчье, Ней—Ліозну, Мюратъ—Колышки и Рудню, Груши—Бабиновичи и Любавичи, Даву—Дубровну.

Между тѣмъ обѣ русскія арміи, наконецъ, соединились въ Смоленскѣ: 20 іюля (1 августа) прибыла туда армія Барклая, котораго тотчасъ же уже на слѣдующій день послѣтилъ Багратионъ, обогнавши свои войска; 22 іюля (3 августа) подошла и его 2-ая армія. Поспѣшность отступленія разстроила русскія войска, но 1-ая армія все еще насчитывала въ своихъ рядахъ около 80 тысячъ, 2-ая—около 40 тысячъ человекъ. Военный совѣтъ старшихъ начальниковъ единодушно высказался теперь за наступленіе, и Барклай, вопреки собственному убѣжденію, согласился іюля 26 (7 августа) начать движеніе къ Руднѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы войска не удалялись отъ Смоленска дальше трехъ переходовъ; на всякій случай на лѣвомъ берегу Днѣпра отъ Смоленска къ Красному былъ выдвинутъ отрядъ Невѣровскаго. Однако уже на другой же день при первыхъ ложныхъ слухахъ о сосредоточеніи французскихъ силъ у Порпъчья, Барклай пріостановилъ наступленіе. Получивъ черезъ нѣсколько дней свѣдѣнія, что Наполеонъ стянулъ войска позади Рудни у Любавичей-Бабиновичей и Дубровны, онъ опять было возобновилъ движеніе впередъ и 2 (14) августа занялъ крайне выгодную на случай битвы позицію у Волковой въ надеждѣ вызвать непріателя на атаку. Но черезъ сутки обнаружилось, что французы перешли на лѣвый берегъ Днѣпра. Теперь Барклаю не оставалось ничего другого, какъ торопиться вслѣдъ за Багратиономъ назадъ на защиту Смоленска и сообщеній съ Москвой.

Наполеонъ дѣйствительно былъ душевно утомленъ этой вѣчной погоней за рѣшительнымъ сраженіемъ и все новымъ и новымъ исчезновеніемъ непріателя. Онъ приходитъ къ рѣшенію неожиданнымъ вывертомъ всего своего наступленія отъ Витебска превзойти всѣ ожиданія Барклая и застать, наконецъ, русскихъ врасплохъ, какъ это удалось ему въ 1809 году подъ Ландсгуттомъ съ австрійцами. Со свойственной ему легкостью быстро перебрасываясь отъ одной комбинаціи къ другой, императоръ задумываетъ теперь переправить всѣ свои силы якобы почти въ 200.000 человекъ на лѣвый берегъ Днѣпра у Росасны, съ налету захватить Смоленскъ въ тылу у русской арміи, поразить этимъ всѣ умы въ Россіи и принудить, нако-

нецъ, противника къ рѣшительному бою. Слѣды этого новаго плана ясно замѣтны у Наполеона уже съ 6 августа (н. ст.) послѣ того, какъ наканунѣ онъ, навѣрное, узналъ о соединеніи обѣихъ русскихъ армій въ Смоленскѣ. Онъ совѣтуется съ маршаломъ Даву о преимуществахъ движенія по правому и по лѣвому берегу Днѣпра, о выгодахъ переправы у Росасны или дальше у Дубровны, велитъ, наконецъ, наводить мосты у Могилева, Орши, Дубровны, Росасны. Однако, когда Платовъ разбилъ вдругъ 27 іюля (8 августа) авангардъ Себастьяни подъ Инковымъ (при Молевомъ болотѣ), Наполеонъ тотчасъ же опять весь насторожѣ, готовъ принять битву и на правомъ берегу Днѣпра у Ліозны, ждетъ еще двое сутокъ русскаго наступленія. Только іюля 29 (10 августа), когда надежды на атаку Барклая не оправдались, отдаются отдѣльнымъ французскимъ частямъ приказы готовиться къ походу за Днѣпръ. Ней долженъ итти черезъ Любавичи и навести мостъ на Днѣпръ супротивъ Лядъ, дабы затѣмъ вмѣстѣ съ Мюратомъ во главѣ кавалеріи образовать авангардъ. Даву поручается навести 4 моста у Росасны съ тѣмъ, чтобы слѣдовать за Неемъ. Вице-король Евгений двинуть черезъ Ліозну къ Росаснѣ вслѣдъ за Даву. Гвардія, которую императоръ задерживаетъ пока еще на день вслѣдствіе дурной погоды, пойдетъ у Росасны позади Евгенія Богарнэ. Для Понятовскаго намѣчался путь на Романово или на Боево. Въ три дня императоръ рассчитываетъ сосредоточить всю свою армію на Днѣпрѣ, еще черезъ трое сутокъ—подъ Смоленскомъ. 1 (13) августа въ 1 часъ пополудни Наполеонъ въ каретѣ выпѣзжаетъ изъ Витебска въ Росасну. Къ утру Мюратъ и Ней направлены уже къ Днѣпру напротивъ Хомина, къ вечеру—и Даву на Росасну. Однако мѣры предосторожности, принятія Барклаемъ, а именно—выдѣленіе отряда Невіровскаго къ Красному и рѣшеніе не удаляться отъ Смоленска дальѣ трехъ переходовъ, спасли городъ отъ неожиданнаго захвата и превратили

Бивуакъ (Фабержъ).

Передъ Смоленскомъ (Фабержъ).

задуманный Наполеономъ блестящій ударъ въ азартную игру на-авось полководца, избалованнаго выигрышами на ошибкахъ противниковъ. Съ утра 2 (14) августа авангардъ кавалеріи Мюрата и корпуса Нея были уже за Днѣпромъ и послѣ полудня наткнулись на отрядъ Невѣровскаго, вышедшій изъ Краснаго и расположившійся въ боевомъ порядкѣ. Мюратъ въ донесеніи Наполеону превозноситъ неустрашимость своей кавалеріи въ атакахъ на этого непріятеля, но отдаетъ должное и упорному отпору со стороны русскаго карре, пролагавшаго себѣ путь для отступленія штыками среди французскихъ всадниковъ, которые снова и снова преграждали ему съ тылу дорогу. Невѣровскій потерялъ въ дѣль подѣ Краснымъ до 1½ тысячи человекъ, но зато задержалъ на цѣлый день наступленіе непріятеля на Смоленскъ. Когда обстоятельства вполнѣ разъяснились, русскіе главнокомандующіе рѣшили какъ можно скорѣе спѣшить на выручку города. Корпусъ Раевского выступилъ на поддержку дивизіи Невѣровскаго черезъ Смоленскъ еще въ ночь со 2 на 3 августа (ст. ст.) и послѣ полудня соединился съ нею къ западу отъ города; русскія силы доходили теперь здѣсь всего до 15 тысячъ человекъ, а потому по предложенію Паскевича рѣшено было защищаться въ самой крѣпости.

Смоленскъ еще при Борисѣ Годуновѣ былъ окруженъ стѣной изъ бѣлаго камня и кирпича свѣше 5 верстъ въ длину, вышиной не менѣе 25 футовъ и толщиной не менѣе 10 ф.; впереди стѣны мѣстами имѣлся прикрытый путь, а за нимъ вездѣ кругомъ шелъ сухой ровъ. Старыхъ башенъ сохранилось 17, да еще королевскій бастионъ, пятиугольное насыпное укрѣпленіе, построенное Сигизмундомъ III въ юго-западномъ углу, между Красненскимъ и Мстиславльскимъ предмѣстьями. Предмѣстья эти изъ деревянныхъ построекъ опоясывали городъ съ юга отъ Днѣпра до Днѣпра и въ

порядкѣ съ запада на востокъ назывались Красненское, Мстиславльское, Рославльское, Никольское, Раченка. Въ стѣнѣ было нѣсколько проломовъ и трое воротъ — сѣверныя Днѣпровскія, восточныя Никольскія и южныя Малаховскія.

3 (15) августа французскія войска и императорская квартира были уже въ Корытнѣ подѣ самымъ Смоленскомъ. Предполагая, что городъ покинутъ русскими, Наполеонъ съ увѣренностью рассчитывалъ занять его на слѣдующій день безъ боя, а потому рѣшился даже перебросить кавалерію корпуса Евгенія Богарне подѣ Хоминымъ опять назадъ на правый берегъ Днѣпра ради поисковъ непріятеля. Благодаря такому раздробленію силъ, французы 4 (16) августа должны были ограничиться только нѣсколькими попытками атакъ на укрѣпленія Смоленска. Съ 8 часовъ утра сюда стала подходить кавалерія Мюрата и корпусъ Нея, а вскорѣ послѣ полудня прибылъ и Наполеонъ. Войска Даву появились только съ 4 часовъ дня. Дѣло ограничилось почти лишь одной канонадой; попытки овладѣть королевскимъ бастіономъ были легко отбиты. Къ вечеру къ Раевскому, потерявшему въ этотъ день свыше тысячи человекъ, подошли подкрѣпленія и появилась армія Барклая, къ которой у города присоединился и Багратіонъ. Передъ ночью въ русскомъ лагерѣ было рѣшено, что 2-ая армія отступить по московской дорогѣ къ Соловьевой переправѣ, оставивъ у рѣки Колодни только особый аррьергардъ подѣ начальствомъ кн. Горчакова. Для прикрытія отступления Багратіона, 1-ая армія будетъ удерживать Смоленскъ, послѣ чего она тоже отойдетъ на московскую дорогу подѣ прикрытіемъ аррьергарда кн. Горчакова. Для обороны Смоленска назначенъ былъ корпусъ Дохтурова, усиленный Невѣровскимъ, Коновницынымъ, а затѣмъ и другими подкрѣпленіями постепенно до 30 тысячъ человекъ. Въ теченіе ночи произошла смѣна войскъ Раевского корпусомъ Дохтурова, а 1-ая армія осталась на правомъ берегу Днѣпра и выставила здѣсь даже батареи въ помощь городской артиллеріи. Лагерь Наполеона былъ разбитъ въ 2¹/₂ километрахъ отъ укрѣпленій города.

На слѣдующій день 5 (17) августа Наполеонъ уже съ 8 часовъ утра зналъ о появленіи русской арміи у Смоленска; онъ рано садится на коня, но все еще до полудня затягиваетъ начало рѣшительнаго штурма, какъ бы надѣясь на вылазку и битву. Въ ожиданіи французскіе корпуса развертывались противъ предмѣстій города, Ней — противъ Красненскаго, Даву — противъ Мстиславльскаго и Рославльскаго, Понятовскій — противъ Никольскаго. Около часу дня Ней двинулъ вюртембергскую дивизію противъ западнаго предмѣстья; бригада Гюгеля проникла въ Красненское и укрѣпилась на кладбищѣ. Въ то же время съ юга пошла въ атаку дивизія Морана, справа отъ нея дивизія Фріана, а слѣва дивизія Гюдена подѣ предводительствомъ самого Даву. Но и здѣсь французы могли овладѣть только Мстиславльскимъ предмѣстьемъ, а ихъ дальнѣйшія усилія разбивались о твердыню стѣны. Императоръ велѣлъ было артиллеріи пробить брешь въ стѣну, но и эта попытка не удалась, хотя мѣстами палили изъ пушекъ почти въ упоръ. Зато удачно брошенные снаряды зажгли и предмѣстья и городъ. Даву удержалъ на ночь завоеванную позицію въ предмѣстьяхъ и готовился съ утра повести атаку черезъ одинъ изъ проломовъ въ стѣну. Около 2 часовъ дня Наполеонъ велѣлъ корпусу Понятовскаго

атаковать Малаховскія ворота и восточныя предмѣстья вплоть до Днѣпра, Никольское и Раченку. Поляки легко захватили предмѣстья, но усилія ихъ проникнуть въ городъ остались и здѣсь безплодными. Понятовскій приказалъ было большой батарее стрѣлять по тремъ мѣстамъ на Днѣпрѣ, чтобы прервать сообщенія съ 1-ой арміей, но русская артиллерія изъ-за рѣчки поддержала городскія орудія и заставила поляковъ прекратить этотъ обстрѣлъ. Около 5 часовъ пополудни наступила наиболѣе страшная минута защитниковъ Смоленска. Войска корпуса Даву при содѣйствіи поляковъ повели настойчивый приступъ противъ Малаховскихъ воротъ, переходя черезъ сухой ровъ и отбѣгая русскихъ въ городъ. Но въ это время подошли подкрѣпленія, вытребованныя Дохтуровымъ изъ 1-ой арміи. Принцъ Евгений Вюртембергскій согласился произвести вылазку черезъ ворота; егерскій полкъ снаружи стѣны устремился въ прикрытый путь и залпами остановилъ натискъ французовъ. Наполеонъ въ 8 часовъ вечера велѣлъ прекратить атаку; онъ не пожелалъ ввести въ дѣло молодую гвардію и другія части арміи, оставшіяся въ резервъ.

Уложить на мѣсть сразу столько войска, сколько потребовалось бы для взятія города штурмомъ во что бы то ни стало, еще не входило въ его планы. Французы и такъ потеряли не меньше 8—10 тысячъ человѣкъ и къ тому же, по мнѣнію знатоковъ, безъ крайней нужды, потому что легче было бы перейти Днѣпръ выше Смоленска, у Шеина Острога или въ бродъ у Прубишева и наступленіемъ между обѣими русскими арміями принудить противника очистить городъ.

Подъ Смоленскомъ 5 авг., 10 час. веч. (Фаберже).

Русскія потери доходили до 6 тысячъ убитыхъ и раненыхъ. Къ полночи Барклай приказалъ начать отступленіе изъ города. Тщетно всѣ главные защитники Смоленска уговаривали его продолжать оборону города, а Багратіонъ, Беннигсенъ и вел. кн. Константинъ требовали даже перехода въ наступленіе. Барклай твердо върилъ, что переправа Наполеона нѣсколько выше по Днѣпру сдѣлаетъ положеніе русскихъ отчаяннымъ.

За ночь на 6 (18) августа русская 1-ая армія отошла на дорогу къ Порѣчью, чтобы обмануть непріятеля надеждой на битву, а Дохтуровъ успѣлъ очистить Смоленскъ и уничтожить мосты. Однако за отсутствіемъ у русскихъ арьергарда, маршалъ Ней, проникшій съ утра въ опустѣвшій городъ, отрядилъ тотчасъ же головную дивизію въ бродъ на правый берегъ Днѣпра, чтобы скорѣе овладѣть Петербургскимъ предмѣстьемъ. Здѣсь бригада Гюгеля заняла редутъ у рѣчки надъ бродомъ и удержала его за собой вмѣстѣ съ выгорѣвшимъ предмѣстьемъ, несмотря на то, что спохватив-

шіеся русскіе цѣлый день старались выбить вюртембергцевъ изъ позиціи. Главная квартира Наполеона теперь въ Смоленскѣ; но самъ императоръ съ 10 утра до 6 вечера остается верхомъ; онъ лично осматриваетъ батарею за рѣкой. Къ слѣдующему утру французы успѣли навести мостъ у Смоленска, и 7 (19) августа весь корпусъ Нея перешелъ на правый берегъ Днѣпра. Только теперь Наполеонъ велѣлъ, наконецъ, корпусу Жюно переправиться и выше города въ бродъ у Прубищева. Однако на этотъ день императоръ почему-то не взялъ въ свои руки общаго руководства военными дѣйствіями за рѣкой противъ арміи Барклая. Онъ только вечеромъ вернулся съ объѣзда назадъ въ Смоленскъ, но въ сущности предоставилъ русскихъ разрозненнымъ или недружнымъ атакамъ Нея, Мюрата, Даву, Жюно. Благодаря этому, 1-ая русская армія стойко выдержала 7 (19) августа боевыя встрѣчи съ французами у Геденова, у деревни Валутиной близъ рѣки Колодни, у Лубина за рѣкой Строганью и, потерявъ за этотъ день еще до 5 тысячъ человѣкъ, все-таки нашла себѣ выходъ на московскую дорогу вослѣдъ Багратиону.

Стратегическое положеніе великой арміи за время похода отъ Вильны до Смоленска значительно ухудшилось. Объ русскія арміи теперь объединились, а численное отношеніе силъ Наполеона къ войскамъ Александра I, которое въ началѣ похода было близко къ 3:1, уже понизилось до 5:4. Императоръ французовъ не щадилъ своей арміи; непосильные форсированные переходы и потери убитыми и ранеными свели ее послѣ Смоленска къ 130.000 человѣкъ. Но онъ мало выигралъ и во времени: продолжительныя остановки въ Вильнѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ все-таки затянули развязку кампаніи на неблагопріятное время года. При этомъ, въ отличіе отъ

Передъ стѣнами Смоленска (Фабержъ дю-Форъ).

Битва подъ Смоленскомъ 5 августа 1812 г. (литографія Адама).

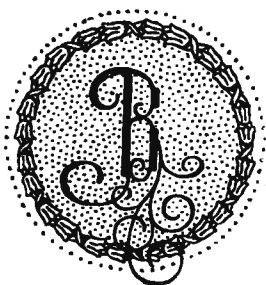
походовъ 1805—7 гг. въ Австрію и Пруссію, охрана тыла арміи вовсе не была организована; если исключить Вильну и Смоленскъ, то отъ Нѣмана до Москвы не было ни гарнизоновъ, ни магазиновъ, ни госпиталей. При такихъ условіяхъ подвозъ провіанта и препровожденіе отсталыхъ къ ихъ частямъ были лишены безопасности, а эвакуація раненыхъ и отправка плѣнныхъ на западъ за русскую границу стали просто невозможны. Еще до Вильны случалось, что солдаты по 5, по 6 дней не видали печенаго хлѣба и питались мукой, которую разводили въ кипяткѣ. Между Вильной и Смоленскомъ каждый корпусъ, каждый полкъ, каждый батальонъ сами должны были заботиться о своемъ пропитаніи. Стада быковъ, коровъ и овецъ, угнанныхъ у поляковъ, шли при арміи, и мяса одно время было вдоволь. Но на З. Двинѣ вюртембергцы корпуса Нея грабили и жителей и повозки съ мукой, назначенныя для другихъ частей арміи. Послѣ занятія Вильны, отъ дурной погоды и усиленныхъ переходовъ массами падали лошади, умирали уставшіе солдаты. Уходъ за больными былъ слабъ; въ Смоленскѣ госпиталь съ сотней раненыхъ 4 дня оставался забытымъ. Для полководца, ведущаго войну методично, уже въ Витебскѣ и Смоленскѣ могли возникнуть вопросы: не пора ли пріостановить это движеніе впередъ во что бы то ни стало, не отложить ли конецъ похода на слѣдующій годъ, а пока не заняться ли закрѣпленіемъ за собой тѣхъ областей, которыя уже завоеваны? Но Наполеонъ еще надѣялся нѣсколькими устрашающими ударами, какъ взятіе Смоленска, побѣда надъ русской арміей въ рѣшительномъ сраженіи, наконецъ занятіе Москвы, принудить Александра I про-

силь о мирѣ. Въ ночь съ 24 на 25 августа (н. ст.) императоръ въ каретѣ выѣхалъ изъ Смоленска. Уже въ Дорогобужѣ начались пожары; Вязьма покинута жителями, а черезъ два часа послѣ вступленія французовъ и здѣсь вспыхиваютъ пожары. Гжатскъ совершенно пустъ. Вся мѣстность, черезъ которую проходитъ великая армія, опустошена отчасти жителями, отчасти самимъ непріятелемъ. Что же можетъ ждать его въ Москвѣ!

Евгеній Щепкинъ.

VIII. Дѣйствія на флангахъ.

Н. А. Са—скаго.

ъ то время, какъ Наполеонъ съ главными силами своей арміи велъ наступленіе по дорогѣ къ Смоленску, на флангахъ разыгрывались событія, которыя оказывали болѣе вліяніе на общій ходъ военныхъ дѣйствій.

Наполеонъ выдвинулъ на оба фланга своей главной арміи сначала только по одному корпусу. На лѣвомъ флангѣ Макдональдъ съ X корпусомъ (32.500 чл.), наступая отъ Тильзита, долженъ былъ захватить Ригу, чтобы обезпечить подвозъ провіанта и военныхъ припасовъ съ моря и вверхъ по Двинѣ, а потомъ угрожать правому флангу арміи Барклая. На югъ Шварценбергъ со своими 33.000 австрійцевъ долженъ былъ ограждать предѣлы Великаго герцогства Варшавскаго и удерживать наблюдательную армію Тормасова. Событія очень быстро показали, что выдвинутыхъ на флангъ силъ недостаточно. Оба корпуса были составлены изъ вассальныхъ и союзныхъ войскъ. У Шварценберга были исключительно австрійцы. У Макдональда — пруссаки (около 20 тыс.), баварцы, вестфальцы, поляки. Поэтому оба корпуса дѣйствовали вяло. У Шварценберга были даже, повидимому, опредѣленные инструкціи — не ввязываться въ серьезныя дѣла. А Макдональдъ ничего не могъ подѣлать съ пруссаками Юрка. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Наполеону скоро пришлось усилить фланги.

Макдональдъ, выдѣливъ часть войскъ для осады Риги, двинулся вверхъ по Двинѣ къ Якобштадту, чтобы здѣсь перейти на правый берегъ рѣки и броситься на нашъ правый флангъ. Корпусу Макдональда мы могли противопоставить только рижскій гарнизонъ, совершенно имобилизованный, и трехтысячный отрядъ въ Динабургѣ.

Осада Риги оказалась безуспѣшной, ибо пруссаки умышленно не проявляли никакой энергіи, а обходъ нашего фланга рядомъ обстоятельствъ оказался возложеннымъ на другія части, а не на Макдональда. Витгенштейнъ былъ вынужденъ подѣ Вилькомиромъ къ отступленію ¹⁾, та же неудача отрѣзала его отъ Вильно—Свѣнцилинской дороги. Со своимъ

¹⁾ См. выше ст. „Вторженіе“.

25-тысячнымъ корпусомъ онъ долженъ былъ отступить въ совершенно противоположную сторону, къ Друць (см. ст. полк. Полицарова въ «Нов. Жизни», 1911, X). Вслѣдствіе этого онъ сталъ самостоятельной частью и получилъ назначеніе прикрывать Петербургъ. Тогда естественно на корпусъ Удино была возложена задача дѣйствовать противъ Витгенштейна и противъ Петербурга. У Удино номинально было 37.000 чел., но фактически едва 28.000. Такъ какъ одному ему задача была непосильна, то онъ долженъ былъ дѣйствовать сообща съ Макдональдомъ. Оба маршала сговорились перейти Двину, соединиться въ тылу Витгенштейна, у Себежа, отрѣзать его отъ Пскова, его базы, и Петербурга и опрокинуть на главные силы Наполеона. Тогда дорога на Петербургъ сдѣлалась бы свободной и оба корпуса могли угрожать нашей столицѣ очень опасными

Передъ Полоцкомъ 25 іюля 1812 г. (Фабержъ).

неожиданностями. Исполняя этотъ планъ, Удино быстро двинулся къ дрисскому лагерю, разрушилъ его, поднялся выше по рѣкѣ, перешелъ ее у Полоцка, гдѣ учредилъ свою главную квартиру, и повернулъ на сѣверъ. Но Макдональдъ вмѣсто того, чтобы перейти Двину у Якобштадта и идти навстрѣчу Удино, спустился къ Динабургу и тамъ задержался. Этимъ воспользовался Витгенштейнъ, который направилъ всѣ свои силы на Удино. Онъ двинулся отъ Росицы, чтобы захватить Клястицы и загородить дорогу французамъ. И хотя Удино успѣлъ предупредить его и занять Клястицы, но для этого ему пришлось оставить на переправѣ черезъ Дриссу одну изъ своихъ трехъ дивизій. У Витгенштейна получился перевѣсъ въ силахъ; 18 іюля онъ выбилъ непріятеля изъ его позицій и заставилъ отступить къ югу. Удино сосредоточилъ свои силы, перешелъ обратно черезъ Дриссу, уничтожилъ у Боярщины (20 іюля)

авангардъ Кульнева—самъ Кульневъ былъ тутъ смертельно раненъ ¹⁾—и попробовалъ было снова перейти въ наступленіе. Но отбитый при Головищѣ, 21-го отступилъ къ Полоцку. Витгенштейнъ, беспокойный насчетъ Макдональда, передвинулся къ западу и сталъ у Росицы, наблюдая за обоими маршалами. Но Макдональда словно какія-то чары приковали къ Динабургу. Онъ не подавалъ никакихъ признаковъ дѣятельности, и это спасало Витгенштейна.

Между тѣмъ къ Удино подошли подкрѣпленія. Наполеонъ отдалъ подъ его начальство войска VI баварскаго корпуса Гувіона Сень-Сира. При переходѣ черезъ Нѣманъ въ немъ числилось 25.000 человекъ. Но Наполеонъ отобралъ отъ него всю кавалерію, и онъ такъ разстроился отъ недостатка провіанта—онъ шелъ въ хвостъ великой арміи,—что численность его, когда онъ прибылъ въ Полоцкъ, не превышала 13.000 чел. Но все-таки эта была хорошая поддержка. 30 іюля Удино возобновилъ наступленіе, но на Свольнѣ былъ отбитъ и снова отошелъ къ Полоцку, преслѣдуемый Витгенштейномъ. Послѣдній 5 августа атаковалъ французовъ, занявшихъ позиціи въ городѣ и впереди него, но былъ отбитъ. Удино, раненый—такова уже была его судьба, что онъ всюду первый получалъ рану—сдалъ команду Сень-Сиру. Этотъ генералъ былъ человекомъ другого темперамента. 6-го, обманувъ Витгенштейна притворнымъ отступленіемъ, онъ обрушился на него всѣми силами, привелъ въ разстройство и заставилъ только поспѣшно отступить на сѣверъ за Дриссу. Но такъ какъ онъ не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, для дальнѣйшаго наступленія, а Макдональдъ попрежнему стоялъ на мѣстѣ, то его энергія на этомъ изсякла. Онъ вернулся въ Полоцкъ, гдѣ продолжалъ оставаться въ бездѣйствіи: весь августъ и сентябрь авангарды занимались лѣсной перестрѣлкой.

На югъ дѣйствія Шварценберга съ самаго начала казались Наполеону подозрительными, а такъ какъ на него ложилась миссія очень отвѣтственная, то императоръ счелъ за лучшее отозвать его къ главнымъ силамъ, а его задачу возложить на VII саксонскій корпусъ графа Ренъе. У Ренъе было мало народу, всего около 17.000 человекъ, въ то время какъ у Тормасова около 47.000, хотя и разбросанныхъ по большому пространству. Ренъе повернулъ отъ Несвижа къ Слониму, въ то время какъ Шварценбергъ двинулъ свой корпусъ въ обратномъ направленіи. Отъ Слонима Ренъе началъ развертывать свои силы, чтобы занять линію Брестъ-Кобринъ-Пинскъ и тѣмъ преградить Тормасову путь къ Литвѣ. Самъ онъ съ главными силами двинулся къ Пинску, а 4-тысячный отрядъ ген. Клингеля направилъ къ Кобрину и Бресту. Клингель укрѣпился въ Кобринѣ и послалъ эскадронъ гусаръ захватить Брестъ, когда Тормасовъ, узнавъ объ отходѣ Шварценберга, рѣшилъ перейти въ наступленіе. Посланный имъ авангардъ Ламберта безъ труда выгналъ саксонскихъ гусаръ изъ Бреста. Противъ Кобрина, занятаго Клингелемъ, Тормасовъ сосредоточилъ

¹⁾ Обстоятельства смерти Кульнева передаются различно. Большинство военныхъ историковъ, въ томъ числѣ ген. Богдановичъ, вслѣдъ за Сегюромъ, утверждаютъ, что Кульневъ былъ раненъ ядромъ въ обѣ ноги, между тѣмъ какъ Марбо, очевидецъ, въ двухъ шагахъ отъ котораго находился Кульневъ, утверждаетъ, что онъ былъ убитъ ударомъ сабли въ горло, нанесеннымъ ему коннымъ стрѣлкомъ. (См. его Мемуары, т. III, гл. IX). Подъ Воярщиной мы потеряли 14 орудій и около 2.000 человекъ.

отрядъ въ 20 тыс. слишкомъ человекъ. 15 іюля, окруженные со всѣхъ сторонъ саксонцы, въ числѣ около 2.500 чел., сложили оружіе. Это была первая побѣда русскихъ надъ непріателемъ.

Но Тормасовъ, подобно Макдональду у Динабурга, вмѣсто того, чтобы обрушиться на Ренъе и разбить его, вдругъ сдѣлался неподвиженъ и твердо сохранялъ свою неподвижность до 28 іюля. За это время Ренъе, не тревожимый серьезно никѣмъ, отступилъ къ Скопину, куда на соединеніе съ нимъ повернулъ изъ Несвижа, получившій новыя приказанія, Шварценбергъ. Соединившись, оба повели наступленіе черезъ Пружаны на Кобринъ, при чемъ общая численность австро-саксонскаго отряда достигала теперь почти 40.000. Авангардъ Ламберта столкнулся съ непріателемъ у Пружанъ 27 іюля, былъ опрокинутъ, потерялъ орудіе и отступилъ къ Городечнѣ, гдѣ соединился съ Тормасовымъ. Этотъ мудрый генералъ, между тѣмъ,

Сраженіе при Клястицахъ 18 іюля 1812 г. (Гессе).

распорядился такъ хорошо, что на позиціи къ моменту боя изъ 40.000 человекъ, находившихся подъ его командою, оказалось всего 18.000. Остальные были гдѣ-то въ рекогносцировкахъ. Благодаря отличной позиціи у Городечны, онъ 30 іюля цѣлый день выдерживалъ атаку саксонцевъ Ренъе—Шварценбергъ ограничивался почти исключительно канонадою и очень неохотно помогалъ своему товарищу. Но угрожаемый охватомъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ, 31 іюля Тормасовъ отступилъ къ Луцку. Ренъе не могъ одинъ его преслѣдовать, а Шварценбергъ становился все болѣе и болѣе подозрительнымъ по мѣрѣ того, какъ на главномъ театрѣ войны дѣло шло къ затяжкѣ. Такъ, на правомъ флангѣ Наполеона все застыло. Въ этомъ застыломъ состояніи противники находились до тѣхъ поръ, пока съ юга не подошла армія Чичагова, т.-е. до первыхъ чиселъ сентября.

Такимъ образомъ, ни на одномъ флангѣ военачальники Наполеона не сдѣлали ничего, что могло бы помочь ему въ его главной задачѣ.

Особенно непростительнымъ представляется поведеніе Макдональда, не говоря, конечно, о почти измѣнническихъ дѣйствіяхъ Шварценберга. Будь дѣйствія на флангахъ энергичнѣе, судьба великой арміи была бы, быть-можетъ, не такъ плачевна. Ибо если бы на сѣверѣ тремъ соединеннымъ корпусамъ удалось уничтожить Витгенштейна и двинуться на Петербургъ, а на югъ, подѣ Городечной, окружить Тормасова—война приняла бы другой оборотъ. И если Витгенштейнъ заслуживаетъ большой похвалы за свои дѣйствія, то относительно Тормасова можно сказать, что онъ сдѣлалъ все, чтобы испортить свои дѣла и что спасъ его только Шварценбергъ.

К. Са—скій.

При Валутиной горѣ. (Съ карт. Гессе въ Зимнемъ дворцѣ).

IX. Ходъ войны на главномъ театрѣ дѣйствій въ періодъ съ 8 по 17 августа ¹⁾.

Проф. Военной Академіи генер.-лейт. В. М. Колюбакина.

8 августа послѣдовало высочайшее назначеніе генерала-отъ-инфантеріи князя Голенищева-Кутузова единымъ и общимъ главнокомандующимъ надъ всѣми дѣйствующими арміями.

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ на основаніи вполне достовѣрныхъ данныхъ, — на изученіи документовъ-первоисточниковъ, собранныхъ по инициативѣ и на средства Императорскаго Русскаго Военно-историческаго Общества, документовъ въ большинствѣ впервые использованныхъ, а потому, нося характеръ достовѣрности, изслѣдованіе это должно внести нѣчто новое въ исторію 1812 года.

Очеркъ этотъ составляетъ лишь извлеченіе изъ готовящагося къ 1912 году изданія этого Общества подѣ заглавіемъ „Бородинская операція въ документахъ-первоисточникахъ“, заключающаго въ себѣ періодъ дѣйствій нашей арміи съ 8 по 27 августа на главномъ театрѣ войны, на участкѣ Смоленскѣ—Бородино.

День назначенія совпалъ съ днемъ прекращенія боевъ у оставленнаго нами Смоленска, сосредоточеніемъ армій у пересѣченія р. Днѣпра съ большою Московскою дорогою и съ постановкой нашими арміями новой цѣли дѣйствій. Съ этого дня, силой неотвратимыхъ обстоятельствъ, русская армія была вынуждена раньше или позже, такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ, въ ближайшемъ будущемъ, прибѣгнуть къ рѣшительному и генеральному сраженію, такъ какъ Наполеонъ объектомъ дальнѣйшихъ дѣйствій ставилъ отнынѣ Москву, а мы не могли отдать ее безъ рѣшительнаго боя. Открытымъ оставался только вопросъ, когда именно и гдѣ именно дадимъ мы этотъ рѣшительный отпоръ Наполеону.

Наполеонъ и послѣ Смоленска продолжалъ искать общаго и рѣшительнаго съ нами сраженія, такъ какъ, не сомнѣваясь въ успѣхѣхъ сраженія, онъ получалъ этимъ путемъ полную свободу дѣйствій и прежде всего возможность скорѣйшаго и уже безпрепятственнаго достиженія до Москвы — отнынѣ объекта всѣхъ его дѣйствій. Совершенно противно желаніямъ Наполеона русская армія должна была ставить цѣлью дѣйствій — возможный выигрышъ времени, и такъ какъ было невозможно оставить Москву безъ боя, то дать это сраженіе было выгодно возможно позже на основаніи тѣхъ соображеній, что французская армія съ каждымъ днемъ уменьшалась численно, а мы ожидали не позже восьми дней усиленія себя резервами Милорадовича и дальнѣйшаго и прогрессивнаго увеличенія арміи. Затѣмъ промедленіе позволяло развиваться операціямъ южной арміи на сообщенія Наполеона, давало возможность окончить наши вооруженія внутри имперіи и, наконецъ, протянуть время до наступленія холодовъ.

Этотъ столь необходимый для насъ возможный выигрышъ времени достигался созданіемъ всевозможныхъ затрудненій слѣдованію Наполеона дальнѣе, какъ путемъ соотвѣтственной подготовки театра предстоящихъ дѣйствій, такъ и путемъ возможнаго задерживанія дальнѣйшаго наступленія французской арміи — системой сильныхъ арьергардовъ и попутнымъ уничтоженіемъ всѣхъ средствъ для жизни, что увеличило бы затрудненія и лишенія французской арміи и, наконецъ, путемъ возможнаго развитія нами дѣйствій на ея сообщенія, что могло вынудить Наполеона даже приостановить свое шествіе въ Москву. При примѣненіи этихъ мѣръ мы должны были возможно избѣгать того общаго и рѣшительнаго сраженія, которое было такъ нужно Наполеону, и откладывать его до наступленія для насъ наивыгоднѣйшихъ условій силы, мѣста и времени.

Таковъ, казалось, долженъ былъ быть планъ нашихъ дѣйствій вообще и, въ частности, такова должна была быть подготовка съ нашей стороны этого общаго и рѣшительнаго сраженія и естественно, что чѣмъ позже бы оно состоялось, тѣмъ оно было бы для насъ выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ и особенно — въ условіяхъ силы, такъ какъ мы постепенно сравнивались численно и даже могли со временемъ и превзойти противника въ этомъ.

Въ какой мѣрѣ и въ какихъ условіяхъ была нами выполнена общая задача, видно изъ представленнаго очерка хода войны съ 8 по 17 августа, когда къ арміямъ прибылъ новый главнокомандующій — Кутузовъ.

День 8 августа.

На театръ дѣйствій I и II армій. 8 августа въ 4 часа пополудни (утра) вся первая армія, наконецъ, сосредоточилась у Соловьевой переправы, въ тотъ же день по четыремъ мостамъ переправилась на лѣвый берегъ р. Днѣпра и расположилась лагеремъ у д. Умолье. II армія въ это время была расположена у Михайловки и Новоселокъ. Арьергардъ подъ начальствомъ Платова въ составъ многихъ казачьихъ полковъ; Сумскаго, Мариупольскаго, Елизаветградскаго гусарскихъ и Польскаго уланскаго полковъ оставался на правомъ берегу Днѣпра и поддерживалъ связь съ отрядомъ ген.-ад. Винцингероде, бывшаго около г. Духовщины.

Въ подкрѣпленіе и подъ общее же начальство Платову оставленъ на лѣвомъ берегу Днѣпра пѣхотный отрядъ г.-м. барона Розена въ составъ 34, 1, 19 и 40 Егерскихъ полковъ (всего 7 батальоновъ), полуроты батарейной артиллеріи и конной роты Захаржевскаго. «Платову указано оставаться у самой переправы долѣе,—свидѣтельствуетъ Ермоловъ,—дабы собрались всѣ остальные». Сильныя партіи должны были отправиться вверхъ по Днѣпру, наблюдая, чтобы не беспокоили непріятель отправленные изъ Смоленска обозы и транспорты черезъ Духовщину на Дорогобужъ. Всѣ прочія тяжести и раненые отправлены изъ Духовщины въ Вязьму и были внѣ опасности.

Князь Багратіонъ, уже достаточно раздраженный безцѣльностью операціи по соединеніи арміи у Смоленска, форсированіемъ войскъ при движеніи на выручку Смоленска, теперь, при дальнѣйшемъ спѣшномъ движеніи, въ своей пассивной роли, находясь въ заднемъ эшелонѣ, получая лишь частныя слухи о переживаемыхъ отходившей отъ Смоленска I арміи кризисахъ и объ оставленіи Смоленска, не имѣя въ добавленіе никакихъ извѣстій изъ главной квартиры I арміи въ теченіе цѣлыхъ двухъ сутокъ, приходитъ въ сильное раздраженіе и негодованіе, вылившіяся въ характерномъ письмѣ его къ Ермолову съ марша къ Дорогобужу.

День 9 августа.

II армія перешла въ Дорогбужъ, I армія оставалась у д. Умолье до вечера и, выступивъ въ 9 часовъ вечера, перешла на р. Ужу, къ дер. Усвятъе. Вся кавалерія арьергарда переправилась къ вечеру въ бродъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Непріятель было пытался перейти вслѣдъ за кавалеріею, но былъ отраженъ огнемъ стрѣлковъ и артиллеріи (бар. Розена), оставленными на правомъ берегу ¹⁾. Отрядъ ген.-ад. Винцингероде оставался у Бѣлой.

Успокоившись отъ тяжелыхъ впечатлѣній и заботъ оставленія Смоленска и боевъ 6 и 7 августа и вынужденный теперь силой обстоятельствъ на совместныя дѣйствія со II арміею на Московскій дорокъ, Барклай, не испытывая близости противника, начинаетъ проникаться убѣжденіемъ въ возможности дать Наполеону теперь рѣшительное сраженіе.

Признавая достаточно выгодными мѣстныя условія и, конечно, въ извѣстной степени подъ давленіемъ общаго желанія въ арміи боя, Барклай принимаетъ рѣшеніе дать здѣсь, на р. Ужѣ, генеральное сраженіе всѣми своими силами и отдаетъ рядъ соответствующихъ распоряженій, пославъ Милорадовичу приказаніе спѣшить всѣми своими формированіями въ Вязму. «Позиція сія показалась мнѣ выгодной,—свидѣтельствуетъ самъ Барклай,—я рѣшился дожидаться на ней непріятельскаго нападенія и предложилъ князю Багратіону присоединить свою армію къ лѣвому флангу первой».

9 августа князь Багратіонъ, находясь уже въ Дорогбужѣ, все еще не получая свѣдѣній о намѣреніяхъ Барклая и не получая отвѣта на два своихъ письма Ермолову, продолжаетъ негодовать и на отступленіе или, вѣрнѣе, на спѣшность его, безъ упорнаго арьергарднаго боя, на лишеніе его извѣстій о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ, на утомленіе людей, на казавшееся ему отсутствіе распоряженій, и высказываетъ переживаемыя чувства и впечатлѣнія въ письмѣ Ермолову и въ немъ же ставитъ рядъ

¹⁾ Проф. Б. М. Колюбакинъ имѣетъ въ виду арьергардные бои у Пневой слободы (артиллерійскій) на правомъ берегу и упорный бой днемъ и вечеромъ на обоихъ берегахъ, у Соловьевой переправы. Непріятель былъ задержанъ, мосты истреблены и арьергардъ переправился. См. Н. П. Поликарповъ, „Къ исторіи Отеч. войны. Забытыя и неописанныя сраженія 1812 года“. Вып. I, стр. 15—17.

Ред.

вопросовъ: «Зачѣмъ вы бѣжите и куда? За что вы мной пренебрегаете, право, не до шутокъ!» Очутившись теперь въ тылу отступающей I арміи, на единственной нашей коммуникаціонной дорогѣ, въ струѣ отступавшихъ обозовъ, тыловыхъ учреждений и всякаго рода транспортовъ, всякаго рода нестроевого люда и перепуганныхъ и спасающихся жителей, князь Багратіонъ негодуетъ еще болѣе. «Здѣсь навалена бездна обозовъ и всякой сволочи, равно милиціи». Не понимая причинъ непорядка, сумятицы и переполоха въ Дорогобужѣ и на дорогѣ, врагъ всякаго рода унынія, безпорядка и суеты, князь Багратіонъ пишетъ: «Тутъ мѣста открытыя, все видно, и у меня казаки въ Ельнѣ и на дорогѣ въ Рославль».

«Воля ваша, отсюда ни шагу,—заканчиваетъ онъ,—если вы прочь, то я вамъ оставлю армію и поѣду къ государю».

День 10 августа.

Кутузовъ, наканунѣ отъѣзда въ армію, сдаетъ дѣла по начальствованію петербургскимъ ополченіемъ, заканчиваетъ послѣдніе сборы и одновременно уже распоряжается, по должности главнокомандующаго, рапортуетъ государю, сносится съ графомъ Ростопчинымъ, управляющимъ Военнымъ Министерствомъ кн. Горчаковымъ, ген. Эртелемъ, графомъ Орловымъ и другими должностными лицами, а губернаторовъ Кологривова, барона Аша и Сумарокова проситъ заготовить ему на пути лошадей; изъ сношеній Кутузова видно, что онъ беретъ съ собой чновниковъ ополченія, Казначеева, Хвостова. Сомова и Даниловскаго.

На театрѣ дѣйствій I и II армій. Къ утру 10 августа арміи расположились: I, имѣя главную квартиру въ с. Андреево, главными силами при д. Усвятѣ, на правомъ берегу р. Ужи, II—у Дорогобужа, имѣя особый отрядъ на правомъ берегу р. Днѣпра для противодѣйствія наступленію сюда съ сѣверо-запада IV итальянскаго корпуса вице-короля Евгенія. Арьергардъ подъ общимъ начальствомъ Платова и въ томъ же составѣ, на лѣвомъ берегу р. Днѣпра, у Соловьевой переправы.

Утромъ Барклай полонъ рѣшимости дать здѣсь генеральное сраженіе. «Послѣ отступленія арміи отъ Смоленска, нынѣшнее положеніе дѣль таково,—пишетъ Барклай графу Ростопчину,—чтобы судьба наша была рѣшена генеральнымъ сраженіемъ. Мы въ необходимости возлагать надежду на генеральное сраженіе. Всѣ причины, воспретившія давать оное, нынѣ уничтожаются. Мы принуждены взять сію рѣшительную мѣру. Отечество можетъ избавиться отъ опасности общимъ сраженіемъ, къ которому мы съ княземъ Багратиономъ избрали позицію у д. Усвятыя.

Далѣе Барклай проситъ спѣшить приготовленіемъ «Московской силы» и сообщаетъ, что указалъ гр. Милорадовичу сосредоточить свои формированія у Вязьмы.

Однако къ полудню эта рѣшимость какъ бы нѣсколько оставляетъ Барклая и, вѣроятно уже позже (но въ тотъ же день), онъ доноситъ государю: «чтобы предупредить случайности какого-либо слишкомъ поспѣшнаго предпріятія, я буду вмѣстѣ съ кн. Багратиономъ стараться избѣгать генеральнаго сраженія. Однакоже мы въ такомъ положеніи, что сомнѣваюсь въ этомъ успѣхѣ». Слѣдовательно, уже большимъ успѣхомъ считаетъ Барклай достиженіе возможности избѣжать боя.

На позиціи на р. Ужѣ (у д. Усвяты). По вопросу этой позиціи и рѣшимости Барклая принять здѣсь бой, встрѣчаются нѣкоторыя несогласованія въ показаніяхъ первоисточниковъ, начиная съ свидѣтельствъ самого Барклая, столь различныхъ въ письмахъ его государю и графу Ростопчину. Получается впечатлѣніе, что, пока французы далеко, Барклай полонъ рѣшимости драться, а съ приближеніемъ минуты встрѣчи, мужественнымъ въ бою Барклаемъ, подъ тяготѣніемъ громадной отвѣтственности, овладѣваетъ нерѣшимость или же беретъ верхъ расчетъ.

Послѣ оставленія Смоленска идея прекратить отступленіе и заградить дальнѣйшее движеніе Наполеона стала общей во всей арміи и, естественно, тому должна была послужить первая встрѣтившаяся позиція, каковой и была таковая на р. Ужѣ. Но дѣло было не въ позиціи, а въ сомнѣніи своевременности дать бой, въ отсутствіи единства командованія, въ постоянныхъ разногласіяхъ между главнокомандующими арміями, а, быть можетъ, и въ извѣстной нерѣшительности Барклая, если только не объяснить это тѣмъ, что въ рѣшительную минуту расчетъ бралъ у него верхъ надъ всѣми остальными, въ области чувствъ, побужденіями.

Съ утра оба главнокомандующихъ со штабами и корпусными командирами, въ присутствіи великаго князя Константина Павловича, выѣхали на осмотръ позиціи. Между тѣмъ Барклаемъ, столь было твердо рѣшившимся дать на ней сраженіе, уже начинается овладѣвать нерѣшительностью принять его здѣсь. Онъ начинаетъ находить недостатки позиціи, а князь Багратионъ вовсе ее бракуетъ. Толь началъ возражать князю со свойственной ему самоувѣренностью и заносчивостью и довольно рѣзко, если не грубо, что взорвало горячаго и раздражительнаго князя Багратиона и привело къ прискорбному инциденту между ними.

Скромный, простой и лишенный въ своемъ положеніи должнаго авторитета, Барклай сначала не остановилъ, а потомъ не поддержалъ своего

оскорбленнаго генераль-квартирмейстера; порицаніе же позиціи скорѣе устраивало Барклая, давая ему лишній предлогъ къ продолженію отступленія.

Вечеромъ цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ выѣхалъ въ Петербургъ, получивъ письма къ государю отъ Барклая и отъ Ермолова. Въ этомъ послѣднемъ письмѣ, представляющимъ документъ высокой цѣнности, Ермоловъ, справедливо порицая безцѣльныя операціи Барклая къ Поръчю и Руднѣ, отдаетъ краткій отчетъ о военныхъ событіяхъ съ 4 по 7 августа и повергаетъ на усмотрѣніе государя вредное вліяніе на войска непрерывнаго отступленія, тяжесть и безцѣльность маршей, вызывающихъ ропотъ въ войскахъ и неудовольствіе на главнокомандующаго, и докладываетъ о неизбѣжной необходимости въ ближайшемъ будущемъ принятія генеральнаго сраженія. Далѣе, дальновидный и проницательный Ермоловъ, въ виду возможности въ будущемъ занятія французами Москвы, какъ послѣдствія занятія ими Смоленска, приводитъ свое высокозамѣчательное личное мнѣніе о значеніи занятія первопрестольной столицы нашей: «не все Москва въ себѣ заключаетъ, и съ паденіемъ столицы не разрушаются всѣ государства способы» и заканчиваетъ словами: «дарованіямъ главнокомандующаго здѣшной арміи мало есть удивляющихся, еще менѣе имѣющихъ къ нему довѣренность,—войска же и совсѣмъ ея не имѣють».

Смѣлый голосъ Ермолова, въ числѣ многихъ другихъ голосовъ Россіи, подготавливаетъ почву къ назначенію единаго, общаго, популярнаго въ Россіи и въ арміи главнокомандующаго.

Движенія и дѣйствія арьергарда. Съ разсвѣтомъ начинается бой за переправу Днѣпра у д. Соловьево и вблизи. Французы къ утру усиливаются, на переправахъ и, подъ прикрытіемъ стрѣлковъ и значительной артиллеріи, начинаютъ строить мосты. Казачьи посты переходятъ Днѣпръ. Платовъ удерживаетъ переправу огнемъ артиллеріи, французы усиливаютъ артиллерію. Платовъ остается у переправы съ одними казачьими полками, а всю регулярную кавалерію съ пѣхотой баронъ Розенъ отводитъ къ Михайловкѣ, гдѣ и занимаетъ довольно сильную позицію.

Французы строятъ мосты, и передовыя части ихъ авангарда переходятъ Днѣпръ. Платовъ съ казачьими полками, подъ напоромъ значительной кавалеріи Мюрата, постепенно отходя, въ 4 часа дня наводитъ преслѣдующихъ его французовъ на пѣхоту и артиллерію Розена, скрытно, какъ бы въ засадѣ, стоявшихъ въ боевомъ порядкѣ у Михайловки. Завязывается упорный бой у Михайловки, гдѣ нашъ арьергардъ съ успѣхомъ удерживается до самой ночи. Непріятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ, благодаря искусному пользованію мѣстностью нашими егерскими полками, приученными къ дѣйствію въ разсыпномъ строю и бою за мѣстные предметы и благодаря содѣйствію нашей артиллеріи. Мѣстоположеніе не допускало дѣйствія кавалеріи, оставшейся сзади, и семь батальоновъ егерей, поддержанныхъ огнемъ 20 орудій, не ограничиваясь огнемъ въ разсыпномъ строю, ударами въ штыки уничтожали всѣ попытки многочисленнаго непріятели съ большимъ для него урономъ.

Взято въ плѣнь нѣсколько офицеровъ и до 60 нижнихъ чиновъ. Напѣсгерскіе полки покрыли себя славой, имѣя командирами полковъ извѣстныхъ впоследствии Вуича, Карпенко, Сазонова и др.

Планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Позиція на р. Ужъ, въ концѣ-концовъ, все же не отвергается вовсе и на слѣдующій день—11-го: приказано II армію пододвинуть сюда отъ Дорогобужа. Принявъ мѣры къ скорѣйшему усиленію арміи формироваціями и присоединеніемъ ихъ на Московской дорогѣ, Барклай, видимо, сохраняетъ себѣ свободу рѣшенія и дѣйствія и объ арміи какъ бы готовъ принять здѣсь рѣшительное сраженіе.

Изъ Москвы. Въ письмѣ къ Балашову графъ Ростопчинъ, одобливъ выборъ гр. Моркова начальникомъ формируемой «Московской военной силы», сообщаетъ, что войска этой силы собраны, что на слѣдующій день 11-го три полка «выходятъ на бивакъ», откуда будутъ направлены къ Можайску, а прочіе полки идутъ на сборныя мѣста поблизости непріятеля. «Публика здѣшняя ропщетъ на Барклая, а народъ не на него, а на солдата надѣется», сообщаетъ гр. Ростопчинъ далѣе.

День 11 августа.

Кутузовъ выѣзжаетъ въ армію, въ 9 часовъ утра, садится въ карету, около дома его на Дворцовой набережной, толпы народа вынуждаютъ его ѣхать шагомъ, изъ толпы идутъ пожеланія счастливаго пути и побѣды. По пути Кутузовъ посѣщаетъ Казанскій соборъ, гдѣ, стоя на колѣняхъ, выслушиваетъ молебствіе, возлагаетъ на себя поданный ему образъ Казанской Божьей Матери и, выходя изъ церкви, обращается къ священникамъ со словами: «Молитесь обо мнѣ, ибо посылаютъ меня на великое дѣло». Ровно черезъ 9 мѣсяцевъ въ тотъ же соборъ было доставлено тѣло Кутузова.

На первой станціи, въ Пжорѣ, отъ проѣзжаго курьера, по данному ему праву вскрывать бумаги изъ арміи, Кутузовъ узнаетъ о паденіи Смоленска и говоритъ: «ключъ къ Москвѣ взятъ», а вечеромъ встрѣчаетъ на пути въ Петербургъ великаго князя Константина Павловича, отъ котораго узнаетъ подробности. Съ дороги Кутузовъ посылаетъ отзывы, запросы, приказы и приказанія (управ. Воен. Министр. князю Горчакову, графу Ростопчину, Милорадовичу и др. лицамъ) въ цѣляхъ оповѣщенія о своемъ назначеніи, ориентированія высшихъ властей своими личными воззрѣніями на положеніе дѣлъ и вѣрнѣйшими мѣропріятіями, въ цѣляхъ отдать себѣ отчетъ въ силахъ и средствахъ возможнаго усиленія арміи, затребовавъ свѣдѣнія о рекрутскихъ депо, новыхъ формироваціяхъ регулярной арміи и объ ополченіи, также въ цѣляхъ ускоренія всѣхъ формированій и вообще приготовленій, намѣтивъ пункты сосредоточенія этихъ силъ и средствъ. «Время и обстоятельства подвинутъ какую-либо сторону къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ,—пишетъ Кутузовъ Милорадовичу;—нынешній предметъ состоитъ въ прегражденіи непріятеля въ Москву». Далѣе онъ наставляетъ его мѣстомъ сосредоточенія этихъ подкрѣпленій, «дабы они не замедлили поддержать и усилить отступающую къ Москвѣ главную армію».

На театр дѣйствій I и II арміи. Самъ Барклай такъ излагаетъ день 11 августа: «11-го аррьергардъ, останавливавшій непріятеля почти на каждомъ шагу, приблизился къ I арміи. Непріятель вскорѣ за нимъ послѣдовалъ. Вечеромъ онъ явился со всей силой въ виду арміи и завелъ сильную канонаду. Князь Багратіонъ безпокоился о лѣвомъ своемъ крылѣ, подверженномъ обходу, и утверждалъ, что въ самомъ городѣ Дорогобужъ позиція была выгоднѣе. Я долженъ былъ сомнѣваться въ семъ послѣднемъ предположеніи, ибо офицеры, посланные мною еще отъ Смоленска для осмотра всего края, упоминали только о позиціяхъ при Ужѣ и Царевъ-Займищѣ, но по донесеніямъ Винцингероде и Краснова вице-король Италіи наступалъ со своимъ корпусомъ по правому берегу Днѣпра отъ Духовщины къ Дорогобужу и я рѣшилъ отступить къ сему послѣднему мѣсту». Это рѣшеніе Барклая произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Къ утру войска сохраняли расположеніе принятое ими 10-го. Барклай, по вѣншиности, какъ бы сохраняеть намѣреніе дать здѣсь сраженіе и II армія притягивается къ первой, ставши уступомъ слѣва и позади ея, и выдвинувъ свой авангардъ подъ начальствомъ ген.-адъют. Васильчикова. Французы съ утра тѣснятъ аррьергардъ Платова; въ полдень пѣхота Розена отходитъ къ Усвятью и становится на позиціи, а вечеромъ сюда же отходитъ Платовъ съ кавалеріею. Аррьергардъ ген.-адъют. Васильчикова, стоящій лѣвѣе Платова, ввязывается въ бой и VII корпусъ Раевского получаетъ приказаніе поддержать Васильчикова, но къ ночи бой стихаетъ по всей линіи.

Барклай, колебавшійся уже наканунѣ вечеромъ, 10-го, дать здѣсь сраженіе, теперь, имѣя предлогомъ недостатки позиціи, но, главное, принимая въ соображеніе угрожающее движеніе къ Дорогобужу съ сѣверо-запада IV итальянскаго корпуса и признаки обхода французами одновременно и нашего лѣваго фланга, къ вечеру окончательно отказывается дать сраженіе на рѣкѣ Ужѣ и принимаетъ рѣшеніе дать такое лишь у Вязмы, достигнувъ этого города четырьмя безостановочными маршами.

Такъ рушилось первое намѣреніе Барклая дать Наполеону рѣшительное сраженіе на р. Ужѣ.

Въ Вязьму рѣшено было командировать полковника Толя и ген. Труссона съ офицерами квартирмейстерской части и инженерными, въ цѣляхъ выбора позицій у Вязьмы и ея укрѣпленія, при чемъ имъ указано намѣтить позицію еще и у Гжатска, что показываетъ намѣреніе Барклая и на дальнѣйшее отъ Вязьмы отступленіе. Первый отступательный маршъ указано исполнить до Дорогобужа ночью и въ слѣдующихъ условіяхъ: первой выступаетъ II армія и отходить къ Бражину, за ней I—къ Дорогобужу; арьергарды задерживаютъ противника на р. Ужѣ, давъ арміямъ отойти, послѣ чего располагаются, не доходя, примѣрно, 7 верстъ до Дорогобужа. Такимъ образомъ, слѣдующимъ этапомъ, гдѣ Барклай считаетъ возможнымъ принять сраженіе, явилась Вязьма, и Барклай ставитъ цѣлью скорѣйшее достиженіе Вязьмы, что мотивируется еще и предвзятымъ, равно и ложнымъ, представленіемъ о возможности со стороны Наполеона маневра упрежденія насъ у Вязьмы, подобно Смоленскому. Задержки наступленія французовъ на маршъ армій къ Вязьмѣ возлагались на три арьергарда, другъ отъ друга независимыхъ: ген. Крейца на правомъ крылѣ, Платова и Розена въ центрѣ, ген. Васильчикова, потомъ Сиверса на лѣвомъ. Въ главномъ—среднемъ—арьергардѣ, хотя мѣстность была закрытая, а за Дорогобужемъ еще и пересѣченная, оставлены тѣ же 7 батальоновъ егерей при 4 пѣшихъ орудіяхъ.

Центръ же тяжести службы арьергарда ложится на казачьи полки обѣихъ армій.

Распоряженія Барклая о задуманномъ имъ общемъ отступленіи къ Вязьмѣ послѣдовали уже на слѣдующіе дни, постепенно развиваясь на маршахъ 12, 13 и 14 августа. «Войска, не занимая позицій (на р. Ужѣ), перешли на ночлегъ,—свидѣтельствуетъ Ермоловъ,—не доходя Дорогобужа, а полковнику Толю приказано расположить ихъ на другой день подлѣ города. Между тѣмъ село Усвятѣе заняла пѣхота арьергарда. Передовые посты были уже недалеко и тѣснимы непріателемъ. Дѣло кончилось незначущей перестрѣлкой. Арьергардъ Платова остался въ селѣ Усвятѣ, а генерала-адъютанта Васильчикова—на лѣвомъ крылѣ».

Частью днемъ послѣ полудня и частью ночью на 12-е обѣ арміи отходятъ къ Дорогобужу.

Арьергардъ продолжаетъ стоять на линіи р. Ужи остатокъ дня 11-го и часть слѣдующаго дня 12-го, до 5 часовъ пополудни.

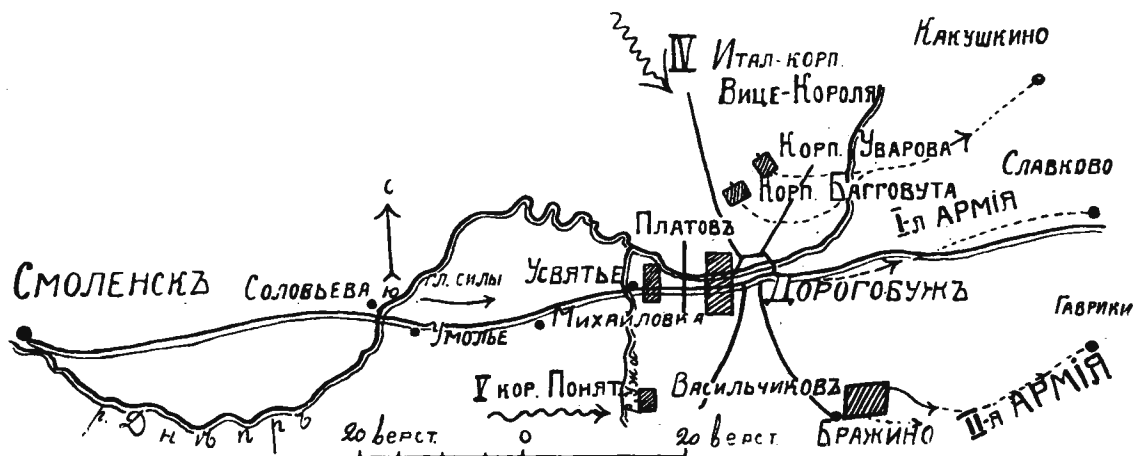
День 12 августа.

Кутузовъ, на пути въ армію, прибываетъ къ вечеру въ Крестцы, будучи всюду встрѣчаемъ населеніемъ. Распорядительная дѣятельность Кутузова идетъ непрерывно.

На театрѣ дѣйствій I и II армій. По исполненіи марша ночью и частью рано утромъ, обѣ арміи расположены: I у Дорогобужа, II нѣсколько уступомъ назадъ,—у Бражино. 2 корпусъ Багговута и I

кавалерійській Уварова выдвинуты на правый берегъ р. Днѣпра, въ шляхъ противодѣйствія наступающему по этому берегу Днѣпра IV итальянскому корпусу вице-короля и дальнѣйшему отсюда слѣдованію, составляя правую колонну на все время отступательнаго марша въ Вязьму.

Остатокъ дня арміи проводятъ на отдыхъ.

Дѣйствія арьергардовъ. Оба независимые въ командованіи арьергарда, Платова правѣе и ген.-адъют. Васильчикова лѣвѣе, занимаютъ въ ночь и съ утра прежнее расположеніе на линіи р. Ужи и обороняютъ, главнымъ образомъ, переправы. Французы стягиваются на противномъ берегу, дѣло до 5 часовъ дня ограничивается стычкой передовыхъ частей между Усвятемъ и Дорогобужемъ и подготовкѣ французами обходовъ фланговъ нашихъ арьергардовъ.

Къ вечеру арьергардъ Розена отступилъ отъ р. Ужи и сталъ, не доходя семи верстъ до Дорогобужа, гдѣ и занялъ боевое расположеніе; казачьи полки Платова остались на р. Ужѣ и на пути къ расположенію Розена.

День 13 августа.

Кутузовъ на пути въ Вышній-Волочокъ.

На театрѣ дѣйствій I и II армій. Арміи продолжаютъ свой отступательный маршъ къ Вязьмѣ и къ утру, по совершеніи перехода, расположены: I армія правой колонной—у Какущкина, лѣвой (главн. силы и главн. кварт.)—у Чоботова; II армія—у Гаврикова (во измѣненіе расположенія у Бражина).

Арьергарды къ разсвѣту расположены: Платова—7 верстъ не доходя Дорогобужа (имѣя городъ въ тылу), барона Крейца—между Днѣпромъ и с. Какущкинымъ; II арміи—7 казачьихъ полковъ г.-м. Карпова у сел. Пушкина и главные силы (г.-м. Панчулидзева I)—у Бражина.

МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА.

Марш. Сюше,
герц. Альбуферскій.

Марш. Монсе,
герц. Конельяно.

Марш. Сульть,
герц. Далматскій.
(Давид).

Марш. Мармонъ, герц. Рагузскій.

Марш. Дюрокъ, герц. Фріульскій.

МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА.

Марш. Ланнъ,
герц. Монтебелло.

Марш. Массена, герц. Риволи,
кн. Эсслингенскій.

Марш. Ней,
герц. Эльхингенскій,
кн. Московскій.
(Брюнъ).

Евг. Богарне, вице-король
Итальянскій.

Марш. кн. Понятовскій.

Движенія и дѣйствія аррьергардовъ. Платовъ, имѣя Дорогобужъ позади въ семи верстахъ, утромъ доноситъ, что «непріятель (IV италіян. корп.) отъ Духовщины къ Вязьмѣ не тянется, а идетъ на Дорогобужъ и что непріятель имѣетъ направленіе противъ лѣваго фланга».

Опасаясь, что корпусъ вице-короля подойдетъ къ Дорогобужу съ того берега Днѣпра ранѣе, чѣмъ пройдетъ его аррьергардъ, Платовъ въ 3 часа утра приказалъ барону Розену выступить съ пѣхотой и регулярной конницей и, пройдя Дорогобужъ, остановиться за р. Осмой. «Посейчасъ аванпосты мои передъ Дорогобужемъ по Вяземской дорогѣ,—доноситъ Платовъ,—однакоже непріятель наступаетъ, но не въ такихъ уже силахъ, какъ вчера былъ онъ». Далѣе Платовъ доноситъ: «Нынѣшняго утра примѣчено, что большая часть силъ непріятельскихъ потянулась на лѣвый нашъ флангъ, полагательно по дорогамъ за 2-ю армию, меня же преслѣдовалъ до Дорогобужа, но не съ сильнымъ уже наступленіемъ. Я теперь прошелъ Дорогобужъ, нахожусь близъ онаго; непріятель городъ занялъ, но аванпосты мои въ виду непріятеля, позади города. Егерскіе полки, артиллерію и кавалерію регулярную отпустилъ за первый мостъ, который имѣется въ 3 верстахъ отъ Дорогобужа; что послѣдуетъ до вечера, то увѣдомляю».

Слѣдовательно, Платовъ рано утромъ, при маломъ сравнительно давленіи противника, началъ отходить, прошелъ г. Дорогобужъ и, отойдя регулярными войсками за р. Осму, оставался нѣкоторое время съ казачьими полками между Дорогобужемъ и р. Осмой. О дальнѣйшихъ событіяхъ днемъ и уже вечеромъ Платовъ донесъ лишь на слѣдующій день—14-го: «непріятель хотя и въ большихъ силахъ и стремительно наступалъ на меня, но я удержалъ его, пройдя Дорогобужъ, не далѣе 2½ верстъ, до самой ночи, чему способствовала

и рѣчка (Осьма), черезъ которую лежащій мостъ сожженъ. Съ 3-хъ батареѣ непріятель производилъ по намъ сильную канонаду, но наши орудія дѣйствовали удачно. Стрѣлки егерскихъ и казацкихъ полковъ разсажены были на одностороннюю дистанцію по надъ рѣчкою, кромѣ частей, закрывавшихъ обоимъ нашимъ флангамъ, которые также до самой ночи имѣли съ непріятельскими егерями перестрѣлку. Я убитыми и ранеными, хотя и имѣю уронъ до 60 человекъ, но долженъ былъ удерживать стремленіе непріятеля, исполняя волю главнокомандующаго, дабы не сблизился онъ съ арміею нашею».

Въ заключеніе этого донесенія Платовъ пишетъ: «по окончаніи ввечеру у Дорогобужа (т.-е. на р. Осьмѣ) сраженія, въ ночь (на 14-е) послѣдовалъ и нахожусь теперь (т.-е. рано утромъ 14-го) у почтовой станціи Славково, оставя отъ себя аррьергардъ изъ двухъ сотенъ при есаулѣ Пантелеевѣ».

Слѣдовательно, Платовъ за весь день 13-го отошелъ съ боемъ къ Дорогобужу, прошелъ Дорогобужъ и отошелъ далѣе за р. Осьму, гдѣ выдержалъ довольно горячій бой, удержался до вечера, вполне исполнивъ пока задачу аррьергарда.

Въ 8 часовъ вечера Платовъ отвелъ регулярныя войска Розена отъ р. Осьмы, которыя, пройдя Болдино и не останавливаясь на р. Рехтѣ, прошли прямо за р. Б. Костру къ Славкову, гдѣ и расположились въ ночь на 14-е, уступивъ французскому авангарду значительное пространство, что составило большую ошибку. Казалось, аррьергарду нашему слѣдовало задержаться до утра на р. Осьмѣ у Дорогобужа, затѣмъ медленно и съ боемъ отойти на линію р. Рехты и здѣсь дать бой въ день 14-го.

Въ свое время Платовъ выдержалъ много нареканій за начальствованіе аррьергардомъ въ періодъ съ 8 по 15 августа, но за день 13-го при данной организаціи службы аррьергардовъ (неподчиненіе ему праваго и лѣваго аррьергардовъ, исполнявшихъ приказанія начальниковъ прикрываемыхъ ими колоннъ) и малочисленности пѣхоты и артиллеріи (7 батальоновъ и 4 орудія пѣшей артиллеріи), на мѣстности, свойства которой отвѣчали дѣйствию пѣхоты, за время съ 8 по 13, казалось, еще не заслуживалъ упрека.

Наконецъ намъ неизвѣстны инструкціи, полученныя Платовымъ отъ Барклая, который могъ ему приказать это поспѣшное отступленіе или вынудить его къ тому своимъ собственнымъ быстрымъ отходомъ съ главными силами, не обезпечивъ аррьергардъ достаточными силами.

Полагаемъ, что вина въ этомъ, не отвѣчавшимъ требованіямъ обстановки, почти безостановочномъ отступленіи аррьергарда ложится скорѣе на Барклая или штабъ I арміи.

Важныя данныя донесеній Платова, что IV корпусъ вице-короля тянется къ Дорогобужу и, слѣдовательно, никто уже къ Вязьмѣ не направлялся, могли, казалось, побудить Барклая не торопиться къ Вязьмѣ, которой ничто не угрожало, а возможно задержать движеніе французской арміи на выгодномъ для обороны пространствѣ отъ Дорогобужа до Вязьмы, пользуясь свойствами мѣстности и выигрывая столь дорогое для насъ время.

На остатокъ дня 13-го и на утро 14-го арміямъ приказано продолжать отступленіе: правой колоннѣ въ Афанасьеву, средней—въ Семлеву, лѣвой—въ Лужки. Арьергардамъ приказано сообразно задерживать противника, давъ арміямъ отходить на указанную линію.

Князь Багратіонъ остается крайне недоволенъ оставленіемъ Дорогобужа безъ боя, послѣ усиленныхъ его просьбъ стать здѣсь крѣпко. «Продолжаются прежнія нерѣшительность и безуспѣшность,—пишетъ онъ графу Ростопчину.—Послѣзавтра назначено быть обѣимъ арміямъ въ Вязьмѣ, далье же что будетъ, вовсе не знаю, не могу даже поручиться и за то, что не приведетъ (Барклай) непріятеля до Москвы. Скажу въ утѣшеніе, армія наша въ довольно хорошемъ состояніи, и воины русскіе, горя истинной любовью къ своему отечеству, готовы всякій часъ къ отмщенію непріятеля за его дерзость, и я ручаюсь, что они не посрамятъ себя».

Въ Москвѣ. Графъ Ростопчинъ сообщаетъ въ Петербургъ Балашову, что «Московская военная сила идетъ къ Можайску, и провіантъ десятидневный везутъ на обывательскихъ подводахъ. Воины идутъ съ радостью». Далье сообщаетъ, что все клонится къ движенію непріятеля въ Москву и что это привело всѣхъ къ унынію. «Я радъ, что многіе рѣшились къ отъѣзду». «Если злодѣй вступитъ въ Москву,—продолжаетъ знаменательно Ростопчинъ,—то я почти увѣренъ, что народъ зажжетъ городъ». «Всѣ состоянія обрадованы порученіемъ Кутузову главнаго начальства и единое желаніе, чтобы онъ скорѣе принялъ оное на мѣсть. Ненависть народа къ военному министру (Барклаю) произвела его въ измѣнники».

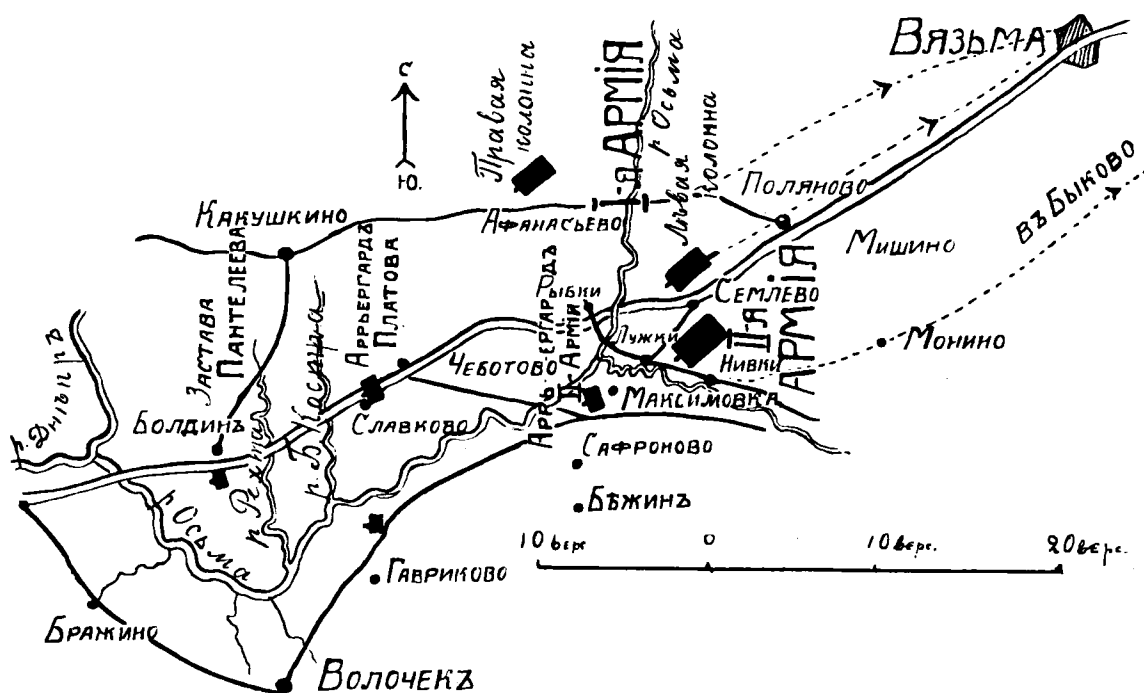
День 14 августа.

Кутузовъ на пути въ Вышній-Волочокъ.

Въ Можайскѣ продолжаютъ спѣшно стягиваться формированія Милорадовича въ составѣ 7 пѣхотныхъ полковъ, 3 рекрутныхъ батальоновъ и 16 артиллерійскихъ ротъ; 4 артиллерійскія роты находятся уже въ Можайскѣ.

На театрѣ дѣйствій I и II армій. По совершеніи ночного перехода, арміи къ утру достигли и стали: правая колонна (I арміи) у сел. Афанасьеву, лѣвая (главная сила I арміи)—у Семлеву (здѣсь же и главная квартира), II армія—у сел. Лужки (главная квартира); арьергардъ Платова къ полуночи и раннему утру—на р. Большой Кострь, у сел. Славково, имѣя впереди (у Болдина) заставу въ 3 сотни есаула Пантелеева; арьергардъ II арміи—у сел. Максимовки, имѣя казачьи полки въ Лежневѣ.

Планъ дальнѣйшихъ дѣйствій Барклая и его рѣшеніе дать генеральное сраженіе у Вязьмы усматривается изъ его донесенія государю утромъ того же дня 14-го и его сношеній съ Багратіономъ и Милорадовичемъ. «Кажется, теперь настала минута,—доноситъ Барклай государю,—гдѣ война можетъ принять благопріятный видъ; непріятель слабѣетъ на каждомъ шагѣ, по мѣрѣ того, какъ подается впередъ, и въ каждомъ сраженіи съ нами. Напротивъ того, наши войска подкрѣпляются резервомъ

Милорадовича. Теперь мое намерение поставить у этого города в позиции 20 или 25.000 и так ее укрепить, чтобы этот корпус был в состоянии удержать превосходного неприятеля, чтобы с большей уверенностью можно было действовать наступательно». Далее доносить, что тому ранее препятствовало отсутствие возможности усилить армию резервами, что надо сохранять армии и не подвергать их поражению. «До селъ мы достигли цѣли, не теряя его изъ вида. Мы его удерживали на каждомъ шагу и, вѣроятно, этимъ заставимъ его раздѣлить свои силы. Итакъ, вотъ минута, гдѣ наше наступленіе должно начаться». Таковъ былъ новый планъ дѣйствій Барклая: создавъ въ Вязьмѣ сильный опорный пунктъ съ значительнымъ, въ 25.000 человекъ, гарнизономъ, сохранить свободу дѣйствія армии.

Одновременно, необходимость дать время возвести въ Вязьмѣ укрепленія, дать отдыхъ утомленнымъ войскамъ, дать время выбраться обозамъ отступающихъ жителей и вывезти кое-какіе запасы изъ Вязьмы, при достаточномъ, казалось, удаленіи арьергарда, вызвали Барклая на рѣшеніе дать войскамъ въ этомъ расположеніи дневку, т.-е. провести дни 14-го и 15-го здѣсь, отойдя къ Вязьмѣ лишь въ ночь на 16-е, почему армии и расположились соответственно этимъ цѣлямъ.

На усиленіе арьергарда Платова посланы въ Славково 18 и 33 егерскіе полки съ полуротой № 23 батареей роты, № 23 артиллерійской бригады, чего, конечно, было недостаточно.

Получивъ извѣщеніе объ этомъ новомъ рѣшеніи Барклая, кн. Багратіонъ далъ свое полное согласіе. Стоявшій вообще за какое-либо,

если, не лучшее, то твердое и определенное рѣшеніе, онъ не въриль прочности этого намѣренія, и предчувствія его не обманули.

Дневка, тѣмъ не менѣе, была принята, и Барклай успокоился на этомъ рѣшеніи, не усиливъ, однако, должнымъ образомъ малочисленный и геройскій аррьергардъ Платова и не давъ послѣднему точной и определенной инструкціи, гдѣ и до какого времени держаться, а если и далъ таковую, то она уже запоздала.

Движенія и дѣйствія аррьергардовъ. Къ раннему утру 14-го, по приказанію Платова, регулярныя войска аррьергарда подъ начальствомъ Розена, выступивъ въ 5 часовъ утра изъ Славково, находились на маршѣ отъ р. Большой Костры и Славково къ р. Осьмѣ¹⁾, а самъ Платовъ съ казачьими полками переходилъ на мѣсто войскъ Розена въ Славково. Къ 7 часамъ утра Розенъ, усиленный упомянутымъ подкрѣпленіемъ, подошелъ съ своимъ отрядомъ къ р. Осьмѣ и у сел. Рыбки узналъ, что Семлево еще занято частями I арміи, а въ с. Бѣломирскомъ, куда онъ шелъ, расположены кавалерійскіе корпуса, почему Розенъ временно остался у с. Рыбки и только послѣ полудня перешелъ въ с. Бѣломирское. Платовъ съ казаками оставался у Славкова, имѣя 3 сотни у Болдина, а посты на правомъ берегу р. Осьмы близъ Дорогобужа. Между тѣмъ французскій авангардъ, отпѣснивъ казачьи посты, занялъ правый берегъ р. Осьмы, и затѣмъ многочисленная кавалерія Мюрата стремительно двинулась впередъ. Опрокинувъ 3 сотни казаковъ у Болдина, кавалерія Мюрата быстро достигла Славкова и въ 3 часа дня обрушилась на Платова. Отбиваясь огнемъ и атаками и возможно сдерживая массы кавалеріи, казаки отошли отъ Славкова и, пройдя еще 8 верстъ, стали на мѣстѣ, при чемъ Платовъ донесъ о происшедшемъ Барклаю, предупреждая, что если армія «сего вечера не выступитъ изъ Семлева», то онъ не ручается, что не приведетъ французовъ на своихъ плечахъ въ Семлево.

Такимъ образомъ, ошибка Платова въ незанятіи 14-го своей пѣхотой р. Рехты и уже во всякомъ случаѣ незанятія лѣваго берега р. Бол. Костры и непринятіе здѣсь боя обнаружилась со всей очевидностью и разстроила соображенія Барклая, вынудивъ дальѣе на болѣе раннее оставленіе имъ Семлева, а затѣмъ дальѣе и Вязьмы.

Событія въ аррьергардѣ Платова вынудили Барклая отказаться отъ столь необходимой по многимъ соображеніямъ дневки у Семлева и, получивъ второе донесеніе Платова отъ 3½ час. дня, онъ отдалъ немедленно приказаніе о дальнѣйшемъ, въ ночь и раннее утро 15-го, отступленіи: I арміи—къ Вязьмѣ, II—въ Скоблево (и Быково), о чемъ немедленно сообщено кн. Багратіону, а Платову послано приказаніе: «удерживать непріятеля, сколь можно, не оставляя пѣхоту безъ дѣйствія».

Одновременно Барклай приказываетъ «спѣшно вывезти все изъ Вязьмы, равно и милицію, предоставивъ ей конвоировать транспорты и

¹⁾ Осьма, какъ видно изъ схемы, пересѣкаетъ Дорогобужь-Вяземское шоссе три раза, у Дорогобужа, у Рыбки и у Семлева. Поэтому она безпрестанно фигурируетъ въ географіи операцій нашихъ аррьергардовъ.

укрѣпляютъ позиціи за Вязьмой». Порядокъ выступленія I арміи определенъ слѣдующій: «V корпусу—равно и артиллеріи, которая по дорогѣ—немедленно (т.-е. съ вечера), III корпусу—въ 2 часа (т.-е. ранняго утра 15-го), VI—въ 3 часа, IV—въ 4 часа «пополуночи», и еще указано: «колонны Багговута (правая) наблюдать идущаго за ней въ большихъ силахъ непріятеля», имѣя влѣво связь съ аррьергардомъ Платова, а вправо—съ г.-м. Красновымъ, отступая, въ случаѣ сильнаго напора непріятеля, прямо къ Вязьмѣ; отряду Краснова I имѣть связь вправо съ отрядомъ ген.-ад. Винцингероде, г.-м. Шевичу (2 драгун. полка, 2 грен. бат. и 4 конныхъ орудія) поддерживать Краснова, закрывая дорогу, «дабы дать время обозамъ и тяжестямъ I арміи пройти въ Вязьму».

Получивъ сообщеніе о новой перемѣнѣ дѣйствій и о спѣшномъ отступленіи въ Вязьму, начиная уже съ вечера, кн. Багратіонъ немедленно пишетъ въ отвѣтъ Барклаю: «я уже сего утра приказалъ графу Сенъ Приесту объявить Ермолову, что я на все согласенъ», поясняя, что «желаніе мое сходственно съ вашимъ, имѣть ту единственную цѣль защищать государство и прежде всего спасти Москву, но не могу утаить, что наше отступленіе къ Дорогобужу уже все привело въ волненіе, что насъ винятъ единогласно, и когда узнаютъ, что мы приближаемся къ Вязьмѣ, вся Москва поднимется противъ насъ». Далѣе онъ выражаетъ желаніе, «чтобы непріятель далъ намъ время усилиться въ Вязьмѣ и соединить съ нами войска Милорадовича; позиція въ Вязьмѣ хоть и не хороша, но можетъ всегда служить къ соединенію нашихъ силъ, и теперь дѣло наше не состоитъ въ томъ, чтобы искать позицію, но, собравши со всѣхъ сторонъ всѣ наши способы, мы будемъ имѣть равное число войскъ съ непріателемъ, но можемъ противъ него тѣмъ смѣлѣе дѣйствовать, что мы ему гораздо превосходнѣе духомъ и единодушіемъ».

Князь Багратіонъ съ своей стороны указалъ II арміи порядокъ отступленія: «8 корпусу—въ 11 ч. ночи, 7—въ полночь, сводному корпусу князя Горчакова (27 дивизія и егерскіе полки арміи)—въ часъ пополуночи; графу Сиверсу (4 кав. корпусъ) ждать на мѣстѣ прибытія отряда г.-м. Панчулидзева I (аррьергарда), тогда онъ выступаетъ; обозамъ всѣмъ выступать съ вечера».

Свои впечатлѣнія за этотъ вечеръ 14-го кн. Багратіонъ такъ передаетъ въ письмѣ къ гр. Ростопчину: «Вообразите, какая досада, я просилъ убѣдительно министра, чтобы дневать здѣсь, дабы отдохнуть людямъ, онъ и далъ слово, а сію минуту прислалъ сказать, что Платовъ отступаетъ, и его армія тотчасъ наступаетъ къ Вязьмѣ. Я васъ увѣряю, приведетъ къ вамъ Барклай армію черезъ 6 дней. Милорадовичъ не успѣетъ соединиться съ нами въ Вязьмѣ, ему 7 маршей, а мы завтра въ Вязьмѣ, а непріятель за нами одинъ маршъ».

Оцѣнивая событія дня, слѣдуетъ, помимо Платова, сложить отвѣтственность и на Барклая и на его штабъ (Ермолова и Толя), не обезпечившихъ Платову исполненія данной ему задачи надлежащей организаціей службы, численностью и составомъ аррьергарда противъ многочисленнаго авангарда французской арміи. Въ подобныхъ условіяхъ аррьер-

гардь долженъ былъ состоять по крайности изъ цѣлаго корпуса (ядро силъ арьергарда) при пособіи сильной артиллеріи, многочисленная же кавалерія Платова (главнымъ образомъ, казачьи полки) не обладала устойчивостью, не могла проявить необходимаго упорства на мѣстности закрытой и пересѣченной.

Казалось, и драгунскіе полки арміи нашей могли бы принять въ службу арьергарда болѣе дѣятельное участіе.

День 15 августа.

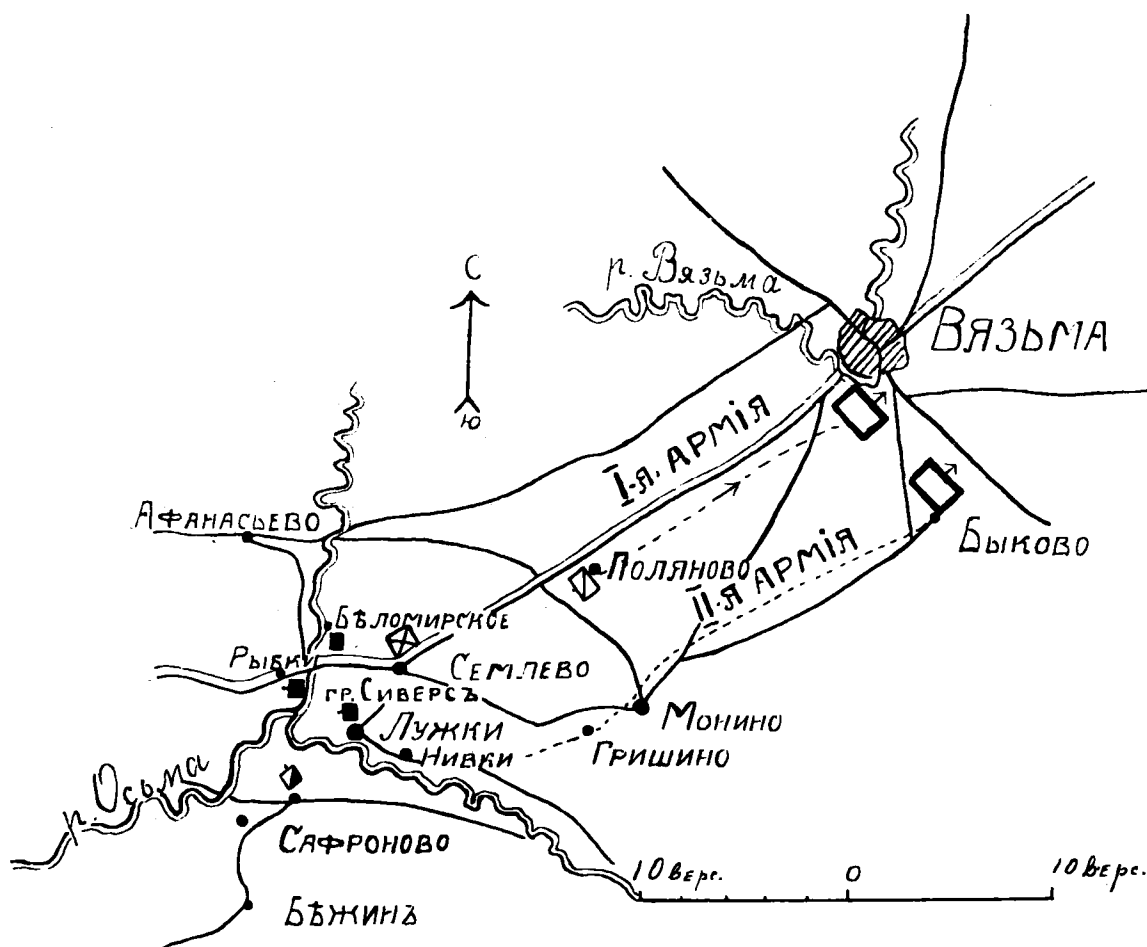
Кутузовъ, на пути въ армію, прибываетъ въ Вышній-Волочокъ, гдѣ встрѣчается съ Беннигсеномъ, которому сообщаетъ волю государя, чтобы онъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, по свидѣтельству Беннигсена, отклоняетъ его отъ намѣренія все же пропхаться въ Петербургъ повидать семью и беретъ съ собою ¹⁾). Въ тотъ же день Кутузовъ перепѣзжаетъ въ Торжокъ.

На театрѣ дѣйствій I и II армій. Въ приказъ по I арміи на 15-е объявлено о назначеніи его свѣтлости князя Голенищева-Кутузова «главнокомандующимъ I, II, III и молдавской арміями». Барклаю Кутузовъ пишетъ, что въ этотъ день выпѣзжаетъ изъ Торжка въ Старицу и проситъ его: «ежели бы что до пріѣзда моего случится, то симъ трактомъ увѣдомить».

Главныя силы всѣхъ трехъ колоннъ обѣихъ армій исполнили переходъ согласно предположенію и безпрепятственно. I и III кавалерійскіе корпуса отходили, будучи эшелонированы между средней колонной и арьергардомъ Платова, не принимая участія въ бояхъ арьергарда. Къ раннему утру арьергарды находились: Платова — по обѣимъ берегамъ р. Осьмы (у сс. Рыбки и Бѣломирскаго), Крейца — выше по теченію р. Осьмы (точно неизвѣстно) и II арміи (графа Сиверса) — у с. Лужки, имѣя казачьи полки у с. Максимовки.

¹⁾ Беннигсенъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Р. С.», 1909, сент., стр. 492) такъ рассказываетъ это обстоятельство: «Прѣздомъ въ Петербургъ изъ арміи черезъ Вышній-Волочокъ (въ Петербургъ изъ арміи) встрѣтилъ я Кутузова. Онъ сообщилъ мнѣ волю императора, чтобы я принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, и сказалъ, что съ этимъ высланъ фельдъегерь съ рескриптомъ. Первымъ моимъ движеніемъ было продолжать путь въ Петербургъ, гдѣ была моя семья. вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось представиться государю. Но Кутузовъ выразилъ желаніе, чтобы я остался при немъ, такъ какъ ему предстояло выполнить трудную и сложную задачу. Онъ долженъ былъ стать во главѣ арміи, не скажу упавшей духомъ (?), но отступавшей и жаждавшей смѣны главнокомандующаго; Кутузовъ старался уговорить меня и не оставлять его (?), что согласовалось съ желаніемъ государя. Изъ честолюбія и самолюбія, присущихъ военнымъ, мнѣ было непріятно служить подъ начальствомъ другого, послѣ того, какъ я командовалъ войсками противъ Наполеона, который до тѣхъ поръ еще не былъ побѣжденъ и который, разбивъ прусскую армію, не имѣлъ болѣе достойнаго противника и шелъ во главѣ превосходнѣйшей арміи. Такъ какъ мнѣ удалось задержать этого великаго человѣка, несмотря на его количественное и качественное превосходство, и ему не удалось въ теченіе 7 мѣсяцевъ перейти нашу границу (о чемъ Наполеонъ и не думалъ, Б. К.), то я полагалъ, что мнѣ можно извинить. — Это чувство, вызванное самолюбіемъ, но которое я все-таки заставилъ замолчать. Кутузовъ сослался на наше старое знакомство и на узы дружбы, которые связывали насъ цѣлыхъ 40 лѣтъ (?); онъ еще разъ напомнилъ мнѣ желаніе государя».

Такъ повѣствуетъ Беннигсенъ, но къ его повѣствованію слѣдуетъ отнести съ большою осторожностью, много тутъ личнаго самохваленія и субъективнаго и мало искренности. Полагаемъ, дѣло шло не совсѣмъ такъ: Кутузовъ взялъ его, исполняя волю государя, можетъ-быть, и не скрывая своего къ нему нерасположенія. Проницательный Кутузовъ прекрасно понималъ, что Беннигсенъ желалъ мыслъ стать — на случай болѣзни или чего другого съ Кутузовымъ — на его мѣсто во главѣ арміи, что предусматривало и приготовленное ему назначеніе „начальника штаба всѣхъ армій“.

На маршъ колоннъ арміи получены свидѣнія отъ возвратившихся ген.-лейт. Трузсона и полк. Толя, что нигдѣ вблизи Вязьмы соотвѣствующихъ позицій не найдено.

«Ген.-лейт. Трузсонъ, — свидѣтельствуетъ Ермоловъ, — не нашелъ позиціи, которая бы закрывала Вязьму. По превосходству силъ, непріятель могъ, обходя флангъ арміи, угрожать дорогѣ на Гжатскъ».

Также не оправдались надежды на прибытіе 15-го къ Вязьмѣ генер. Милорадовича.

Такимъ образомъ, повидимому, еще на маршъ въ Вязьму рѣшенъ вопросъ объ оставленіи этого города и намѣчено новое мѣсто для принятія рѣшительнаго сраженія, а именно—въ 10 верстахъ за Вязьмой у сел. Федоровскаго, «гдѣ изрядная позиція».

Движенія и дѣйствія арьергардовъ. Къ раннему утру арьергардъ Платова былъ расположенъ на р. Осьмѣ, по обоимъ ея берегамъ, имѣя главныя силы и артиллерію на позиціи лѣваго берега у сел. Бѣломирскаго, гдѣ начальствовалъ ген.-м. бар. Розенъ и на правомъ (непріятельскомъ) берегу далеко впереди были казачьи полки, а два батальона егерей занимали, какъ передовую позицію, лѣсъ и кусты этого праваго

берега. Левый флангъ верстахъ въ трехъ прикрывался аррьергардомъ. II арміи подъ начальствомъ графа Сиверса (кавалерія 4 кавалерійскаго корпуса), расположеннымъ у села Лужки, а того же аррьергарда казачьи полки стали близъ сел. Максимовки. Здѣсь Платовъ долженъ былъ задержать французскую армію до ночи.

Оттѣснивъ казачьи полки на тотъ берегъ, многочисленный французскій авангардъ, въ 11 часовъ утра атаковалъ сначала егерей праваго берега, а потомъ и всю нашу позицію.

Платовъ выдержалъ на р. Осьмѣ, по его словамъ, «жестокое нападеніе» и сильное и упорное съ непріятелемъ сраженіе, гдѣ онъ, Платовъ, «дрался скрути голову». Дѣло было горячее, вся артиллерія Платова, въ числѣ 32 орудій, была введена въ дѣло и разстрѣляла весь снаряды.

«Шесть разъ на сильную кавалерію непріятеля ходили до пушекъ и съ регулярными полками (пѣхоты) барона Розена», доноситъ Платовъ.

Когда казаки навели непріятеля на позицію аррьергарда, французы были встрѣчены егерями двухъ батальоновъ, искусно оборонявшихъ лѣсъ до часу дня и вынудившихъ войска французскаго авангарда къ обходу позиціи южнѣе, на броды, гдѣ перешли казаки. Всѣ попытки французскаго авангарда перейти здѣсь р. Осьму были отбиты сначала казаками, а затѣмъ подоспѣвшей сюда пѣхотой изъ резерва при содѣйствіи нашей конной артиллеріи. Геройское сопротивленіе малочисленнаго нашего аррьергарда вынудило французовъ предпринять болѣе глубокій обходъ, но и здѣсь они были отбиты казаками съ регулярной кавалеріею. Вся пѣхота аррьергарда, наши знаменитые егерскіе полки, была введена въ дѣло, равно и всѣ 32 орудія. Немногочисленные войска нашего здѣсь аррьергарда покрыли себя славой. Потери были весьма значительны. Прибывающія къ непріятелю подкрѣпленія побудили Платова въ 7 часовъ пополудни приказать г.-м. Розену отступать къ Семлеву, что исполнено было частями искусно и въ совершенномъ порядкѣ. Передовые казачьи посты ночевали на мѣстѣ боя, а аррьергардъ отошелъ на ночлегъ въ Семлево, блистательно исполнивъ свою задачу.

«Участь аррьергарда,—доноситъ Платовъ,—была на волоскѣ». Потери собственно аррьергарда Платова около 500 чел. всѣхъ родовъ войскъ, взято много плѣнныхъ. «Сраженіе сіе, — доноситъ Платовъ, — уступаетъ одной только баталіи кровопролитной» ¹⁾.

Графъ Сиверсъ, «приглашенный», по его словамъ, Платовымъ къ содѣйствію «прикрытія его лѣваго фланга», раздѣлилъ свой отрядъ у с. Лужки на три части: первую часть «препоручилъ храброму полковнику Эмануелю» (Кіевскій др. и 2 эск. Литовскаго ул. полка), вторую — «подкрѣпляющему его полковнику Гогелю», третью — ген.-м. Панчулидзеву I (Новор. др.), «коему поручилъ прикрывать лѣвый флангъ и дорогу, по которой аррьергарду по наступленіи вечера подлежало слѣдовать за арміею».

¹⁾ См. подробный рапортъ Розена Платову, напечатанный у Поликарпова, назв. соч., вып. I, стр. 35—39.

Пока Платовъ давалъ отпоръ на р. Осмь, на участкѣ сс. Бѣломирское и Рыбки, гр. Сиверсъ былъ атакованъ подъ с. Лужками. Полк. Эмануель первый выдержалъ всѣ покушенія непріятельской кавалеріи и пѣхоты, но дѣйствіями Кіевскаго драгунскаго полка, двухъ эскадроновъ Литовскаго уланскаго и хорошимъ дѣйствіемъ артиллеріи съ подкрѣпленіемъ Новороссійскаго драгунскаго полка и двухъ ротъ егерей изъ 2 колонны, мѣсто было удержано до наступленія ночи. Такимъ образомъ и здѣсь непріятель былъ задержанъ до ночи.

Платовъ ночью изъ Семлева доносилъ, что «ему здѣсь держаться нить никакихъ средствъ отъ большихъ силъ непріятеля въ отдаленіи отъ арміи».

Гр. Сиверсъ съ войсками арьергарда II арміи отступилъ по приказанію и прошелъ на ночлегъ въ с. Монино, оставивъ казачьи полки въ с. Нивки.

Арьергардъ правой колонны подъ начальствомъ Крейца былъ все время въ виду непріятеля, который «слѣдовалъ за нимъ, — говоритъ Крейцъ, — были перестрѣлки, но не насыдалъ».

На ночлегъ арьергардъ Крейца сталъ, пройдя Афанасьево.

Ермоловъ такъ характеризуетъ дѣйствія арьергарда 15-го: «Французы въ сей день сильно атаковали нашъ арьергардъ. Пѣхота дралась упорно. Непріятель съ большимъ урономъ оставилъ село Семлево въ нашихъ рукахъ. Часть успѣха принадлежитъ г.-м. бар. Розену, которому атаманъ Платовъ предоставилъ полное дѣйствіе», и дальѣ добавляетъ: «Атаманъ Платовъ доставилъ взятаго въ плѣнъ французскаго полковника» не въ свой лагерь попавшаго, а пѣхавшаго въ Семлево отъ вице-короля къ Мюрату, въ расчетъ, что Мюратъ уже занялъ Семлево.

Барклай остался крайне недоволенъ дѣйствіями арьергарда 14 августа, а можетъ-быть и вообще въ періодъ съ 10-го по 15-е, что остается доподлинно неизвѣстнымъ, но только Платову (Барклаемъ) поставлено на видъ неумѣніе или нерадѣніе его въ командованіи, и ему объявленъ, по его свидѣтельству, «выговоръ, что сблизается съ арміею отъ одного авангарда малаго непріятельскаго», что, говоритъ Платовъ, «сразило меня чуть не до смерти».

За выговоромъ послѣдовало въ тотъ же день рѣшеніе Барклая устранить Платова отъ командованія арьергардомъ, замѣнивъ его начальникомъ 3 пѣх. дивизіи ген.-лейт. Коновницынымъ, и составить новый арьергардъ съ значительной на этотъ разъ пѣхотой и въ условіяхъ единства командованія всѣми арьергардами.

Весьма вѣроятно, что Платовъ погрѣшалъ въ начальствованіи арьергардомъ съ 8-го по 15-е, особенно 14 августа, возможно и неумѣніе его употреблять пѣхоту, но корень зла лежалъ еще болѣе въ недостаткахъ организаціи службы арьергарда (3 независимыхъ арьергарда), его составѣ (недостатокъ пѣхоты и артиллеріи и его малочисленность), но главнымъ образомъ — причина всѣхъ причинъ — отсутствіе общаго единого и полновластнаго главнокомандующаго, что отразилось и на дѣятельности арьергарда.

Вотъ что говорить о Платовѣ и нареканіяхъ на него участникъ этого отступленія, командиръ сводной гренадерской бригады гр. Мих. Семеновичъ Воронцовъ: «Слухи насчетъ Платова совсѣмъ несправедливы; вотъ вся его исторія: уже давно въ арміи были имъ недовольны, и Барклай и Багратіонъ жаловались, что онъ ничего не хотѣлъ дѣлать и, конечно, онъ мало дѣлалъ съ тѣмъ, что могъ, но, съ другой стороны, сколько я могъ примѣтить, ему никогда и не приказывали такъ, какъ должно; напримѣръ, отступая отъ Смоленска, всякій могъ ясно видѣть, что, ежели Платова съ казаками переправить черезъ р. Днѣпръ позади французской арміи, онъ бы сей послѣдней причинилъ большой вредъ; всѣ жаловались, что онъ не умѣлъ и не хотѣлъ того сдѣлать, вышло же, что онъ настоящаго повелѣнія никогда и не получалъ. Какъ бы то ни было, подъ предлогомъ, что государь желаетъ Платова видѣть въ Москвѣ, его удалили, какъ Кутузовъ пхалъ въ армію».

Князь Багратіонъ свидѣтельствуетъ 15-го, что просилъ пріостановиться всѣмъ въ Вязьмѣ, и Барклай былъ согласенъ, но сейчасъ (вѣроятно, около полудня) получилъ отъ него бумагу, что позиціи тамъ нѣтъ, а что за 10 верстъ за Вязьмой по Московской дорогѣ есть позиція, но воды де нѣтъ. «Я и примѣчаю, — добавляетъ Багратіонъ, — что онъ (Барклай) хочетъ (къ вамъ въ Москву) бѣжать».

Распоряженія на остатокъ дня 15 и 16 августа. На 16-е приказано: «Арміи выступить по сдѣланной диспозиціи, въ 12 часовъ пополудни» и отойти къ с. Федоровскому, въ 10 верстахъ отъ Вязьмы, гдѣ выбрана позиція и укрѣпляется. Арьергарду (Платову) приказано отходить отъ Семлева, задерживать непріятеля и вообще, «чтобы не ввязываться въ серьезное дѣло, но протягивать бы отступленіе свое сюда до Вязьмы, до вечера, т.-е. чтобы прибылъ сюда не прежде, какъ къ вечеру».

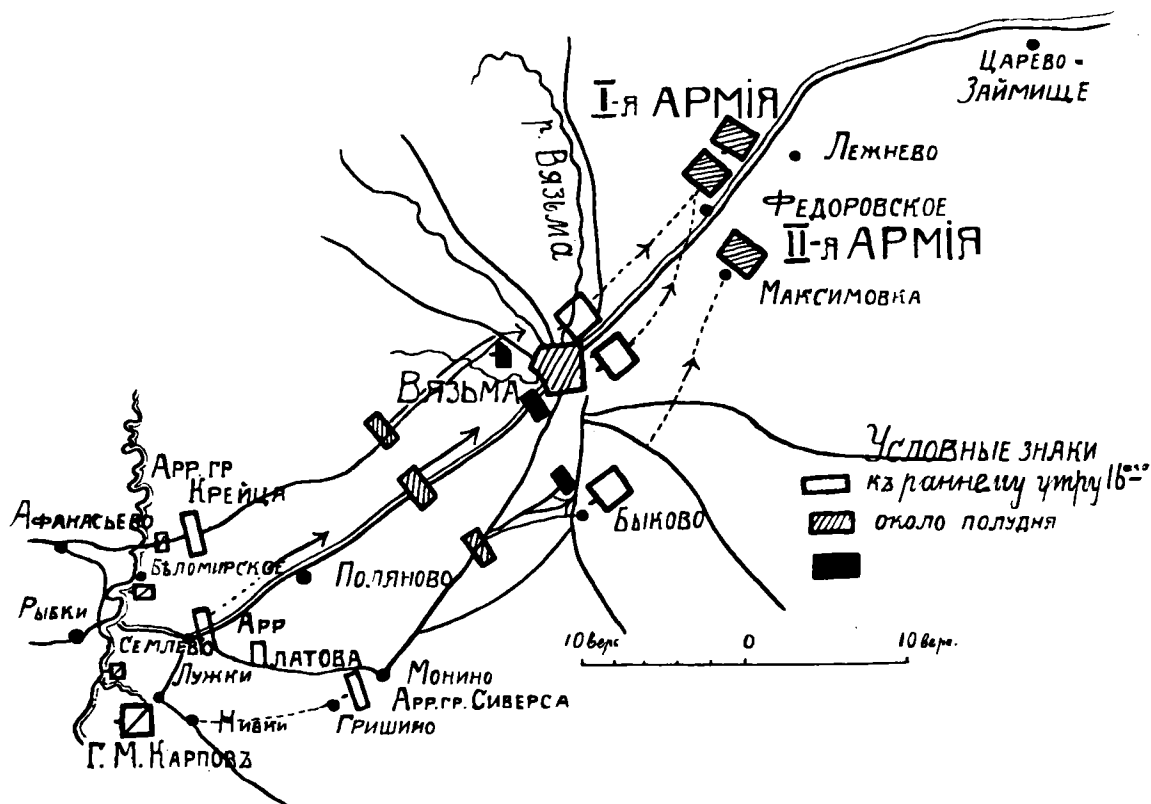
Съ утра 16-го арьергардъ указано принять въ командованіе г.-л. Коновницину. «Главкомадующій, — говоритъ Ермоловъ, — пробывъ день (15-го) въ Вязьмѣ, переѣхалъ въ с. Федоровское въ 10 верстахъ отъ Вязьмы. Раненыхъ отправлено большое количество; оставалось еще 1.600 человѣкъ, но благодаря дѣятельности дежурнаго генерала Кикина, которому много помогавалъ Ставраковъ, комендантъ главной квартиры, ни одинъ изъ нихъ не достался непріятелю. Успѣли даже увести сто тысячъ аршинъ холста, которыхъ одинъ купецъ предложилъ на госпиталь, и 70 пудовъ разныхъ лѣкарствъ изъ вольной аптеки. Замѣтить надобно, что непріятель приближался, и купецъ, для оказанія великодушія защитникамъ отечества, ожидалъ сигнала французской пушки. Главкомадующій занималъ прекрасный домъ богатаго откупщика; въ погребѣ у него было столоваго хорошаго вина болѣе нежели на 20.000 р. и ни за какую цѣну нельзя было достать одной бутылки. Откупщикъ опасался высказать, гдѣ оно было закопано. Впослѣдствіи расторопные французы дали свѣтъ сокрытымъ сокровищамъ на сожалѣніе бережливому откупщику и, конечно, не менѣе всѣмъ упрямымъ собесѣдникамъ».

День 16 августа.

Кутузовъ рано утромъ переѣзжаетъ изъ Торжка въ Старицу. Въ Торжкѣ Кутузовъ свернулъ съ Московской дороги на Смоленскую на Старицу и Зубцовъ, гдѣ имѣеть ночлегъ. Съ пути Кутузовъ продолжаетъ давать свои распоряженія.

Торопясь въ армію, Кутузовъ въ 8 ч. вечера пишетъ Барклаю, уже изъ Зубцова: «Настоящее дождливое время препятствуетъ мнѣ быть завтра къ обѣду въ арміи, но едва только съ малымъ разсвѣтомъ сдѣлается возможнымъ мнѣ продолжать мою дорогу, то я надѣюсь съ 17 на 18 быть непременно въ главной квартирѣ. Сіе, однако, короткое замедленіе ни въ чемъ не препятствуетъ Вашему высокопревосходительству производить въ дѣйствіе предпринимаемый вами планъ до прибытія моего».

На театрѣ дѣйствій I и II армій. Къ первому свѣту дня обѣ арміи и арьергарды на ночлегахъ: I—у Вязьмы, II—у Быкова; арьергарды: правый Крейца, примѣрно, на полпути изъ Кокошкина въ Вязьму, средній — Платова—у Семлева, имѣя казачьи посты на лѣвомъ берегу р. Осьмы, на мѣстѣ боя 15 августа, лѣвый—гр. Сиверса—у д. Момино, имѣя казачьи полки г.-м. Карпова у с. Нивки. Обѣ арміи въ теченіе дня перешли: I армія по большой дорогѣ къ с. Федоровскому, гдѣ Барклаемъ намѣчена сильная позиція для рѣ-

шительнаго сраженія, II армія по боковой дорогѣ къ с. Максимовкѣ. Арьергардамъ указано отходить правому и среднему къ Вязьмѣ, II арміи—на Быково, не допуская противника до г. Вязьмы до утра 17-го. Барклай, впервые съ 17 августа, принялъ намѣреніе установить единство въ командованіи арьергардами, подчиняя правый и лѣвый авангардъ начальнику средняго, намѣтивъ таковымъ начальника 3 див. г.-л. Коновницына, которому и указано принять общее командованіе арьергардами отъ Вязьмы.

«Главкомандующій, справедливо недовольный беспорядочнымъ командованіемъ атамана Платова арьергардомъ,—свидѣтельствуешь Ермоловъ,—уволить его отъ командованія онымъ; арьергардъ порученъ Коновницину, и онъ, отступая отъ Вязьмы, дрался на каждомъ шагѣ».

Движенія и дѣйствія арьергардовъ. Съ ранняго утра противникъ перешелъ въ наступленіе противъ нашихъ арьергардовъ. Платовъ, повидимому, началъ отходить, не подъ особымъ натискомъ, оставилъ р. Осему и Семлево и довольно быстро отошелъ къ Полянову и (по донесенію ген.-адъют. Васильчикова) «къ 11 час. утра отошелъ еще дальѣ версты четыре», гдѣ уже и пріостановился.

Арьергардъ II арміи подъ начальствомъ гр. Сиверса, не извѣщенный своевременно Платовымъ, остался одинъ, какъ бы уступомъ слѣва и впереди, и началъ отходить, уже значительно запоздавъ въ направленіи на Быково, гдѣ съ наступленіемъ темноты и сталъ на ночлегъ. Отошедшій ранѣе съ пѣхотой арьергарда Платова Розенъ въ 9 часовъ вечера, въ виду пожара въ Вязьмѣ, перешелъ рѣчку въ бродъ и, пройдя горѣвшій городъ, сталъ позади.

Платовъ отходилъ къ Вязьмѣ и сталъ съ казачьими полками, немного не доходя города. Правый арьергардъ подъ начальствомъ полковника Крейца, въ составѣ трехъ драгунскихъ и казачьяго полка и 2-хъ конныхъ орудій (Сибирскій, Оренбургскій, Иркутскій драгунскіе полки) отходилъ также къ Вязьмѣ, прикрывая корпусъ Багговута и въ день 16-го также выдержалъ горячій бой и преслѣдованіе до ночи и до самаго города Вязьмы. По свидѣтельству Крейца онъ получилъ приказаніе Ермолова: «немедленно отходить и оставаться направо отъ дороги въ 15 верстахъ отъ города, дабы дать время всей арміи пройти городъ». Одновременно и Платовъ прислалъ повелѣніе «держаться до ночи въ своей позиціи и самъ онъ (Платовъ) ударить въ дробы». Въ 12 часу дня Крейцъ былъ атакованъ конницей и стрѣлками, занявъ позицію при деревнѣ (деревня не названа). Крейцъ оборонялся спѣшенными драгунами и огнемъ 2 орудій. Платовъ слалъ адъютанта за адъютантомъ, чтобы Крейцъ держался, однако пушечные выстрѣлы стали раздаваться уже позади (вѣроятно, при отходѣ Платова за Поляново), и гонцы Крейца перехватывались противникомъ и только третій донесъ, что «Платовъ въ полномъ отступленіи». При отступленіи черезъ дефиле едва было не потеряно орудіе, но спасено шт.-кап. Оффенбергомъ I: фланги были обойдены, и посланный вправо эскадронъ Сибирской роты Трукова, казалось, пропалъ; трудности все увеличивались, особенно къ вечеру и приближеніи къ городу. Крейцъ передъ дефиле пошелъ въ атаку съ Сибирскимъ полкомъ и далъ отойти другимъ частямъ. Наступ-

шла ночь. Очищаемый городъ горьлъ. Крейцъ въ 10 часу вечера едва прошелъ городъ и сталъ за нимъ. На разсвѣтъ 17-го Крейцъ открылъ армію и присоединилъ было пропавшій эскадронъ Трукова. Казаки же Крейца остались передъ городомъ, прикрывая подступы къ городу на пути слѣдованія арьергарда Крейца, одновременно съ казаками Платова и II арміи ¹⁾, прикрывавшими городъ съ другихъ сторонъ.

Подъ прикрытіемъ арьергардовъ и почти одновременно съ началомъ ихъ отступленія, отошли и главныя силы обѣихъ армій 10 верстъ отъ г. Вязьмы и, примѣрно, къ полудню стали: I армія—у с. Ѳедоровскаго, вблизи укрѣпленной позиціи, II—у Максимовки. Еще наканунѣ Барклай уже началъ колебаться въ рѣшеніи дать у Ѳедоровскаго рѣшительное сраженіе и уже начиналъ склоняться къ дальнѣйшему отступленію арміи къ Цареву-Займищу и даже къ Гжатску, что, помимо свѣдѣній объ отсутствіи воды у Ѳедоровскаго, было обусловлено важнымъ соображеніемъ, что подкрѣпленія Милорадовича могутъ прибыть къ Ѳедоровскому едва только 20-го и 21-го, тогда какъ къ Цареву-Займищу они придутъ 19-го и 20-го, и еще сутками раньше къ Гжатску. Могло случиться, что Барклай былъ бы вынужденъ дать сраженіе 19-го и даже 18-го и, слѣдовательно, усиленіе только войсками Милорадовича могло состояться лишь путемъ дальнѣйшаго отступленія къ Цареву-Займищу, и, вѣрнѣе, къ Гжатску, усиленіе же арміи войсками Московской военной силы требовало отступленія еще дальѣе, къ Бородину и Можайску.

По прибытіи войскъ къ Ѳедоровскому, отсутствіе воды обнаружилось и фактически, и Барклай получилъ рѣзкій отзывъ кн. Баграціона: «Позиція здѣсь никуда не годится, еще хуже, что нѣтъ воды».

«Жаль людей и лошадей. Постараться надо итти въ Гжатскъ: городъ портовый и позиціи хорошія должны быть. Но всего лучше тамъ присоединить Милорадовича и драться уже порядочно. Жаль, что насъ завели сюда и непріятель приблизился. Лучше бы вчера подумать и прямо въ Гжатскъ, нежели быть безъ воды и безъ позиціи; люди ропщутъ, что ни пить, ни варить кашъ не могутъ. Мнѣ кажется, не мѣшкая дальше итти, арьергардъ усилить и уже дальѣе Гжатска ни шагу. Къ тому мѣсту можетъ прибыть новый главнокомандующій. Вотъ мое мнѣніе; впрочемъ, какъ вамъ угодно».

На этомъ письмѣ Барклай собственноручно отмѣтилъ: «Дать тотчасъ повелѣніе къ отступленію завтра (т.-е. 17-го) въ 4 часа поутру».

«Позиція при с. Ѳедоровскомъ,—свидѣтельствуетъ Ермоловъ,—имѣла не малыя выгоды и уже воздвигнуты укрѣпленія. Недостатокъ воды—важнѣйшій порокъ ея. Озеро на лѣвомъ крылѣ заключалось въ берегахъ болотистыхъ и топкихъ, съ трудомъ доступныхъ. Полковникъ Манфреди, по части путей сообщеній при арміи, сдѣлалъ насыпь, входящую въ озеро, но, по причинѣ отдаленія, была она для людей затруднительна. Непріятель, приблизясь къ позиціи, могъ овладѣть водопоемъ,

¹⁾ Изъ арьергардовъ II арміи Кіевскій драгунскій полкъ еще не былъ отрѣзанъ, но мужественно пробился подъ начальствомъ полк. Эмануэля. См. Поликарповъ, назв. соч., вып. I, стр. 48.

чьмъ воспрепятствовать ему не было возможности. Итакъ, армія продолжала отступленіе».

Распоряженія на 17 августа. На 17-е войскамъ обѣихъ армій въ 4 часа раннего утра указано перейти къ Цареву-Займищу, куда немедленно выслать инженеровъ и квартирмейстерской части офицеровъ для выбора и устройства позиціи, что примѣнительно исполнить и по отношенію города Гжатска.

17 августа.

Кутузовъ, выѣхавшій изъ Зубцова, въ 11 часовъ утра былъ уже въ виду Гжатска.

На театрѣ военныхъ дѣйствій I и II армій. Въ приказъ по арміямъ объявлено о прибытіи сего 17 августа къ арміи главнокомандующаго его свѣтлости князя Голенищева-Кутузова.

Къ разсвѣту арміи расположены у с. Оедоровскаго. Аррьергардъ передъ г. Вязьмой, имѣя городъ у себя въ тылу; аррьергардъ II арміи—у Быково.

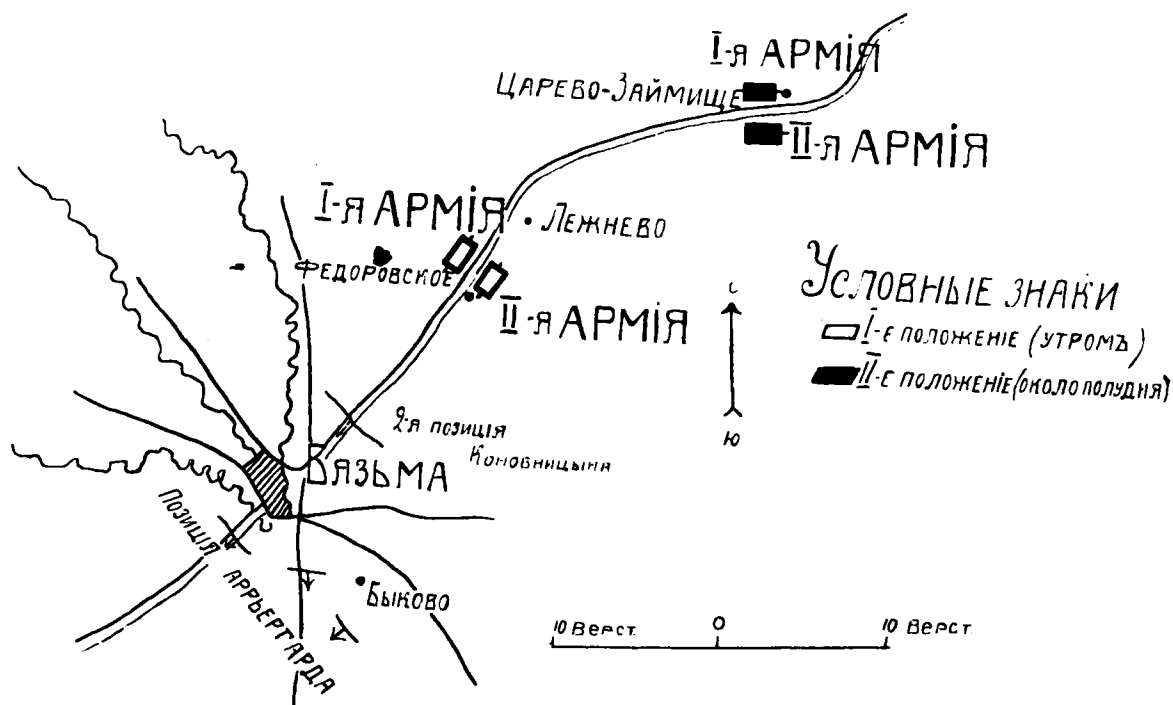
Въ 4 часа пополудни обѣ арміи выступили изъ лагеря у с. Оедоровскаго и исполнили въ теченіе утра переходъ къ Цареву-Займищу, гдѣ и расположились вблизи подготовляемой къ сраженію позиціи.

Можайскъ, Руза и Верея назначены пунктами сосредоточенія «Московской военной силы», войска которой заканчиваютъ свои приготовления и съ 18-го и 19-го начинаютъ слѣдованіе съ разныхъ мѣстъ къ пунктамъ сосредоточенія.

Барклай какъ будто принялъ на этотъ разъ твердое рѣшеніе дать здѣсь рѣшительное сраженіе.

«Около Царева-Займища усмотрѣна весьма выгодная позиція, и главнокомандующій опредѣлилъ дать (здѣсь) сраженіе,—свидѣтельствуетъ Ермоловъ.—Начались работы инженеровъ, и армія заняла боевое расположеніе. Мѣста открытыя препятствовали непріятелю скрывать его движеніе. Въ рукахъ нашихъ возвышенія, давая большое превосходство дѣйствию нашей артиллеріи, затрудняли приближеніе непріятеля; отступленіе было удобно. Много разъ наша армія, приготавливаемая къ сраженію, переставала уже вѣрить возможности онаго, хотя желала его нетерпѣливо; но приостановленное движеніе арміи, ускоряемая работы показывали, что намѣреніе главнокомандующаго (Барклая) рѣшительно, и всѣ возвратились къ надеждѣ видѣть конецъ отступленія.

Получено извѣстіе о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ всѣми дѣйствующими арміями и о скоромъ прибытіи его изъ Петербурга. Сомнительно, что главнокомандующій не имѣлъ извѣстія о назначеніи князя Кутузова. Ускореніе работъ на занимаемой имъ позиціи обнаруживаетъ намѣреніе его дать сраженіе до его пріѣзда. Какъ военный министръ, онъ зналъ, что армія никакихъ подкрѣплений имѣть не будетъ, что Кутузовъ, равными, какъ и онъ, распоряжая способами, не большую можетъ допускать надежду на успѣхъ; рѣшился предупредить его въ томъ, что, конечно, было поставлено на видъ однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ».

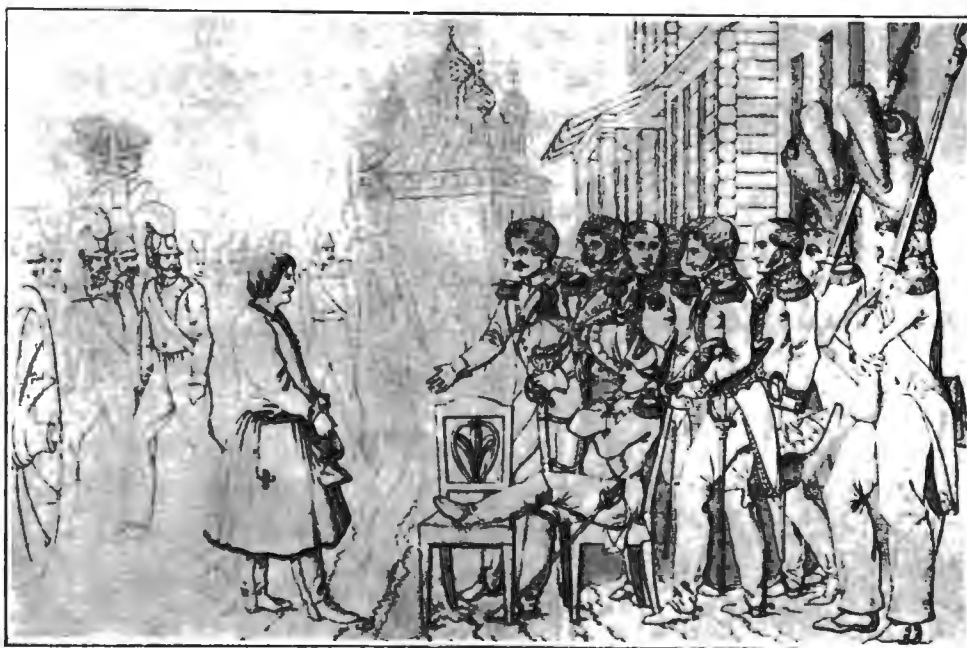
Дѣйствія Барклая до прибытія къ арміи Кутузова. Въ своемъ трудѣ, составленномъ для личнаго пользованія государя и озаглавленномъ: «Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812 года», Барклай такъ описываетъ свою дѣятельность утромъ 17-го: «17-го прибыли сюда (Царево) обѣ арміи; расположенныя въ небольшомъ пространствѣ, имѣли передъ собой открытое мѣсто, на коемъ непріятель не могъ скрывать своихъ движеній; въ 12 верстахъ отъ сей позиціи была другая, позади Гжатска, найденная также удобной. Милорадовичъ донесъ, что придетъ 18-го къ Гжатску съ частью своихъ резервовъ. Всѣ сии причины были достаточны къ уготовленію тамъ (т.-е. у Царева-Займища) рѣшительнаго сраженія; я твердо рѣшился на семъ мѣстѣ исполнить оное».

Но тутъ же очень типично для Барклая присовокупляется: «ибо въ случай неудачи, могъ я удержаться въ позиціи при Гжатскѣ». Это значительно ослабляетъ твердость рѣшенія, и Барклай уже смотритъ опять назадъ, облюбовывая новую позицію. «Я нашелъ въ оной (при Гжатскѣ) подкрѣпленіе Милорадовича изъ 12 батальоновъ, 8 эскадроновъ и нѣсколькихъ ротъ артиллеріи».

«Губернаторамъ тульскому, орловскому и черниговскому поручено было доставленіе въ Калугу жизненныхъ и фуражныхъ припасовъ, заготовленныхъ въ сихъ губерніяхъ, и инженерамъ обѣихъ армій было немедленно предписано построеніе нѣсколькихъ редутовъ на фронтъ и флангахъ. Для подкрѣпленія арьергарда, получившаго приказаніе удерживать непріятеля по возможности на каждомъ дефиле, отрядилъ я 3 дивизію и 2 кавалерійскій корпусъ подъ общимъ начальствомъ Коновниціна», что, замѣтимъ, Барклаю слѣдовало исполнить еще 8 августа и тогда

арміи и населеніе получили бы все необходимое для нихъ время и не было бы всей этой спѣшки, суеты и неустойчивъ всякаго рода.

Офицеръ квартирмейстерской части Щербининъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ опасности принятія сраженія у Царева-Займища. «Приходимъ въ лагерь подъ Царево-Займище,—говоритъ Щербининъ,—рѣчка съ чрезвычайно болотистыми берегами находится непосредственно позади линій нашихъ. Слишкомъ опасно принять сраженіе въ такой позиціи. Не менѣе того Барклай на то рѣшиться хочетъ. Толь до такой степени убѣжденъ былъ въ опасности этого лагеря, что бросается передъ Барклаемъ на колѣни, чтобы отклонить его отъ намѣренія сражаться здѣсь. Барклай не внимаетъ убѣжденіямъ

Въ Вязьмѣ, 18 авг. 1812 г. (Фаберже).

своего оберъ-квартирмейстера, но вдругъ извѣщаютъ о прибытіи генерала Кутузова». Нѣсколько часовъ спустя по вступленіи войскъ въ лагерь у Царева-Займища, Барклай получаетъ Высочайшій рескриптъ о назначеніи Кутузова, въ которомъ государь обращается къ Барклаю: «Я увѣренъ, что любовь ваша къ отечеству и усердіе къ службѣ откроетъ вамъ и при семъ случаѣ путь къ новымъ заслугамъ».

Въ тотъ же день Барклай доноситъ государю о полученіи имъ рескрипта, присовокупляя при этомъ: «Всякій вѣрноподданный и истинный слуга государя и отечества долженъ ощущать истинную радость при извѣстіи о назначеніи новаго главнокомандующаго, который уполномоченъ всѣ дѣйствія вести къ одной цѣли. Примите, всемилостивѣйшій государь, выраженіе радости, которою я исполненъ. Возсылаю мольбы, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ вашего величества. Что касается

до меня, то я ничего иного не желаю, какъ пожертвованіемъ жизни доказать готовность мою служить отечеству во всякомъ званіи и достоинствѣ. Не намѣренъ я теперь, когда наступаютъ рѣшительныя минуты, распространяться о дѣйствіяхъ арміи, которая была мной ввѣрена. Успѣхъ докажетъ, могъ ли я сдѣлать что-либо лучшее для спасенія государства. Если бы я былъ руководимъ слѣпымъ, безумнымъ честолюбіемъ, то, можетъ-быть, ваше императорское величество изволили бы получать донесенія о сраженіяхъ и, невзирая на то, непріятель находился бы подъ стѣнами Москвы, не встрѣчая достаточныхъ силъ, которыя были бы въ состояніи ему сопротивляться».

Прошло сто лѣтъ, и дѣйствія Барклая за время его командованія арміями принадлежатъ исторіи.

Мы не раздѣляемъ всецѣло суроваго приговора историка Попова, высказаннаго имъ по поводу окончанія съ пріѣздомъ Кутузова командованія Барклая: «Такъ кончилось командованіе Барклая, грозившее гибелью обѣимъ арміямъ, чего императоръ, при всемъ своемъ расположеніи къ Михаилу Богдановичу, далье не могъ допустить».

Но въ этомъ приговорѣ была своя доля справедливости.

Оцѣнивая только періодъ съ 8 по 17 августа, періодъ 9 дней, замѣтимъ прежде всего, что на всемъ протяженіи этого времени Барклай не имѣлъ строго и ясно опредѣленнаго плана дѣйствій, постоянно отказываясь отъ первоначальнаго плана и сочиняя новый, вплоть до наступленія исполненія, когда бросается и этотъ и замѣняется новымъ и т. д. вплоть до самаго Гжатска. Нигдѣ на выбранныхъ Барклаемъ мѣстахъ, ни на р. Ужъ, ни у Вязьмы, ни у Царева-Займища и Гжатска, принятіе генеральнаго сраженія не отвѣчало условіямъ обстановки.

Наибольше отвѣчавшій обстоятельствамъ планъ дѣйствій, повидимому, Барклаемъ не принимался, а постоянныя колебанія и перемѣны привели къ тому, что мы съ самымъ малымъ сопротивленіемъ, спѣшно и довольно хлопотливо отступая, въ теченіе 9 сутокъ отдали противнику огромное пространство отъ Соловьевой переправы до Царева-Займища, сражаясь у себя дома и свободные лишая противника всѣхъ средствъ для жизни.

Дорогое въ данныхъ условіяхъ время не было выиграно въ возможной степени, еще меньше удержано пространство, а выигрышъ того и другого былъ совершенно посиленъ нашей доблестной арміи 1812 года и необходимъ, какъ важнѣйшее условіе подготовки неизбежно предстоящаго общаго и рѣшительнаго сраженія, дать которое было намъ выгодно возможно позже.

Далъ ли бы Барклай сраженіе у Царева-Займища, если бы не ждалъ Кутузова, или нѣтъ, отошелъ ли бы къ Гжатску, а можетъ, и еще далье, остается неизвѣстнымъ. Но въ это необычайно трудное, состоящее изъ ряда кризисовъ, время командованія Барклаемъ арміею съ 12 іюня и далье, по соединеніи армій у Смоленска, время въ столь тяжелыхъ условіяхъ личнаго своего положенія во главѣ армій, при неимѣніи имъ полной власти и при общемъ требованіи страны и арміи рѣшительнаго боя, подвергаясь за уклоненіе отъ этого боя подозрѣнію въ измѣнѣ, за Барклаемъ остается вѣчная заслуга сохраненія арміи въ цѣлости, но эта за-

слуга была бы громадной и безпредельной, если бы онъ таковую цѣльную армію привелъ къ Цареву-Займищу не 17 августа, а недѣлями двумя, въ крайности, хотя бы недѣлей позже. И тогда еще вопросъ, дошелъ ли бы Наполеонъ до Москвы?

Мы не говоримъ здѣсь о другихъ заслугахъ почтеннаго Барклая на протяженіи всей войны, такъ какъ ограничиваемся оцѣнкой событій и лицъ въ предѣлахъ періода съ 8 по 17 августа.

Прибытіе Кутузова. Между тѣмъ послѣ полудня въ лагерь обѣихъ армій у Царева-Займища войска находились въ давно не испытываемомъ ими радостномъ возбужденіи; къ фронту биваковъ подъѣзжалъ новый главнокомандующій всѣми арміями—Кутузовъ. «День былъ пасмурный,—свидѣтельствуетъ очевидецъ,—но сердца наши прояснились».

Б. Колубакинъ.

«Смерть храбраго генералъ-майора Якова Петровича Кульнева при Клястицахъ, 20 іюля 1812 г.» (изъ книги «Жизнь... Я. П. Кульнева, писанная А. Н. Н-мъ». Спб. 1815 г.).

На стр. 109-ой, 16 стр. снизу, напечатано: „Ростопчина и Платова Кутузовъ занесъ въ списки людей „опасныхъ“.

Слѣдуетъ читать: „Ростопчинъ и Платова занесъ въ списки людей „опасныхъ“.

Наполеонъ - консулъ.
(Давид).

Наполеонъ.

(Верещагина).

Первый консуль посѣщаетъ монастырь на С.-Бернарѣ
20 мая 1800 г. *(Лебелъ).*

Наполеонъ посѣщаетъ раненыхъ.

Наполеонъ и гвардія.

(В. Крофса).

Французскія войска при Наполеонѣ.

Смерть ген. Марсо.
(Бутиньи).

Мюратъ при Эйлау.
(Бриссэ).

Послѣ битвы.
(Рис. Орловскаго).

Графъ П. П. Коновницынъ.
(С. Обень.)

Д. С. Доктуровъ.
(Дай.)

А. П. Тормасовъ.
(Дау).

Ф. Ф. Винцингероде.
(Дау).

Барклай де Толли.

(Day.)

„Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше....
Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ
 черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ густая мгла.

За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье.
Но Дау далъ ему такое выраженье.

Пушкинъ „Полководецъ“.

А. П. Ермоловъ.

(Портретъ *Даву*. Грав. *Пожалостинъ*.)

«Лицо круглое, огненные спрые глаза, спдые волосы дыбомъ, голова тигра на Геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непрятная, потому что неестественна. Когда же онъ задумается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Давомъ»,—таковъ отзывъ о наружности Ермолова, данный Пушкинымъ.

М. А. Милорадовичъ.

П. И. Баграціонъ.
(Тропинина).

М. И. Платовъ.
(Ромбауеръ.)

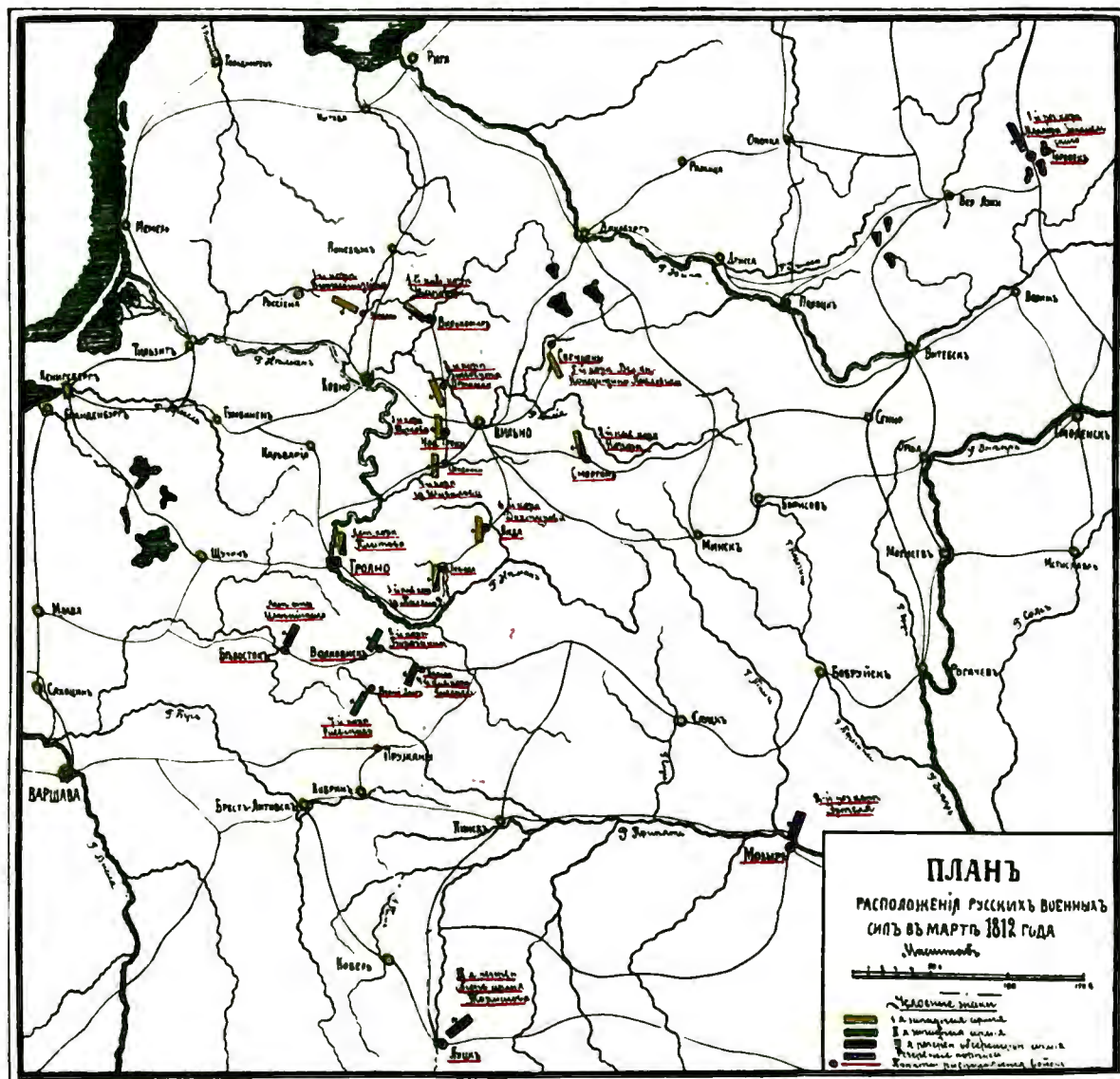
Н. Н. Раевскій.
(Росси.)

П. П. Беннигсенъ.
(Дау).

П. Х. Витгенштейнъ.

Чертилъ кап. Лукьяновъ.

Ред. подп. Оедоровъ.

Переходъ черезъ Нѣманъ 12 іюня 1812 г.

(Богетти).

Д а в у.

У д и н о.

(Собр. портретовъ въ Версалѣ.)

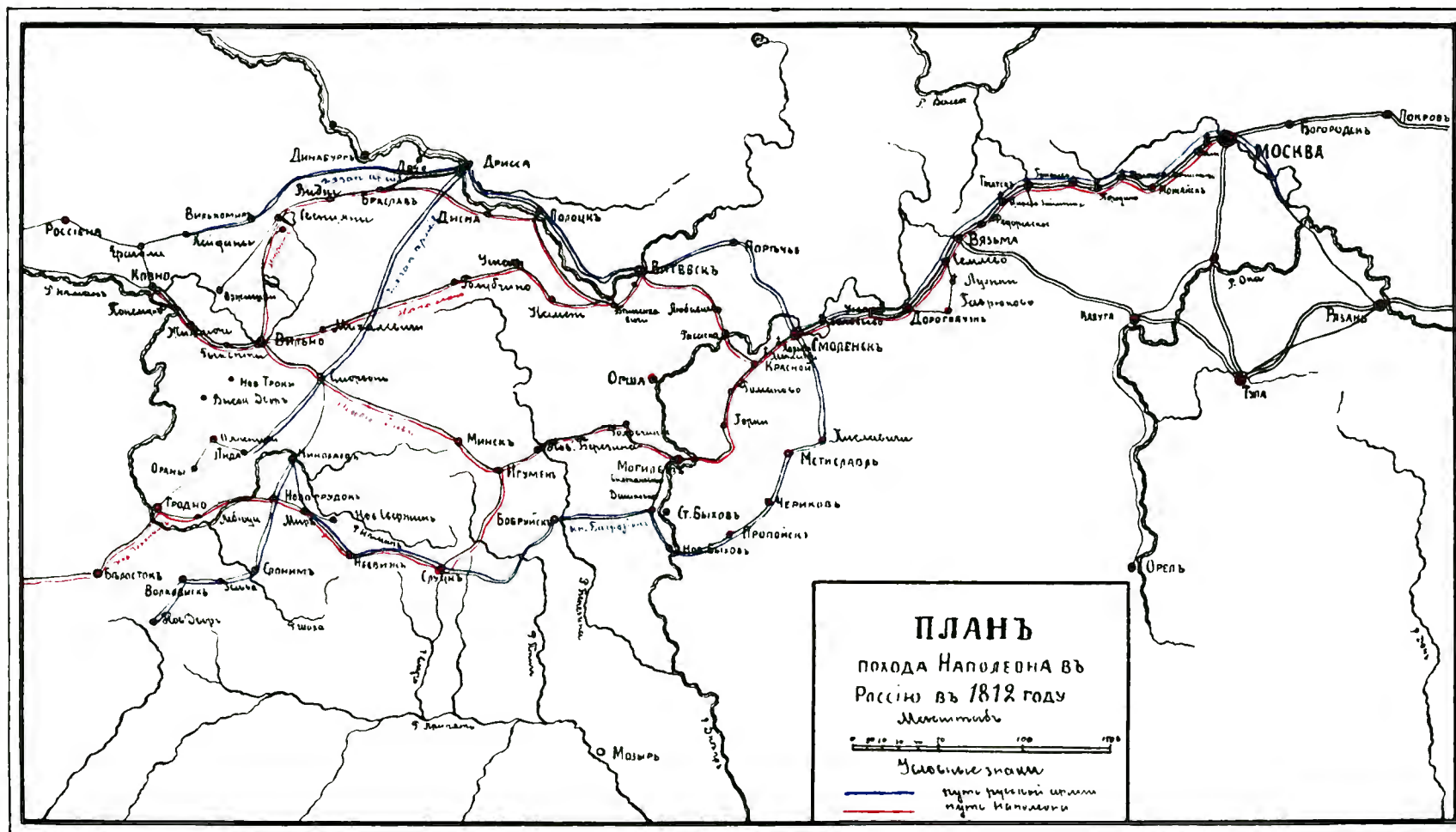

М ю р а т ъ.

Н е й.

(Собр. портретовъ въ Версалѣ).

Черт. кап. Лукьяновъ.

Ред. подп. Оедоровъ.

Наполеонъ подъ Смоленскомъ 5 августа 1812 г.
(Гоголь).

Сраженіє подъ Смоленскомъ 5 августа.
(Лонгюза).

Брань подъ Краснымъ.

Брань подъ Смоленскомъ.

(Два рисунка изъ лагерной жизни П. А. Федотова).

М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.
(Дей).

